

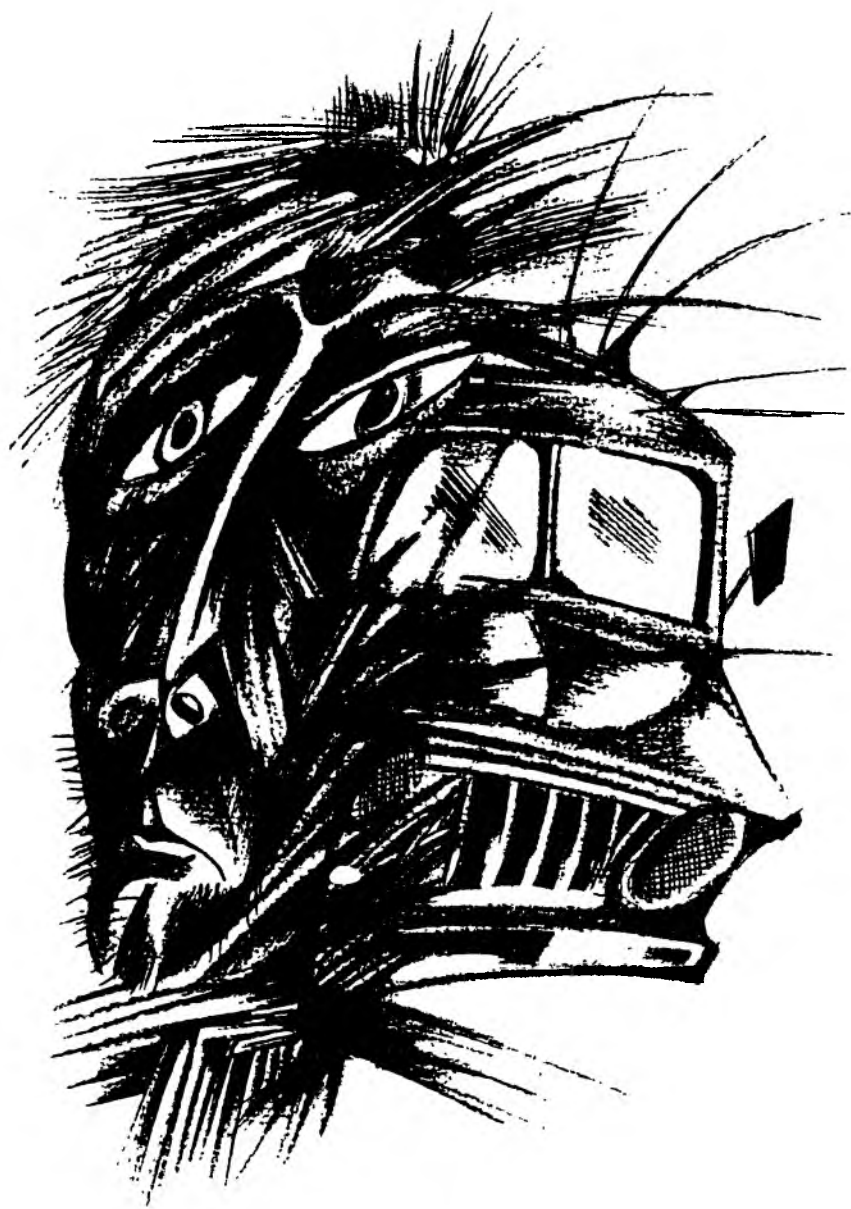
СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

КОЛЛЕКЦИЯ
ТРУПОВ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

КОЛЛЕКЦИЯ ТРУПОВ

Жуковский
КЭДМЭН
1992

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 1

Иллюстрации С.Петрика и В.Лихачева

Коллекция трупов: Сборник рассказов.

В этой книге собраны одни из лучших рассказов Стивена Кинга, самого популярного писателя XX-го века. Рассказы написаны в остросюжетном стиле с элементами фантастики и детектива.

ISBN 5-85743-001-1

© Издательство АОЗТ «Кэдмэн» 1992, составление, * перевод

HOHA

НОНА

Любишь?

Я слышу ее голос, иногда я все еще слышу его. Но только в своих снах.

Любишь?

Да, — отвечаю я. *Да. Настоящая любовь никогда не умрет.*

А потом я просыпаюсь от своего собственного крика.

Я не знаю, как объяснить все это, не знаю даже сейчас. Я не могу сказать вам, почему я так поступал. И на суде я также не мог сказать этого. Не мог, не потому что не хотел, а потому что действительно не знал. Здесь также полно людей, которые спрашивают меня об этом. И психиатр чаще всех. Но я молчу. Мои губы запечатаны. И только здесь, в своей клетке... Здесь я не молчу. Здесь я просыпаюсь от своего собственного крика.

Во сне я вижу, как она подходит ко мне. На ней белое, почти прозрачное платье, а на лице у нее — смешанное выражение торжества и желания. Она идет ко мне через темную комнату с каменным полом, и я вдыхаю сухой запах октябрьских роз. Ее объятия раскрыты навстречу мне, и я раскрываю свои, чтобы обнять ее.

Я ощущаю ужас, отвращение и страстное желание. Ужас и отвращение, потому что я знаю, где мы находимся, страстное желание, потому что я люблю ее. Бывают времена, когда я сожалею, что в этом штате отменена смертная казнь. Короткая прогулка по тусклому коридору, стул с прямой спинкой, с металлическим колпаком, с ремнями... Один мгновенный разряд, и я снова оказался бы с ней.

Когда в моем сне мы подходим друг к другу, мой страх растет, но я не могу отстраниться от нее. Мои руки прижимаются к ее гладкой спине, и кожа кажется такой близкой под тонким слоем шелка. Она улыбается одними глубокими, черными глазами. Ее лицо приближается ко мне, и губы ее слегка приоткрываются для поцелуя.

И в этот момент она начинает меняться. Ее тело ссыхается и сморщивается. Ее волосы делаются грубыми и тусклыми, превращаясь из черных в отвратительно коричневые. Пряди змеятся по молочной белизне ее щек. Глаза уменьшаются в размере. Белки исчезают, и она смотрит на меня своими крошечными, черными, полированными бусинами. Рот превращается в ущелье, откуда торчат кривые желтые зубы.

Я пытаюсь закричать. Я пытаюсь проснуться.

Я не могу. Я опять попался. Я всегда попадаюсь.

Я в лапах у огромной, омерзительной крысы. Ее глаза маячат прямо перед моим лицом. Пахнет октябрьскими розами. Где-то звенит надтреснутый колокольчик.

«Любишь?» — шепчет эта тварь. «Любишь?» Запах розы исходит от ее дыхания, запах мертвых цветов в склепе.

«Да», — говорю я крысе. «Да. Настоящая любовь никогда не умрет». И в этот момент я вскрикиваю и просыпаюсь.

Они думают, что я сошел с ума оттого, что мы сделали вместе. Но мой ум худо ли бедно продолжает работать, и я никогда не перестану искать ответов на свои вопросы. Я все еще хочу знать, как это случилось и что это было.

Они разрешили мне пользоваться бумагой и фломастером, и я собираюсь написать обо всем. Может быть, я отвечу на некоторые их вопросы, и, может быть, пока я пишу, я сумею прояснить кое-что и для самого себя. А когда я закончу, у меня останется еще кое-что. Кое-что, о чем они не знают. Здесь, у меня под матрасом. Нож из тюремной столовой.

Я начну свой рассказ с Августы.

Я пишу ночью, прекрасной августовской ночью, пронзенной насквозь сверкающими точками звезд. Я вижу их

сквозь решетку на моем окне. Из него открывается вид на внутренний двор и на кусочек неба, который я могу перекрыть двумя пальцами. Жарко, и на мне только шорты. Я слышу негромкие летние звуки: кваканье лягушек и треск сверчков. Но стоит мне закрыть глаза, и возвращается зима. Сильный мороз той ночи, равнинная местность и жесткие, враждебные огни города. Чужого мне города. Это было четырнадцатого февраля.

Видите, я помню все.

И посмотрите на мои руки, все в поту, покрытые мурашками.

Августа...

Когда я добрался до Августы, я был скорее мертв, чем жив, — такой стоял мороз. Хороший же я выбрал денек, чтобы распрощаться с колледжем и на попутных отправиться на запад. У меня было чувство, что я скорее замерзну, чем выберусь за пределы штата.

Полицейский согнал меня с заставы на границе двух штатов и пригрозил задержать меня, если еще раз заметит, что я ловлю попутку. У меня возникло большое искушение добиться того, чтобы он привел свое намерение в исполнение. Плоское полотно четырехрядного шоссе напоминало взлетную полосу, и ветер со снегом со свистом вились над бетоном. А для неизвестных мне людей за ветровыми стеклами любой человек, стоящий темным вечером на обочине, представлялся либо насильником, либо убийцей, а если у него к тому же были еще и длинные волосы, то можно было смело сбить этого растлителя малолетних и гомосексуалиста.

Я пытался поймать попутку, но ничего из этого не выходило. И около четверти восьмого я понял, что если в самое ближайшее время я не окажусь в каком-нибудь теплом месте, то мне крышка.

Я прошел мили полторы и увидел столовую для водителей грузовиков, на самом выезде из Августы. «Хорошая Еда для Джо», — сообщала неоновая вывеска. На засыпанной щебенкой стоянке было три больших грузовика и один новый седан. На двери висел пожухлый рождествен-

ский венок, который никто не позаботился снять. Мои уши были защищены только волосами. Кончики пальцев онемели.

Я открыл дверь и вошел.

Первое, что поразило меня внутри, это тепло. А потом уже песенка из музыкального автомата, безошибочно узнаваемый голос Мерля Хаггарда: «Мы не отращиваем длинные лохмы, как хиппи из Сан-Франциско».

Третьей вещью, поразившей меня, был обращенный ко мне взгляд. Вам следует ожидать этого, если вы позволяете волосам закрыть ваши уши. Именно в этот момент люди начинают понимать, что вы не такой, как все. И вы ожидаете взглядов, но никак не можете привыкнуть к ним.

В тот момент на меня пристально смотрели четверо водителей, сидящих за одним столиком, еще двое за стойкой, пара пожилых женщин в дешевых меховых шубах и с подсиненными волосами, повар и неуклюжий парень с руками в мыльной пене. В самом конце стойки сидела девушка, но она смотрела не на меня, а на дно своей кофейной чашки.

Ее присутствие было четвертой поразившей меня вещью.

Мне уже достаточно лет, чтобы знать, что никакой любви с первого взгляда не существует. Это все выдуманно поэтами для восторженных подростков, так?

Но когда я увидел ее, я почувствовал что-то странное. Вы посмеетесь надо мной, но вы не стали бы, если б видели ее. Она была почти непереносимо прекрасной. Без сомнения, все вокруг тоже об этом знали. И пристальный взгляд, обращенный на меня, когда я вошел, наверняка раньше был обращен к ней. У нее были волосы цвета антрацита, такие черные, что казались почти синими под лампами дневного света. Они свободно ниспадали на потрепанные плечи ее желто-коричневого пальто. Кожа ее была молочно белой и лишь слегка была подсвечена пульсирующей под ней жаркой кровью. Черные, бархатные ресницы. Серьезные, совсем чуть-чуть косящие глаза. Большой, подвижный рот. Прямой патрицианский нос. Не могу сказать, как выглядела ее фигура. Меня это не интересо-

вало. И вас бы не заинтересовало тоже. Все, что было нужно для ее облика, — это лицо и волосы. Она была совершенна. Это единственное подходящее для нее слово в английском языке.

Нона.

Я сел через два стульчика от нее, и повар, исполнявший по совместительству обязанности официанта, подошел ко мне и спросил: «Что угодно?»

«Черный кофе, пожалуйста».

Он отправился за кофе. Кто-то у меня за спиной проговорил: «Ну вот, наконец-то Христос вернулся на землю, как мне всегда обещала моя мамочка».

Неуклюжий мойщик посуды рассмеялся. Водители за стойкой присоединились к нему.

Повар принес кофе, небрежно поставил его на стойку, пролив несколько капель на оттаивающее мясо моей руки. Я отдернул руку.

«Извините», — сказал он равнодушно.

«Сейчас он сам исцелит свою руку», — сказал один из водителей за столиком своему соседу.

Выкрашенные в синий цвет дамочки заплатили по счету и быстро смылись. Один из водителей прогулялся к автомату и опустил в него еще один десятицентовик. Джонно Кэш запел «Парень по имени Сью». Я подул на кофе.

Кто-то тронул меня за рукав. Я обернулся — это была она, она пересела на соседний стульчик. Вид ее лица так близко от меня был почти ослепляющим. Я пролил еще немного кофе.

«Извините», — ее голос был низким, почти хриплым.

«Я сам виноват. Руки никак не отойдут».

«Я...»

Она остановилась, словно растерявшись. Внезапно я понял, что она чего-то боится. Я почувствовал, что испытанное мною в первый момент ощущение вновь нахлынуло на меня. Мне хотелось защитить ее, заботиться о ней, сделать так, чтобы она ничего не боялась. «Мне нужно, чтобы меня подвезли», — выдохнула она. «Я не решаюсь попросить кого-нибудь из них». Она едва заметно кивнула в направлении сидящих за столиком водителей.

Как мне объяснить вам, что я отдал бы все — буквально все — за возможность сказать ей: *Разумеется, допивайте свой кофе. Моя машина в вашем распоряжении.* Кажется невероятным, особенно, если учесть, что мы обменялись едва ли дюжиной слов, но тем не менее это так. Смотреть на нее было все равно, что видеть перед собой живую Мону Лизу или Венеру Милосскую. И еще одно чувство родилось во мне. Как будто в беспорядочной темноте моего сознания кто-то внезапно включил сильный, яркий свет. Мне было бы гораздо проще, если бы я мог сказать, что она была обычной шлюшкой, а я был завзятым бабником с набором шуточек и веселой болтовней, но это было не так. Все, что я знал, сводилось к тому, что у меня нет возможности помочь ей и это разрывает мне сердце.

«Я сам путешествую на попутных», — сказал я ей. «Полицейский согнал меня с заставы, и я просто зашел сюда погреться. Мне очень жаль».

«Вы учитесь в университете?»

«Учился. Ушел оттуда, чтобы не доставить им удовольствие выгнать меня».

«Вы едете домой?»

«У меня нет дома. Меня воспитало государство. Мне выплачивали стипендию. Я плюнул на все это. Сейчас я не знаю, куда мне ехать». Моя биография в пяти предложениях. Не думаю, чтобы этот рассказ привел меня в хорошее расположение духа.

Она засмеялась — и ее смех бросил меня и в жар и в холод. «Тогда мы — кисы из одного мешка».

Мне *казалось*, что она сказала «кисы». Мне так *казалось*. Тогда. Но здесь у меня было достаточно времени, чтобы все обдумать, и все более вероятным мне кажется, что она сказала «крысы». *Крысы* из одного мешка. Да. А это ведь не совсем одно и то же, не так ли?

Я как раз собирался вставить какую-нибудь на редкость остроумную реплику, нечто вроде «Вы действительно так думаете?», но почувствовали чью-то руку на своем плече.

Я обернулся. Это был один из тех водителей, что сидели за столиком. Подбородок его был покрыт светлой щети-

ной, а изо рта торчала спичка. От него пахло машинным маслом, и весь он выглядел как персонаж рисунков Стива Дитко.

«Я думаю, ты закончил со своим кофе», — сказал он.

«Что-что?»

«Кончай здесь вонять, парень. Ты ведь парень, а? Это не так-то просто понять».

«Да и от тебя пахнет не розами», — сказал я. «Чем ты пользуешься после бриться, красавчик? Одеколоном «Машинное Масло»?»

Он сильно двинул мне по щеке. В глазах у меня закружились черные точки.

«Не надо здесь драться», — сказал повар. «Если хочешь загасить его, сделай это на улице».

«Пошли за мной, чертов пидор», — сказал водитель.

В этот момент обычно девушки говорят что-то вроде «Отпусти его» или «Ты, скотина». Она ничего не сказала. Она смотрела на нас обоих с лихорадочной напряженностью. Это немного пугало. Я думаю, именно тогда я впервые заметил, какие огромные у нее глаза.

«Мне что, еще раз двинуть тебе?»

«Да нет. Пошли, жополиз».

Не знаю, как это вырвалось у меня. Я не люблю драться. Я не умею драться. Еще хуже я умею давать обидные клички. Но тогда, в тот момент я был вне себя. На меня так накатило, что я хотел его убить.

Может быть, он что-то почувствовал. Так как на мгновение тень неуверенности промелькнула у него на лице, неосознанное ощущение того, что, может быть, он напоролся не на того хиппи. Потом тень неуверенности исчезла. Он не собирался отступать от этого женоподобного сноба, который имеет обыкновение подтирать задницу национальным флагом. Во всяком случае, не на глазах у своих дружков. И не такой молодчага, как он.

Я был вновь охвачен гневом. *Пидор? Пидор?* Я потерял контроль над собой, и мне понравилось это ощущение. Язык распух у меня во рту. Желудок сжался, как камень.

Мы пошли к двери, и дружки водителя чуть не свернули шеи, наблюдая за потехой.

Нона? Я подумал о ней, но лишь мимоходом. Я не знал, что она будет со мной. Что она позаботится обо мне. Я знал это также твердо, как и то, что на улице мороз. Странно было так думать о девушке, которую встретил пять минут назад. Странно, но тогда мне так не казалось. Мое сознание купалось в тяжелом облаке ярости. Я чувствовал, что могу убить человека.

Холодный воздух был таким ясным и чистым, что казалось, будто наши тела входят в него, как ножи. Подмороженная щебенка на стоянке резко скрежетала под его тяжелыми ботинками и моими туфлями. Полная, распухшая луна тускло смотрела на нас. Вокруг нее были видны едва заметные кольца, предсказывающие плохую погоду в близком будущем. Небо было черным, как ночь в аду. Крошечные, карликовые тени тащились за нами в монохромном свете одинокого фонаря, возвышавшегося над запаркованными грузовиками. Пар от нашего дыхания клубился в воздухе. Водитель повернулся ко мне и сжал кулаки.

«Ну, давай, сукин ты сын», — сказал он.

Я словно увеличивался в размерах. Казалось, все мое тело разбухало. Шестым чувством я понимал, что весь мой интеллект огодвинут чем-то таким, что я никогда не ожидал в себе обнаружить. Это внушало ужас, но в то же время я радовался этому, желал этого, жаждал этого. В этот последний момент перед тем, как я потерял способность отдавать себе отчет в чем бы то ни было, мне показалось, что мое тело превратилось в каменную пирамиду или в циклон, сметающий все на своем пути. Водитель казался мне маленьким, хилым, ничтожным. Я смеялся над ним. Я смеялся над ним, и звук моего хохота был таким же пустынным и черным, как небо у меня над головой.

Он приблизился ко мне, размахивая кулаками. Я отразил его удар правой, принял удар левой в лицо, даже не почувствовав его, а затем ударил его поддых. Воздух вырвался из него белым облаком. Он попытался отпрянуть, согнувшись и кашляя.

Я забежал ему за спину, все еще хохоча, как собака фермера, лающая на луну, и прежде чем он успел повер-

нуться ко мне хотя бы на четверть корпуса, я ударил его три раза — по шее, по плечу и по красному уху.

Он завыл, замолотил кулаками и слегка задел мне носу. Ярость вспыхнула во мне еще сильнее, и я ударил его ногой, как заправский каратист. Он вскрикнул, и я услышал треск его ребра. Он согнулся, и я прыгнул на него.

На суде один из водителей сказал, что я был как дикий зверь. И это действительно так. Я почти ничего не помню об этом, но, по-моему, я рычал и кидался на него, как бешеная собака.

Я оседлал его, схватил двумя руками его сальные волосы и принялся тереть его лицом о щебень. В монохромном свете фонаря его кровь казалась черной, как кровь жука.

«Господи, прекрати это!» — заверещал кто-то.

Чьи-то руки схватили меня за плечи и оттащили меня в сторону. Я увидел лица и стал наносить удары.

Водитель пытался уползти. Его лицо было сплошным кровавым фаршем с выпученными глазами. Отбиваясь от остальных, я стал бить его ногами, хрюкая от удовольствия всякий раз, когда мой удар достигал цели.

Он уже был не в силах сопротивляться. Он только пытался убраться подальше. Каждый раз, когда я заносил ногу для удара, он зажмуривал глаза, как черепаха, и замирал. Потом он снова начинал ползти. Выглядел он очень глупо. Я решил, что убью его. Я собирался забить его ногами до смерти. А потом убить всех остальных. Всех, кроме Ноны.

Я ударил его еще раз, и он упал на спину и изумленно посмотрел на меня.

«Дядя», — заквакал он. «Дядя. Пожалуйста, не надо. Пожалуйста...»

Я наклонился над ним, чувствуя, как щебень впивается мне в колени сквозь тонкие джинсы.

«Вот ты где, красавчик», — прошептал я. «А вот и твой дядя».

И я вцепился ему в глотку.

Трое из них одновременно набросились на меня и отшвырнули меня от него. Я поднялся, все еще усмехаясь,

и пошел на них. Они попятились, трое здоровенных мужиков, испуганных до потери сознания.

И тут словно раздался щелчок.

Раздался щелчок, и это был снова я. Я стоял на стоянке и тяжело дышал, ощущая тошноту и страх.

Я обернулся и посмотрел в сторону столовой. Девушка стояла там, ее прекрасное лицо сияло от торжества. Она подняла кулак в приветственном жесте, точно так же, как чернокожие парни на Олимпийских играх в то время.

Я опять повернулся к лежащему на земле человеку. Он все еще пытался уползти, и когда я приблизился, глаза его завертелись от ужаса.

«Не прикасайся к нему!» — завопил один из его друзей.

Я посмотрел на них в смущении. «Извините меня... Я не хотел... не хотел избить его так сильно. Позвольте мне помочь ему...»

«А сейчас ты уберешься отсюда», — сказал повар. Он стоял рядом с Ноной на последней ступеньке крыльца столовой и сжимал покрытый жиром шпатель в руке. «Я вызываю полицию».

«Эй, парень, но ведь он первый полез! Он...»

«Заткнись, ты, вшивый пидор», — сказал он, подаваясь назад. «Я знаю одно: ты чуть не убил этого парня. И я вызываю полицию!» Он бросился внутрь.

«О'кей», — сказал я, ни к кому конкретно не обращаясь. «О'кей, все в порядке, о'кей».

Я оставил в столовой свои кожаные перчатки, но мысль вернуться и забрать их не показалась мне слишком удачной. Я засунул руки в карманы и отправился назад на заставу.

Я прикинул свои шансы поймать машину, прежде чем меня арестуют полицейские. По моим расчетам, они составляли примерно один к десяти. Уши снова замерзли. Меня тошнило. Ну и ночь.

«Подождите! Эй, подождите!»

Я обернулся. Это была она. Она бежала за мной, и волосы развевались у нее за спиной.

«Вы были великолепны!» — сказала она. «Великолепны!»

«Я сильно избил его», — сказал я тупо. «Никогда в жизни я не совершал ничего похожего».

«Я хотела бы, чтоб вы убили его!»

Я удивленно посмотрел на нее.

«Слышали бы вы, что они говорили обо мне перед тем, как вы вошли. Смеялись надо мной громко, развязно, нагло — хо-хо-хо, посмотрите на эту девушку, что это она гуляет так поздно? Куда едешь, красотка? Тебя подвезти? Я тебя подвезу, если дашь на себе покататься. *Черт!*»

Она оглянулась через плечо, словно желая убить их внезапной молнией, исходящей из ее черных глаз. Затем она вновь повернулась ко мне, и вновь мне показалось, что кто-то включил фонарь у меня в голове. «Меня зовут Нона. Я поеду с тобой».

«Куда? В тюрьму?» — я вцепился в волосы обеими руками. «Первый же парень, который согласится подвезти нас, вполне может оказаться переодетым полицейским. Этот повар знал, что говорит».

«Я буду голосовать. А ты встанешь за мной. Они остановятся, увидев меня. Они всегда останавливаются, когда видят хорошенькую девушку».

Трудно было возразить ей что-нибудь по этому поводу, да у меня и не было никакого желания. Любовь с первого взгляда? Может быть, и нет. Но что-то такое было. Вы можете понять, о чем я?

«Вот», — сказала она. «Ты забыл это». Она протянула мне перчатки.

Она не заходила внутрь, а это значило, что она взяла их с самого начала. Она знала заранее, что поедет со мной. Мне стало жутко. Я надел перчатки, и мы отправились вместе на границу штата.

Ее план осуществился. Нас подобрала первая машина, остановившаяся на заставе. Мы не говорили ни слова, ловя попутку, но казалось, что мы разговариваем друг с другом. Я не буду объяснять вам, что я чувствовал. Вы знаете, о чем я говорю. Вы и сами чувствовали это, если были когда-нибудь с человеком, который вам по-настоящему

близок, или принимали что-нибудь вроде ЛСД. Так что вам не надо объяснять. Общение происходит с помощью какой-то высокочастотной эмоциональной связи. Надо только взять друг друга за руки. Мы совсем не знали друг друга. Мне было известно лишь ее имя, и сейчас, когда я думаю об этом, мне кажется, что я даже не сказал ей, как меня зовут. Но это было между нами. Это не была любовь. Я устал повторять это, но я чувствую, что это необходимо. Я не хочу запачкать это слово тем, что было между нами. Не хочу, после того что мы сделали, после Касл Рока, после снов.

Громкий, пронзительный вой заполнил холодную тишину ночи. Он становился то громче, то тише.

«Я думаю, это скорая помощь», — сказал я.

«Да».

И снова молчание. Луна медленно скрывалась за облаком. Я заметил, что кольца вокруг нее до сих пор не исчезли. Ночью должен пойти снег.

На холме сверкнули фары.

Я встал позади нее без лишнего напоминания. Она откинула волосы назад и подняла свое прекрасное лицо. Пока я смотрел на то, как машина подает сигнал на заставе, меня захлестнуло чувство нереальности всего происходящего. Было абсолютно невероятно, что эта прекрасная девушка решила ехать со мной, невероятно, что я так избил человека, что к нему спешит скорая помощь, невероятно, что, может быть, к утру я окажусь в тюрьме. Невероятно. Я почувствовали, что запутался в паутине. Но кто был пауком?

Нона подняла руку. Машина, это был «Шевроле», проехала мимо, и я было подумал, что она уедет совсем. Потом задние подфарники мигнули, и Нона потянула меня за руку. «Пошли, прокатимся!» Она улыбнулась мне с ребяческим удовольствием, и я улыбнулся ей в ответ.

Водитель с энтузиазмом потянулся через сиденье, чтобы открыть для нее дверь. Когда лампочка в салоне зажглась, я смог разглядеть его: солидный мужчина в дорогой верблюжей шубе. Волосы, выбивавшиеся из-под шляпы, были седыми. Респектабельные черты лица не-

сколько обрюзгли от многолетней хорошей еды. Бизнесмен или коммивояжер. Один. Когда он заметил меня, рука его потянулась к ключу, но было уже слишком поздно завести машину и укатить как ни в чем не бывало. Да и остаться ему было легче. Позже он мог бы убедить себя, что сразу же увидел нас двоих, и что он настоящий добряк, готовый помочь молодой паре.

«Холодная ночь», — сказал он Ноне, когда она села в машину. Я сел рядом с ней.

«Ужасно холодная», — сладко сказала Нона. «Спасибо вам огромное!»

«Да», — сказал я. «Спасибо».

«Не стоит благодарности». И мы уехали, оставляя позади себя воющие сирены, избитых водителей и «Хорошую Еду для Джо».

Полицейский прогнал меня с заставы в семь тридцать. Когда мы тронулись, было только восемь тридцать. Удивительно, сколько всего вы можете натворить за такое короткое время и как сильно вы можете измениться.

Мы приближались к мигающим желтым огням заставы на границе Августы.

«Далеко ли вы направляетесь?» — спросил водитель.

Это был трудный вопрос. Лично я надеялся добраться до Киттери и найти своего знакомого, который преподавал там в школе. И все же это был вполне нормальный ответ, и я уже собирался сказать про Киттери, как вдруг Нона произнесла:

«Мы едем в Касл Рок. Это небольшой город на юго-запад от Левинстон-Оберна».

Касл Рок. Я почувствовал себя немного странно. Когда-то я испытывал к нему довольно добрые чувства. Но это было до случая с Эйсом Меррилом.

Водитель остановил машину, заплатил пошлину, и мы снова отправились в путь.

«Сам я еду только до Гардинера», — соврал он довольно гладко. «Оттуда идет только одна дорога. По ней вы и отправитесь».

«Разумеется», — сказала Нона тем же сладким тоном. «С вашей стороны очень мило было остановиться в такую

холодную ночь». И пока она говорила это, я принимал от нее волны холодной и ядовитой ярости. Это испугало меня, как могло испугать тиканье из оставленного на скамейке аккуратного свертка.

«Меня зовут Бланшетт», — сказал он. «Норман Бланшетт». И он протянул нам ладонь для рукопожатия.

«Шерил Крейг», — сказала Нона и изящно пожала ее.

Я принял ее сигнал и назвался чужим именем. «Очень приятно», — пробормотал я. Рука его была мягкой и слабой. Наощупь она была похожа на бутылку с горячей водой. Меня затошнило от этой мысли. Меня затошнило от мысли, что мы должны быть благодарны этому высокомерному типу, который рассчитывал подобрать одинокую хорошенькую девушку, девушку, которая могла бы согласиться провести с ним часок в номере мотеля в обмен на деньги на автобусный билет. Меня затошнило от мысли, что если бы я был один, то этот человек, только что протянувший мне свою дряблую, горячую руку, пролетел бы мимо меня, даже не удостоив повторным взглядом. Меня затошнило от мысли, что он высадит нас на выезде из Гардинера, развернется и, даже не взглянув на нас, рванет прямо на главное шоссе, поздравляя себя с тем, что так ловко выпутался из неудобной ситуации. Все, связанное с ним, вызывало у меня тошноту. Его свинячьи, обвисшие щеки, его прилизанные волосы, запах его одеколona.

И какое право он имел? Какое право?

Тошнота ушла, и во мне снова начала подниматься ярость. Лучи света от фар его респектабельного седана с легкостью разрезали ночь, а моя ярость стремилась найти и уничтожить все, что с ним связано — музыку, которую он будет слушать, откинувшись в кресле с вечерней газетой в своих горячих руках, краску, которой пользуется его жена, трусы, которые она носит, детей, которых вечно отсылают в кино, в школу, в летний лагерь, его друзей-снобов и те хмельные вечеринки, на которые он вместе с ними отправится.

Но хуже всего был его одеколон. Он наполнял машину сладким, тошнотворным запахом. Он пах как пахучее

дезинфицирующее средство, которое используют на бойнях после очередной резни.

Машина летела сквозь ночь с Норманом Бланшеттом за рулем, который он сжимал своими дряблыми руками. Его наманикюренные ногти мягко посверкивали в свете приборной доски. Я хотел открыть окно, чтобы избавиться от этого липкого запаха. Больше того, я хотел разбить ветровое стекло и высунуться на холодный воздух, купаясь в его морозной свежести. Но я застыл, застыл в немом приступе своей бессловесной, невыразимой ненависти.

И в этот момент Нона вложила мне в руку небольшую пилочку для ногтей.

Когда мне было три года, я тяжело заболел инфлуэнцей и меня положили в больницу. Пока я был там, мой папаша уснул с зажженной сигаретой во рту, и весь дом сгорел вместе с моими родителями и старшим братом Дрейком. У меня есть их фотографии. Они похожи на актеров, играющих в старом образца 1958 года американском фильме ужасов. Не самых известных актеров, что-нибудь вроде младшего Элиша Кука, Мары Кордей и ребенка-актера, которого вы никак не можете вспомнить — может, это Брандон де Вильде?

Других родственников у меня не было, так что меня отправили в приют в Портленде на пять лет. Там я стал государственным подопечным. Государственный подопечный — это ребенок, которого берет на воспитание какая-нибудь семья, а государство платит ей за это тридцать долларов в месяц. Не думаю, чтобы хотя бы один государственный подопечный знал вкус омара. Обычно семейная пара берет себе двоих или троих подопечных, и не потому, что в их венах течет молоко человеческой гуманности, а для бизнеса. Они кормят себя. Они забирают у государства тридцатку на твое содержание и кормят тебя. Ребенок начинает зарабатывать деньги, выполняя разную случайную работу в округе. Тридцать долларов превращаются в сорок, пятьдесят, возможно, даже шестьдесят пять. Капитализм в применении к сиротам. Лучшая страна в мире, так?

Фамилия моих новых «родителей» была Холлис, и жили они в Харлоу, через реку от Касл Рока. У них был трехэтажный деревенский дом из четырнадцати комнат. В кухне стояла печка, топившаяся углем. В январе я ложился спать под тремя одеялами, но с утра я все-таки не мог сразу определить, на месте ли мои ноги. Чтобы убедиться в том, что они на месте, надо было сначала посмотреть на них. Миссис Холлис была толста, как бочка. Мистер Холлис был скуп и молчалив. Круглый год он носил красно-черный охотничий картуз. Дом представлял собой свалку бесполезной мебели, купленных на распродажах старья вещей, заплесневевших матрасов, собак, кошек и разложенных на газетах автомобильных деталей. У меня было три «брата», все — государственные подопечные. Мы кивали друг другу при встрече. Наши отношения напоминали отношения пассажиров, совершающих совместную трехдневную поездку на автобусе.

Я хорошо учился в школе и входил в сборную по бейсболу. Холлис постоянно твердил, что я должен бросить бейсбол, но я держался, до тех пор, пока не произошло это происшествие с Эйсом Меррилом. Тогда я бросил играть. Не захотел. Только не с распухшим и исполованным лицом. Только не в атмосфере слухов, которые распространяла повсюду Бетси Маленфант. Я оставил команду, и Холлис подыскал мне работу — продавать газированную воду в местной аптеке.

В феврале в год окончания школы я сдал экзамены в университет, заплатив за это припрятанные под матрасом двадцать долларов. Меня приняли, назначили небольшую стипендию и предоставили работу в университетской библиотеке. Выражение на лицах Холлисов в тот момент, когда я показал им документы о финансовой помощи, и по сейчас остается лучшим в моей жизни воспоминанием.

Один из моих «братьев» — Курт — убежал. Я убежать не мог. Я был слишком пассивен для того, чтобы предпринять подобный шаг. Я бы вернулся, не пропутешествовав и двух часов. Образование было для меня единственным путем к свободе, и я выбрал этот путь.

Последнее, что я услышал от миссис Холлис, были слова: «Пошли нам немного денег, когда сможешь». Я никого из них больше не видел. Я хорошо закончил первый курс и устроился на лето в библиотеку на полную ставку. В тот год я послал им открытку на Рождество, но это было в последний раз.

Я влюбился, когда шел первый семестр второго курса. Это было самым значительным событием в моей жизни. Хорошенькая? Да один вид ее мог сбить вас с ног. До сегодняшнего дня я не знаю, что она во мне нашла. Я даже не знаю, любила ли она меня. Думаю, что сначала любила. Потом я стал привычкой, которую трудно бросить, что-то вроде курения или привычки вести машину, выставив локоть в окно. Она держала меня рядом с собой в течение некоторого времени, возможно, не желая отказываться от старой привычки. Может быть, она удерживала меня ради интереса, а, может быть, во всем виновато ее тщеславие. Хороший мальчик, пойди сюда, сядь, передай газету. Вот тебе мой поцелуй на ночь. Неважно, в конце концов. Какое-то время это было любовью, потом это было похоже на любовь, потом все кончилось.

Я спал с ней дважды, оба раза уже после того, как она разлюбила меня. Это ненадолго поддержало привычку. Потом она вернулась с праздничных каникул и сказала, что любит другого. Я попытался вернуть ее, и однажды мне это почти удалось, но с ним у нее появилось то, чего не было со мной — перспектива.

Все то, что я терпеливо создавал все те годы, которые прошли с того момента, как пожар уничтожил актеров фильма класса «Б», бывших когда-то моей семьей, было разрушено в один миг. Разрушено подаренной этим парнем булавкой, приколотой к ее блузке.

После этого я время от времени встречался с тремя или четырьмя девушками, которым нравилось со мной трахаться. Я мог бы свалить это на свое трудное детство, сказать, что у меня не было хороших образцов для подражания, но дело не в этом. У меня никогда не было никаких проблем с девушкой. Только сейчас, когда девушки уже нет.

Я начал немного бояться женщин. Причем не тех, с которыми у меня ничего не получалось, а как раз тех, с кем все проходило успешно. Они вселяли в меня тревогу. Я постоянно спрашивал себя, где они прячут тот отточенный топор и когда они собираются пустить его в ход. И я не так уж одинок в своих мыслях. Есть люди, которые спрашивают себя (может быть, только в очень ранние часы или когда она уходит за покупками в пятницу вечером): *Что она делает, когда меня нет поблизости? Что она на самом деле думает обо мне?* И, возможно, самый главный вопрос: *Какая часть меня уже принадлежит ей? Сколько еще осталось?* Начав думать об этих вещах, я продолжал думать о них все время.

Я начал пить и стал учиться гораздо хуже. Во время каникул между двумя семестрами я получил письмо, в котором говорилось, что если в течение ближайших шести недель моя успеваемость не улучшится, то чек на стипендию за второй семестр будет временно задержан. Я и несколько моих знакомых пропьянствовали все каникулы. В последний день мы отправились в бордель, и я славно потрахался. Не знаю только с кем: было слишком темно, чтобы различить лица.

Успеваемость осталась на прежнем уровне. Я позвонил однажды ей и рыдал по телефону. Она тоже рыдала и, как мне показалось, даже находила в этом некоторое удовольствие. Я не ненавидел ее тогда и не испытываю к ней ненависти и сейчас. Но из-за нее я испугался. И испугался очень сильно.

Девятого февраля я получил письмо от декана факультета наук и искусств, в котором мне указывалось на то, что я не успеваю по двум или трем профильным дисциплинам. Тринадцатого февраля я получил нерешительное послание от нее. Она хотела, чтобы мы остались в хороших отношениях. Она собиралась выйти замуж за своего нового возлюбленного в июле или августе. Если я не против, она пригласит меня на свадьбу. Это было почти забавно. Что я мог предложить ей в качестве свадебного подарка? Свое сердце, перевязанное красной ленточкой? Свою голову? Свой член?

Четырнадцатого, в день святого Валентина, я решил, что настало время сменить обстановку. Потом появилась Нона, но об этом вы уже знаете.

Если вы хотите разобраться во всей этой истории, вы должны понять наши отношения. Она была прекрасней любой другой девушки, но дело даже не в этом. В процветающей стране много хорошеньких девочек. Дело в том, что было у нее внутри. Она была сексуальна, но ее сексуальность была какой-то растительной. Слепая, цепкая, не знающая преград сексуальность, которая не так уж и важна, потому что основана на инстинкте, как фотосинтез. Не как у животного, а как у растения. Поняли, о чем я? Я знал, что мы будем заниматься любовью, точно также, как и все остальные мужчины и женщины, но я знал и то, что наши объятия будут такими же притупленными, отчужденными и бессмысленными, как и те объятия, в которые плющ заключает железную решетку.

Наш секс был интересен только тем, что он был абсолютно неинтересен.

Мне кажется — нет, я уверен в том, что насилие было единственной побудительной силой. Насилие не было просто сном, оно было реальным. Оно было таким же мощным, молниеносным и резким, как форд Эйса Мерила. Насилие в столовой «Хорошая Еда для Джо», насилие в машине Нормана Бланшетта. И в нем тоже было что-то слепое и растительное. Может быть, она действительно была чем-то вроде вьющейся виноградной лозы. Ведь Венера-мухоловка — это тоже разновидность лозы, но это растение плотоядно, и оно сжимает челюсти совсем как животное, когда муха или кусочек сырого мяса попадают в чашечку его цветка.

И последней составляющей наших отношений была моя собственная пассивность. Я не мог заполнить дыру в моей жизни. Но не ту дыру, которая образуется, когда девушка бросает тебя — нет, я не хочу возлагать на нее никакой ответственности — а ту черную, засасывающую воронку, которая всегда существовала во мне. Нона заполнила эту воронку. Она заставила меня двигаться и действовать.

Она сделала меня благородным.

Может быть, теперь вы кое-что понимаете. Почему она снится мне. Почему зачарованность остается несмотря на раскаяние и отвращение. Почему я ненавижу ее. Почему я боюсь ее. И почему даже сейчас я все еще люблю ее.

От Августовской заставы до Гардинера было восемь миль, и мы преодолели их за несколько быстро промелькнувших минут. Я зажал пилку одеревеневшей рукой и смотрел на вспыхнувшую в свете фар надпись «**ЧТОБЫ ВЫЕХАТЬ ИЗ ГОРОДА ПО ШОССЕ 14, СВЕРНИТЕ НАПРАВО**». Луна скрылась за облаками, и начало морозить.

«Жаль, что не могу подвезти вас подальше», — сказал Бланшетт.

«Все в порядке», — сказала Нона мягким голосом, и я почувствовал, как ненависть вгрызается в мой мозг, словно отбойный молоток. «Просто высадите нас на заставе».

Он ехал, соблюдая ограничение скорости до тридцати миль в час. Я знал, что я собираюсь сейчас сделать. Ноги словно превратились в жидкий свинец.

Пост был освещен только одним фонарем. Слева через сгущающийся туман я мог различить огни Гардинера. Справа — ничего, кроме черноты. Ни одной машины не было видно вокруг.

Я вышел. Нона соскользнула с сиденья, одарив Норма Бланшетта прощальной улыбкой. Я не беспокоился. Все шло, как по нотам.

Бланшетт улыбался отвратительной свинячьей улыбкой, испытывая облегчение от того, что наконец-то отделился от нас. «Ну что ж, счастливого вам...»

«Ой, моя сумочка! Не увозите мою сумочку!»

«Я заберу ее», — сказал я ей. Я заглянул в машину. Бланшетт увидел, что у меня в руке, и свинячья улыбка застыла у него на лице.

Чьи-то фары сверкнули на холме, но было уже поздно останавливаться. Ничто не могло удержать меня. Левой

ркой я схватил сумочку Ноны. Правой я воткнул стальную пилку прямо в глотку Бланшетту. Он издал короткое блеяние.

Я выбрался из машины. Нона махала приближающейся машине. В снежной темноте я не мог разглядеть ее как следует, все, что я видел, это два ослепительных луча света от фар. Я спрятался за машиной Бланшетта, наблюдая за Ноной через заднее стекло.

Голоса почти не были слышны в нарастающем шуме ветра.

«... случилось, леди?»

«... отец ... ветер... сердечный приступ! Не можете ли вы...»

Я сделал короткую перебежку, обогнув багажник машины Нормана Бланшетта, и осторожно выглянул. Теперь я мог видеть их. Гибкий силуэт Ноны рядом с высокой фигурой. Они стояли рядом с пикапом. Потом они подошли к «Шевроле» с левой стороны, к тому месту, где Норман Бланшетт сгорбился над рулем, и пилка Ноны торчала из его глотки. Водитель пикапа был молодым парнем, одетым во что-то вроде авиационной куртки. Он заглянул в машину. Я подошел сзади.

«О Боже мой, леди!» — сказал он. «Да этот парень весь в крови! Что...»

Я зажал его шею правой рукой, а левой рукой взялся за свое правое запястье. Потом резко дернул его вверх. Его голова стукнулась о верхнюю часть двери, раздался глухой звук. Парень обмяк и свалился мне на руки.

Можно было бы и не продолжать. Он не успел как следует разглядеть Нону, а меня не видел вообще. Можно было бы и не продолжать. Но он был человеком, вмешавшимся в наши дела, еще одним человеком, который встал на нашем пути и пытался обидеть нас. Я устал от обид. Я задушил его.

Когда все было кончено, я поднял взгляд и увидел Нону в пересекающихся лучах фар «Шевроле» и пикапа. Ее лицо было гротескной маской ненависти, любви, торжества и радости. Она раскрыла мне объятия, и я пошел к ней. Мы поцеловались. Губы ее были холодными, но

язык — теплым. Я глубоко запустил пальцы в пряди ее волос. Вокруг нас выл ветер.

«А сейчас приведи это все в порядок», — сказала она. «Прежде чем появится кто-нибудь другой».

Я привел все в прорядок. Это была небрежная работа, но я знал, что это все, что нам нужно. Выиграть немного времени. Потом это будет уже неважно. Мы будем в безопасности.

Тело молодого парня было легким. Я поднял его на руки, перенес через дорогу и выбросил в овраг. Его обмякшее тело несколько раз перекувырнулось по пути на дно, совсем как набитое тряпками чучело, которое мистер Холлис заставлял выносить меня на кукурузное поле каждый июль. Я вернулся за Бланшеттом.

Он был тяжелее, и кровь из него лилась, как из зарезанной свиньи. Я попытался поднять его, сделал три неверных шага, а потом тело выскользнуло у меня из рук и упало на дорогу. Я перевернул его. Свежевыпавший снег налип ему на лицо, делая его похожим на маску лыжника.

Я наклонился над ним, ухватил его под руки и потащил к оврагу. Его ноги оставляли на снегу глубокие борозды. Я швырнул его вниз и наблюдал за тем, как он скользит вниз по откосу на спине, вскинув руки над головой. Его глаза были широко раскрыты и наблюдали внимательно за падающими прямо на них снежными хлопьями. Если снег и дальше будет так идти, то к тому времени, когда появятся снегоочистители, на месте его глаз окажутся два небольших сугробика.

Я пошел обратно по дороге. Нона уже влезла в кабину пикапа. Ей не надо было объяснять, в какой машине мы поедem. Я мог видеть мертвенно-бледное пятно ее лица, черные дыры ее глаз, и это все. Я сел в машину Бланшетта, прямо на лужицы крови, собравшиеся в выемках пупырчатого винилового коврика на сиденье, и поставил ее на обочину. Я выключил фары и включил аварийный сигнал подфарников. Потом я вышел из машины. Для любого проезжающего мимо человека это зрелище будет выглядеть так, как будто у машины сломался мотор, а водитель отправился в город на поиски ремонтной мастерской. Я

был очень доволен своей импровизацией. Словно всю свою жизнь я занимался тем, что убивал людей. Я затопил к пикапу, залез в кабину и развернул его по направлению к въезду на заставу.

Она села рядом со мной, не прикасаясь ко мне, но все же довольно близко. Когда она поворачивала голову, ее волосы иногда щекотали мне шею. Словно ко мне прикасался крошечный электрод. Один раз мне понадобилось положить ей руку на бедро, чтобы убедиться, что она на самом деле существует. Она тихо рассмеялась. Все это происходило на самом деле. Ветер завывал, пригоршнями швыряя в окна снег.

Мы ехали на юг.

Через мост от Харлоу, когда вы едете по шоссе 126 по направлению к Касл Хайтс, вы проезжаете мимо огромного, недавно отремонтированного заведения под смехотворной вывеской «Молодежная Лига Касл Рока». У них там имеются двенадцать линий боулинга с неисправными автоматами для установки кеглей, несколько древних игровых автоматов, музыкальный автомат с лучшими хитами образца 1957 года, три бильiardных стола и стойка с колой и чипсами, где вам также выдают напрокат туфли для боулинга, которые выглядят так, будто их только что сняли с мертвеца. Название заведения смехотворно потому, что большинство молодежи Касл Рока вечером отправляются либо в открытый кинотеатр в Джей Хилле, либо на автомобильные гонки в Оксфорд Плэйнс. Здесь же обычно ошиваются крутые люди из Гретны, Харлоу и самого Рока. В среднем на автомобильной стоянке происходит одна драка за вечер.

Я стал появляться там, начиная со второго года средней школы. Один из моих приятелей, Билл Кеннеди, работал там три вечера в неделю, и когда рядом никого не было, разрешал мне разок запустить мяч. Это было не такое уж большое развлечение, но все-таки лучше, чем возвращаться домой к Холлисам.

Там я и встретился с Эйсом Меррилом. Никто особо не сомневался в том, что он был самым крутым парнем всех трех городов. Он ездил на обшарпанном форде 1952 года

выпуска, и ходили слухи, что в случае необходимости он мог выжать из него сто тридцать миль в час на всем пути от дома до «Молодежной Лиги». Он входил как король, его напомаженные волосы были гладко зачесаны назад. Он подходил к боулингу и несколько раз пускал мяч, отдавая по десять центов за каждую игру. Играл ли он хорошо? Даже и не спрашивайте. Когда входила Бетси, он покупал ей колу, и они уезжали вместе. Вы могли даже услышать тихий вздох облегчения, вырывавшийся у присутствующих, когда хлопала входная дверь. Никто никогда не дрался с ним на стоянке.

Никто, кроме меня.

Его девушкой была Бетси Маленфант, я думаю, самая красивая девушка во всем Касл Роке. Может быть, она и не была слишком эффектной, но когда вы смотрели на нее, это было уже неважно. У нее был самый совершенный цвет лица, который я когда-либо видел, и не благодаря косметике, нет. Черные, как уголь, волосы, темные глаза, большой рот и прекрасная фигура, которую она не прочь была продемонстрировать. Да и кто решился бы полезть к ней, когда неподалеку был Эйс Меррил. Ни один нормальный человек.

Меня тянуло к ней. Не как к моей возлюбленной и не как к Ноне, хотя Бетси и выглядела как ее младшая сестра. Но в своем роде это было так же серьезно и так же безнадежно. Рядом с ней я чувствовал себя молокососом. Ей было семнадцать, на два года больше, чем мне.

Я стал появляться в «Молодежной Лиге» все чаще и чаще, даже в те вечера, когда там не было Билли, просто, чтобы мельком увидеть ее. Я чувствовал себя как охотник за птицами, но у меня не было шансов на успех. Я возвращался домой, врал Холлисам по поводу того, где я был, и тащился в свою комнату. Я сочинял длинные, страстные письма, в которых описывал ей все, что мне хотелось бы с ней проделать, а потом рвал их на мелкие кусочки. На уроках в школе я мечтал, как сделаю ей предложение и мы вместе убежим в Мехико.

Она, должно быть, поняла, что со мной происходит, и это, по всей видимости, ей немного польстило, потому что

когда Эйса не было рядом, она обращалась со мной довольно мило. Она подходила ко мне, садилась на стульчик, позволяла купить ей колу и слегка соприкоснуться бедрами. Это сводило меня с ума.

Однажды вечером в начале ноября я слонялся по заведению, время от времени играл с Биллом в бильярд и ждал, когда она придет. Зальчик был пуст, так как не было еще и восьми часов. Снаружи рыскал тоскливый ветер, предвещая зиму.

«Тебе лучше бросить это дело», — сказал Билл, посылая девятый номер прямо в угол.

«Бросить что?»

«Сам знаешь».

«Нет, не знаю». Была очередь Билла, и я отошел опустить десять центов в музыкальный автомат.

«Бетси Маленфант. Чарли Хоган рассказал Эйсу о том, как ты рыскаешь вокруг нее. Чарли казалось все это забавным, ну, то, что она старше и все прочее, но Эйс даже не улыбнулся».

«Она для меня ничего не значит», — сказал я побелевшими губами.

«Хорошо, если так», — сказал Билл, а потом вошли двое парней, и Билл подошел к стойке, чтобы выдать им бильярные шары.

Эйс появился около девяти. Он был один. Он никогда не обращал на меня никакого внимания, и я почти забыл уже о словах Билли. Когда ты невидим, то начинаешь думать, что ты неуязвим. Я стоял у игрового автомата и был увлечен игрой. Я даже не заметил, как вокруг стало тихо: люди прекратили играть в боулинг и в бильярд. Потом я почувствовал, как кто-то швырнул меня прямо на автомат. Я рухнул на пол, как мешок. Он стоял и смотрел на меня. Ни одна прядь волос не выбилась из его идеальной прически. Его куртка на молнии была наполовину расстегнута.

«Перестань здесь болтаться», — сказал он мягко, — «иначе мне придется немного подправить твой внешний облик».

Он вышел. Все смотрели на меня. Мне хотелось провалиться сквозь землю, до тех пор пока я не заметил на

большинстве лиц выражение зависти. Я привел себя в порядок с безразличным видом и опустил еще один десятицентовик в игровой автомат. Двое парней, направлявшихся к выходу, подошли ко мне и хлопнули меня по спине, не произнеся ни слова.

В одиннадцать, когда заведение закрывалось, Билли предложил отвезти меня домой на машине.

«Это может плохо для тебя кончиться, если ты не будешь осторожен».

«Не беспокойся обо мне», — сказал я.

Он ничего не ответил.

Через два или три дня около семи появилась Бетси. Кроме меня, там был еще только один чудной парень по имени Верн Тессио, вылетевший из школы за пару лет до того. Я едва ли обратил на него внимание. Он был даже более невидимым, чем я сам.

Она подошла прямо к тому месту, где я играл, так близко, что я смог ощутить запах ее чистой кожи. От этого у меня закружилась голова.

«Я слышала о том, что Эйс сделал с тобой», — сказала она. «Мне теперь запрещено разговаривать с тобой, но я и не собираюсь этого делать, но я знаю, как это исправить». Она поцеловала меня. Потом она вышла, еще до того, как язык отлип у меня от гортани. Я вернулся к игре в полном оцепенении. Я не заметил даже, как Тессио пошел рассказать всем новость. Передо мной стояли ее темные, темные глаза.

Позже в тот же вечер мы сошлись на стоянке с Эйсом Меррилом. Он не оставил на мне живого места. Было холодно, ужасно холодно, и к концу я начал плакать, уже не задумываясь о том, кто может увидеть или услышать это, а слышать и видеть меня могли практически все. Одиноким фонарь безжалостно освещал место действия. Мне даже ни разу не удалось толком ударить его.

«О'кей», — сказал он, присев на корточки рядом со мной. Он даже нисколько не запыхался. Он вынул из кармана нож и нажал на кнопку. Выпрыгнули семь дюймов облитой лунным светом стали. «А это я припас для следующего раза. Я вырежу свое имя у тебя на яйцах».

Он поднялся, наградил меня последним пинком и ушел. Минут десять я пролежал на замерзшей грязи, дрожа от холода. Никто не подошел ко мне, никто не похлопал меня по спине, даже Билл. Не появилась и Бетси, чтобы все это исправить.

В конце концов я поднялся самостоятельно и на попутке добрался до дома. Я сказал миссис Холлис, что поймал попутку, за рулем которой был пьяный, и мы съехали в канаву. Никогда больше я не появлялся в «Молодежной Лиге».

Через некоторое время Эйс бросил Бетси, и с тех пор она покатила по наклонной со все возрастающей скоростью, совсем как груженный самосвал без тормозов. По пути она подхватила триппер. Билли сказал, что видел ее как-то вечером в Левинстоне: она упрашивала двух парней заказать ей выпить. Он сказал, что она потеряла несколько зубов и нос ее был перебит. Он сказал, что я бы никогда не узнал ее. Но к тому времени мне было наплевать.

У пикапа были лысые шины, и прежде чем мы добрались до Левинстона, колеса стали увязать в свежее выпавшем снеге. Нам потребовалось сорок пять минут, чтобы проехать двадцать две мили.

Человек на заставе у Левинстона взял шестьдесят центов и спросил: «Сколько на дороге?»

Никто из нас ему не ответил. Мы подъезжали к тому месту, куда стремились попасть. Если бы я не поддерживал с ней эту мистическую бессловесную связь, я мог бы сказать только, что всю дорогу она просидела на пыльном сиденье пикапа, крепко ухватившись за сумочку и уставившись на дорогу прямым и необычайно напряженным взглядом. Я почувствовал, что меня пробивает озноб.

Мы выехали на шоссе 136. Там почти не было машин: ветер становился сильнее и снег повалил гуще, чем раньше. Проехав Харлоу Виллидж, мы заметили на обочине здоровый перевернутый «Бьюик». Подфарники мигали, подавая аварийный сигнал, и передо мной неожиданно возник призрак-двойник машины Нормана Бланшетта. Сей-

час ее уже, наверное, занесло снегом. Остался лишь бесформенный сугроб в темноте.

Водитель «Бьюика» попытался остановить меня, но я пронесся мимо, даже не замедлив хода и обдав его грязной жижей из-под колес. На дворники налипал снег. Я высунулся из окна и потряс один из них. Часть снега упала, и стало видно немного лучше.

Харлоу выглядел как город-привидение: все вокруг было закрыто и погружено в темноту. Я включил правый поворот, собираясь повернуть на мост, ведущий к Касл Року. Задние колеса начали буксовать, но я выправил машину. Через реку мне был виден темный силуэт «Молодежной Лиги». Заведение выглядело пустым и закрытым. Внезапно мне стало жаль, ужасно жаль, что я оставил за собой боль и смерть. Именно в этот момент Нона произнесла первую фразу, с тех пор как мы выехали с гардинерской заставы.

«Сзади полицейская машина».

«У него..?»

«Нет, мигалка выключена».

Но я занервничал, и, может быть, поэтому-то все и произошло. Шоссе 136 делает прямой поворот перед самым мостом на Касл Рок. С первым поворотом я справился, но дальше шоссе было покрыто льдом.

«Черт...»

Зад пикапа занесло, и прежде чем я успел выровнять машину, он врезался в одну из мощных мостовых опор. Мы скользили вперед, как на американских горках. В следующий момент я заметил слепящие фары идущей за нами полицейской машины. Водитель ударил по тормозам — я заметил красные отсветы от тормозных огней на летящем снеге — но и он попал на лед. Он врезался прямо в нас. Когда мы задели следующую опору, раздался резкий скрежет. Меня швырнуло Ноне на колени. Даже за это краткое мгновение я успел ощутить с удовольствием гладкую, тугую плоть ее бедра. Пикап замер. Теперь полицейский включил мигалку. Она отбрасывала синие, пульсирующие отблески на капот пикапа и заснеженные опоры моста между Харлоу и Касл Роком. Когда полицей-

ский открыл дверь своей машины, в салоне зажглась лампочка.

Если бы он не болтался за нами, этого бы не случилось. Эта мысль беспрерывно вертелась в моем мозгу, словно иголка проигрывателя застряла в поврежденной бороздке. Я усмехался напряженной, застывшей усмешкой, в то время как рука моя шарилась по полу кабины пикапа.

Я нашарил открытую коробку с инструментами, вынул оттуда гаечный ключ и положил на сиденье между Ноной и мной. Полицейский заглянул в окно, лицо его приобрело дьявольские черты во вспышках мигалки.

«Не кажется ли тебе, что ты ехал слишком быстро для таких погодных условий, а, парень?»

«А не кажется ли тебе, что ты ехал слишком близко, а?» — спросил я. «Для таких-то погодных условий?»

«Уж не собираешься ли ты мне хамить, сынок?»

«Собираюсь, если ты собираешься и дальше таранить меня на своей тачке».

«Давай-ка посмотрим на твои права и на регистрационную карточку».

Я достал бумажник и вручил ему права.

«Регистрационная карточка?»

«Это грузовик моего брата. Он имеет обыкновение носить регистрационную карточку в своем бумажнике».

«Ты говоришь правду?» — он тяжело посмотрел на меня, пытаясь вынудить меня опустить глаза. Когда он понял, что это не так-то просто, он перевел взгляд на Нону. Я готов был выцарапать ему глаза в отместку за то выражение, которое появилось в них. «Как ваше имя?»

«Шерил Крейг, сэр».

«Что вы это раскатываете с ним в грузовике его брата в самый разгар снежной бури, Шерил?»

«Мы едем навестить моего дядюшку».

«В Роке?»

«Да, сэр».

«Я не знаю никого по фамилии Крейг в Касл Роке».

«Его фамилия Эмондс. Он живет на Бауэн Хилл».

«Ты говоришь правду?» Он пошел к задней части грузовика, чтобы разглядеть номерные знаки. Я открыл

дверь и выглянул. Он записывал номер. Он подошел к задней части грузовика, чтобы разглядеть номерные знаки. Я открыл дверь и выглянул. Он записывал номер. Он подошел, а я так и не залез обратно в кабину, оставаясь в ярком свете его фар. «Я собираюсь... В чем это ты, парень?»

Мне не надо было себя осматривать, чтобы понять, в чем это я. Раньше я думал, что высунулся из кабины просто по рассеянности, но сейчас, когда я пишу это, я думаю иначе. Дело тут не в рассеянности. Мне кажется, я хотел, чтобы он заметил. Я взялся за гаечный ключ.

«Что ты имеешь в виду?»

Он подошел еще на два шага. «Да ты, похоже, ранен. Тебе надо...»

Я замахнулся ключом. Его шапка слетела во время катастрофы, и голова его была непокрытой. Я убил его одним ударом, в верхнюю часть лба. Никогда не забуду звук от удара. Словно фунт масла упал на твердый пол.

«Поторопись», — сказала Нона. Она спокойно обвила мне шею рукой. Ее рука была прохладной, как воздух в погребе для овощей. У моей мачехи был погреб для овощей.

Странно, что я вспомнил об этом. Зимой она посылала меня вниз за овощами. Она сама их консервировала. Не в настоящие консервные банки, конечно, а в толстые банки с пластмассовыми крышками.

Однажды я спустился туда, чтобы принести к ужину банку консервированных бобов. Там было прохладно и темно. Все банки стояли в ящиках, аккуратно помеченных миссис Холлис. Помню, что она неправильно писала слово «малина», и это наполняло меня чувством скрытого превосходства.

В тот день я прошел мимо ящиков с надписью «молина» и направился в угол, где хранились бобы. Стены в погребе были земляными, и во влажную погоду из них сочились вода, стекая вниз извилистыми, петляющими струйками. В погребе пахло испарениями, исходящими от живых существ, от земли и от законсервированных овощей. Это удивительно напоминало запах женских половых органов.

В углу стоял старый неисправный печатный станок. Иногда я играл с ним, воображая, что могу запустить его. Мне нравился погреб. В те дни, а мне тогда было девять или десять, погреб был моим любимым местом. Миссис Холлис отказывалась спускаться туда, а для ее мужа это было ниже его достоинства. Так что спускался туда я и вдыхал этот особенный секретный земляной запах, наслаждаясь утробным уединением. Погреб освещался одной единственной покрытой паутиной лампочкой, которую мистер Холлис подвесил там, возможно, еще до Бурской войны. Иногда я манипулировал пальцами рук и получал тени огромных кроликов на стенах.

Я взял бобы и уже собирался идти назад, но в этот момент я услышал шорох под одним из старых ящиков. Я подошел и поднял его.

Под ним на боку лежала коричневая крыса. Она подняла мордочку и уставилась на меня. Ее бока яростно вздымались, она обнажила зубы. Это была самая большая крыса из всех, которых я когда-либо видел. Я наклонился поближе. Крыса рожала. Уже двое ее безволосых, слепых крысят тыкались ей в живот. Еще один наполовину уже вышел в мир.

Мать беспомощно посмотрела на меня, готовая в любой момент укусить. Я хотел убить ее, убить, раздавить всех их, но я не мог. Это было самое кошмарное зрелище в моей жизни. Пока я наблюдал за крысой, мимо быстро проползал небольшой коричневый паучок. Мать схватила его и съела.

Я бросился из погреба. На лестнице я упал и разбил банку бобов. Миссис Холлис выпорола меня, и я никогда уже больше не ходил в погреб по доброй воле.

Я стоял и смотрел на тело полицейского, погруженный в воспоминания.

«Поторопись», — снова сказала Нона.

Он оказался куда легче Нормана Бланшетта, а, может быть, просто в крови у меня выработалось много адреналина. Я подхватил его на руки и понес к краю моста. Я едва различал пороги вниз по течению, а железнодорожный мост вверх по течению маячил неясным, сухопарым

силуэтом. Ночной ветер свистел, стонал и бросал мне снег в лицо. Мгновение я прижимал полицейского к груди, как спящего новорожденного, потом я вспомнил, кто он такой, и швырнул его в темноту.

Мы вернулись к грузовику и залезли в кабину. Мотор не заводился. Я заводил мотор ручкой, до тех пор, пока не почувствовал сладкий запах бензина из переполнившегося карбюратора.

«Пошли», — сказал я.

Мы подошли к полицейской машине. На переднем сиденье валялись квитанции на штрафы и бланки. Рация под приборной доской затрещала и выплюнула: «Четвертый, выйди на связь. Четвертый, у тебя все в порядке?»

Я выключил ее. Пока я на шаривал нужную кнопку, я ударился обо что-то костяшками. Это оказался дробовик. Возможно, личная собственность полицейского. Я достал его и вручил Ноне. Она положила его на колени. Я дал задний ход. Машина была сильно побита, но в остальном работала нормально. У нее были шины с шипами, и мы почти не скользили на том участке льда, из-за которого и произошла авария.

Мы приехали в Касл Рок. Дома, за исключением какого-то случайного потрепанного автоприцепа у дороги, исчезли из вида. Дорогу еще не расчищали, и единственными следами на ней была колея, которую мы оставляли за собой. Монументальные, отягченные снегом ели столпились вокруг нас. Среди них я чувствовал себя крошечным и незначительным, каким-то ничтожным кусочком, застрявшим в глотке ночи. Было уже позже десяти.

Я особо не участвовал в общественной жизни на первом курсе университета. Я много занимался и работал в библиотеке, расставляя книги по полкам, чиня переплеты и учась составлять карточки для каталога. Весной был турнир по бейсболу.

К концу учебного года, перед самыми экзаменами в спортивном зале устраивалась вечеринка с танцами. Мне было нечего делать, я уже подготовился к первым двум экзаменам и решил зайти. У меня был входной билет.

В зале стоял полумрак, было много людей, чувствовался запах пота. Атмосфера была такой неистойвой, какая бывает только перед самыми экзаменами. Секс витал в воздухе. Чтобы ощутить его, не надо было даже втягивать воздух, достаточно было протянуть руки и сжать их. Вы словно сжимали в руках кусок мокрой, отяжелевшей ткани. Было ясно, что вскоре все уединятся и займутся любовью или по крайней мере тем, что сходит здесь за любовь. Люди собирались заняться любовью под трибунами, на автомобильной стоянке, в квартирах, в комнатах общежития. Там будут трахаться отчаявшиеся мальчики-мужчины, которым вскоре придется отправиться на войну, и хорошенькие студенточки, которые вылетят из университета в этом же году и отправятся домой создавать семью. Они будут заниматься этим в слезах и смеясь, пьяные и трезвые, скованные и распущенные. В большинстве своем все будет происходить достаточно быстро.

Там было несколько молодых людей без девушек, но их было очень мало. На такую вечеринку обычно не ходят в одиночестве. Я подошел к эстраде, на которой играл оркестр. Когда я приблизился к источнику звука, ритм и музыка стали осязаемыми. Группа выставила позади себя полукруг пятифутовых усилителей, и я чувствовал, как мои барабанные перепонки сотрясаются от низких и мощных звуков.

Я прислонился к стене и стал наблюдать. Танцоры держались в предписанных рамках, на почтительном расстоянии друг от друга (словно они танцевали втроем, а не вдвоем, и кто-то третий, невидимый, вклинился между ними), их ноги наступали на опилки, которыми был посыпан скользкий пол. Я не увидел ни одного человека, с которым бы я был знаком, и почувствовал себя одиноко, но это было приятное одиночество. Я словно стоял на сцене и воображал, что все искоса поглядывают на меня, романтического незнакомца.

Примерно через полчаса я вышел и купил в коридоре кока-колы. Когда я вернулся, кому-то пришла в голову идея устроить танцевальный круг, и я оказался втянутым в него. Мои руки лежали на плечах у двух девушек, которых

я никогда раньше не видел. Мы кружились и кружились. В круге было человек, наверное, двести, и он занимал половину спортивного зала. Потом часть круга откололась и образовала внутри первого круга второй, поменьше, который стал двигаться в обратном направлении. От этого у меня закружилась голова. Я увидел девушку, похожую на Бетси Маленфант, но я знал, что это лишь мое воображение. Когда я снова посмотрел в ее направлении, то не увидел ни ее, ни девушки, похожей на нее.

Когда круг наконец распался, я почувствовал слабость. Я подошел к скамье и присел. Музыка была слишком громкой, воздух — слишком вязким. Мысли мои блуждали. В голове у меня стучало, как после грандиозной пьянки.

Раньше я думал, что то, что случилось, случилось потому, что я устал и чувствовал легкую тошноту после всего этого кружения, но, как я уже говорил раньше, когда я пишу, все становится на свои места. Я больше не могу верить в это.

Я снова посмотрел на них, на этих красивых, суетящихся в полумраке людей. Мне казалось, что все мужчины выглядят испуганными, а их лица превратились в гротескные, застывшие маски. Это было вполне понятно. Так как женщины — студенточки в их свитерах, коротких юбочках или брючках клеш — превращались в крыс. Сначала я не испугался, а даже радостно хихикнул. Я знал, что у меня нечто вроде галлюцинации, и в течение какого-то времени я рассматривал ее почти с клинической точки зрения.

Потом одна из девушек встала на цыпочки, чтобы поцеловать своего парня. Это было уже слишком. Поросшая шерстью, искаженная морда с черными выпуклыми глазами, рот, обнажающий желтые кривые зубы...

Я ушел.

Я, в полубезумном состоянии, помедлил мгновение в коридоре. В конце коридора был туалет, но я пробежал мимо него и понесся вверх по лестнице.

На третьем этаже была раздевалка, и мне осталось пробежать последний пролет. Я распахнул дверь и подбе-

жал к унитазу. Я изверг из себя смешанный запах косметики, пропотевшей одежды, сальной кожи. Музыка раздавалась где-то далеко внизу. В раздевалке стояла девственная тишина. Мне стало полегче.

Мы остановились у стоп-сигнала перед своротом на юго-запад. Воспоминание о вечеринке взволновало меня по какой-то неизвестной мне причине. Я начал дрожать.

Она посмотрела на меня, улыбнувшись одними темными глазами. «Прямо сейчас?»

Я не мог ответить ей. Меня слишком трясло. Она медленно кивнула, ответив за меня.

Я свернул на дорогу 7. Летом по ней, должно быть, возили лес. Я не заезжал слишком далеко, так как боялся застрять. Я выключил фары. Снежинки начали бесшумно опускаться на ветровое стекло.

«Любишь?» — спросила она почти добрым голосом.

Из меня вырвался какой-то звук, вернее, он был вытащен из меня. Я думаю, он был довольно точным звуковым эквивалентом мыслям кролика, попавшего в силос.

«Здесь», — сказала она. «Прямо здесь».

Это был экстаз.

Нам едва удалось выбраться обратно на главную дорогу. Прошел снегоочиститель, мигая оранжевыми огнями и насыпая на обочине огромную стену снега.

В багажнике полицейской машины оказалась лопата. Мне потребовалось почаса, чтобы разгрести завал, а к тому времени была уже почти полночь. Пока я копал, она включила рацию, и мы узнали все, что нам следовало знать. Тела Бланшетта и водителя пикапа были найдены. Они подозревали, что мы уехали на полицейской машине. Полицейского звали Эсседжиан — довольно забавная фамилия. В высшей лиге бейсбола играл один Эсседжиан. Мне кажется, он выступал за «Доджерсов». Может быть, я убил одного из его родственников. Впрочем, фамилия полицейского меня совершенно не интересовала. Он не соблюдал дистанцию и встал у нас на пути.

Мы выехали на главную дорогу. Я чувствовал ее сильное, горячее, огненное возбуждение. Я остановился,

чтобы смахнуть рукой снег с ветрового стекла, и мы снова отправились в путь.

Мы ехали по западной окраине Касл Рока, и мне не надо было объяснять, куда свернуть. Облепленный снегом знак указал поворот на Стекпоул Роуд.

Снегоочиститель здесь еще не появлялся, но одна машина уже проехала перед нами. Следы ее шин выглядели еще довольно отчетливо под безостановочно падающим снегом.

Миля. Уже меньше мили. Ее яростное желание, ее жажда передались мне, и я снова почувствовал возбуждение. Мы повернули за поворот. Путь преграждал ярко-оранжевый грузовик с включенными мигалками.

Вы не можете представить себе ее ярость — на самом деле, нашу ярость — потому что теперь, после всего, что случилось, мы стали одним существом. Вы не можете представить себе это охватывающее вас острое параноидальное убеждение, что все вокруг стремится вам помешать.

Их было двое. Один — согнувшийся черный силуэт в темноте. У другого в руке был фонарь. Он подошел к нам. Его фонарь подпрыгивал, как огненный глаз. В душе у меня была не просто ярость. Там был и страх, страх, что то, к чему мы стремимся, выхватят у нас из-под носа в последний момент.

Он что-то кричал, и я опустил окно.

«Здесь нельзя проехать! Возвращайтесь по Бауэн Роуд! Здесь у нас оборвавшийся оголенный провод! Вы не можете...»

Я вышел из машины, вскинул дробовик и разрядил в него оба ствола. Его отбросило к оранжевому грузовику, я прислонился к машине. Он медленно сползал вниз, недоверчиво глядя на меня, а потом рухнул в снег.

«Есть еще патроны?» — спросил я у Ноны.

«Да», — она протянула мне несколько штук. Я переломил ствол, выбросил старые гильзы и вставил новые патроны.

Дружок парня выпрямился и смотрел на меня с подозрением. Он что-то прокричал мне, но ветер унес его

слова. По интонации это был вопрос, но это было уже неважно. Я собирался убить его. Я шел к нему, а он просто стоял на месте и смотрел на меня. Он не двинулся, когда я поднял дробовик. Не думаю, чтобы он вообще понимал, что происходит. Наверное, он думал, что все это сон.

Я сделал один выстрел, но пуля летела слишком низко. Поднялся огромный фонтан снега и обсыпал его с ног до головы. Тогда он испустил громкий крик ужаса и побежал, совершив гигантский прыжок над лежащим на дороге проводом. Я выстрелил еще раз и снова промахнулся. Он скрылся в темноте, и я мог забыть о нем. Он больше не мешал нам. Я вернулся назад к машине.

«Нам придется идти пешком», — сказал я.

Мы прошли мимо распростертого тела, перешагнули через искрящийся провод и пошли, следуя за далеко друг от друга расположенными следами убежавшего человека. Некоторые сугробы доходили ей почти до колен, но она все время шла чуть-чуть впереди меня. Оба мы тяжело и часто дышали.

Мы взошли на холм и спустились в узкую ложбину. По одну сторону стоял покосившийся, опустевший сарай с выбитыми окнами. Она остановилась и сжала мою руку.

«Здесь», — сказала она и показала в другую сторону. Даже сквозь ткань пальто ее пожатие показалось мне сильным и болезненным. Ее лицо превратилось в сияющую, торжествующую маску. «Здесь. Здесь».

По другую сторону от ложбины было кладбище.

Мы приблизились, увязая в сугробах, и с трудом вскарабкались на покрытую снегом каменную стену. Конечно, я уже бывал здесь. Моя настоящая мать была из Касл Рока, и хотя они с отцом никогда не жили здесь, тут оставался их участок земли. Это был подарок матери от ее родителей, которые жили и умерли в Касл Роке. Когда я был влюблен в Бетси, я часто приходил сюда почитать стихи Джона Китса и Перли Шелли. Может быть, вы и скажете, что это глупое, детское занятие, но я так не считаю. Даже сейчас. Я чувствовал свою близость к ним, они меня успокаивали. После того, как Эйс Меррил вздул

меня, я никогда больше не приходил сюда. До тех пор, пока меня не привела сюда Нона.

Я поскользнулся и упал в рыхлый снег, подвернув лодыжку. Я поднялся и заковылял, опираясь на дробовик. Тишина была бесконечной, неправдоподобной. Снег мягко падал вниз, засыпая покосившиеся надгробия и кресты, хороня под собой все, кроме проржавевших флагштоков, на которые цепляют флажки в День Памяти и День Ветеранов. Тишина была ужасна в своей необъятности, и впервые я ощутил настоящий ужас.

Она повела меня к каменному зданию, возвышающемуся на склоне холма на задворках кладбища. Склеп. Засыпанная белым снегом гробница. У нее был ключ. Я знал, что у нее окажется ключ. Так оно и было.

Она сдула снег с выступа на двери и нашла замочную скважину. Звук поворачивающегося в замке ключа словно царапал по темноте. Она налегла на дверь и распахнула ее.

Запах, вырвавшийся оттуда, был прохладным, как осень, прохладным, как воздух в погребе Холлисов. Я почти ничего не мог различить внутри. Только мертвые листья на каменном полу. Она вошла, выдержала паузу и оглянулась на меня через плечо.

«Нет», — сказал я.

«Любишь?» — спросила она и рассмеялась.

Я стоял в темноте и чувствовал, как все начинает сходиться в одну точку — прошлое, настоящее, будущее. Мне хотелось убежать, убежать с криком, убежать так быстро, чтобы суметь вернуть назад все события сегодняшнего вечера.

Нона стояла и смотрела на меня, самая красивая девушка в мире, единственное существо, которое я когда-либо мог назвать моим. Она сделала жест, проведя руками по телу. Не собираюсь объяснять вам, что это был за жест. Если бы вы видели, вы бы все поняли.

Я вошел внутрь. Она закрыла дверь.

Было темно, но я все прекрасно видел. Внутренность склепа была освещена ленивым зеленым пламенем. Языки его змеились по стенам и по усыпанному листьями полу.

В центре склепа стояла гробница, но она была пустой. Она была усыпана увядшими розовыми лепестками, словно здесь по древнему обычаю невеста совершила жертвоприношение. Она поманила меня и указала на маленькую дверцу в дальней стене. Маленькую, незаметную дверцу. Я был охвачен ужасом. Я думал, что все понял. Она использовала меня и посмеялась надо мной. Теперь она собирается меня уничтожить.

Но я не мог остановиться. Я подошел к той дверце, потому что я должен был это сделать. Беспроволочный телеграф между нами продолжал работать на волне того, что я ощутил как ликование — жуткое, безумное ликование — и торжество. Моя рука потянулась к дверце. Она была объята зеленым пламенем.

Я открыл дверцу и увидел, что было за ней.

Там была девушка, моя девушка. Она была мертва. Ее глаза бессмысленно смотрели в склеп. Прямо в мои глаза. От нее пахло украденными поцелуями. Она была обнажена. Ее тело было разрезано, от горла до промежности, и вывернуто наизнанку. И в ней копошилось что-то живое. Крысы. Я не мог их разглядеть, но я слышал, как они роются в ней. Я понял, что через мгновение ее пересохший рот раскроется и она спросит, люблю ли я ее. Я отпрянул. Все мое тело онемело. Сознание было окутано черным облаком.

Я повернулся к Ноне. Она смеялась и протягивала мне руки. И во внезапной вспышке озарения я понял, я понял, я все понял. Последнее испытание. Последний экзамен. Я выдержал его, и я *был свободен!*

Я вновь повернулся к дверце, и, конечно, это оказался всего лишь пустой каменный чулан, усыпанный мертвыми листьями.

Я пошел к Ноне. К моей жизни.

Она обвила руками мою шею, и я прижал ее ко мне. Именно в тот момент она начала меняться, сморщиваться и течь, как воск. Большие темные глаза стали маленькими и круглыми. Волосы стали жесткими и изменили цвет. Нос укоротился, ноздри расширились. Тело ее навалилось на меня.

Я оказался в объятиях крысы.

«Любишь?» — завизжала она. «Любишь? Любишь?»

Ее безгубый рот потянулся к моим губам.

Я не вскрикнул. Я не в силах больше кричать. Сомневаюсь, что хоть что-то может заставить меня сделать это после всего, что со мной произошло.

Здесь так жарко.

Я не против жары, совсем нет. Мне нравится потеть, если можно потом принять душ. Пот всегда казался мне хорошей штукой, признаком настоящего *мужчины*. Но иногда в такой жаре заводятся кусачие насекомые, пауки, например. Знаете ли вы, что самки паука жалят и съедают своих дружков? Сразу после полового акта.

И еще, я слышу шорох за стенами. Мне это не нравится.

Я писал много часов подряд, и кончик моего фломастера совсем измочален. Но теперь я кончил. И вещи предстали передо мной в несколько ином свете. Все теперь выглядит совершенно иначе.

Можете себе представить, что на какое-то время им почти удалось убедить меня, что я сам совершил все эти ужасные вещи? Эти люди из столовой для водителей, этот парень, которому удалось убежать от меня. Они утверждают, что я был один. Я был один, когда они нашли меня почти замерзшим у символических надгробий моего отца, моей матери, моего брата Дрейка. Но это говорит только о том, что она ушла, вам это должно быть ясно. Это ясно и дураку. Но я рад, что она ушла. Я действительно рад. Но вы должны понять, что она все время была со мной, на протяжении всего пути.

Сейчас я собираюсь убить себя. Это очень хороший выход из положения. Я устал от чувства вины, от мучений и от плохих снов. А еще мне не нравится шум за стеной. Там может оказаться кто угодно. Или что угодно.

Я не сумасшедший. Я знаю об этом и верю, что вы тоже об этом знаете. Если вы утверждаете, что вы не сумасшедший, то это как раз должно свидетельствовать о том, что вы сошли с ума, но мне нет дела до этих хитростей. Она была со мной. Она была реальной. Я

люблю ее. Настоящая любовь никогда не умрет. Так я подписывал все свои письма Бетси. Те самые, которые потом рвал на мелкие кусочки.

Но Нона была единственной, кого я по-настоящему любил за всю свою жизнь.

Здесь так жарко. И мне не нравится шорох за стеной.

Любишь?

Да, люблю.

И настоящая любовь никогда не умрет.

ОБЕЗЬЯНА

ОБЕЗЬЯНА

Когда Хэл Шелбурн увидел то, что его сын Дэнис вытащил из заплесневевшей картонной коробки, задвинутой в самый угол чердака, его охватило такое чувство ужаса и тревоги, что он чуть не вскрикнул. Он поднес ладонь ко рту, как будто пытаясь запихнуть крик обратно... и тихонько кашлянул. Ни Терри ни Дэнис ничего не заметили, но Питер обернулся, мгновенно заинтересовавшись.

«Что это?» — спросил Питер. Он еще раз посмотрел на отца, прежде чем снова перевести взгляд на то, что нашел его старший брат. «Что это, папочка?»

«Это обезьяна, кретин», — сказал Дэнис. «Ты что, никогда раньше не видел обезьяны?»

«Не называй своего брата кретином», — сказала Терри автоматически и принялась перебирать содержимое коробки с занавесками. Занавески оказались покрытыми склизкой плесенью, и она выронила их с криком отвращения.

«Можно я возьму ее себе, папочка?» — спросил Питер. Ему было девять лет.

«Это по какому случаю?» — заорал Дэнис. «Я ее нашел!»

«Дети, тише», — сказала Терри. «У меня начинает болеть голова».

Хэл почти не слышал их. Обезьяна смотрела на него, сидя на руках у его старшего сына, и усмехалась давно знакомой ему усмешкой. Той самой усмешкой, которая неотступно преследовала его в ночных кошмарах, когда он был ребенком. Преследовала его до тех пор, пока он не...

Снаружи поднялся порыв холодного ветра, и на мгновение бесплотные губы извлекли из старой проржавевшей водосточной трубы долгий, протяжный звук. Питер сделал

шаг к отцу, напряженно переводя взгляд на утыканную гвоздями чердачную крышу.

«Что это было, папочка?» — спросил он после того, как звук перешел в слабое гортанное гудение.

«Просто ветер», — сказал Хэл, все еще не отрывая взгляда от обезьяны. Тарелки, которые она держала в руках, не были круглыми и напоминали медные полу-месяцы. Они застыли в абсолютной неподвижности на расстоянии около фута одна от другой. «Ветер может издавать звуки, но он не может выпеть мелодию», — добавил он автоматически. Затем он понял, что это были слова дяди Уилла, и мурашки пробежали у него по коже.

Звук повторился. С Кристального озера налетел мощный, гудящий порыв ветра и заходил по трубе. Полдюжины крохотных сквозняков дохнули холодным октябрьским воздухом в лицо Хэла — Боже, этот чердак так похож на задний чулан дома в Хартфорде, что, возможно, все они перенеслись на тридцать лет в прошлое.

Я не буду больше думать об этом.

Но в этот момент, конечно, это было единственным, о чем он мог думать.

В заднем чулане, где я нашел эту чертову обезьяну в точно такой же коробке.

Наклоня голову из-за резкого наклона крыши чердака, Терри отошла в сторону, чтобы исследовать содержимое деревянной коробки с безделушками.

«Мне она не нравится», — сказал Питер, нащупывая руку Хэла. «Дэнис может взять ее себе, если хочет. Мы можем идти, папочка?»

«Боишься привидений, дерьмо цыплячье?» — осведомился Дэнис.

«Дэнис, прекрати», — сказала Терри с отсутствующим видом. Она подобрала тонкую фарфоровую чашку с китайским узором. «Это очень мило. Это...»

Хэл увидел, что Дэнис нашел в спине обезьяны заводной ключ. Черные крылья ужаса распростерлись над ним.

«Не делай этого!»

Он выкрикнул это более резко, чем собирался, и выхватил обезьяну из рук Дэниса еще до того, как понял, что

делает. Дэнис оглянулся на него с удивленным видом. Терри тоже обернулась, и Питер поднял глаза. На мгновение все они замолчали, и ветер снова засвистел очень низким, неприятным подзывающим свистом.

«То есть, я хотел сказать, что она, наверное, сломана», — сказал Хэл.

Она всегда была сломана... за исключением тех случаев, когда ей не хотелось этого.

«Но это не причина меня грабить», — сказал Дэнис.

«Дэнис, заткнись».

Дэнис моргнул и на секунду приобрел почти встревоженный вид. Хэл давно уже не говорил с ним так резко. С тех пор, как потерял работу в «Нэшнл Аэродайн» в Калифорнии два года назад и они переехали в Техас. Дэнис решил не задумываться об этом... пока. Он снова повернулся к картонной коробке и начал рыться в ней, но там остался один только хлам. Сломанные игрушки с торчащими пружинами и вылезающей набивкой.

Звук ветра становился все громче, он уже гудел, а не свистел. Чердак начал слегка потрескивать со звуком, напоминающим чьи-то шаги.

«Ну пожалуйста, папочка», — попросил Питер так тихо, что слова были слышны лишь его отцу.

«Ну да», — сказал он. «Терри, пошли».

«Но я еще не кончила разбирать это...»

«Я сказал, пошли».

На этот раз пришел ей черед удивиться.

Они сняли две смежных комнаты в мотеле. В тот вечер дети уснули в своей комнате в десять часов. Терри спала отдельно от них. Она приняла две таблетки валиума на обратной дороге из их дома в Каско, чтобы успокоить нервы и предотвратить подступающую мигрень. В последнее время она часто принимала валиум. Это началось примерно в то же время, когда компания «Нешнл Аэродайн» уволила Хэла. В последние два года он работал на «Тексас Инструментс». Он получал на четыре тысячи долларов в год меньше, но это была работа. Он сказал Терри, что им страшно повезло. Она согласилась. Он сказал, что множество программистов остаются вообще без работы. она

согласилась. Он сказал, что дом в Арнетте так же хорош, как и дом во Фресно. Она согласилась, но ему показалось, что ее согласие на все это было лживым.

И кроме того он терял связь с Дэнисом. Он чувствовал, как ребенок со все большей, преждевременно набранной скоростью удаляется от него. Прощай, Дэнис, до свидания, незнакомец, было так славно ехать с тобой одним поезде. Терри сказала, что ей кажется, будто мальчик курит сигареты с марихуаной. Ей несколько раз удалось уловить запах. Ты должен поговорить с ним, Хэл. И он согласился, но пока не сделал этого.

Мальчики спали. Терри спала. Хэл зашел в ванную комнату, сел на закрытую крышку унитаза и посмотрел на обезьяну.

Он ненавидел ощущение прикосновения к этому мягкому, пушистому, коричневому меху, местами уже вытершемуся. Он ненавидел эту усмешку — *эта обезьяна скалится как черномазый*, сказал однажды дядя Уилл, но усмешка ее не была похожа на усмешку негра, в ней вообще не было ничего человеческого. Ее усмешка состояла из одних зубов, и если завести ее, губы начинали двигаться, зубы, казалась, становились больше, как вампира, губы искрились, а тарелки начинали греметь, глупая обезьяна, глупая заводная обезьяна, глупая, глупая...

Он уронил ее. Его пальцы дрожали, и он уронил ее.

Ключ звякнул о плитку, когда она ударилась об пол. Звук показался очень громким в окружающей тишине. Она смотрела на него своими темными янтарными глазами, глазами куклы, полными идиотской радости, а ее медные тарелки были занесены так, как будто она собиралась начать выстукивать марш для какого-нибудь адского оркестра. Сзади стоял штамп «Сделано в Гонконге».

«Ты не могла оказаться здесь», — прошептал он. «Я выбросил тебя в колодец, когда мне было девять лет».

Обезьяна усмехнулась ему.

Мотель задрожал от порыва черного, ночного ветра.

Брат Хэла Билл и его жена Колетт встретили их на следующий день в доме дяди Уилла и тети Иды. «Тебе никогда не приходило в голову, что смерть в семье — не

самый лучший повод для возобновления семейных связей?» — спросил его Билл с легкой тенью усмешки. Его называли в честь дяди Уилла. Уилл и Билл, чемпионы родео, — часто говорил дядя Уилл, ероша волосы Билла. Это была одна из его поговорок... вроде той, что ветер может свистеть, но он не может напеть мелодию. Дядя Уилл умер шесть лет назад, и тетя Ида жила здесь одна, до тех пор пока удар не хватил ее как раз на предыдущей неделе. Очень неожиданно, — сказал Билл, позвонив им, чтобы сообщить печальную новость. Как будто он мог предвидеть ее смерть, как будто это вообще возможно. Она умерла в одиночестве.

«Ну да», — сказал Хэл. «Эта мысль приходила мне в голову».

Они вместе посмотрели на дом, на дом, в котором они выросли. Их отец, моряк торгового судна, словно исчез с лица земли, когда они были еще детьми. Билл утверждал, что смутно помнит его, но у Хэла не осталось от него никаких воспоминаний. Их мать умерла, когда Биллу было десять лет, а Хэлу восемь. Тетя Ида привезла их сюда из Хартфорда на автобусе. Они выросли здесь и были отправлены в колледж. Они скучали по этому дому. Билл остался в Мэйне и вел преуспевающую юридическую практику в Портленде.

Хэл заметил, что Питер направился к зарослям ежевики, которая росла в сумасшедшем беспорядке у восточного крыла дома. «Не ходи туда, Питер», — крикнул он.

Питер вопросительно обернулся. Хэл остро почувствовал любовь к своему сыну... и неожиданно снова подумал об обезьяне.

«Почему, папочка?»

«Где-то там должен быть старый колодец», — сказал Билл. «Но черт меня побери, если я помню, где он. Твой отец прав, Питер, — лучше подальше держаться от этого места. А то потом хлопот не оберешься с колючками. Так, Хэл?»

«Так», — сказал Хэл автоматически. Питер отошел, не оглядываясь, и стал спускаться вниз к галечному пляжу, где Дэнис запускал по воде плоские камешки. Хэл почувствовал, что тревога у него в груди понемногу стихает.

Хотя Билл и забыл то место, где был старый колодец, в тот же день Хэл безошибочно вышел к нему, продираясь через заросли ежевики, шипы которой впивались в его старый фланелевый жакет и хищно тянулись к его глазам. Он наконец дошел и стоял, тяжело дыша и глядя на подгнившие, покоробленные доски, прикрывавшие колодец. После секундной нерешительности он наклонился (коленные суставы хрустнули) и отодвинул две доски.

Со дна этой влажной пасти на него смотрело лицо. Широко раскрытые глаза, искаженный рот. У него вырвался стон. Он не был громким, разве что в его сердце. Но там он был просто оглушительным.

Это было его собственное лицо, отражавшееся в темной воде.

Не морда обезьяны. На мгновение ему показалось, что это была именно она.

Его трясло. Трясло с ног до головы.

Я выбросил ее в колодец. Я выбросил ее в колодец. Прошу тебя, Господи, не дай мне сойти с ума. Я выбросил ее в колодец.

Колодец высох в то лето, когда умер Джонни МакКэйб, в тот год, когда Билл и Хэл переехали к дяде Уиллу и тете Иде. Дядя Уилл взял в банке ссуду на устройство артезианской скважины, и заросли ежевики разрослись вокруг старого колодца.

Но вода вернулась. Как и обезьяна.

На этот раз уже не было сил бороться с памятью. Хэл безнадежно присел, позволяя воспоминаниям нахлынуть, пытаясь отдаться их потоку, оседлать их, как серфингист оседлывает гигантскую волну, которая уничтожит его, если он не удержится на доске, пытаясь пережить их заново, чтобы еще раз оставить их в прошлом.

В то лето он пробрался с обезьяной к этому месту во второй половине дня. Ягоды ежевики уже поспели, их запах был густым и приторным. Никто не приходил сюда собирать их, хотя тетя Ида иногда и останавливалась у опушки зарослей и собирала горсточку ягод в свой передник. Здесь ягоды уже перезрели, некоторые из них гнили, выделяя густую белую жидкость, похожую на гной. Внизу под

ногами, в густой траве пели сверчки, издавая свой бесконечный, безумный крик: *Ришиши...*

Шипы впились в его тело, капли крови набухли у него на щеках и на голых руках. Он и не пытался уклоняться от веток. Он был ослеплен ужасом, ослеплен до такой степени, что чуть не наступил на гнилые доски, прикрывавшие колодец, и, возможно, чуть не провалился в тридцатифутовую глубину колодца, на грязное дно. Он замахал руками, пытаясь сохранить равновесие, и еще несколько шипов впились ему в предплечья. Именно воспоминание об этом моменте заставило его так резко позвать Питера назад.

Это было в тот день, когда умер Джонни МакКэйб, его лучший друг. Джонни лез по ступенькам приставной лестницы в свой шалаш, устроенный на дереве на заднем дворе. Оба они провели там много часов тем летом, играя в пиратов, разглядывая воображаемые галеоны, плывущие по озеру, и готовясь идти на абордаж. Джонни лез в свой шалаш, как он делал это уже тысячи раз, когда ступенька, расположенная как раз под люком в полу шалаша, треснула у него под рукой, и Джонни пролетел тридцать футов до земли и сломал свою шею и это она была виновата, обезьяна, чертова ненавистная обезьяна. Когда зазвонил телефон, когда рот тети Иды широко раскрылся от ужаса после того, как ее подруга Милли позвонила ей с улицы, чтобы рассказать печальные новости, тетя Ида сказала: «Выйдем во двор, Хэл, я должна сообщить тебе что-то очень грустное...» И он подумал с вызывающим тошноту ужасом: «Обезьяна! Что она натворила на этот раз?»

В тот день, когда он выбросил обезьяну в колодец, на дне не было видно никакого отражения, только каменные будыжники и вонь влажной грязи. Он посмотрел на обезьяну, лежащую на жесткой траве, с занесенными для удара тарелками, с вывернутыми наружу губами, с оскаленными зубами, с вытертым мехом, с грязными пятнами тут и там, с тусклыми глазами.

«Я ненавижу тебя», — прошипел он ей. Он сжал рукой ее отвратительное тельце, чувствуя, как шевелится пушистый мех. Она усмехнулась ему, когда он поднес ее к лицу.

«Ну, давай», — осмелился он, начиная плакать впервые за этот день. Он потряс ее. Зенесенные для удара тарелки слегка задрожали. Обезьяна портила все хорошее. Буквально все. «Ну, давай, ударь ими! Ударь!»

Обезьяна только усмехнулась.

«Давай, ударь ими!» — его голос истерически задрожал. «Давай, ударь ими! Я заклинаю тебя! Я дважды заклинаю тебя!»

Эти желто-коричневые глаза. Эти огромные радостные зубы.

И тогда он выбросил ее в колодец, обезумев от горя и ужаса. Он видел как она перевернулась в полете, обезьяний акробат, выполняющий сложный трюк, и солнце сверкнуло в последний раз в ее тарелках. Она ударилась о дно с глухим стуком, и, возможно, именно этот удар запустил ее механизм. Неожиданно тарелки все-таки начали стучать. Их равномерный, обдуманый, металлический звук достигал его ушей, отдаваясь и замирая в каменной глотке мертвого колодца: *дзынь-дзынь-дзынь-дзынь...*

Хэл зажал ладонями рот. На мгновение ему показалось, что он видит ее внизу, хотя, возможно, это было лишь воображение. Лежа там, в грязи, уставившись в крохотный кружок его детского лица, склонившегося над краем колодца (как будто ставя на это лицо вечную отметину), с раздвигающимися и сжимающимися губами вокруг оскаленных в усмешке зубов, стуча тарелками, забавная заводная обезьяна.

Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь, кто умер? Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь, это Джонни МакКэйб, падающий с широко раскрытыми глазами, выполняющий свой собственный акробатический прыжок, летящий в летнем воздухе со все еще зажатой в руке отломившейся ступенькой, чтобы наконец удариться об землю с резким хрустом, и кровь хлещет из носа, изо рта, из широко раскрытых глаз. Это Джонни, Хэл? Или, может быть, это ты?

Застонав, Хэл закрыл отверстие досками, занозив себе руки, но не обратив на это внимание, даже не почувствовав боли. Он все еще мог слышать, даже сквозь доски, приглушенный и от этого еще более отвратительный звон тарелок,

раздающийся в крошечной темноте. Звуки доходили до него как во сне.

Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь, кто умер на этот раз?

Он пробирался обратно через колючие заросли. Шипы прочерчивали на его лице новые кровотокающие царапины, репейник цеплялся за отвороты его джинсов, и один раз, когда он выпрямился, он вновь услышал резкие звуки и ему показалось, что она преследует его. Дядя Уилл нашел его позже сидящим на старой шине в гараже и плачущим. Он подумал, что Хэл плачет о своем погибшем друге. Так оно и было, но другой причиной его плача был испытанный им ужас.

Он выбросил обезьяну в колодец во второй половине дня. В тот вечер, когда сумерки подползли, завернувшись в мерцающую мантию стелящегося по земле тумана, машина, едущая слишком быстро для такой плохой видимости, задавила бесхвостую кошку тети Иды и унеслась прочь. Повсюду были разбросаны полураздавленные внутренности, Билла вырвало, но Хэл только отвернул лицо, свое бледное, спокойное лицо, слыша, как словно где-то вдалеке рыдает тетя Ида. Это событие, последовавшее за известиями о маленьком МакКэйбе, вызвало у нее почти истерический припадок рыданий, и дяде Уиллу потребовалось около двух часов, чтобы окончательно успокоить ее. Сердце Хэла было исполнено холодной, ликующей радости. Это не был его черед. Это был черед бесхвостой кошки тети Иды, но ни его, ни его брата Билла или дяди Уилла (двух чемпионов родео). А сейчас обезьяна исчезла, она была на дне колодца, и одна грязная бесхвостая кошка с клешнями в ушах была не слишком дорогой ценой за это. Если обезьяна захочет стучать в свои чертовы тарелки теперь — пожалуйста. Она может услаждать их звуками гусениц и жуков, всех тех темных созданий, которые устроили себе дом в глотке каменного колодца. Она сгниет там. Ее отвратительные шестеренки, колесики и пружины превратятся в ржавчину. Она умрет там. В грязи, в темноте. И пауки соткут ей саван.

Но... она вернулась.

Медленно Хэл снова закрыл колодец, так же, как он это сделал тогда, и в ушах у себя услышал призрачное эхо

обезьяних тарелок: *Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь, кто умер, Хэл? Терри? Дэнис? Или Питер, Хэл? Он твой любимчик, не так ли? Так это он? Дзынь-дзынь-дзынь...*

«Немедленно положи это!»

Питер вздрогнул и уронил обезьяну, и на одно кошмарное мгновение Хэлу показалось, что это сейчас произойдет, что толчок запустит механизм и тарелки начнут стучать и звенеть.

«Папа, ты испугал меня».

«Прости меня. Я просто... Я не хочу, чтобы ты играл с этим».

Все остальные ходили смотреть фильм, и он предполагал, что вернется в мотель раньше их. Но он оставался в доме дяди Уилла и тети Иды дольше, чем предполагал. Старые, ненавистные воспоминания, казалось, перенесли его в свою собственную временную зону.

Терри сидела рядом с Дэнисом и читала газету. Она уставилась на старую, шероховатую газету с тем неотрывным, удивленным вниманием, которое свидетельствовало о недавней дозе валиума. Дэнис читал рок-журнал. Питер сидел скрестив ноги на ковре, дурачась с обезьяной.

«Так или иначе она не работает», — сказал Питер. Вот почему Дэнис отдал ее ему, — подумал Хэл, а затем почувствовал стыд и рассердился на себя самого. Он все чаще и чаще испытывал эту неконтролируемую враждебность к Дэнису и каждый раз впоследствии ощущал свою низость и ... липкую беспомощность.

«Не работает», — сказал он. «Она старая. Я собираюсь выбросить ее. Дай ее сюда».

Он протянул руку, и Питер с несчастным видом передал ему обезьяну.

Дэнис сказал матери: *«Папаша становится чертовым шизофреником».*

Хэл оказался в другом конце комнаты еще прежде, чем он успел подумать об этом. Он шел с обезьяной в руке, усмехавшейся, словно в знак одобрения. Он схватил Дэниса за ворот рубашки и поднял его со стула. Раздался мурлыкающий звук: кое-где разошлись швы. Дэнис выглядел

почти комично испуганным. Номер «Рок-волны» упал на пол.

«Ой!»

«Ты пойдешь со мной», — сказал Хэл жестко, подталкивая сына к двери в смежную комнату.

«Хэл!» — почти закричала Терри. Питер молча устремил на него изумленный взгляд.

Хэл затолкал Дэниса в комнату. Он хлопнул дверью, а затем прижал к двери Дэниса. Дэнис приобрел испуганный вид.

«У тебя, похоже, слишком длинный язык», — сказал Хэл.

«Отпусти меня! Ты порвал мою рубашку, ты...»

Хэл тряхнул его еще раз. «Да», — сказал он. «Действительно, слишком длинный язык. Разве тебя не учили в школе правильно выражаться? Или, может быть, ты этому учишься в курилке?»

Дэнис мгновенно покраснел, его лицо безобразно искалось в виноватой гримасе. «Я не ходил бы в эту дерьмовую школу, если бы тебя не уволили», — выкрикнул он.

Хэл еще раз тряхнул Дэниса. «Я не был уволен, меня освободили от работы временно, и ты прекрасно об этом знаешь, и я не хочу больше слышать от тебя эту чепуху. У тебя есть проблемы? Ну что ж, добро пожаловать в мир, Дэнис. Но только не надо сваливать все свои трудности на меня. Ты сыт. Твоя задница одета. Тебе двенадцать лет, и в двенадцать лет я не... желаю слышать от тебя... всякое дерьмо». Он отмечал каждую фразу, прижимая мальчика к себе до тех пор, пока их носы почти не соприкоснулись, и затем вновь отшвырнув его к двери. Это было не настолько сильно сделано, чтобы ушибить его, но Дэнис испугался. Отец никогда не поднимал на него руки с тех пор, как они переехали в Техас. Дэнис начал плакать, издавая громкие, неприятные, мощные всхлипы.

«Ну, давай, побей меня!» — завопил он Хэлу. Лицо его искривилось и покрылось красными пятнами. «Побей меня, если тебе так хочется этого, я знаю, как ты ненавидишь меня!»

«Я не ненавижу тебя. Я очень тебя люблю, Дэнис. Но я твой отец, и ты должен уважительно относиться ко мне, иначе тебе достанется от меня».

Дэнис попытался высвободиться. Хэл притянул ребенка к себе и крепко обнял его. Мгновение Дэнис сопротивлялся, а затем прижался лицом к груди Хэла и заплакал в полном изнеможении. Такого плача Хэл никогда не слышал ни у одного из своих детей. Он закрыл глаза, понимая, что и сам он обессилел.

Терри начала молотить в дверь с другой стороны. «Прекрати это, Хэл! Что бы ты ни делал с ним, прекрати немедленно!»

«Я не собираюсь его убивать», — сказал Хэл. «Оставь нас, Терри».

«Ты не...»

«Все в порядке, мамочка», — сказал Дэнис, уткнувшись в грудь Хэла.

Он ощущал ее недолгое озадаченное молчание, а затем она ушла. Хэл снова посмотрел на сына.

«Прости меня, за то что я обозвал тебя, папочка», — неохотно проговорил Дэнис.

«Хорошо. Я охотно принимаю твои извинения. Когда мы вернемся домой на следующей неделе, я подожду два или три дня, а затем обыщу все твои ящики. Если в них находится что-нибудь такое, что ты не хотел бы мне показывать, то я тебе советую избавиться от этого».

Снова краска вины. Дэнис опустил глаза и вытер нос тыльной стороной руки.

«Я могу идти?» — его голос вновь звучал угрюмо.

«Конечно», — сказал Хэл и отпустил его. *Надо поехать с ним куда-нибудь весной и пожить в палатке вдвоем. Пойдуть рыбу, как дядя Уилл со мной и Биллом. Надо сблизиться с ним. Надо попытаться.*

Он сел на кровать в пустой комнате и посмотрел на обезьяну. *Ты никогда уже не сблизись с ним, Хэл, — казалось, говорила ему ее усмешка. Запомни это. Я здесь, чтобы обо всем позаботиться, ты всегда знал что однажды я буду здесь.*

Хэл отложил обезьяну и закрыл ладонями лицо.

Вечером Хэл стоял в ванной комнате, чистил зубы и думал. *Она была в той же самой коробке. Как могла она оказаться в той же самой коробке?*

Зубная щетка больно задела десну. Он поморщился.

Ему было четыре, Биллу шесть, когда впервые он увидел обезьяну. Их отец купил им дом в Хартфорде еще до того, как умер, или провалился в дыру в центре мира, или что там с ним еще могло случиться. Их мать работала секретарем на вертолетном заводе в Уэствилле, и целая галерея гувернанток, смотрящих за детьми, побывала в доме. Потом настал момент, когда очередной гувернантке надо было следить и ухаживать за одним только Хэлом, Билл пошел в первый класс. Ни одна из гувернанток не задержалась надолго. Они забеременевали и выходили замуж за своих дружков, или находили работу на вертолетном заводе, или миссис Шелбурн заставляла их за тем, как они с помощью воды возмещали недостачу хереса или бренди, хранившегося в буфете для особо торжественных случаев. Большинство из них были глупыми девицами, все желания которых сводились к тому, чтобы поесть и поспать. Никто не хотел читать Хэлу, как это делала его мать.

Той длинной зимой за ним присматривала огромная, лоснящаяся чернокожая девка по имени Була. Она лебезила перед Хэлом, когда мать была поблизости, и иногда щипала его, когда ее не было рядом. И тем не менее Була даже нравилась Хэлу. Иногда она прочитывала ему страшную сказку из религиозного журнала или из сборника детективов («Смерть пришла за ржым сладострастником», — произносила она зловеще в сонной дневной тишине гостиной и запихивала себе в рот очередную горсть арахисовых орешков, в то время как Хэл внимательно изучал шероховатые картинки из бульварных газет и пил молоко). Симпатия Хэла к Буле сделала случившееся еще ужаснее.

Он нашел обезьяну холодным, облачным мартовским днем. Дождь со снегом изредка прочерчивал дорожки на оконных стеклах. Була спала на кушетке с раскрытым журналом на ее восхитительной груди.

Хэл пробрался в задний чулан для того, чтобы поискать там вещи своего отца.

Задний чулан представлял собой помещение для хранения, протянувшееся по всей длине левого крыла на третьем этаже. Лишнее пространство, которое так и не было приведено в жилой вид. Туда можно было попасть через маленькую дверцу, больше напоминавшую кроличью нору, которая была расположена в принадлежащей Биллу половине детской спальни. Им обоим нравилось бывать там несмотря на то, что зимой там бывало холодно, а летом — так жарко, что с них сходило семь потов. Длинный, узкий и в чем-то даже уютный задний чулан был полон разного таинственного хлама. Сколько бы вы ни рылись в нем, каждый раз находилось что-то новое. Он и Билл проводили там все свои субботние вечера, едва переговариваясь друг с другом, вынимая вещи из коробок, изучая их, вертя их так и сяк, чтобы руки могли запомнить уникальную реальность каждой из них. Хэл подумал, что, возможно, это была попытка установить хоть какой-нибудь контакт с их исчезнувшим отцом.

Он был моряком торгового судна и имел удостоверение штурмана. В чулане лежали стопки карт, некоторые из них были аккуратными кругами (в центре каждого из них была дырочка от компаса). Там были двадцать томов под названием «Справочник Баррона по навигации». Набор косых биноклей, из-за которых, если смотреть сквозь них, в глазах возникало забавное ощущение тепла. Там были разные туристские сувениры из разных портов: каучуковые куклы хула-хула, черный картонный котелок с порванной лентой, стеклянный шарик с крошечной Эйфелевой башней внутри. Там были конверты с иностранными марками и монетами. Там были осколки скал с острова Мауи Гавайского архипелага, сверкающе черные, тяжелые и в чем-то зловещие, и забавные граммофонные пластинки с надписями на иностранных языках.

В тот день, когда дождь со снегом мерно стекал по крыше прямо у него над головой, Хэл пробрался к самому дальнему концу чулана, отодвинул коробку и увидел за ней другую. Из-за крышки на него смотрела пара блестящих карих глаз. Они заставили его вздрогнуть, и он на мгновение отпрянул с гулко бьющимся сердцем, словно он натол-

кнулся на мертвого пигмея. Затем он заметил неподвижность и тусклый блеск этих глаз и понял, что перед ним какая-то игрушка. Он вновь приблизился и вынул ее из коробки.

В желтом свете она оскалилась своей зубастой усмешкой, ее тарелки были разведены в стороны.

В восхищении Хэл вертел ее в руках чувствуя шевеление ее пушистого меха. Ее забавная усмешка понравилась ему. Но не было ли чего-то еще? Какого-то почти инстинктивного чувства отвращения, которое появилось и исчезло едва ли не раньше, чем он успел осознать его? Возможно, это было и так, но вспоминая о таких далеких временах не следует слишком полагаться на свою память. Старые воспоминания могут обмануть. Но...не заметил ли он того же выражения на лице Питера, когда они были на чердаке?

Он увидел, что в спину ей вставлен ключ, и повернул его. Он повернулся слишком легко, не было слышно позвякиваний заводимого механизма. Значит, сломана. Сломана, но выглядит по-прежнему неплохо.

Он взял ее с собой, чтобы поиграть с ней.

«Что это там у тебя такое, Хэл?» — спросила Була, стряхивая с себя дремоту.

«Ничего», — сказал Хэл. «Я нашел это».

Он поставил ее на полку на своей половине спальни. Она стояла на его книжках для раскрашивания, усмехаясь, уставясь в пространство, с занесенными для удара тарелками. Она была сломана и тем не менее она усмехалась. В ту ночь Хэл проснулся от какого-то тяжелого сна с полным мочевым пузырем и отправился в ванную комнату. В другом конце комнаты спал Билл — дышащая груда одеял.

Хэл вернулся и уже почти заснул опять... и вдруг обезьяна стала стучать тарелками в темноте.

Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь...

Сон мигом слетел с него, как будто его хлопнули по лицу мокрым полотенцем. Его сердце подпрыгнуло от удивления, и еле слышный, мышинный писк вырвался у него изо рта. Он уставился на обезьяну широко раскрытыми глазами. Губы его дрожали.

Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь...

Ее тело раскачивалось и изгибалось на полке. Ее губы раздвигались и вновь смыкались, отвратительно веселые, обнажающие огромные и кровожадные зубы.

«Остановись», — прошептал Хэл.

Его брат перевернулся набок и издал громкий всхрап. Все вокруг было погружено в тишину... за исключением обезьяны. Тарелки хлопали и звенели, наверняка они разбудят его брата, его маму, весь мир. Они разбудили бы даже мертвого.

Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь...

Хэл двинулся к ней, намереваясь остановить ее каким-нибудь способом, например, всунуть руку между тарелок и держать ее там до тех пор, пока не кончится завод. Но внезапно она остановилась сама по себе. Тарелки соприкоснулись в последний раз — *дзынь!* — и затем снова разошлись в исходное положение. Медь мерцала в темноте. Скалились грязные, желтые обезьяньи зубы.

Дом вновь погрузился в тишину. Его мама повернулась в потели и эхом отозвалась на храп Билла. Хэл вернулся в свою постель и натянул на себя одеяла. Его сердце билось как сумасшедшее, и он подумал: Я отнесу ее завтра в чулан. Мне она не нужна.

Но на следующий день он забыл о своем намерении, так как его мать не пошла на работу. Була была мертва. Мать не сказала им, что же в точности произошло. «Это был несчастный случай», — вот все, что она сказала им. Но в тот день Билл купил газету по пути домой их школы и контрабандой пронес в их комнату под рубашкой четвертую страницу. Запинаясь, Билл прочел статью Хэлу, пока мать готовила ужин на кухне, но Хэл и сам мог прочесть заголовок — ДВОЕ ЗАСТРЕЛЕНЫ В КВАРТИРЕ. Була МакКэфери, 19 лет, и Салли Тремонт, 20 лет, застрелены знакомым мисс МикКэфери Леонардом Уайтом, 25 лет, в результате спора о том, кто пойдет за заказанной китайской едой. Мисс Тремонт скончалась в приемном покое Хартфордской больницы. Сообщается, что Була МакКэфери умерла на месте.

Хэл Шелбурн подумал, что это выглядело так, будто Була просто исчезла на страницах одного из своих журна-

лов с детективными историями, и мурашки побежали у него по спине, а сердце сжалось. Затем он внезапно осознал, что выстрелы прозвучали примерно в то же время, когда обезьяна...

«Хэл?» — позвала Терри сонным голосом. «Ты идешь?»

Он выплюнул пасту в раковину и прополоскал рот. «Да», — ответил он.

Еще раньше он положил обезьяну в чемодан и запер его. Они летят обратно в Техас через два или три дня. Но прежде чем они уедут, он избавится от этого проклятого создания навсегда.

Каким-нибудь способом.

«Ты был очень груб с Дэнисом сегодня», — сказала Терри из темноты.

«Мне кажется, что Дэнису именно сейчас было необходимо, чтобы кто-нибудь был с ним резок. Он начал выходить из-под контроля. Я не хочу, чтобы это плохо кончилось».

«С психологической точки зрения, побои едва ли приносят пользу и могут...»

«Я не бил его, Терри, ради Бога!»

«...укрепить родительский авторитет».

«Только не надо мне излагать всю эту психологическую ерунду», — сердито сказал Хэл.

«Я вижу, ты не хочешь обсуждать это». Ее голос был холоден.

«Я также сказал ему, чтобы он вышвырнул из дома наркотики».

«Ты сказал?» На этот раз ее голос звучал встревоженно. «И как он это воспринял? Что он ответил?»

«Ну же, Терри! Что он мог сказать мне? Отгадай! У тебя достаточно вдохновения?»

«Хэл, что случилось с тобой? Ты не такой, как обычно. Что-то не так?»

«Все в порядке», — ответил он, думая о запертой в чемодане обезьяне. Услышит ли он, если она начнет стучать тарелками? Да, конечно, услышит. Приглушенно, но различимо. Выстукивая для кого-то судьбу, как это уже было для Булы, Джонни МакКэйба, собаки дяди Уилла Дэзи.

Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь, это ты, Хэл? «Я просто слегка перенапрягся».

«Я надеюсь, что дело только в этом. Потому что ты мне таким не нравишься».

«Не нравлюсь?» Слова вылетели прежде, чем он успел удержать их. «Так выпей еще валиума, и все будет снова о'кей».

Он слышал, как она сделала глубокий вдох, а затем судорожно выдохнула. Потом она начала плакать. Он мог бы ее успокоить (вероятно), но в нем самом не было покоя. В нем был только ужас, слишком много ужаса. Будет лучше, когда обезьяна исчезнет, исчезнет навсегда. Прошу тебя, Господи, навсегда.

Он лежал с открытыми глазами очень долго, до тех пор, пока воздух за окном не стал сереть. Но ему казалось, что он знает, что надо делать.

Во второй раз обезьяну нашел Билл.

Это случилось примерно год спустя после того, как была убита Була МакКэфери. Стояло лето. Хэл только что закончил детский сад.

Он вошел в дом, наигравшись во дворе. Мать крикнула ему: «Помойте руки, сеньор, вы грязны, как свинья». Она сидела на веранде, пила холодный чай и читала книгу. У нее был двухнедельный отпуск.

Хэл символически подставил руки под холодную воду и вытер всю грязь о полотенце. «Где Билл?»

«Наверху. Скажи ему, чтобы убрал свою половину комнаты. Там страшный беспорядок».

Хэл, которому нравилось сообщать неприятные известия в подобных случаях, бросился наверх. Билл сидел на полу. Маленькая, напоминающая кроличью нору дверка, ведущая в задний чулан, была приоткрыта. В руках у него была обезьяна.

«Она испорчена», — немедленно сказал Хэл.

Он испытал некоторое опасение, хотя он едва ли помнил свое возвращение из ванной комнаты, когда обезьяна внезапно начала стучать тарелками. Неделю или около того спустя он видел страшный сон об обезьяне и Буле — он не мог в точности вспомнить, в чем там было дело — и

проснулся от собственного крика, подумав на мгновение, что что-то легкое на его груди было обезьяной, что, открыв глаза, он увидит ее усмешку. Но, разумеется, что-то легкое оказалось всего лишь подушкой, которую он сжимал с панической силой. Мать пришла успокоить его со стаканом воды и двумя оранжевыми таблетками детского аспирина, которые служили своеобразным эквивалентом валиума для детских несчастий. Она подумала, что кошмар был вызван смертью Булы. Так оно и было в действительности, но не совсем так, как это представляла себе его мать.

Он едва ли помнил все это сейчас, но обезьяна все-таки пугала его, в особенности, своими тарелками. И зубами.

«Я знаю», — сказал Билл. «Глупая штука». Она лежала на кровати Билла, уставившись в потолок, с тарелками, занесенными для удара. «Не хочешь пойти к Тедди за леденцами?»

«Я уже потратил свои деньги», — сказал Хэл. «Кроме того, мама велела тебе убрать свою половину комнаты».

«Я могу сделать это и позже», — сказал Билл. «И я одолжу тебе пять центов, если хочешь». Нельзя сказать, чтобы Билл никогда не ставил Хэлу подножек и не пускал в ход кулаки без всякой видимой причины, но в основном они ладили друг с другом.

«Конечно», — сказал Хэл благодарно. «Только я сначала уберу сломанную обезьяну обратно в чулан, ладно?»

«Не а», — сказал Билл, вставая. «Пошли-пошли-пошли».

И Хэл пошел. Нрав у Билла был переменчивый, и если бы Хэл задержался, чтобы убрать обезьяну, он мог бы лишиться своего леденца. Они пошли к Тедди и купили то, что хотели, причем не просто обычные леденцы, а очень редкий черничный сорт. Потом они пошли на площадку, где несколько ребят затеяли игру в бейсбол. Хэл был еще слишком мал для бейсбола, поэтому он уселся в отдалении и сосал свой черничный леденец. Они вернулись домой только когда уже почти стемнело, и мать дала подзатыльник Хэлу за то, что он испачкал полотенце для рук, и Биллу за то, что он не убрал свою половину комнаты. После ужина они смотрели телевизор, и к тому времени Хэл совсем

забыл про обезьяну. Она каким-то образом оказалась на полке Билла рядом с фотографией Билла Бойда, украшенной его автографом. Там она стояла почти два года.

Когда Хэлу исполнилось семь, уже не было никакой нужды в сиделках, и каждое утро, провожая их, миссис Шелбурн говорила: «Билл, следи внимательно за своим братом».

В тот день, однако, Биллу пришлось остаться в школе после уроков, и Хэл отправился домой один, стоя на каждом углу до тех пор, пока вокруг была видна хотя бы одна машина. Затем он, втянув голову в плечи, бросался вперед, как солдат-пехотинец, идущий в атаку. Он нашел под ковриком ключ, вошел в дом и сразу же направился к холодильнику, чтобы выпить стакан молока. Он взял бутылку, а в следующее мгновение она уже выскользнула у него из рук и вдребезги разбилась об пол. Осколки разлетелись по всей кухне.

Дзынь-дзынь-дзынь-дзыньс, неслось сверху, из их спальни. Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь, привет, Хэл! Добро пожаловать домой! Да, кстати, Хэл, ты на этот раз? Пришел и твой черед? Это тебя найдут убитым на месте?

Он стоял там в полной неподвижности и смотрел вниз на осколки стекла и растекающуюся лужу молока. Он был в таком ужасе, что ничего не понимал и ничего не мог объяснить. Но слова звучали словно бы внутри него, сочились из его пор.

Он бросился по лестнице в их комнату. Обезьяна стояла на полке Билла и, казалось, смотрела прямо на Хэла. Она сбила с полки фотографию Билла Бойда с автографом, и та лежала вниз изображением на кровати Билла. Обезьяна раскачивалась, скалилась и стучала тарелками. Хэл медленно приблизился к ней, не желая этого и в то же время не в силах оставаться на месте. Тарелки разошлись, потом ударились одна об другую и разошлись вновь. Когда он подошел ближе, он услышал, как внутри нее работает заводной механизм.

Резко, с криком отвращения и ужаса он смахнул ее с полки, как смахивают ползущего клопа. Она упала сначала

на подушку Билла, а потом — на пол, все еще стуча тарелками, дзынь-дзынь-дзынь. Губы раздвигались и смыкались. Она лежала на спине в блике позднеапрельского солнца.

Хэл ударил ее со всей силы носком ботинка, и на этот раз из груди у него вырвался крик ярости. Обезьяна заскользила по полу, отскочила от стены и осталась лежать неподвижно. Хэл стоял и смотрел на нее, со сжатыми кулаками, с громыхающим сердцем. Она лукаво усмехнулась ему, в одном из ее глаз вспыхнул яркий солнечный блик. Казалось, она говорила ему: *«Пинай меня сколько хочешь, я всего лишь заводной механизм с пружинами и шестеренками внутри. Нельзя же принимать меня всерьез, я всего лишь забавная заводная обезьяна. Кстати, кто там умер? Какой взрыв на вертолетном заводе! Что это там летит вверх, как большой мяч? Это случайно не голова твоей мамы, Хэл? Ну и скачку же затеяла эта голова! Прямо на угол Брук-стрит. Эй, берегись! Машина ехала слишком быстро! Водитель был пьян! Ну что ж, одним Биллом в мире стало меньше! Слышишь ли ты этот хруст, когда колесо наезжает ему на череп и мозги брызжут у него из ушей? Да? Нет? Может быть? Не спрашивай меня, я не знаю, я не могу знать, все что я умею — это бить в тарелки, дзынь-дзынь-дзынь, так кто же найден скончавшимся на месте, Хэл? Твоя мама? Твой брат? А, может, это ты, Хэл? Ты?»*

Он бросился к ней опять, намереваясь растоптать ее, раздавить ее, прыгать на ней до тех пор, пока из нее не посыпятся шестеренки и винтики и ужасные стеклянные глаза не покатаются по полу. Но в тот момент, когда он подбежал к ней, тарелки сошлись очень тихо... (дзынь)... как будто пружина где-то внутри сделала последнее, крохотное усилие... и словно осколок льда прошел по его сердцу, покалывая стенки артерий, успокаивая ярость и вновь наполняя его тошнотворным ужасом. У него возникло чувство, что обезьяна понимает абсолютно все — такой радостной казалась ее усмешка.

Он подобрал ее, зажав ее лапку между большим и указательным пальцами правой руки, отвернув с отвраще-

нием лицо так, как будто он нес разлагающийся труп. Ее грязный вытершийся мех казался на ощупь жарким и живым. Он открыл дверцу, ведущую в задний чулан. Обезьяна усмехалась ему, пока он пробирался вдоль всего чулана между грудками наставленных друг на друга коробок, мимо навигационных книг и фотоальбомов, пахнущих старыми реактивами, мимо сувениров и старой одежды. Хэл подумал: *Если сейчас она начнет стучать тарелками, я вскрикну, и если я вскрикну, она не только усмехнется, она начнет смеяться, смеяться надо мной, и тогда я сойду с ума, и они найдут меня здесь, а я буду бредить и смеяться сумасшедшим хохотом, я сойду с ума, прошу тебя, милый Боженька, пожалуйста, дорогой Иисус, не дай мне сойти с ума...*

Он достиг дальнего конца чулана и отбросил в сторону две коробки, перевернув одну из них, и запихнул обезьяну обратно в картонную коробку в самом дальнем углу. Она аккуратно разместилась там, как будто снова наконец обретя свой дом, с занесенными для удара тарелками, со своей обезьяньей усмешкой, словно приглашавшей посмеяться над удачной шуткой. Хэл отполз назад, весь в поту, охваченный ознобом, в ожидании звона тарелок. А когда этот звон наконец раздастся, обезьяна выскочит из коробки и побежит к нему, как прыткий жук, позвякивая шестеренками, стуча тарелками, и тогда...

... ничего этого не случилось. Он выключил свет и захлопнул маленькую дверцу. Потом он привалился к ней с обратной стороны, часто и тяжело дыша. Наконец-то ему стало немного полегче. Он спустился вниз на ватных ногах, взял пустой пакет и начал осторожно собирать острые зазубренные осколки разбитой бутылки, раздумывая, не суждено ли ему порезаться и истечь кровью — не это ли сулил ему звон тарелок? Но и этого не случилось. Он взял полотенце, вытер молоко, а затем стал ждать, придут ли домой его брат и мать.

Первой пришла мать и спросила: «Где Билл?»

Тихим, бесцветным голосом, окончательно уверившись в том, что его брат будет найден скончавшимся на месте (неизвестно пока каком), Хэл начал говорить о собрании

после уроков, прекрасно зная, что даже если бы собрание было очень-очень длинным, Билл уже должен был бы прийти домой с полчаса назад.

Мать посмотрела на него с недоумением, стала спрашивать, что случилось, а затем дверь отворилась и вошел Билл — хотя, впрочем, это был не совсем Билл, это было привидение Билла, бледное и молчаливое.

«Что случилось?» — воскликнула миссис Шелбурн. «Билл, что случилось?»

Билл начал плакать и сквозь слезы рассказал свою историю. Там была машина, — сказал он. Он и его друг Чарли Сильвермен возвращались вместе после собрания, а из-за угла Брук-стрит выехала машина. Она выехала слишком быстро, и Чарли словно застыл от ужаса. Билл дернул его за руку, но не сумел как следует ухватиться, и машина...

Теперь была очередь Билла страдать от кошмаров, в которых Чарли умирал снова и снова, вышибленный из своих ковбойских ботинок и расплющенный о капот прожравевшего «Хадсон Хорнета», за рулем которого был пьяный. Голова Чарли Сильвермена и лобовое стекло «Хадсона» столкнулись с ужасающей силой. И то и другое разбилось вдребезги. Пьяный водитель, владелец кондитерского магазинчика в Милфорде, пережил сердечный приступ сразу после ареста (возможно, причиной этого послужил вид мозгов Чарли Сильвермена, высыхающих у него на брюках), и его адвокат имел в суде большой успех с речью на тему «этот человек уже был достаточно наказан». Пьяному дали шестьдесят дней тюрьмы (условно) и на пять лет запретили водить автомобиль в штате Коннектикут... то есть примерно на тот же срок, в течение которого Билла мучили кошмары. Обезьяна была спрятана в заднем чулане. Билл никогда не обратил внимание на то, что она исчезла с его полки... а если и обратил, то никогда об этом не сказал.

Хэл почувствовал себя на некоторое время в безопасности. Он даже начал снова забывать об обезьяне и думать о случившемся как о дурном сне. Но когда он вернулся домой из школы в тот день, когда умерла его мать, она опять стояла на полке, с тарелками, занесенными для удара, усмехаясь ему сверху вниз.

Он медленно приблизился к ней, словно глядя на себя со стороны, словно бы его собственное тело превратилось при виде обезьяны в заводную игрушку. Он наблюдал за тем, как рука его вытягивается и берет обезьяну с полки. Он почувствовал под рукой шевеление пушистого меха, но ощущение было приглушенным, лишь легкое давление, как будто его напичкали навокаином. Он слышал свое дыхание, оно было частым и сухим, словно ветер шевелил солому.

Он перевернул ее и сжал в руке ключ. Много лет спустя он подумал, что его тогдашняя наркотическая зачарованность более всего сродни чувству человека, который подносит шестизарядный револьвер с одним патроном в барабане к закрытому трепещущему веку и нажимает на курок.

Не надо — оставь ее, выбрось, не трогай ее...

Он повернул ключ, и в тишине он услышал четкие серии щелчков заводного механизма. Когда он отпустил ключ, обезьяна начала стучать тарелками, и он почувствовал, как дергается ее тело, сгибается и дергается, туда-сюда, туда-сюда, словно она была живой, а она была живой, корчась в его руках как отвратительный пигмей, и те движения, которые он ощущал сквозь ее лысеющий коричневый мех, были не вращением шестеренок, а биением сердца.

Со стоном Хэл выронил обезьяну и отпрянул, всадив ногти в плоть под глазами и зажав ладонями рот. Он споткнулся обо что-то и чуть не потерял равновесие (тогда бы он оказался на полу прямо напротив нее, и его широко распахнутые голубые глаза встретились бы с карими). Он проковылял к двери, протиснулся сквозь нее, захлопнул ее и привалился к ней с обратной стороны. Потом он бросился в ванную комнату, где его вырвало.

Новости с вертолетного завода принесла им миссис Стаки, она же и оставалась с ними те две бесконечные ночи, которые успели миновать до того, как тетя Ида приехала за ними из Мэйна. Их мать умерла в середине дня от закупорки сосудов головного мозга.

Она стояла у аппарата для охлаждения воды с чашкой воды в руке и рухнула как подкошенная, все еще сжимая чашку в руке. Другой рукой она задела за аппарат и свалила огромную бутылку с водой. Бутылка разбилась... Но

прибежавший заводской доктор сказал позднее, что он уверен в том, что миссис Шелбурн умерла еще до того, как вода намочила ее платье и увлажнила кожу. Мальчикам никогда об этом не рассказывали, но Хэл и так все знал. Он воображал себе все это снова и снова в те долгие ночи, которые последовали за смертью его матери. *У тебя все еще проблемы со сном?* — спрашивал его Билл, и Хэл предполагал, что Билл думает, что бессонница и дурные сны вызваны внезапной смертью матери, и это было действительно так... но так лишь отчасти. Другой причиной было чувство вины, твердое, абсолютно ясное сознание того, что запустив обезьяну тем солнечным днем, он убил свою мать.

Когда Хэл наконец заснул, то спал он очень глубоко. Когда он проснулся, был уже почти полдень. Питер сидел скрестив ноги в кресле на другом конце комнаты, методично, дольку за долькой поглощал апельсин и смотрел игровую передачу по телевизору.

Хэл сел на постели. Он чувствовал себя так, будто кто-то ударом кулака вогнал его в сон, а потом таким же образом вытолкнул оттуда. Голова у него гудела. «Где мама, Питер?»

Питер оглянулся. «Она пошла с Дэнисом за покупками. Я сказал, что я поболтаюсь здесь, с тобой. Ты всегда разговариваешь во сне, папочка?»

Хэл осторожно посмотрел на сына. «Нет. Что я говорил?»

«Я толком ничего не мог понять. Я испугался немного».

«Ну что ж, вот я и опять в здравом уме», — сказал Хэл и выдавил из себя небольшой смешок. Питер улыбнулся ему в ответ, и Хэл снова ощутил простую любовь к сыну. Чувство было светлым, сильным и чистым. Он удивился, почему ему бывало всегда так легко почувствовать симпатию к Питеру, ощутить, что он может понять его и помочь ему, и почему Дэнис для него всегда был окном, сквозь которое ничего нельзя разглядеть, сплошная загадка в привычках и поступках. Мальчик, которого он не мог понять, потому что сам никогда не был таким. Слишком легко было бы объяснить это тем, что переезд из Калифорнии изменил Дэниса, или тут дело...

Мысль его остановилась. Обезьяна. Обезьяна сидела на подоконнике, с тарелками, занесенными для удара. Хэл почувствовал, как сердце у него в груди замерло на мгновение, а затем забилось с бешеной скоростью. В глазах у него помутилось, а гул в голове перешел в адскую боль.

Она сбежала из чемодана, а сейчас стояла на подоконнике, усмехаясь ему. *Ты думал, что избавился от меня, не так ли? Но ты и раньше так думал не раз, правда ведь?*

Да, — подумал он снова в бреду. Да, это так.

«Питер, это ты вынул обезьяну из чемодана?» — спросил он, уже заранее зная ответ. После того, как он запер чемодан, он положил ключ в карман пальто.

Питер посмотрел на обезьяну, и какое-то неясное выражение — Хэлу показалось, что это была тревога — на мгновение появилось у него на лице. «Нет», — сказал он. «Мама поставила ее туда».

«Мама?»

«Да. Она взяла ее у тебя. Она смеялась».

«Взяла ее у меня? О чем ты говоришь?»

«Ты спал с ней в руках. Я чистил зубы, а Дэнис заметил. Он тоже смеялся. Он сказал, что ты похож на ребеночка с плюшевым мишкой».

Хэл посмотрел на обезьяну. Во рту у него пересохло, и он никак не мог сглотнуть слюну. Он спал с ней *в постели*? В *постели*? И этот отвратительный мех прижимался к его щеке? Может быть, даже ко *рту*? И эти кровожадные глаза смотрели на его спящее лицо? Эти оскаленные зубы были рядом с его шеей? *На* его шее? *Боже мой*.

Он резко развернулся и пошел в прихожую. Чемодан стоял там, он был заперт. Ключ лежал в кармане пальто

Позади он услышал щелчок выключенного телевизора. Он вернулся из прихожей в комнату. Питер серьезно посмотрел на него. «Папочка, мне не нравится эта обезьяна», — сказал он таким тихим голосом, что его едва можно было слышать.

«Мне тоже», — сказал Хэл.

Питер пристально посмотрел на него, чтобы определить, шутит он или нет, и увидел, что он не шутит. Он подошел

и крепко прижался к отцу. Хэл почувствовал, как он дрожит.

Питер зашептал ему на ухо, очень быстро, так быстро, как будто он боялся, что у него не хватит мужества договорить это до конца... или что обезьяна может услышать его.

«Она будто смотрит на меня. Смотрит на меня, в каком бы месте комнаты я не был. А если я уйду в другую комнату, то чувствую, что она смотрит на меня сквозь стену. И я все время чувствую, что она... что она просит, чтобы я что-то сделал».

Питер поежился. Хэл обнял его крепче.

«Как будто она хочет, чтобы ты ее завел», — сказал Хэл.

Питер яростно кивнул. «Она ведь на самом деле не сломана, так ведь, папочка?»

«Иногда она сломана», — сказал Хэл, взглянув через плечо сына на обезьяну. «Но иногда она работает».

«Мне все время хотелось подойти к ней и завести ее. Было очень тихо, и я подумал, что нельзя этого делать, это разбудит папочку, но мне все-таки хотелось этого, и я подошел, и я... *дотронулся* до нее, и это омерзительное ощущение... но в тоже время она мне нравится... будто она говорит мне: Заведи меня, Питер, мы поиграем, твой папа не проснется, он уже никогда не проснется, заведи меня, заведи меня...»

Мальчик неожиданно разрыдался.

«Это нехорошо, я знаю, что это нехорошо. В ней что-то не так. Мы можем выбросить ее, папочка? Пожалуйста?»

Обезьяна усмехнулась Хэлу своей бесконечной усмешкой. Он ощутил влажность слез Питера. Вставшее солнце осветило тарелки обезьяны, лучи отражались и образовывали полосатые блики на белом, плоском, отштукатуренном потолке мотеля.

«Питер, когда примерно мама с Дэнисом собирались вернуться?»

«Около часа». Он втер покрасневшие глаза рукавом рубашки, сам удивляясь своим слезам. «Я включил телевизор», — прошептал он. «На полную громкость».

«Все в порядке, Питер».

Интересно, как бы это произошло? — подумал Хэл. Сердечный приступ? Закупорка сосуда, как у матери? Так как же? В конце концов это неважно, не так ли?

И вслед за этой пришла другая, холодная мысль: Выбросить ее, говорит он. Выбросить. Но можно ли вообще от нее избавиться? Хоть когда-нибудь?

Обезьяна насмешливо посмотрела на него, ее тарелки были занесены для удара. Интересно, не заработала ли она внезапно в ту ночь, когда умерла тетя Ида? — подумал он неожиданно. Не было ли это последним звуком, который она слышала, приглушенное дзынь-дзынь-дзынь обезьяних тарелок на темном чердаке и свист ветра в водосточной трубе.

«Может быть, это и не так уж невероятно», — медленно сказал Хэл сыну. «Пойди, возьми свой рюкзак, Питер».

Питер посмотрел на него с сомнением. «Что мы собираемся делать?»

Может быть, от нее и можно избавиться. Может быть, навсегда, или хотя бы на время... долгое время или короткое время. Может быть, она будет возвращаться и возвращаться, и в этом-то все и дело... но может быть, я — мы — сможем распрощаться с ней надолго. Ей понадобилось двадцать лет, чтобы вернуться. Двадцать лет, чтобы вылезти из колодца..

«Нам надо проехаться», — сказал Хэл. Он был абсолютно спокоен, но ощущал тяжесть во всем теле. Даже глазные яблоки, казалось, резко потяжелели. «Но сначала я хочу, чтобы ты пошел со своим рюкзаком к обочине стоянки и нашел там три или четыре приличных камня. Положи их в рюкзак и принеси ко мне. Ясно?»

Понимание сверкнуло в глазах Питера. «Я все сделаю так, как ты говоришь, папочка».

Хэл взглянул на часы. Было почти четверть первого. «Поторопись, нам надо уехать до того, как вернется твоя мама».

«Куда мы едем?»

«К дяде Уиллу и тете Иде», — сказал Хэл. «В их дом».

Хэл зашел в ванную комнату, пошарил за туалетом и, наклонившись, вытащил оттуда щетку для унитаза. Он взял ее с собой и вновь вернулся к окну, держа ее, как волшебную палочку. Он посмотрел на Питера в его суконой курточке, как тот пересекает стоянку с рюкзаком на плече (слово ДЕЛЬТА отчётливо выделялось на синем фоне). Сонная, глупая муха билась об стекло. Хэл знал, что она ощущает при этом.

Он наблюдал, как Питер подобрал три больших камня и пошел через стоянку в обратном направлении. Машина выехала из-за угла мотеля, она ехала слишком быстро, слишком уж быстро, и, прежде чем Хэл успел что-то сообразить, рука его с зажатой в ней щеткой метнулась вниз, словно совершая каратистский удар... и замерла.

Тарелки бесшумно стучали по его вклинившейся руке, и он ощутил в воздухе какое-то бешенство.

Тормоза завизжали. Питер отпрянул. Водитель двинулся к нему, как будто в том, что едва не случилось, был виноват сам Питер. Питер бросился со стоянки и вбежал в мотель с черного хода.

Пот струился по груди Хэла, на лбу у него выступили мелкие маслянистые капли. Тарелки стучали по руке Хэла, и она немела от холода.

Давай, — подумал он мрачно. Можешь продолжать, я могу ждать хоть целый день. До тех пор, пока весь ад не разморозится.

Тарелки разошлись и остановились. Хэл услышал последний призрачный щелчок внутри обезьяны. Он высвободил щетку и посмотрел на нее. Некоторые белые щетинки почернели, словно опаленные огнем.

Муха билась и жужжала, пытаясь пробиться к холодному октябрьскому солнечному свету, который казался таким близким.

В комнату влетел Питер. Он часто дышал, щеки его покраснелись. «Я нашел три здоровенных, папочка, я...» Он запнулся. «Ты в порядке, папочка?»

«Все замечательно», — сказал Хэл. «Тащи рюкзак сюда».

Хэл ногами пододвинул журнальный столик к окну, так что он встал прямо под подоконником, и положил на него

рюкзак Питера. Затем он развязал горловину и раскрыл ее. Он заметил внутри камни. Он подтолкнул обезьяну с помощью щетки для унитаза. Она пошатнулась и через мгновение упала в рюкзак. Раздалось едва слышное *дзынь*: одна из тарелок ударилась о камень.

«Папа? Папочка?» Голос Питера звучал испуганно. Хэл оглянулся и посмотрел на него. Что-то было не так, что-то изменилось. Что это было?

Он проследил направление взгляда Питера и все понял. Жужжание мухи прекратилось. Труп ее лежал на подоконнике.

«Это обезьяна сделала?» — прошептал Питер.

«Пошли», — сказал Хэл, завязывая рюкзак. «Я объясню тебе по дороге».

«Как мы поедem? Ведь мама и Дэнис взяли машину?»

«Не беспокойся», — сказал Хэл и взъерошил волосы Питера.

Он показал дежурному свои права и двадцатидолларовый банкнот. Получив электронные часы Хэла в качестве дополнительного вознаграждения, дежурный вручил Хэлу ключи от своей собственной машины. Пока они ехали по шоссе 302, Хэл начал говорить, сначала запинаясь, потом более уверенно. Он начал с рассказа о том, что его отец, возможно, привез эту обезьяну с собой из морского путешествия в подарок своим сыновьям. В этой игрушке не было ничего особенного, ничего ценного или примечательного. В мире, должно быть, существуют сотни тысяч заводных обезьян, сделанных в Гонконге, Тайване, Корее. Но однажды — возможно, это случилось именно в темном заднем чулане дома в Коннектикуте, где подрастали двое мальчиков — что-то произошло с одной из обезьян. Что-то нехорошее. Возможно, — сказал Хэл, пытаясь выжать из машины дежурного более сорока миль в час, — некоторые плохие вещи — может быть, даже самые плохие вещи — похожи на сны, которые мы не помним и о существовании которых и не подозреваем. На этом он прервался, решив, что это максимум того, что Питер может понять, но мысли его продолжали развиваться своим путем. Он подумал, что

воплощенное зло должно, наверное, быть очень похожим на обезьяну, битком набитую шестеренками, обезьяну, которая, после того как ты ее заведешь, начинает стучать тарелками, скалиться, а ее глупые глаза в это время смеются... или выглядят смеющимися...

Он еще немного рассказал Питеру о том, как он нашел обезьяну, но ему не хотелось пугать еще больше и так уже запуганного мальчика. Его рассказ стал непоследовательным и не совсем ясным, но Питер не задавал вопросов. Хэл подумал, что, возможно, он сам заполняет пробелы, примерно таким же образом, как сам Хэл вновь и вновь воображал себе смерть своей матери, хотя и не видел, как это произошло.

И дядя Уилл и тетя Ида приехали на похороны. Потом дядя Уилл вернулся обратно в Мейн, — настало время собирать урожай, а тетя Ида осталась на две недели с мальчиками, чтобы перед тем, как отвезти их в Мейн, привести в порядок дела своей покойной сестры. И кроме того в течение этого времени она пыталась сблизиться с мальчиками, которые были так ошеломлены смертью матери, что находились почти в коматозном состоянии. Когда они не могли уснуть, она была с ними и поила их теплым молоком. Она была с ними, когда Хэл просыпался в три часа ночи от кошмаров (кошмаров, в которых его мать подходила к аппарату для охлаждения воды, не замечая обезьяну, которая плавала и резвилась в его прохладных сапфирных глубинах, скалилась и стучала тарелками, оставлявшими в воде два вскипавших пузырьками следа). Она была с ними, когда Билл заболел сначала лихорадкой, потом стоматитом, а потом крапивницей через три дня после похорон. Она была с ними. Дети хорошо узнали ее, и еще прежде чем они отправились с ней на автобусе из Хартфорда в Портленд, и Билл и Хэл уже успели прийти к ней каждый по отдельности и выплакаться у нее на коленях, пока она обнимала и качала их. Так между ними установился контакт.

В тот день, когда они выехали из Коннектикута в Мейн, старьевщик подъехал к дому на старом грохочущем грузовике и подобрал огромную кучу ненужного хлама, которую

Билл и Хэл вынесли на дорожку из заднего чулана. Когда весь мусор был свален на тротуаре, тетя Ида сказала им пойти в задний чулан и взять с собой оттуда какие-нибудь сувениры на память, которые им захочется сохранить у себя. Для всего этого у нас просто не хватит места, мальчики, — сказала она им, и Хэл понял, что Билл поймал ее на слове, отправившись перетряхивать все эти волшебные коробки, оставшиеся от их отца. Хэл не последовал за ним. Он потерял вкус к посещениям чулана. Ужасная мысль пришла к нему в течение первых двух недель траура: возможно, его отец не просто исчез или сбежал, обнаружив, что не приспособлен к семейной жизни.

Возможно, в его исчезновении виновата обезьяна.

Когда он услышал, как грузовик старьевщика рычит и с шумом изрыгает выхлопные газы, прокладывая свой путь по кварталу, Хэл собрался с духом, схватил обезьяну с полки, на которой она стояла с того дня, когда умерла его мать (он даже не осмелился отнести ее обратно в чулан), и ринулся с ней вниз по лестнице. Ни Билл, ни тетя Ида не увидели его. На бочке, полной сломанных безделушек и заплесневевших книг, стояла та самая картонная коробка, набитая точно таким же хламом. Хэл запихнул обезьяну в коробку, возвращая ее в то место, откуда она впервые появилась, и истерически подзадоривая ее начать стучать тарелками (*ну, давай, я заклинаю тебя, заклинаю тебя, дважды заклинаю тебя*), но обезьяна лежала неподвижно, небрежно откинувшись, словно высматривая вдалеке автобус, усмехаясь своей ужасной, такой знакомой улыбкой.

Хэл стоял рядом, маленький мальчик в старых вельветовых брюках и обшарпанных ботинках, пока старьевщик, итальянец с крестом на шее, насвистывавший мелодию через дырку в зубах, грузил коробки и бочки в древний грузовик с деревянными бортами. Хэл смотрел, как он поднимает бочку с водруженной на нее картонной коробкой, он смотрел, как обезьяна исчезает в кузове грузовика, он смотрел, как старьевщик забирается в кабину, мощно сморкается в ладонь, вытирает руку огромным красным платком и заводит мотор, грохочущий и изрыгающий маслянистый голубой дым. Он смотрел, как грузовик отъ-

езжает. И он почувствовал, как огромная тяжесть свалилась с его сердца. Он дважды подпрыгнул так высоко, как он только мог, вытянув руки и подняв вверх ладони, и если бы его заметил кто-нибудь из соседей, он посчитал бы это странным или, возможно, даже почти святотатственным. *Почему этот мальчик прыгает от радости* (ибо это был именно прыжок от радости, его трудно не распознать), — наверняка спросил бы он себя, — *когда не прошло и месяца с тех пор, как его мать легла в могилу?*

Он прыгал потому, что обезьяны больше не было, она исчезла навсегда.

Во всяком случае, так ему тогда казалось.

Через три месяца тетя Ида послала его на чердак за коробками с елочными украшениями, и когда он ползал на четвереньках в поисках этих коробок, пачкая брюки в пыли, он внезапно снова встретился с ней лицом к лицу, и его удивление и ужас были так велики, что ему пришлось укунить себя за руку, чтобы не закричать... или не упасть замертво. Она была там, оскалась в своей зубастой усмешке, с тарелками, разведенными в стороны и готовыми зазвенеть, перекинувшись небрежно через борт картонной коробки, словно высматривая вдалеке автобус, и, казалось, говоря ему: *Ты ведь думал, что избавился от меня, не так ли? Но от меня не так-то просто избавиться, Хэл. Ты мне нравишься, Хэл. Мы созданы друг для друга, мальчик и его ручная обезьяна, два старых приятеля. А где-то к югу отсюда старый глупый старьевщик-итальянец лежит в ванной, выпучив глаза, и его зубной протез высовывается у него изо рта, вопящего рта, старьевщик, который воняет, как потекшая электрическая батарейка. Он собирался подарить меня своему внуку, Хэл, он поставил меня на полку в ванной комнате, рядом со своим мылом, бритвой и кремом для бритья, рядом с радиоприемником, по которому он слушал Бруклина Доджерса, и тогда я начала стучать тарелками, и одна из моих тарелок задела его старое радио, и оно полетело вниз, в ванну, и тогда я отправилась к тебе, Хэл, я путешествовала ночью по дорогам, и лунный свет сиял на моих зубах в три часа утра, и позади себя я оставляла многих*

умерших на многих местах. Я пришла к тебе, Хэл, я твой подарок на Рождество, так заведи меня, кто там умер? Это Билл? Это дядя Уилл? Или это ты, Хэл? Ты?

Хэл отпрянул, лицо его сумасшедше исказилось, глаза вращались. Он чуть не упал, спускаясь вниз. Он сказал тете Иде, что не смог найти рождественские украшения. Это была его первая ложь ей, и она увидела, что это ложь, по его лицу, но, слава Богу, не спросила его ни о чем. А потом пришел Билл, и она попросила его поискать, и он притащил с чердака коробки с украшениями. Позже, когда они остались одни, Билл прошипел ему, что он — болван, который не может отыскать свою задницу с помощью двух рук и одного фонарика. Хэл ничего не ответил. Хэл был бледен и молчалив и почти ничего не ел за ужином. И в ту ночь ему снова снилась обезьяна, как одна из ее тарелок сбивает радио, и оно летит прямо в ванну, а обезьяна скалится и стучит тарелками, и каждый раз раздается дзынь, и еще раз дзынь, и еще раз дзынь. Но человек, лежащий в ванной в тот момент, когда в воде происходило короткое замыкание, был не старьевщиком-итальянцем.

Это был он сам.

Хэл и его сын сбежали вниз от дома к лодочному сараю, который стоял над водой на старых сваях. Хэл держал рюкзак в правой руке. Во рту у него пересохло. Его слух невероятно обострился. Рюкзак был очень тяжелым.

Хэл опустил рюкзак на землю. «Не трогай его», — сказал он. Хэл нашарил в кармане связку ключей, которую дал ему Билл, и нашел ключ от лодочного сарая.

День был ясным, прохладным и ветреным, небеса были ослепительно голубыми. Листья на деревьях, столпившихся у самого берега озера, приобрели всевозможные яркие оттенки от кроваво-красного до желтого, как краска для школьных автобусов. Они шумели на ветру. Листья кружились вокруг теннисных туфель Питера, пока он стоял в беспокойном ожидании. Хэл почувствовал настоящий ноябрьский порыв ветра, предвещающий скорую зиму. Ключ повернулся в висячем замке, и Хэл распахнул двери настежь. Память не подвела его, ему даже не пришлось искать

глазами деревянный чурбан, который он не глядя подвинул ногой, чтобы дверь оставалась открытой. Внутри пахло летом, стоял стойкий, сильный запах холстов и дерева..

Весельная лодка дяди Уилла все еще была там. Весла были аккуратно сложены, словно он загрузил ее рыболовными принадлежностями только вчера. И Билл и Хэл по отдельности много раз рыбачили с дядей Уиллом, но ни разу они не ходили на рыбалку вместе. Дядя Уилл утверждал, что лодка слишком мала для троих. Красная полоска на борту, которую дядя Уилл подновлял каждую весну, поблекла и отслоилась, и пауки опутали паутиной нос.

Хэл взялся за лодку и начал двигать ее в сторону небольшого участка галечного пляжа. Рыбалки были лучшей частью его детства, проведенного с дядей Уиллом и тетей Идой. У него был чувство, что и Билл думал также. Дядя Уилл обычно был одним из самых молчаливых людей, не когда лодка стояла так, как ему хотелось, удочки были установлены и поплавки плавали по воде, он открывал одну банку пива для себя, одну для Хэла (который редко выпивал больше половины порции, которую вручал ему дядя Уилл, всегда с ритуальным предупреждением, что об этом ни в коем случае нельзя говорить тете Иде, так как «вы же знаете, она застрелит меня на месте, если узнает, что я давал вам, мальчики, пиво») и оттаивал. Он рассказывал истории, отвечал на вопросы, подновлял наживку на крючке Хэла, когда в этом была необходимость, а лодка в это время медленно смещалась туда, куда ее несли ветер и слабое течение.

«Почему ты никогда не поплывешь на середину, дядя Уилл?» — спросил однажды Хэл.

«Посмотри сюда», — ответил дядя Уилл.

Хэл посмотрел. Он увидел, как под его удочкой, синяя вода постепенно переходит в черную.

«Ты смотришь в глубочайшую часть Кристального озера», — сказал дядя Уилл, корежа пустую жестянку из-под пива в одной руке и выбирая новую другой. «Футов сто в глубину. Старый студебекер Амоса Каллигана где-то там внизу. Чертов дурак решил проехаться на нем по озеру в начале декабря, когда лед был еще не совсем крепким.

Повезло ему, что хоть сам выбрался. Им никогда не достать старый студебекер и даже не увидеть его до тех пор, пока не затрубит труба Страшного Суда. Самое глубокое место здесь. Здесь и самые большие рыбины, Хэл. Незачем плыть дальше. Давай-ка посмотрим на твоего червяка. Наматывай-ка леску».

Пока дядя Уилл насаживал нового червяка из старой жестянки, в которой хранилась наживка, Хэл зачарованно смотрел в воду, пытаясь разглядеть старый студебекер Амоса Каллигана, превратившийся в ржавчину, с водорослями, выплывающими из открытого окна со стороны водителя, из которого Амос выпрыгнул в самый последний момент, с водорослями, увивающими гирляндами рулевое колесо подобно сгнившим кружевам, с водорослями, свободно свисающими с зеркала заднего обзора и раскачивающимися туда и сюда как какие-то странные четки. Но он мог видеть лишь синее, переходящее в черное, и силуэт насаженного дядей Уиллом ночного червя с крючком во внутренностях, подвешенного в центре мира, в центре своей собственной, пронизанной солнечными лучами версии реальности. Хэл задержал дыхание, представив головокружительное видение своего тела, подвешенного над необъятной бездной, и закрыл ненадолго глаза, дожидаясь, когда головокружение пройдет. Ему казалось, что он вспомнил, что именно в тот день он впервые выпил полную банку пива.

...глубочайшая часть Кристального озера... футов сто глубины.

Он прервался на мгновение, глубоко и часто дыша, и посмотрел на Питера, все еще наблюдавшего за ним с беспокойством. «Тебе нужна помощь, папочка?»

«Через минутку».

Он восстановил дыхание и стал толкать лодку к воде по узкой полосе песка, оставляя глубокую борозду. Краска отслоилась, но лодка стояла под крышей и выглядела вполне крепкой.

Когда они выходили на рыбалку с дядей Уиллом, дядя Уилл толкал лодку к воде, и когда нос был уже на плаву, он вскарабкивался внутрь, хватал весло, чтобы отталки-

ваться. И кричал: «Толкай меня, Хэл... здесь-то ты и заработаешь себе грыжу!»

«Передай мне рюкзак, Питер, и подтолкни меня», — сказал Хэл. И, слегка улыбнувшись, добавил: «Здесь-то ты и заработаешь себе грыжу».

Питер не ответил на улыбку. «Я поплыву с тобой, папочка?»

«Не сейчас. В другой раз я возьму тебя с собой на рыбалку, но... не сейчас».

Питер заколебался. Ветер взъерошил его темные волосы, несколько желтых листов, сухих и съезжившихся, описали круги у него за плечами и приземлились на воду у самого берега, заколыхавшись, как крохотные лодочки.

«Ты должен обернуть их», — сказал он тихо.

«Что?» Но он подумал, что понимает, что Питер имеет в виду.

«Обернуть тарелки ватой. Приклеить ее лентой. Так чтобы она не могла... производить этот шум».

Хэл вдруг вспомнил, как Дези шла ему навстречу — не шла, а тащилась — и как совершенно неожиданно ее глаза взорвались потоком крови, промочившим шерсть на шее и забарабанившим по полу сарая, и как она припала на передние лапы... и в тихом, дождливом весеннем воздухе он услышал звук, совсем не приглушенный, а странно отчетливый, доносящийся с чердака дома в пятидесяти футах от него: *Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь!*

Он начал истерически кричать, уронив собранные для костра деревяшки. Он побежал на кухню за дядей Уиллом, который ел яичницу с тостом и не успел еще даже надеть свои подтяжки.

Она была уже старой собакой, Хэл, — сказал дядя Уилл, и лицо его выглядело постаревшим и несчастным. Ей было двенадцать лет, а это много для собаки. Ты не должен расстраиваться, старой Дэзи это бы не понравилось.

Старая собака, — эхом отозвался ветеринар, но и он выглядел обеспокоенным, потому что собаки не умирают от взрывоопасных мозговых кровоотечений, даже если им и двенадцать лет. («Словно кто-то засунул ей в голову

пиротехнический заряд», — услышал Хэл слова ветеринара, обращенный к дяде Уиллу, копавшему яму позади сарая недалеко от того места, где он похоронил мать Дэзи в 1950 году. «Я никогда не видел ничего подобного, Уилл»).

Через некоторое время, едва ли не сходя с ума от ужаса, но не в силах удержаться, он вполз на чердак.

Привет, Хэл, как поживаешь? Обезьяна усмехалась в темном углу. Ее тарелки были занесены для удара на расстоянии примерно фута одна от другой. Диванная подушка, которую Хэл поставил между ними, валялась в другом конце чердака. Что-то, какая-то неведомая сила, отбросило ее так сильно, что ткань порвалась и набивка вывалилась наружу. Не беспокойся о Дэзи, — прошептала обезьяна у него в голове, уставившись карими глазами в голубые глаза Хэла Шелбурна. Не беспокойся о Дэзи, она была старой собакой, Хэл, даже ветеринар подтвердил это, и кстати, ты видел, как кровь хлынула у нее из глаз, Хэл? Заведи меня, Хэл. Заведи меня, давай поиграем, кто там умер, Хэл? Это случайно не ты?

И когда сознание вернулось к нему, он обнаружил, что он словно под гипнозом ползет к обезьяне. Одну руку он вытянул, чтобы схватить ключ. Тогда он бросился назад и чуть не упал вниз с чердачной лестницы и, наверное, упал бы, если бы ход на чердак не был бы таким узким. Тихий скулящий звук вырвался у него из горла.

Он сидел на лодке и смотрел на Питера. «Завертывать тарелки бесполезно», — сказал он. «Я уже попробовал однажды».

Питер нервно посмотрел на рюкзак. «И что случилось, папочка?»

«Ничего такого, о чем мне хотелось бы сейчас рассказывать», — сказал Хэл, — «и ничего такого, чтобы тебе хотелось бы услышать. Подойди и подтолкни меня».

Питер уперся в лодку, и корма заскрежетала по песку. Хэл оттолкнулся веслом, и неожиданно чувство тяжести исчезло, и лодка стала двигаться легко, вновь обретая себя после долгих лет в темном лодочном сарае, покачиваясь на волнах. Хэл опустил в воду другое весло и защелкнул запор.

«Осторожно, папочка», — сказал Питер.

«На это уйдет не много времени», — пообещал Хэл, но, взглянув на рюкзак, он засомневался в своих словах.

Он начал грести, сильно подаваясь корпусом вперед. Старая, знакомая боль в пояснице и между лопатками дала о себе знать. Берег отдалялся. Фигурка Питера уменьшилась, и он волшебным образом превращался в восьмилетнего, шестилетнего, четырехлетнего ребенка, стоящего на берегу. Он заслонял глаза от солнца совсем крохотной, младенческой ручкой.

Хэл мельком взглянул на берег, но не стал рассматривать его внимательно. Прошло почти пятнадцать лет, и если бы он стал всматриваться, он скорее заметил бы различия, а не сходства и был бы сбит с толку. Солнце жгло ему шею, и он стал покрываться потом. Он посмотрел на рюкзак, и на мгновение выбился из ритма гребли. Ему показалось... ему показалось, что рюкзак шевелится. Он начал грести быстрее.

Подул ветер, высушил пот и охладил шею. Лодка поднялась, и ее нос, опустившись, выбросил в обе стороны два фонтана брызг. Не стал ли ветер сильнее, в течение последней минуты или около того? И не кричит ли там Питер? Да. Но Хэл ничего не мог расслышать за шумом ветра. Это не имеет значения. Избавиться от обезьяны еще на тридцать лет — или, может быть...

(прошу тебя, Господи, навсегда)

навсегда — вот что имело значение.

Лодка поднялась и опустилась. Он посмотрел налево и увидел небольшие барашки. Он посмотрел в сторону берега и увидел Охотничий мыс и разрушенную развалину, которая, должно быть, во времена их с Биллом детства была лодочным сараем Бердона. Значит, почти уже здесь. Почти над тем местом, где знаменитый студебекер Амоса Каллигана провалился под лед одним давно миновавшим декабрьским днем. Почти над самой глубокой частью озера.

Питер что-то кричал, кричал и куда-то указывал. Хэл ничего не мог разобрать. Лодку мотало из стороны в сторону, и по обе стороны от ее обшарпанного носа возникал облачка мелких капель. Небольшая сияющая

радуга была разорвана облаками. По озеру проносились тени от облаков, волны стали сильнее, барашки выросли. Его пот высох, и теперь кожу его покрыли мурашки. Брызги промочили его пиджак. Он сосредоточенно греб, глядя попеременно то на линию берега, то на рюкзак. Лодка снова поднялась и на этот раз так высоко, что левое весло сделало гребок в воздухе.

Питер указывал на небо, и его крик был слышен лишь как тоненький, яркий ручеек звука.

Хэл глянул через плечо.

Волны бесновались. Темно-синее, почти черное озеро было прошито белыми швами барашков. По воде, по направлению лодки неслась тень, и что-то в ее очертаниях показалось ему знакомым, так жутко знакомым, что он взглянул на небо и крик забился у него в окоченевшем горле.

Солнце было скрыто за облаком, разрезавшим его на две горбатых половинки, на два золотых полумесяца, занесенных для удара. Через просветы в облаке лился солнечный свет в виде двух ослепительных лучей.

Когда тень от облака накрыла лодку, обезьяньи тарелки, едва приглушенные рюкзаком, начали звенеть. Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь, это ты, Хэл, наконец-то это ты, ты сейчас прямо над самой глубокой частью озера и настал твой черед, твой черед, твой черед...

Все части берегового пейзажа соединились в знакомый образ. Гниющие останки студебекера Амоса Каллигана лежали где-то внизу, в этом месте водились большие рыбыны, это было то самое место.

Быстрым движением Хэл защелкнул весла запорами, наклонился вперед, не обращая внимания на ужасную качку, и схватил рюкзак. Тарелки выстукивали свою дикую, языческую музыку. Бока рюкзака словно подчинялись ритму дьявольского дыхания.

«Здесь, эй, ты!» — закричал Хэл. «Прямо здесь!»

Он выбросил рюкзак за борт.

Рюкзак быстро пошел ко дну. Мгновение Хэл мог видеть, как он опускается вниз, и в течение бесконечной секунды он все еще слышал звон тарелок. И в течение этой

секунды ему показалось, что черные воды просветлели, и он увидел дно ужасной бездны. Там был студебекер Амоса Каллигана, и за его осклизлым рулем сидела мать Хэла — оскалившийся скелет, из пустой глазницы которого выглядывал озерный окунь. Дядя Уилл и тетя Ида небрежно развалились рядом с ней, и седые волосы тети Иды медленно поднимались, по мере того, как рюкзак опускался вниз, переворачиваясь и время от времени испуская несколько серебристых пузырей: *дзынь-дзынь-дзынь-дзынь...*

Хэл выдернул весла из запоров и снова опустил их в воду, содрав до кожи костяшки пальцев (*о, Боже мой, багажник студебекера Амоса Каллигана был битком набит мертвыми детьми! Чарли Сильвермен... Джонни МакКейб...*), и начал разворачивать лодку.

Под ногами у него раздался сухой звук, похожий на пистолетный выстрел, и неожиданно струя воды забила между досками. Лодка была старой, разумеется, она слегка усохла, образовалась небольшая течь. Но ее не было, когда он греб от берега. Он был готов поклясться в этом.

Берег и озеро поменялись местами. Он был теперь обращен спиной к Питеру. Над головой ужасное обезьяноподобное облако понемногу теряло очертания. Хэл начал грести. Двадцати секунд ему было достаточно, чтобы понять, что на карту поставлена его жизнь. Он был средним пловцом, но даже для великого пловца купание в такой взбесившейся воде оказалось бы серьезным испытанием.

Еще две доски неожиданно разошлись с тем же самым пистолетным звуком. Вода полилась в лодку, заливая его ботинки. Он услышал почти незаметные металлические щелчки и понял, что это звук ломающихся ржавых гвоздей. Один из запоров с треском отлетел и упал в воду — интересно, когда за ним последуют уключины?

Ветер теперь дул ему в спину, словно пытаясь замедлить ход лодки или даже вынести ее на середину озера. Он был охвачен ужасом, но сквозь ужас пробивалось чувство радостного возбуждения. На этот раз обезьяна исчезла навсегда. Каким-то образом он знал это наверняка. Что бы ни случилось с ним, обезьяна уже никогда не вернется,

чтобы отбросить тень на жизнь Дэниса или Питера. Обезьяна скрылась, и теперь она, возможно, лежала на крыше или капоте студебекера Амоса Каллигана на дне Кристального озера. Исчезла навсегда.

Он греб, наклоняясь вперед и откидываясь назад. Вновь раздался хрустящий треск, и ржавая жестянка из-под наживки поплыла по воде, поднявшейся до уровня трех дюймов. Раздался еще более громкий треск, и расколовшееся на две части носовое сиденье поплыло рядом с жестяной. Доска оторвалась от левого борта, еще одна, как раз на уровне ватерлинии, отвалилась от правого. Хэл греб. Вдыхаемый и выдыхаемый воздух, горячий и сухой, свистел у него в горле. Его гортань распухла от медного привкуса истощения. Его влажные волосы развевались.

Теперь трещина зазмеилась прямо по дну лодки, скользнула у него между ног и побежала к корме. Вода хлынула внутрь и вскоре поднялась до щиколоток, а затем и подобралась к икрам. Он греб, но движение лодки стало вязким. Он не осмеливался взглянуть назад, чтобы посмотреть, сколько ему еще остается до берега. Еще одна доска отскочила. Трещина по центру лодки стала ветвистой, как дерево. Вода затопляла лодку.

Хэл еще быстрее заработал веслами, задыхаясь от нехватки воздуха. Он сделал один гребок, второй... На третьем гребке с треском отлетели уключины. Он выронил одно весло и вцепился во второе. Потом он поднялся на ноги и замолотил ими по воде. Лодка зашаталась и почти перевернулась. Он упал и сильно ударился о сиденье.

Через несколько мгновений отошло еще несколько досок, сиденье треснуло, и он очутился в заполняющей лодку воде и был ошарашен тем, насколько она холодна. Он попытался встать на колени, безнадежно повторяя про себя: *Питер не должен видеть этого, он не должен видеть, как его отец тонет у него прямо на глазах, ты должен плыть, барахтайся по-собачьи, но делай, делай что-нибудь...*

Раздался еще один оглушительный треск — почти взрыв — и он оказался в воде и поплыл к берегу так, как ему никогда в жизни еще не доводилось плыть... и берег

оказался удивительно близко. Через минуту он уже стоял по грудь в воде, не далее пяти ярдов от берега.

Питер бросился к нему с вытянутыми руками, крича, плача и смеясь. Хэл двинулся к нему и потерял равновесие. Питер, по грудь в воде, тоже пошатнулся.

Они схватились друг за друга.

Дыхание Хэла прерывалось, и тем не менее он поднял мальчика на руки и понес его к берегу. Там они оба растянулись на песке, часто и глубоко дыша.

«Папочка? Ее больше нет? Этой проклятой обезьяны?»

«Да, я думаю, ее больше нет. И теперь уже навсегда».

«Лодка раскололась. Она прямо... распалась под тобой».

Хэл посмотрел на медленно дрейфующие доски футак в сорока от берега. Они ничем не напоминали крепко сделанную лодку, которую он вытащил из сарая.

«Теперь все в порядке», — сказал Хэл, приподнимаясь на локтях. Он закрыл глаза и позволил солнцу высушить лицо.

«Ты видел облако?» — прошептал Питер.

«Да. Но теперь я его не вижу. А ты?»

Они посмотрели на небо. Повсюду виднелись крохотные белые облачка, но большого черного облака нигде не было видно. Оно исчезло.

Хэл помог Питеру подняться. «Там в доме должны быть полотенца. Пошли». Но он задержался и взглянул на сына. «С ума сошел, зачем ты бросился в воду?»

Питер серьезно посмотрел на отца. «Ты был очень храбрым, папочка».

«Ты думаешь?» Мысль о собственной храбрости никогда не приходила ему в голову. Только страх. Страх был слишком сильным, чтобы разглядеть за ним что-то еще. Если это что-то еще там вообще существовало. «Пошли, Питер».

«Что мы скажем мамочке?»

«Не знаю, дружище. Мы что-нибудь придумаем».

Он задержался еще на мгновение, глядя на плавающие по воде доски. Озеро успокоилось, на поверхности была лишь мелкая сверкающая рябь. Внезапно Хэл подумал об отдыхающих, которых он даже и не знает. Возможно,

мужчина со своим сыном, ловящие большую рыбину. *Попалась, папочка!* — вскрикивает мальчик. *Давай-ка вытащим ее и посмотрим,* — говорит отец, и вот, из глубины, со свисающими с тарелок водорослями, усмехаясь своей жуткой, подзадоривающей усмешкой...обезьяна.

Он поежился — но в конце концов все это только могло бы случиться.

«Пошли», — еще раз сказал он Питеру, и они отправились по дорожке через пылающие октябрьские рощи по направлению к дому.

ИЗ ГАЗЕТЫ «БРИДЖТОН НЬЮС»

24 октября 1980 года

ЗАГАДКА МАССОВОЙ ГИБЕЛИ РЫБЫ Бетси Мориарти

СОТНИ мертвых рыб, плавающих кверху брюхом, были найдены на Кристальном озере неподалеку от города Каско в самом конце прошлой недели. По-видимому, огромное большинство этих рыб погибли в окрестностях Охотничьего мыса, хотя существующие в озере течения и не позволяют с точностью определить место гибели рыбы. Средидохлых рыб были все, обычно встречающиеся в этой местности сорта — щука, карп, коричневая и радужная форель. Был даже найден один пресноводный лосось. Официальные лица заявили о том, что происшедшее остается для них загадкой...

КОМПЬЮТЕР БОГОВ

КОМПЬЮТЕР БОГОВ

На первый взгляд он выглядел как обычный компьютер фирмы «Уанг», во всяком случае клавиатура и сам корпус были именно этой марки. И только со второго взгляда Ричард Хэгстром заметил, что корпус был вскрыт (и вскрыт не слишком аккуратно: у него сложилось впечатление, что это было сделано с помощью слесарной ножовки), для того чтобы вставить внутрь несколько большую по размеру катодную трубку фирмы IBM. Дискеты, предназначенные для этого странного ублюдка, не были мягкими. Они были такими же твердыми, как сорокопятки, которые Ричард слушал ребенком.

«Бог мой, что же это такое?» — спросила Лина, когда он с мистером Нордоффом приволокли компьютер в его кабинет. Мистер Нордофф жил рядом с семьей брата Ричарда Хэгстрема... Роджер, Белинда и их сын, Джона-тан.

«Штука, которую соорудил Джон», — сказал Ричард. «Мистер Нордофф утверждает, что она предназначалась для меня. Похоже на компьютер».

«Все так», — сказал Нордофф. Ему было уже за семьдесят, и он сильно задыхался. «Именно так он и сказал, бедняжка... можно мы передохнем минутку, мистер Хэгстром? А то мне немножко не по себе».

«Ну, конечно», — сказал Ричард и позвал Сета, своего сына, который внизу извлекал из своей гитары странные, дисгармоничные аккорды. Комната, из которой Ричард намеревался сделать семейную гостиную, превратилась в репетиционный зал для его сына.

«Сет!» — позвал Ричард. «Иди, помоги нам!»

Внизу Сет продолжал играть на гитаре. Ричард взглянул на мистера Нордоффа и пожал плечами в смущении, которое ему не удалось скрыть. Нордофф пожал плечами в ответ, словно говоря: *Дети! Кто ждет от них лучшего в наши дни?* Но оба они знали, что от Джона — несчастного Джона Хэгстрема, сына сумасшедшего брата Ричарда — можно было ожидать лучшего, пока он не погиб.

«Спасибо за помощь», — сказал Ричард.

Нордофф пожал плечами. «На что еще старому человеку тратить время? Хотя бы этим я могу отплатить Джону. Он ведь подстригал бесплатно мою лужайку, вы знали об этом? Я хотел заплатить ему, но мальчик и слышать об этом не хотел. Он был еще совсем ребенком». Нордофф все еще тяжело дышал. «Не могли бы вы дать мне стакан воды, мистер Хэгстром?»

«Разумеется». Ему пришлось налить стакан самому, так как его жена, читавшая за кухонным столом роман ужасов и жевавшая печенье, даже не шелохнулась. «Сет!» — закричал он снова. «Иди сюда и помоги нам, хорошо?»

Но Сет продолжал извлекать приглушенные и довольно кислые звуки из купленной в рассрочку гитары, за которую Ричард еще расплачивался.

Он пригласил Нордоффа остаться на ужин, но тот вежливо отклонил приглашение. Ричард кивнул, вновь почувствовав неудобство, но, возможно, скрыв его лучше на этот раз. *Что такой классный парень, как ты, делает в такой семье, как эта?* — спросил его однажды его друг Берни Эпштейн, и Ричард только помотал головой в ответ, ощущая то же вялое смущение, что и сейчас. Он был классным парнем. И, однако, каким-то образом он оказался в обществе этих двух людей — толстой, надутой жены, которая считала, что он лишил ее радостей жизни, что она поставила на проигрышную лошадь, и необщительного пятнадцатилетнего сына, который выполнял кое-какую мелкую работу в школе, где преподавал Ричард... сына, который извлекал из гитары странные, причудливые аккорды утром, днем и вечером (в основном, вечером) и,

похоже, полагал, что этого вполне достаточно, чтобы устроиться в жизни.

«Ну а как насчет пива?» — спросил Ричард. Ему не хотелось отпускать Нордоффа. Он хотел услышать еще что-нибудь о Джоне.

«Пиво — это замечательно», — сказал Нордофф, и Ричард благодарно кивнул.

«Отлично», — сказал он и сходил за парой банок.

Его кабинет располагался в небольшом, похожем на сарай здании, стоявшем отдельно от дома. Там же он отвел место и для семейной гостиной. Но в отличие от семейной гостиной, кабинет он ощущал своим. Местом, в котором он мог отгородиться от незнакомца, на котором он женился, и от незнакомца, которому он дал жизнь.

Лине, разумеется, не понравилось, что у него будет свой уединенный угол, но она не смогла этому помешать. Это была одна из немногих маленьких побед, которую ему удалось над ней одержать. Он думал, что в каком-то смысле она действительно поставила на проигрышную лошадь. Когда они поженились шестнадцать лет назад, они оба верили, что он будет писать превосходные, прибыльные романы, и вскоре каждый из них будет разъезжать на своем мерседесе. Но единственный роман, который он опубликовал, оказался не слишком-то прибыльным, да и критики поспешили указать на то, что он отнюдь не превосходит. Лина встала на точку зрения критиков, и это стало началом их взаимного отчуждения.

Так получилось, что преподавание в средней школе, которое оба рассматривали раньше лишь как ступеньку к известности, славе и богатству, превратилось в основной источник их дохода за последние пятнадцать лет — чертовски длинная ступенька, — думал он иногда. Но он так никогда и не отказался окончательно от своей мечты. Он писал рассказы и случайные статьи. Он был членом гильдии авторов с хорошей репутацией. С помощью своей пишущей машинки он зарабатывал дополнительно около пяти тысяч долларов в год. И как бы Лина не ворчала по этому поводу, все это давало ему право на

отдельный кабинет... тем более, что сама она работать отказалась.

«У вас здесь очень мило», — сказал Нордофф, оглядывая маленькую комнатку, стены которой были увешаны невообразимой смесью старых фотографий. Ублюдочный компьютер был водружен на стол. Старая электрическая машинка Ричарда была временно переставлена на шкафчик с картотекой.

«Она еще послужит мне», — сказал Ричард. «Вы ведь не думаете, что эта штука может работать, не так ли? Джону ведь было всего четырнадцать лет».

«Забавно выглядит, правда?»

«Очень забавно», — согласился Ричард.

Нордофф рассмеялся. «И вы даже не представляете себе, насколько это забавно», — сказал он. «Я посмотрел на заднюю панель монитора. На некоторых проводах штамп «IBM», а на других — «Рэйдио Шек». Но больше всего телефонных проводов «Вестерн Электрик». И, поверите или нет, там внутри маленький моторчик от эректора». Он глотнул пива и произнес задумчиво: «Пятнадцать. Ему как раз исполнилось пятнадцать. За пару дней до несчастного случая». Он выдержал паузу и повторил это снова, глядя вниз на свое пиво. «Пятнадцать». Голос его звучал совсем тихо.

«От эректора?» — Ричард недоуменно посмотрел на старика.

«Ну да, от механизма, который был вставлен в электрического котенка. У Джона был один такой... лет, наверное, с шести. Я его подарил ему на Рождество. Он уже тогда сходил с ума по всяким устройствам. Любой механизм ему нравился. Понравилась ли ему маленькая коробочка с моторчиками? Я думаю, да. Он ведь хранил ее почти десять лет. Не каждый мальчик поступит так, верно, мистер Хэгстром?»

«Да», — ответил Ричард, размышляя о коробках с игрушками Сета, которые он вытащил из дома уже много лет назад. Игрушки были отвергнуты, забыты или просто без причины разломаны. Он взглянул на компьютер. «В таком случае, он не должен работать».

«Не уверен в этом, пока вы не попробуете», — сказал Нордофф. «Парень был чертовски близок к тому, чтобы стать гением электричества».

«По-моему, это небольшое преувеличение. Я, конечно, знаю, что он хорошо разбирался во всяких устройствах и победил на общегосударственной технической олимпиаде, когда учился в шестом классе...»

«Соревнуясь с подростками, значительно старше его самого, Многие из них были уже старшеклассниками», — сказал Нордофф. «По крайней мере, так говорила его мать».

«Это правда. Мы все так гордились им». Последняя фраза, впрочем, была не вполне правдивой. Ричард гордился, мать Джона гордилась, но отцу мальчика было абсолютно наплевать. «Но задачи технической олимпиады и конструирование новой модели компьютера...» Он пожал плечами.

Нордофф поставил пиво. «В пятидесятых был мальчик», — сказал он, — «который сконструировал атомную бомбу из двух консервных банок и электрического оборудования стоимостью в пять долларов. Джон рассказал мне об этом. А еще он сказал, что в каком-то провинциальном городке в Нью-Мексико жил мальчик, открывший тахионы — отрицательные частицы, движущиеся во времени в обратном направлении — в 1954 году. Мальчик из Уотербери, Коннектикут, одиннадцать лет, изготовил бомбу из целлулоида, который он соскреб с игральных карт. Он взорвал с ее помощью пустую конуру. Дети иногда делают забавные вещи. И гениальные вещи, в частности. Вас это удивляет?»

«Да, возможно».

«Так или иначе, он был очень хорошим мальчиком».

«Вы его любили немного, так ведь?»

«Мистер Хэгстром», — сказал Нордофф, — «я любил его очень сильно. Он был идеальным ребенком».

И Ричард подумал, как странно все получилось: его брат, бывший самым настоящим дерьмом лет с шести, женился на прекрасной женщине и родил прекрасного, талантливого сына. А он, всегда стремившийся быть дели-

катным и добрым (что бы слово «добрый» ни обозначало в этом безумном мире), женился на Лине, превратившейся в жирную, как свинья, молчаливую женщину, а сыном его оказался Сет. Глядя в честное, усталое лицо Нордоффа, он думал о том, как все это могло произойти и сколько в этом было его вины, насколько это было результатом его собственной мягкости и слабости.

«Да», — сказал Ричард. «Именно таким он и был, не правда ли?»

«Не удивлюсь, если эта штука будет работать», — сказал Нордофф. «Нисколько не удивлюсь».

После того, как Нордофф ушел, Ричард Хэгстром включил компьютер в сеть и нажал кнопку на мониторе. Внутри раздалось легкое гудение, и он стал ждать, появятся ли на экране буквы IBM. Они не появились. Вместо этого, сверхъестественные, как голос из могилы, выплыли эти слова, зеленые привидения, появившиеся из темноты:

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ДЯДЯ РИЧАРД! ДЖОН.

«Боже мой», — прошептал Ричард, тяжело опускаясь на стул. Две недели назад произошел несчастный случай, в котором погибли его брат, жена брата и их сын. Они возвращались из поездки на выходные дни. Роджер был пьян. Это было обычным состоянием для Роджера Хэгстрема. Но на этот раз счастье изменило ему, и он съехал на своем старом грязном автомобильном фургоне с края девяностофутового обрыва. Фургон разбился вдребезги, а обломки сгорели. *Джону было четырнадцать — нет, пятнадцать. Как раз исполнилось пятнадцать за два дня до несчастного случая. Так сказал старик. Через три года он освободился бы от этого неуклюжего, тупого медведя. Его день рождения... скоро будет и мой.*

Через неделю. Компьютер был подарком Джона на его день рождения.

В чем-то это делало сложившуюся ситуацию еще хуже. Ричард не мог точно сказать, в чем и почему, но это было действительно так. Он протянул руку, чтобы выключить компьютер, но, помедлив, не стал этого делать.

Один мальчик сделал атомную бомбу из двух консервных банок и пятидолларового электрооборудования, собранного из автомобильных запчастей.

Да, а еще в нью-йоркской канализации полно аллигаторов, а на базе военно-воздушных сил США где-то в Небраске хранится замурованный в лед инопланетянин. Знаем мы эти рассказы. Все это дерьмовое вранье. Но, может быть, мне и не хотелось бы быть в этом уверенным на все сто процентов.

Он обошел компьютер и заглянул внутрь через вентиляционные щели на задней панели. Все было, как рассказывал Нордофф. Провода со штампом «Рэйдио Шек. Сделано в Тайване». Со штампами «Уэстерн Электрик» и «Уэстрекс». И он увидел еще одну штуку, которую Нордофф не заметил или намеренно не упомянул. Там был трансформатор от детской железной дороги, увитый проводами, как невеста Франкенштейна.

«Боже мой», — произнес он, засмеявшись и едва не расплакавшись. «Боже мой, Джонни, для чего же ты собирал эту штуку?»

Но и это было ему известно. Он годами мечтал иметь компьютер и часто говорил об этом. Когда смех Лины стал слишком саркастическим, чтобы его можно было выносить, он рассказал о своей мечте Джону. Он вспомнил, как говорил Джону прошедшим летом: «Я мог бы писать быстрее, быстрее вносить правку и чаще посылал бы свои вещи в журналы». Мальчик посмотрел на него серьезно. Его светло-голубые глаза, такие умные, но в то же время такие напряженные, казались огромными за стеклами его очков. «Это было бы замечательно, просто замечательно».

«Почему же ты не достанешь себе такую штуку, дядя Рич?»

«Ну, они не имеют обыкновения раздавать их задаром», — сказал Ричард, улыбаясь. «Модель «Рэйдио Шек» стоит самое меньшее три тысячи долларов. Цена самых дорогих моделей поднимается до восемнадцати тысяч».

«Что ж, может быть, когда-нибудь я сделаю тебе компьютер», — сказал Джон.

«Очень может быть», — сказал Ричард, похлопав его по спине. И до тех пор, пока Нордофф не позвонил ему, он никогда не вспоминал об этом разговоре.

Провода из любительских электрических моделей.

Трансформатор от игрушечной железной дороги.

Боже.

Он вновь подошел к компьютеру, намереваясь выключить его, словно если бы он действительно попробовал написать что-нибудь и машина не сработала, это каким-то образом осквернило бы творение его трудолюбивого, хрупкого

(обреченного)

племянника.

Вместо того, чтобы выключить компьютер, он нажал кнопку «ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ». Мурашки побежали у него по спине. «ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ» — забавное выражение, если вдуматься. Оно едва ли подходит для писательской работы. Скорее оно напоминает о газовых камерах и электрических стульях... и, возможно, о старых, грязных автомобильных фургонах, срывающихся с обрыва.

«ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ».

Компьютер гудел значительно громче, чем те выставленные в магазинах образцы, которые Ричарду приходилось видеть. Он почти грохотал. *Что там в блоке памяти, Джон?* — подумал он. *Кроватные пружины? Выстроенные в ряд трансформаторы от железной дороги? Консервные банки?* Он снова вспомнил глаза Джона, его спокойное и нежное лицо. Было ли это странным, а, может быть, почти безумным — ревновать чужого сына?

Но он должен был быть моим сыном. Я знал это... и, возможно, он тоже об этом знал. А потом еще Белинда, жена Роджера. Белинда, которая носила солнцезащитные очки даже в пасмурные дни. Очень большие очки, потому что кровоподтеки под глазами также были большими. Иногда он смотрел на нее и думал о ней так же, как и о Джоне: *Она должна была быть моей.*

И это было мучительной мыслью, потому что оба они познакомились с ней в средней школе и оба ухаживали за

ней. Ричард даже первым начала ухаживать за ней. За девочкой, из которой потом выросла мать Джона. Потом в игру вошел Роджер. Роджер, который был старше и сильнее. Роджер, который всегда получал то, что хотел. Роджер, который не останавливался ни перед чем, когда вы стояли у него на пути.

Я испугался. Я испугался и уступил ее. Неужели все было так просто? Господи Боже мой, наверное, это так. Мне хотелось бы, чтобы все было иначе, но, возможно, лучше честно признаться самому себе в своей трусости. И в своем позоре.

И если это действительно так — если Лина и Сет должны были достаться его беспутному брату, а Белинда и Джон должны были принадлежать ему, то что это теперь доказывает? И что вообще должен делать мыслящий человек в такой абсурдно симметричной ситуации? Смеяться? Плакать? Пустить пулю в лоб?

Не удивлюсь, если эта штука будет работать. Нисколько не удивлюсь.

«ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ».

Он быстро пробежался по клавиатуре. Потом он взглянул на экран и увидел на нем зеленые буквы:

МОЙ БРАТ БЫЛ БЕСПУТНЫМ ПЬЯНИЦЕЙ.

Буквыплыли в черноте, и Ричард неожиданно подумал об одной своей детской игрушке. Она называлась Волшебным Шаром. Вы задавали ей вопрос, на который можно было ответить да или нет, а потом заглядывали внутрь и прочитывали бессодержательный, но в чем-то загадочный ответ. Нечто вроде «ПОЧТИ НАВЕРНЯКА» или «Я БЫ НЕ СТАЛ НА ЭТО РАССЧИТЫВАТЬ» или «ПОПРОБУЙ СПРОСИТЬ ЕЩЕ РАЗ».

Роджер завидовал этой игрушке и в конце концов, упросив Ричарда дать ему поиграть Волшебным Шаром, со всей силы швырнул его об асфальт. Шар разбился. Роджер захохотал. Прислушиваясь к гулу собранного Джоном компьютера, Ричард вспомнил, как он опустил на дорожку, плача, все еще не в силах поверить в случившееся.

«Плакса-вакса-гуталин! На носу горячий блин! Посмотрите на плаксу», — дразнил его Роджер. «Не плачь, Риччи.

Это была дерьмовая игрушка. Посмотри, там внутри не было ничего, кроме глупых надписей и воды».

«Я ПОЖАЛУЮСЬ!» — закричал Ричард изо всех сил. Голова его горела. В уголках глаз скопились слезы ярости. «Я ПОЖАЛУЮСЬ НА ТЕБЯ, РОДЖЕР! Я ПОЖАЛУЮСЬ МАТЕРИ!»

«Пожалуйся, и я сломаю тебе руку», — сказал Роджер, и по его ледяной усмешке Ричард понял, что он не шутит. Он ничего не сказал.

МОЙ БРАТ БЫЛ БЕСПУТНЫМ ПЬЯНИЦЕЙ.

Ну что ж, из чего бы он не был собран, монитор его работал. Еще предстояло убедиться в том, будет ли он хранить текст в памяти, но так или иначе созданный Джоном гибрид клавиатуры фирмы «Уанг» и монитора IBM был вполне жизнеспособен. По чистому совпадению он вызывал довольно скверные воспоминания, но Джон тут был не причем.

Он оглядел свой кабинет, и взгляд его случайно задержался на одной фотографии, которая ему не очень-то нравилась. Это был сделанный в фотостудии портрет Лины, который она подарила ему на Рождество два года назад. *Я хочу, чтобы ты повесил его у себя в кабинете*, — сказала она, и он, разумеется, так и поступил. Он предположил, что для нее это было своего рода слежкой за ним, даже когда ее самой не было рядом. *Не забывай обо мне, Ричард. Я здесь. Может быть, я и поставила не на ту лошадь, но я по-прежнему здесь. Не забывай об этом.*

Студийный портрет, выдержанный в неестественной цветовой гамме, смотрелся довольно чужеродно среди милых его сердцу репродукций Уистлера, Хомера, Н.С.Уайета. Глаза Лины были полуприкрыты, а ее пухлые губы, формой напоминающие лук купидона, были искривлены так, что их выражение довольно трудно было назвать улыбкой. *Все еще здесь, Ричард*, — сказала она ему. *И не забывай об этом.*

Он набрал на клавиатуре:

ФОТОГРАФИЯ МОЕЙ ЖЕНЫ ВИСИТ НА ЗАПАДНОЙ СТЕНЕ КАБИНЕТА.

Он посмотрел на эти слова, и они понравились ему не больше, чем сама фотография. Он нажал клавишу «СТЕРЕТЬ». Слова исчезли. На экране не осталось ничего, кроме ровно пульсирующего курсора.

Он взглянул на стену и увидел, что фотография его жены также исчезла.

Он сидел на одном месте в течение очень долгого времени — по крайней мере, так ему показалось и смотрел на то место, где раньше висела фотография его жены. Из шокового состояния его вывел только запах, доносящийся из компьютера. Запах, который он помнил так же хорошо, как и тот день, когда разбился его Волшебный Шар. Пахли испарения, исходившие от железнодорожного трансформатора. Запах появлялся, когда трансформатор начинал перегреваться. Тогда его надо было выключить и дать ему остыть.

Так он и делает.

Через одну минуту.

Он поднялся и подошел к стене на ватных ногах. Он ощупал рукой стену. Фотография висела здесь. Да, *прямо здесь*. Но ее больше не было, не было даже крючка, на котором она висела. Не было дырки, которую он просверлил в стене, чтобы приделать крючок.

Все исчезло.

В глазах у него помутилось, и он поплелся обратно, вяло подумав, что сейчас потеряет сознание. Он вцепился в спинку стула и стоял так до тех пор, пока мир снова не приобрел достаточно ясные очертания.

Он перевел взгляд с пустого пространства на стене, где когда-то висела фотография Лины, на компьютер, собранный его погибшим племянником.

Вас это удивляет? — услышал он у себя в голове голос Нордоффа. *Вас это удивляет? Вас удивляет, что какой-то ребенок в пятидесятых годах открыл частицы, движущиеся во времени в обратном направлении? Вас удивляет, что ваш гениальный племянник соорудил эту штуку из неисправных блоков от разных компьютеров, проводов и деталей от электрических игрушек? Вас это настолько удивляет, что вы чувствуете, как сходите с ума?*

Запах от трансформатора стал гуще и сильнее. Он заметил струйки дыма, выходящие из вентиляционных щелей в корпусе монитора. Гул также усилился. Пора было выключить компьютер — каким бы гениальным Джон не был, он не мог успеть отладить этот безумный механизм.

Но знал ли он, что он будет работать таким образом?

Ощущая себя порождением своей собственной фантазии, Ричард вновь сел напротив экрана и набрал на клавиатуре следующий текст:

ФОТОГРАФИЯ МОЕЙ ЖЕНЫ ВИСИТ НА СТЕНЕ.

Он перечитал его, перевел глаза на клавиатуру и нажал клавишу «ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ».

Он посмотрел на стену.

Фотография Лины висела на том же самом месте, где всегда.

«Боже», — прошептал он. «Боже мой».

Он провел рукой по лицу, посмотрел на экран (там снова ничего не было, кроме мигающего курсора) и напечатал:

НА ПОЛУ У МЕНЯ В КАБИНЕТЕ НИЧЕГО НЕТ.

Потом он нажал на клавишу вставки и добавил:

**КРОМЕ МАЛЕНЬКОГО МАТЕРЧАТОГО МЕШОЧКА
С ДЮЖИНОЙ ДВАДЦАТИДОЛЛАРОВЫХ ЗОЛОТЫХ
МОНЕТ.**

Он нажал «ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ».

Он посмотрел вниз и увидел на полу небольшой белый мешочек с затянутой горловиной.

«Боже мой», — услышал он свой голос словно со стороны. «Боже мой. Господи Боже мой».

Он продолжал бы заклинать Господа еще в течение очень долгого времени, но компьютер внезапно стал издавать короткие гудки. В верхней части экрана замигало слово «ПЕРЕГРУЗКА».

Ричард выдернул шнур из сети и бросился из кабинета, словно все черти ада следовали за ним.

Но перед тем как оставить кабинет, он подобрал маленький мешочек и положил его себе в карман.

Он позвонил Нордоффу вечером, когда холодный ноябрьский ветер играл на расстроенной волынке стоящих за окнами деревьев. Группа, в которой играл Сет, внизу приканчивала мелодию Боба Сегера. Лина ушла в клуб поиграть в бинго.

«Эта штука работает?» — спросил Нордофф.

«Работает отлично», — сказал Ричард. Он сунул руку в карман и извлек монету. Она была тяжелой, тяжелее, чем часы фирмы «Ролекс». Суровый профиль орла был оттиснут на одной из сторон. Рядом были выбиты цифры: 1871. «Она делает такие вещи, в которые вы никогда не поверите».

«Почему же не поверю», — сказал Нордофф спокойно. Он был очень талантливым мальчиком и очень вас любил, мистер Хэгстром. Но будьте осторожны. Мальчик есть мальчик, талантлив он или нет, да и любовь может быть использована в дурных целях. Вы понимаете, о чем я?»

Ричард не понимал ничего. Он ощущал жар и лихорадку. В сегодняшней газете была указана цена золота — 514 долларов за унцию. Каждая монета весила в среднем четыре с половиной унции. В сумме это составляло двадцать семь тысяч семьсот пятьдесят шесть долларов. И это составляло лишь примерно четверть той суммы, которую он сможет выручить за эти монеты, если продаст их как *монеты*.

«Мистер Нордофф, вы можете приехать ко мне? Прямо сейчас? Этим вечером?»

«Нет», — ответил Нордофф. «Не думаю, что мне этого хочется, мистер Хэгстром. Мне кажется, это должно остаться между вами и Джоном».

«Но...»

«Только помните, что я сказал. Ради Бога, будьте осторожны». Раздался небольшой щелчок — это Нордофф повесил трубку.

Через полчаса он вновь сидел у себя в кабинете и смотрел на компьютер. Он прикоснулся к кнопке ВКЛ, но не спешил нажать ее. Когда Нордофф сказал это во второй раз, до Ричарда дошло. *Ради Бога, будьте осторожны*. Да. Он должен быть осторожным. С машиной, которая может сделать такое...

Как она это делает?

Он не мог это себе представить... но именно поэтому ему легче было примириться с этим. Он был преподавателем английского и отчасти писателем, и всю свою жизнь он не понимал, как работают вещи: проигрыватели, двигатели внутреннего сгорания, телефоны, телевизоры, устройство для спуска воды в его туалете. Его жизнь была историей понимания того, *что* надо делать, а не *как* это происходит. Случай с компьютером ничуть не выбивался из этого ряда. Разве что степенью непонимания.

Он включил компьютер. Как и в первый раз, на экране появились слова: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ДЯДЯ РИЧАРД! ДЖОН». Он нажал «ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ», и послание от его племянника исчезло.

Эта штука долго не проработает, — подумал он неожиданно. Он подумал, что Джон, должно быть, еще работал над ней, когда произошла катастрофа. Он был уверен, что у него еще есть время: в конце концов, день рождения дяди Ричарда был только через три недели...

Но время Джона вышло, и этот удивительный компьютер, обладающий способностью создавать новые вещи и уничтожать старые, вонял как перегревшийся трансформатор от игрушечной железной дороги и начинал дымить через несколько минут работы. Джон мог еще усовершенствовать его. Он был...

Уверен, что у него еще есть время?

Но ведь это неправда. Ведь это ужасная неправда. Ричард понял это. Спокойное, внимательное лицо Джона, его отрешенные глаза за толстыми стеклами очков... в них не было уверенности, никакой надежды на то, что времени еще предостаточно. Какое там слово пришло ему в голову сегодня? *Обреченный*. Это слово подходило Джону. Чувство обреченности было таким ощутимым, что иногда Ричарду хотелось обнять Джона, сказать ему, чтобы он немного взбодрился, что встречаются еще счастливые концовки и положительные герои не всегда умирают молодыми.

Потом он подумал о Роджере, швыряющем изо всей силы Волшебный Шар на дорожку. Он вновь услышал

хруст и увидел волшебную жидкость, вытекающую из шара — обычную воду, разумеется. И этот образ смешался с видением убогого автофургона Роджера с надписью «ОПТОВЫЕ ПОСТАВКИ ХЭГСТРОМА», который падает с края пыльного, крошащегося утеса и расплющивает нос о землю со звуком столь же незначительным, как и сам Роджер. Он увидел — хотя и не хотел этого — лицо жены брата, превращающееся в месиво кровавого мяса и костей. Он увидел Джона, сгорающего в остовах фургона. Джон кричал, и тело его медленно обугливалось.

Никакой уверенности, никакой надежды. Он всегда рождал ощущение необратимо бегущего времени. И в конце концов его предчувствия сбылись.

«Что все это значит?» — пробормотал Ричард, глядя на пустой экран.

Интересно, как бы Волшебный Шар ответил на этот вопрос? «СПРОСИ ПОПОЗЖЕ»? «ИСХОД НЕЯСЕН»? А, может быть, «РАЗУМЕЕТСЯ, ЭТО ТАК»?

Гул компьютера вновь становился громче, и в этот раз быстрее, чем в прошлый. Ричард уже чувствовал запах перегревающегося трансформатора.

Волшебная машина.

Компьютер богов.

Так? Именно это Джон собирался подарить своему дяде на день рождения? Научно-технический эквивалент волшебной лампы Алладина?

Он услышал, как с шумом распахнулась дверь на черное крыльцо. Раздались голоса Сета и его команды. Слишком громкие, слишком хриплые. Либо они были пьяны, либо накурились марихуаны.

«А где твой старик, Сет?» — услышал Ричард вопрос одного из них.

«Как обычно, валяет дурака в своем кабинете», — сказал Сет. «Я думаю, он...» Ветер унес продолжение его фразы, но не смог заглушить наглый всеобщий хохот.

Ричард прислушивался к ним, склонив голову немного набок. Неожиданно он напечатал:

МОЙ СЫН — СЕТ РОБЕРТ ХЭГСТРОМ.

Его палец завис над клавишей «СТЕРЕТЬ».

«Что ты делаешь?» — раздался вопль внутри его. «Неужели ты серьезно? Неужели ты собираешься убить своего собственного сына?»

«Ну, он, наверное, чем-нибудь там занимается», — сказал кто-то из них.

«Он редкостный мудака», — ответил Сет. «Спроси когда-нибудь у моей матери. Она тебе расскажет. Он...»

Я не буду убивать его. Я его просто... СОТРУ.

Его палец ударил по клавише.

Слова «МОЙ СЫН — СЕТ РОБЕРТ ХЭГСТРОМ» пропали с экрана.

Слова Сета, доносившиеся с улицы, оборвались в тот же миг.

Снаружи теперь не доносилось ни звука, только свист холодного ноябрьского ветра, мрачно предвещающего зиму.

Ричард выключил компьютер и вышел на улицу. Подъездная дорога была пуста. Ведущий гитарист группы ездил на нелепом и в чем-то зловещем микроавтобусе, на котором они обычно возили оборудование на свои не слишком-то частые концерты. Микроавтобуса не было. Возможно, он и ехал сейчас по какому-нибудь шоссе или был запаркован перед каким-нибудь грязным притоном. Где-то сейчас был и ведущий гитарист — кажется, его звали Норм, и басист Дейви, у которого были пугающе пустые глаза и приколотое к мочке уха украшение из английских булавок, и барабанщик с выбитыми передними зубами. Все они были где-то, где-то, но не здесь, потому что здесь не было Сета. Здесь никогда не было Сета.

Сет был СТЕРТ.

«У меня нет сына», — пробормотал Ричард. Сколько раз приходилось читать ему эту мелодраматическую фразу в плохих романах? Сто раз? Двести? Ни разу она не показалась ему правдивой. Но теперь она была правдой. Истинной правдой.

Налетел порыв ветра, и Ричард вдруг согнулся пополам от жестокой судороги в желудке.

Когда судороги прошли, он вернулся в дом.

Как только он вошел, он сразу же заметил, что ветхие теннисные туфли Сета (у него было их четыре пары, но

ни одну из них он не соглашался выбросить) исчезли из прихожей. Он подошел к деревянным перилам лестницы, ведущей на второй этаж, и провел по ним пальцем. В десятилетнем возрасте (уже будучи достаточно взрослым, чтобы понимать что к чему, но несмотря на это Лина не позволила его наказать) Сет вырезал свои инициалы на дереве перил, деньги на которые Ричард зарабатывал почти целое лето. Он зашпаклевал глубокие борозды и покрыл поврежденный участок лаком, но призрак букв по-прежнему остался.

Теперь и его не было.

Вверх по лестнице. Комната Сета. Она была чистой, аккуратно прибранной и имела нежилой вид. На ручке можно было бы сделать пометку: комната для гостей.

Вниз по лестнице. И здесь Ричард помедлил дольше всего. Спутанные клубки проводов исчезли. Исчезли усилители и микрофоны. Исчезли раскиданные повсюду детали от магнитофона, который Сет постоянно собирался починить (у него не было ни рук Джона, ни его внимания). Вместо этого на всей комнате лежал глубокий (нельзя сказать, чтобы более приятный) отпечаток личности Лины — тяжелая мебель с завитушками, слащавые бархатные гобелены (один с изображением Тайной Вечери, с Иисусом, выглядящим как Уэйн Ньютон, на другом был изображен олень на фоне заката на Аляске), пылающий ковер, яркий, как артериальная кровь. Не было ни малейшего признака того, что когда-то мальчик по имени Сет Хэгстром жил в этой комнате. В этой или в любой другой.

Ричард все еще стоял у подножья лестницы и смотрел вокруг, когда к дому подъехала машина.

Лина, — подумал он со внезапной вспышкой чувства вины. Это Лина вернулась из клуба. И что она скажет, когда увидит, что Сета больше нет? Что... Что...

Убийца! — услышал он ее крик. Ты убил моего мальчика!

Но он не убивал Сета.

«Я СТЕР его», — пробормотал он и пошел наверх, чтобы встретить ее в кухне.

Лина потолстела.

Когда она отправилась поиграть в бинго, в ней было около ста восьмидесяти фунтов. Женщина, вошедшая в кухню, весила фунтов триста, а, может быть, и больше. Чтобы пройти в дверь, ей пришлось слегка повернуться боком. Слоновьи бедра заходили под синтетическими колготками цвета перезрелых оливок. Ее кожа, еще три часа назад бывшая лишь слегка желтоватой, приобрела болезненную бледность. Хотя он и не был врачом, Роджеру показалось, что он читает на этой коже серьезную болезнь печени и порок сердца в начальной стадии. Ее глаза смотрели на Ричарда из-под тяжелых век с постоянным, неослабевающим презрением. В дряблой руке она держала огромную замороженную индейку. Она изгибалась и вертелась в своей целлофановой упаковке, словно тело самоубийцы.

«На что ты уставился, Ричард?» — спросила она.

На тебя, Лина. Я смотрю на тебя. Вот какой ты стала в мире, где у нас нет детей. Вот какой ты стала в мире, где не нашлось объекта для твоей любви. Вот как Лина выглядит в мире, где все поступает только внутрь и ничто не выходит наружу. На тебя, Лина. Вот на что я уставился. На тебя.

«На птицу, Лина», — выдавил он из себя наконец. «Одна из самых больших индеек, которую мне приходилось когда-нибудь видеть».

«Ну так что ты встал, как столб, идиот? Помоги же мне, черт возьми!»

Он взял индейку и положил ее на кухонный стол, чувствуя исходящие от нее волны бодрящего холода. Раздался деревянный стук.

«Не туда», — в нетерпении крикнула она и указала в сторону кладовой. «Положи в морозильную камеру. В холодильник она не поместится».

«Извини», — пробормотал он. Раньше у них не было морозильной камеры. Не было в том мире, в котором существовал Сет.

Он пошел с индейкой в кладовую, где под лампами дневного света стояла большая морозильная камера, по-

ходя на белый гроб. Он положил индейку к другим замороженным трупам птиц и зверей, а потом вернулся в кухню. Лина достала из буфета банку шоколадного печенья, пропитанного арахисовым маслом, и методично подала одну штуку за другой.

«Это была традиционная партия в бинго, которую мы обычно устраиваем на День Благодарения», — сказала она. «Но на этот раз мы провели ее на неделю раньше, потому что на следующей неделе отец Филлипс ляжет в больницу для операции по удалению желчного пузыря. Я выиграла комбинезон». Она улыбнулась. Коричневая смесь шоколада и арахисового масла стекала у нее с зубов.

«Лина», — спросил он. «Ты никогда не жалела о том, что у нас нет детей?»

Она посмотрела на него как на абсолютно сумасшедшего.

«На черта это мне интересно нужна маленькая обезьяна?» — спросила она. Потом она поставила на место банку с печеньем, опустевшую примерно наполовину. «Я ложусь спать. Ты идешь или опять отправишься потеть над своей машинкой?»

«Я думаю пойти еще поработать», — сказал он, и голос его был удивительно спокоен. «Надолго я не задержусь».

«Эта штука работает?»

«Что...» Потом он понял, и в нем вновь вспыхнуло чувство вины. Она знала о компьютере. Ну разумеется, знала. Исчезновение Сета никак не повлияло на судьбу Роджера и того автофургона, на котором ехала его семья. «Нет-нет. Она даже не включается».

Она удовлетворенно кивнула. «Этот твой племянник. Вечно витал в облаках. Совсем как ты, Ричард. Если б ты не был таким остолопом, я бы подумала, что лет пятнадцать назад ты заправил свой член куда не следовало». Она хрипло и громко расхохоталась. У нее был смех циничной стареющей шлюхи. Он едва не набросился на нее. Затем он почувствовал, как на губах у него появляется улыбка, такая же белая и холодная, как морозильная камера, замесившая в этом мире Сета.

«Надолго я не задержусь», — повторил он. «Я только наберу несколько фраз».

«Почему тебе не написать рассказ, за который тебе вручили бы Нобелевскую премию, или что-нибудь еще в этом роде?» — спросила она равнодушно. Доски пола закрипели и забормотали, когда она направилась к лестнице. «Мы все еще должны окулисту за мои очки и пропустили срок уплаты очередного взноса за «Бетамакс». Почему бы тебе не раздобыть немного денег?»

«Не знаю, Лина», — сказал Ричард. «Но мне кажется сегодня вечером мне пришла в голову великолепная идея. Действительно, великолепная».

Она повернулась, чтобы взглянуть на него, собралась сказать что-нибудь саркастическое насчет того, что ни одна из его великолепных идей не принесла им денег, но она все равно его не бросила и т.д., но потом передумала. Может быть, что-то в его улыбке отпугнуло ее. Она пошла наверх. Ричард стоял внизу и прислушивался к ее громовой поступи. Он почувствовал, что лоб его вспотел. Его подташнивало, но им владело радостное возбуждение.

Он повернулся и отправился в свой кабинет.

На этот раз, как только он нажал на кнопку, компьютер не стал ни гудеть, ни грохотать. Он издавал неровный, воющий звук. Почти сразу же появился запах перегревшегося трансформатора. Как только он нажал клавишу «ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ», стирая послание от своего племянника, из компьютера показались первый струйки дыма.

Очень мало времени, — подумал он. Нет, это неправда. Времени совсем нет. Джон знал об этом. Теперь знаю это и я.

Выбор сводился к следующему: либо вернуть Сета кнопкой вставки (он был уверен, что сможет это сделать также легко, как в случае с золотыми монетами), либо довести начатое до конца.

Запах становился все сильнее и тревожнее. Не позднее, чем через несколько секунд на экране замигает слово «ПЕРЕГРУЗКА».

Он напечатал:
МОЯ ЖЕНА — АДЕЛИНА МАБЕЛЬ УОРРЕН ХЭГ-СТРОМ.

Он нажал клавишу «СТЕРЕТЬ».

Он напечатал:

СО МНОЙ НИКТО НЕ ЖИВЕТ.

«ПЕРЕГРУЗКАПЕРЕГРУЗКАПЕРЕГРУЗКА», — мигала верхняя часть экрана.

Пожалуйста. Прошу тебя, дай мне закончить. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Из вентиляционных щелей в корпусе повалил густой серый дым. Он взглянул на блок памяти и увидел, что он тоже дымится... и там, за этим дымом он различил набухающий язык пламени.

Волшебный Шар, буду ли я здоров, богат или умен? Или я буду жить в одиночестве и убью себя от горя? Осталось ли еще хоть немного времени?

ПОКА НЕ МОГУ СКАЗАТЬ. СПРОСИ ЕЩЕ РАЗ ПОПОЗЖЕ.

Если только оно будет, это *позже*.

Он нажал клавишу вставки, и экран опустел, за исключением бешено пульсирующей надписи «ПЕРЕГРУЗКА».

Он напечатал:

КРОМЕ МОЕЙ ЖЕНЫ БЕЛИНДЫ И МОЕГО СЫНА ДЖОНАТАНА.

Пожалуйста, пожалуйста.

Он два раза стукнул по клавише «ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ».

Экран опустел. Ричарду показалось, что он оставался пустым несколько веков. Только надпись «ПЕРЕГРУЗКА» мигала на нем так быстро, что казалась почти неподвижной, лишь едва заметная тень пробегала по ней. Словно компьютер заиклился и повторял беспрестанно одну и ту же операцию. Что-то внутри лопнуло и зашипело. Ричард застонал.

Потом зеленые буквы загадочно выплыли на черном фоне:

СО МНОЙ НИКТО НЕ ЖИВЕТ, КРОМЕ МОЕЙ ЖЕНЫ БЕЛИНДЫ И МОЕГО СЫНА ДЖОНАТАНА.

Он дважды стукнул по кнопке «ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ».

А сейчас, — подумал он. Сейчас я напечатаю:

КОМПЬЮТЕР АБСОЛЮТНО ИСПРАВЕН. Или: МОИХ ИДЕЙ ХВАТИТ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ НА ДВАДЦАТЬ БЕСТСЕЛЛЕРОВ. Или: Я И МОЯ СЕМЬЯ ВСЕГДА БУДЕМ ЖИТЬ СЧАСТЛИВО. Или: ...

Он он не напечатал ни слова. Его пальцы глупо повисли над клавиатурой, и он почувствовал — физически ощутил — что все мысли в его мозгу сгрудились в кучу, как автомобили в худшей из Манхэттенских пробок за всю историю двигателей внутреннего сгорания.

Внезапно весь экран заполнился словом:

ГРУЗКАПЕГРУЗКАПЕРЕГРУЗКАПЕРЕГРУЗКАПЕ
РЕГРУЗКАПЕРЕГРУЗКАПЕРЕ

Внутри снова что-то лопнуло, а потом взорвался блок памяти. Из корпуса вырвались языки пламени. Потом пламя погасло. Ричард откинулся на спинку стула и закрыл лицо руками на тот случай, если экран взорвется. Он не взорвался. Только погрузился в темноту.

Он сидел и смотрел на темный экран.

ПОКА НЕ МОГУ СКАЗАТЬ. СПРОСИ ЕЩЕ РАЗ ПОПОЗЖЕ.

«Папочка?»

Он повернулся на стуле. Сердце так громыхало, что едва не разорвало ему грудь.

В дверях стоял Джон, Джон Хэгстром. Лицо его было прежним, но все же слегка изменилось. Разница была незначительной, но ощутимой. Возможно, — подумал Ричард, — она соответствовала разнице между отцовскими генами двух братьев. А может быть, дело было лишь в том, что из глаз Джона исчезла эта напряженная, пристальная настороженность. Глаза его казались огромными за толстыми стеклами очков. Роджер заметил, что изящная металлическая оправка сменила убогую роговую, которую предпочитал покупать сыну Роджер, так как она была на пятнадцать долларов дешевле.

А может быть, все было совсем просто: мальчик больше не выглядел обреченным.

«Джон?» — спросил он хрипло, спрашивая себя, достиг ли он предела своих желаний. Это казалось нелепым, но в сердце осталась какая-то неудовлетворенность. Наверное, от нее никогда не избавится ни один человек. «Джон, это ты?»

«Кто же это еще может быть?» Он кивнул головой в сторону компьютера. «Тебя случайно не ранило, когда этот новорожденный вознесся на информационные небеса?»

Ричард улыбнулся. «Нет, со мной все в порядке».

Джон кивнул. «Извини, что так получилось. Даже не знаю, что меня заставило собрать воедино все эти детали». Он покачал головой. «Действительно не знаю. Словно какая-то сила *заставила* меня. Детские забавы».

«Ну что ж», — сказал Ричард. «Может быть, в следующий раз у тебя лучше получится».

«Может быть. Но лучше я соберу что-нибудь еще».

«И это неплохо».

«Мама говорит, что приготовила для тебя какао».

«Замечательно», — сказал Ричард, и вдвоем они направились к дому, порог которого никогда не пересекала замороженная индейка. «Чашечка какао — это очень кстати».

«Завтра я выпотрошу из этой штуки все, что еще может пригодиться, и отнесу ее на свалку», — сказал Джон.

Ричард кивнул. «Сотри ее из нашей жизни», — сказал он, и они отправились к дому, вдыхая запах какао и радостно смеясь.

ПЛОТ

ПЛОТ

Это место было расположено в сорока милях от университета Хорликс в Питтсбурге в сторону Кэскейд Лейк, и хотя в октябре в этих местах темнеет довольно рано, да и выехали они только в шесть часов, небо было не совсем еще черным, когда они добрались. Они приехали на машине Дика. Дик никогда не упускал возможности выпить. После пары бутылок пива машина слегка вышла у него из повиновения.

Не успел он поставить машину у жердевого забора, отделявшего автостоянку от пляжа, и вот он уже стаскивал с себя рубашку и искал глазами плот. Рэнди вышел из машины немного неохотно. Честно говоря, это была его идея, но он никогда не думал, что Дик воспримет это всерьез. Девушки задвигались на заднем сиденье, готовясь выйти из машины.

Глаза Дика рыскали по воде, из стороны в сторону (*глаза снайпера*, — подумал Рэнди и ему стало не по себе), а потом сфокусировались на одной точке.

«Он там!» — закричал он, хлопнув по капоту машины. «Как ты и говорил, Рэнди! Черт возьми!»

«Дик...» — начал было Рэнди, поправляя очки, но это было все, на что он осмелился, тем более что Дик уже перепрыгнул забор и бежал к берегу, не оглядываясь ни на Рэнди, ни на Рейчел и Ла-Верн. Он смотрел только на плот, который стоял на якоре ярдах в пятидесяти от берега озера.

Рэнди оглянулся, словно желая извиниться перед девушками за то, что втянул их во все это, но они смотрели

на Дика. То, что Рейчел смотрела на него, было в порядке вещей — Рейчел была девушкой Дика. Но и Ла-Верн смотрела в том же направлении, и Рэнди ощутил внезапный укол ревности, который и побудил его к действию. Он стащил с себя свой бумажный свитер, уронил его рядом с рубашкой Дика и перепрыгнул через изгородь.

«Рэнди», — крикнула ему Ла-Верн, но он только махнул ей, чтобы она следовала за ним. Он слегка презирал себя за этот жест, так как заметил ее неуверенность. Она чуть не плакала. Идею купания в октябре на пустынном озере трудно было рассматривать просто как очередное развлечение во время уютной, оживленной вечеринки, устроенной в квартире, которую Рэнди и Дик снимали вместе. Она нравилась ему, но Дик был сильнее. И черт его побери, если она не заглядывается на Дика. Это его дьявольски раздражало.

Дик на бегу расстегнул джинсы и стащил их со своих поджарых ног. Он как-то умудрился избавиться от них, ни на секунду не останавливаясь. Этот трюк Рэнди не смог бы повторить и за тысячу лет. Дик бежал теперь в одних узких плавках, мышцы на спине и ягодицах энергично работали. Рэнди с ненавистью подумал о своих тощих ногах, расстегнув свой «Левайс» и неуклюже стряхнув его на песок. Он чувствовал себя пародией на Дика.

Дик добежал до воды и завопил: «Господи, ну и холодина!»

Рэнди заколебался, но не подал виду. *В этой воде градусов пять*, — услышал он голос внутри себя, — *от силы десять. Твое сердце может остановиться*. Он учился в медицинском колледже и знал, что голос говорит правду, но внешне он никак не выдал своих колебаний. Он прыгнул в воду, и на мгновение его сердце действительно остановилось, во всяком случае, так ему показалось. Воздух застрял в горле, и ему пришлось сделать усилие, чтобы протолкнуть его в легкие. Части тела, ушедшие под воду, мгновенно онемели. *Это безумие*, — подумал он. *Но ведь это твоя идея, Панчо?* Он поплыл за Диком.

Девушки переглянулись. Ла-Верн пожала плечами и усмехнулась. «Раз они могут, то можем и мы», — сказала она, стягивая с себя рубашку «Лакост», под которой был почти прозрачный лифчик. «К тому же у девушек есть дополнительная жировая прослойка».

Она перескочила через изгородь и побежала к воде, расстегивая плисовые брючки. Через мгновение Рейчел последовала за ней по той же причине, что и Рэнди — за Диком.

Девушки пришли к ним на квартиру в середине дня — по вторникам у всех из них последние занятия начинались не позднее часа. Дик только что получил ежемесячную благотворительную стипендию — один из бывших питомцев университета, сходящих с ума по футболу (игроки называли таких «ангелами»), позаботился, чтобы он получал двести долларов в месяц наличными, и поэтому в холодильнике было пиво, а на проигрывателе Рэнди стоял новый диск «Найт Рейнджер». Они сидели вчетвером и ощущали приятное чувство опьянения. Через некоторое время разговор перешел на сожаления по поводу того, что кончается длинное бабье лето, которое доставило им столько удовольствия. Радио предвещало в среду снежную бурю. Ла-Верн высказала мнение, что синоптики, предсказывающие снежные бури в октябре, должны расстреливаться на месте. Никто не спорил.

Рейчел сказала, что когда она была ребенком, ей казалось, будто лето продолжается вечно, но сейчас, когда она стала взрослой («выжившей из ума девятнадцатилетней старухой», — пошутил Дик, и она двинула его по лодыжке), с каждым годом оно становится все короче. «Мне иногда кажется, что всю свою жизнь я провела на Кэскейд Лейк», — сказала она, направляясь по протертому кухонному линолеуму в сторону холодильника. Она заглянула внутрь и извлекла оттуда банку «Айрон Сити Лайт». «Я все еще помню, как я впервые доплыла до плота. Я простояла на нем чуть ли не два часа, боясь утонуть на обратном пути».

Она села рядом с Диком, и он обвил ее рукой. Она улыбнулась своим воспоминаниям, и Рэнди неожиданно пришло в голову, что она похожа на какую-то знаменитость. Он никак не мог вспомнить, на кого. Он вспомнил об этом позже, в менее приятных обстоятельствах.

«В конце концов моему брату пришлось приплыть ко мне и оттащить меня к берегу на автомобильной камере. Боже, как он ругался. А я получила невероятный солнечный ожог».

«Плот все еще там», — сказал Рэнди, просто чтобы что-то сказать. Он знал, что Ла-Верн вновь смотрит на Дика. Через некоторое время она вообще перестала отводить от него глаза.

Но сейчас она взглянула на него. «Уже почти *Хеллоуин*, Рэнди. Пляж на Кэскейд Лейк закрыт со Дня Труда».

«Тем не менее плот все еще там», — сказал Рэнди. «Мы были на другом берегу озера на геологической полевой практике около трех недель назад, и я видел его. Он был похож на...» Он пожал плечами. «...небольшой кусочек лета, который кто-то забыл убрать на зиму в чулан».

Он думал, что они засмеются над его шуткой, но никто не улыбнулся. Даже Дик.

«Если он был там, то это еще не значит, что он там до сих пор», — сказала Ла-Верн.

«Я как-то упомянул о плоту в разговоре с одним парнем», — сказал Рэнди, допивая пиво. «Билли Де-Луа. Помнишь его, Дик?»

Дик кивнул. «Играл во втором составе до тех пор, пока не получил травму».

«Да, это он. Так или иначе, он из тех мест, и он сказал мне, что парни, которым принадлежит пляж, не вытаскивают плот до самых морозов. Просто ленятся — во всяком случае, так он считает. Он сказал, что когда-нибудь они опоздают, и плот окажется во льду».

Он замолчал, вспоминая, как выглядел плот — яркий квадрат белого дерева в темно-синей осенней воде. Он вспомнил, как ветер донес до них звук стучающихся одна

о другую бочек. Сам звук был не слишком громким, но отчетливо разносился в спокойном приозерном воздухе. Кроме этого звука было слышно только карканье ворон, повздоривших в запущенном фруктовом саду.

«Завтра снег», — сказала Рейчел, вставая в тот момент, когда рука Дика почти бессознательно подкралась к ее груди. Она подошла к окну и посмотрела на улицу.

«Вот что я вам скажу», — начал Рэнди, — «поедем-ка сейчас на Кэскейд Лейк. Мы сплаваем на плот, попрощаемся с летом, а потом вернемся обратно».

Если бы он не был слегка пьян, он никогда бы не вылез с этим предложением, и в любом случае он не ожидал, что кто-то примет его всерьез. Но Дик пришел в восторг.

«Вот это да! Ужасно здорово придумано, Панчо! Ужасно здорово!» Ла-Верн слегка подпрыгнула и пролила пиво. Но она улыбнулась — и от ее улыбки Рэнди стало немного не по себе. «Давайте так и сделаем!»

«Дик, ты сошел с ума», — сказала Рейчел и тоже улыбнулась. Но ее улыбка выглядела немного неуверенной и обеспокоенной.

«Ерунда, я сделаю это», — сказал Дик, отправляясь за курткой, и со смесью тревоги и заблуждения Рэнди заметил безжалостную и немного сумасшедшую усмешку Дика. Они прожили в одной комнате уже три года — Верзила и Умница, Киско и Панчо, Бэтмен и Робин, и Рэнди знал эту усмешку. Дик не шутил, он действительно собирался это сделать. В своих мыслях он был уже на пути туда.

Брось, Киско. Я не поеду. Слова почти уже выскочили из него, но прежде чем он успел их произнести, Ла-Верн была уже на ногах, а в глазах у нее возник тот же веселый, сумасшедший огонек (а может быть, просто она выпила слишком много пива). «Я поеду!»

«Тогда отправляемся!» Дик посмотрел на Рэнди. «Что скажешь, Панчо?»

Он быстро взглянул на Рейчел и заметил что-то неистовое в ее глазах. Лично он не возражал против того, чтобы Дик и Ла-Верн вдвоем отправились бы на Кэскейд

Лейк и проплавали бы там всю ночь. Но этот взгляд Рейчел, этот неотвязный взгляд...

«Оооо, *Кииско!*» — завопил Рэнди.

«Оооо, *Панчо!*» — закричал Дик в ответ в полном восторге.

Они ударили по рукам.

Рэнди проплыл половину пути, когда он заметил на воде черное пятно. Оно было за плотом, немного слева и поближе к середине озера. Через пять минут было бы уже слишком темно, чтобы он мог заметить его... если он вообще что-то заметил. *Нефтяная пленка?* — подумал он, совершая тяжелые гребки и смутно слыша, как девушки плещутся у него за спиной. Но откуда бы взяться нефтяной пленке на пустынном озере в октябре? Да и пятно имело загадочно правильную форму и было довольно небольшим, не больше пяти футов в диаметре...

«Ууууу!» — закричал Дик, и Рэнди посмотрел на него. Дик влезал по лесенке, приделанной с одной стороны плота, и отряхивался, как собака. «Как ты там, Панчо?»

«О'кей!» — закричал он в ответ и поплыл быстрее. Это было не так уж плохо, как он думал, особенно если быстро двигаться. Тело стало наливаться теплом, и мотор заработал на полную мощь. Он ощущал, как его сердце набирает обороты и согревает его изнутри. У его приятелей был дом на мысе Код, и вода там была еще холоднее даже в середине июля.

«Ты думаешь, тебе холодно, Панчо? Подожди, что ты будешь чувствовать, когда влезешь на плот!» — радостно вопил Дик. Он прыгал по плоту, раскачивая его, и растирал тело руками.

Рэнди не вспоминал о нефтяной пленке до тех пор, пока его руки не ухватились за шероховатую, выкрашенную белой краской деревянную лесенку. Тогда он увидел пятно снова. Оно немного приблизилось. Круглое темное пятно на воде, словно большая родинка, покачивающаяся на спокойных волнах. Когда он увидел

пятно в первый раз, оно было на расстоянии примерно сорока ярдов от плота. Сейчас оно наполовину приблизилось.

Как это могло произойти? Как...

Он вылез из воды и холодный воздух стал покусывать его кожу. Ему стало еще холоднее, чем в тот момент, когда он только нырнул в воду. «Ооооооо, черт!» — завопил он, смеясь и ежась.

«Панчо, твои уши чем-то похожи на дыру в заднем проходе», — радостно заявил Дик. «Для тебя достаточно холодно? Ты уже протрезвел?»

«Про-трез-вел! Про-трез-вел!» Он начал скакать по плоту, как Дик скакал минуту назад, и хлопать себя по груди и по животу. Они посмотрели на девушек.

Рейчел вырвалась вперед. Движения Ла-Верн напоминали плавательный стиль собаки с плохими инстинктами.

«Эй, барышни, у вас все в порядке?» — завопил Дик.

«Пошел к черту, Верзила!» — закричала Ла-Верн, и Дик снова отвернулся.

Рэнди посмотрел вбок и увидел, что загадочное круглое пятно стало еще ближе — до него было ярдов десять — и продолжало двигаться к плоту. Оно плыло по поверхности воды. Его правильная форма наводила на мысли о верхней части огромного цилиндра, но та гибкость, с которой оно преодолевало гребни волн, не могла быть свойственна твердому предмету. Неясный, но сильный страх неожиданно охватил его.

«Скорей!» — закричал он девушкам и наклонился, чтобы схватить Рейчел за руку, когда она подплывет к лесенке. Наконец он вытянул ее наверх. Она больно ушибла коленку — он услышал глухой звук удара.

«Ой! Черт! Ты что...»

Ла-Верн была еще футах в десяти от плота. Рэнди снова посмотрел вбок и увидел, что круглая штука дотронулась до внешней стороны плота. Штука был черной, как нефть. Но он был уверен, что это не нефть — слишком черная, слишком густая, слишком *правильная*.

«Рэнди, мне больно! Что за идиотство...»

«Ла-Верн, плыви!» Теперь это уже был не страх. Это был ужас.

Ла-Верн взглянула на него, может быть, и не расслышав ужас в его голосе, но по крайней мере вняв его совету. Она выглядела удивленной, но барахталась быстрее, сокращая расстояние между собой и лесенкой.

«Рэнди, ты чего?» — спросил Дик.

Рэнди повернул голову и увидел, как штука огибает угол плота. Обогнув угол, она заскользила вдоль плота, но один из ее краев теперь был прямым.

«Помоги мне вытащить ее!» — закричал Рэнди Дику и протянул руку Ла-Верн. «Быстрой!»

Дик добродушно пожал плечами и схватил Ла-Верн за другую руку. Они вытянули ее на плот за мгновение до того, как черное пятно скользнуло мимо лесенки. Края его покрылись рябью, когда оно задело за перила.

«Рэнди, ты совсем спятил?» Ла-Верн задыхалась и была немного испугана. Соски ее были отчетливо видны сквозь тонкую ткань лифчика. Они затвердели от холода.

«Эта штука», — сказал Рэнди, показывая пальцем. «Дик, что это такое?»

Дик заметил. Пятно достигло левого угла плота. Оно восстановило свои округлые очертания и качалось на волнах на одном месте. Все четверо посмотрели на него.

«Нефтяная пленка, наверное», — сказал Дик.

«Ты чуть не сломал мне колено», — сказала Рейчел, посмотрев на темное пятно, а потом переведя глаза на Рэнди. «Ты...»

«Это не нефтяная пленка», — сказал Рэнди. «Ты когда-нибудь видел абсолютно круглое пятно нефти? Эта штука похожа на шашку».

«Я вообще никогда не видел нефтяного пятна», — ответил Дик. Он разговаривал с Рэнди, но смотрел он на Ла-Верн. Ее трусы были почти такими же прозрачными, как и лифчик, и темный треугольник ясно вырисовывался через шелк. Ягодицы выглядели как два тугих полумесяца. «Я вообще не верю, что они есть на свете. Я ведь из Миссури».

«У меня будет синяк», — сказала Рейчел, но в ее голосе больше не было гнева. Она заметила, что Дик смотрит на Ла-Верн.

«Боже, как я замерзла», — сказала Ла-Верн. Она иззящно поежилась.

«Оно гналось за девушками», — сказал Рэнди.

«Ну-ну, Панчо. Мне казалось, ты говорил, что уже протрезвел».

«Оно гналось за девушками», — повторил он упрямо и подумал: *Никто не знает, что мы здесь. Ни одна живая душа.*

«А ты видел когда-нибудь нефтяное пятно, Панчо?» Он положил руку на обнаженные плечи Ла-Верн тем же самым почти неосознанным движением, которым он в этот же день дотрагивался до груди Рейчел. Он не прикасался к груди Ла-Верн — во всяком случае, пока, но рука его была близко. Рэнди обнаружил, что его это почти не волнует. Это черное круглое пятно на воде. Это была единственная вещь, до которой ему было дело.

«Я видел одно на Мысе, четыре года назад», — сказал он. «Мы доставали запачкавшихся птиц из волн и пытались их отчистить».

«Экология, Панчо», — сказал Дик одобрительно. «Я думаю, экология — офигительная штука».

Рэнди сказал: «Это была просто разлитая по воде вонючая жижа. Попадались полосы и бесформенные пятна. Но не было ни одного такого. Они не были — эээ... — такими компактными».

Они выглядели случайными, — вот что он хотел сказать. А эта штука не выглядит случайной. У нее словно бы есть какая-то цель.

«А теперь я хочу вернуться», — сказала Рейчел. Она продолжала наблюдать за Диком и Ла-Верн. Рэнди увидел выражение тупой боли у нее на лице. Он не был уверен, подозревает ли она об этом.

«Так возвращайся», — сказала Ла-Верн. На ее лице было выражение, которое Рэнди про себя назвал *безмятежность абсолютного торжества*. Название было

слегка претенциозным, но в то же время абсолютно правильным. Выражение это не предназначалось специально для Рейчел, но Ла-Верн и не пыталась скрыть его от девушки.

Она сделала шаг к Дику. Теперь бедра их слегка соприкасались. На одно короткое мгновение Рэнди забыл о плавающем на поверхности воды пятне и перенес все свое внимание на Ла-Верн, излучая волны острой ненависти. Хотя он никогда не бил ни одну девушку, сейчас бы он ударил Ла-Верн с огромным удовольствием. Не потому, что он любил ее (да, она вскружила ему голову, и он ревновал ее, когда она стала забегать в комнату к Дику, но, начнем с того, что девушку, которую он бы по-настоящему любил, он вообще бы не подпустил ближе, чем на пятнадцать миль к тому месту, где находился Дик), а потому, что знал это выражение на лице у Рейчел — знал, каково ей сейчас на душе.

«Я боюсь», — сказала Рейчел.

«Нефтяного пятна?» — недоверчиво спросила Ла-Верн и рассмеялась. На Рэнди вновь нахлынуло желание ее ударить, закатить ей звонкую пощечину, стереть с ее лица это высокомерное выражение и оставить на щеке кровоподтек величиной с ладонь.

«Тогда давай сначала посмотрим, как поплывешь ты», — сказал Рэнди.

Ла-Верн снисходительно улыбнулась ему. «Я еще не готова», — сказала она ему таким тоном, которым обычно разговаривают с ребенком. Она взглянула на небо, потом на Дика. «Я хочу посмотреть, как появятся звезды».

Рейчел была невысокой хорошенькой девочкой, но ее красота была немного неопределенной, какой-то мальчишеской. Она напоминала Рэнди нью-йоркских девушек, когда они несутся утром на работу в своих прекрасно сшитых юбочках с разрезами спереди или сбоку, с тем же выражением слегка нервной привлекательности на их лицах. Глаза Рейчел всегда блестели, но трудно было сказать, что тому причиной — веселое настроение или переполняющее ее беспокойство.

Вкусы Дика обычно склонялись к высоким брюнеткам с сонными, медленными глазами. Рэнди понял, что между Диком и Рейчел все кончено — что бы между ними не было, что-то довольно примитивное и слегка ему поднадоевшее с его стороны, или что-то глубокое, переусложненное и, возможно, болезненное — с ее. Все было кончено — так внезапно и окончательно, что Рэнди почти услышал треск, звук, с которым сухая палочка ломается под коленкой.

Он был робким человеком, но сейчас он подошел к Рейчел и положил ей руку на плечо. Она быстро взглянула на него. Ее лицо выглядело несчастным, но на нем отразилась благодарность за его жест, и он был рад, что сумел ей хоть немного помочь. Он вновь подумал о том, что она на кого-то очень похожа. Что-то в ее лице, выражение ее глаз...

Сначала он подумал, что она напоминает кого-то из телеигр, или из рекламных передач о крекерах, вафлях или какой-нибудь такой же ерунде. Потом он вспомнил: она была похожа на Сэнди Дункан, актрису, которая играла в возобновленном «Питере Пэне» на Бродвее.

«Что это за штука?» — спросила она. «Рэнди? Что это такое?»

«Я не знаю».

Он мельком посмотрел на Дика и заметил, что Дик смотрит на него со знакомой улыбкой, которая выражала скорее дружелюбную фамильярность, а не презрение... но и презрение было в ней. Может быть, Дик даже и не знал об этом, и тем не менее это было так. Улыбка говорила: *А вот опять идет старый бородавчатый Рэнди, написавший себе в штаны.* Она словно бы подсказывала Рэнди ответ: *Ерунда. Не беспокойся об этой штуке. Скоро она отсюда уберется.* Что-нибудь в этом роде. Но он не сказал ничего подобного. Пусть Дик улыбается. Это правда: он боится черного пятна на воде.

Рейчел отошла от Рэнди и изящно наклонилась на самом краю плота недалеко от пятна. На мгновение в сознании Рэнди вместо Рейчел возникла девушка с ярлы-

ка «Белого Утеса». *Сэнди Дункан, изображенная на ярлыке «Белого Утеса»,* — поправил он себя. Ее слегка жестковатые, коротко стриженные светлые волосы прилипли к ее изящной головке. Он увидел, что лопатки ее покрылись гусиной кожей над белой полоской лифчика.

«Не уподи, Рейчи», — сказала Ла-Верн с насмешливой злобой.

«Брось, Ла-Верн», — сказал Дик, продолжая улыбаться.

Рэнди взглянул на их фигуры, стоящие в обнимку в центре плота, слегка соприкасающиеся бедра, а потом перевел глаза на Рейчел. Холодок пробежал у него по позвоночнику: черное пятно двинулось к углу плота, на котором стояла Рейчел. Раньше оно было в шести-восьми футах от нее. Теперь расстояние сократилось до трех. И он заметил странное выражение в ее глазах: круглая пустота, которая загадочным образом напоминала круглую пустоту пятна на поверхности воды.

Сейчас она выглядит как Сэнди Дункан на этикетке «Белого Утеса», которая делает вид, что она загипнотизирована восхитительным ароматом свежих медовых булочек, — подумал он идиотически, почувствовав, что его сердце начинает биться так же часто, как и в озере несколько минут назад, и закричал: «Отойди немедленно, Рейчел!»

То, что случилось потом, произошло очень быстро, со скоростью взрывающегося фейерверка. И все же он видел и слышал каждую деталь с какой-то абсолютной, адской отчетливостью. Каждый момент времени словно застыл в своей собственной капсуле.

Ла-Верн засмеялась — в квадратном университетском дворике ранним вечером ее смех прозвучал бы как смех любой другой студентки, но здесь, в сгущающейся темноте он больше был похож на сухой кашель ведьмы, готовящей зелье в волшебном горшке.

«Рейчел, может быть, тебе лучше отойти на...» — начал было Дик, но она перебила его, почти наверняка в первый раз в жизни и без сомнения в последний.

«Оно цветное!» — закричала она дрожащим от удивления голосом. Ее глаза уставились на черное пятно с

тупым восторгом, и на мгновение Рэнди показалось, что он видит то, о чем она говорит — цвета, закручивающиеся в яркие спирали. Потом видение исчезло, и вновь перед его глазами возник скучный, тусклый черный цвет. «Какие красивые цвета!»

«Рейчел!»

Она потянулась к нему, вперед и вниз. Ее белая рука, покрытая гусиной кожей, приближалась к пятну. Он увидел, что ногти ее обкусаны.

«Ре...»

Он почувствовал, как плот закачался под шагами Дика, бросившегося к ним. Сам он достиг Рейчел в ту же секунду, намереваясь оттащить ее на плот и смутно осознавая, что не хочет уступать Дик у эту честь.

Рука Рейчел коснулась воды — собственно даже не рука, а только указательный палец, вокруг которого пошла слабая рябь — и черное пятно набросилось на нее. Рэнди услышал, как она судорожно вдохнула воздух, и внезапно пустота ушла из ее глаз. Вместо нее в них появились муки агонии.

Черное, вязкое вещество размазывалось по ее руке, как грязь, и Рэнди увидел, что под ним ее кожа исчезает. Она закричала. И в тот же миг она начала падать. Она взмахнула руками, и Рэнди попытался дотянуться до нее. Их пальцы на мгновение соприкоснулись. Их глаза встретились. Она была адски похожа на Сэнди Дункан. Потом она упала в воду.

Черное пятно растекалось над тем местом, где скрылось под водой ее тело.

«Что случилось?» — кричала Ла-Верн позади них. «Что случилось? Она поскользнулась? Что с ней произошло?»

Рэнди попытался нырнуть за ней, но Дик с силой оттолкнул его к центру плота. «Нет», — сказал он испуганным голосом, что было очень на него не похоже.

Все трое видели, как она поднялась на поверхности. Над водой появились ее машущие руки — нет, не руки. Одна рука. Другая была покрыта черной пленкой, кото-

рая обрывками и складками свисала с чего-то красного и увитого сухожилиями, немного напоминавшего рост-биф.

«*Помогите!*» — закричала Рейчел. Взгляд ее метался, словно фонарь, которым бесцельно машут в ночной темноте. Вода вокруг нее вспенилась. «*Помогите мне больно ради Бога помогите мне очень больно МНЕ БОЛЬНО МНЕ БОООООО...*»

Рэнди упал, когда Дик оттолкнул его. Сейчас он снова поднялся и качнулся вперед, не в силах оставаться на месте и не прийти на помощь. Он попытался прыгнуть, но Дик задержал его, обхватив обеими руками его впалую грудь.

«Нет, она уже мертва», — зашептал он хрипло. «Боже, как же ты не видишь этого? Она *мертва*, Панчо».

Черная жижа неожиданно залепила Рейчел все лицо. Ее вопли сначала сделались тише, а потом и совсем прекратились. Теперь черное вещество словно связало ее крест накрест веревками. Рэнди увидел, как они впиваются в ее тело. Когда из того места, где была ее яремная вена, хлынул темный фонтан, вещество выбросило щупальце в направлении вытекающей крови. Он не мог поверить своим глазам, не мог ничего понять... но не было никаких сомнений в реальности происходящего, он знал, что он не сошел с ума, что это не сон и не галлюцинация.

Ла-Верн кричала. Рэнди посмотрел на нее как раз в тот момент, когда она мелодраматическим жестом героини немого кино закрыла глаза рукой. Он собрался было засмеяться и сказать ей об этом, но не смог выдавить из себя ни звука.

Он вновь перевел взгляд на Рейчел. Собственно, почти никакой Рейчел там больше не было.

Она уже перестала отбиваться. Только изредка по ее телу пробегали слабые спазмы. Черная жижа облепила ее — *эта штука стала больше*, — подумал Рэнди, — *гораздо больше, нет сомнения* — и сжимала ее тело с безмолвной, мощной силой. Он увидел, как Рейчел уда-

рила рукой по черной массе, и рука ее завязла, словно муха, опустившаяся на липучую бумагу. Рука медленно растворялась в черной массе, принимавшей ее форму. Но постепенно и эта форма распадалась — Рэнди увидел, как что-то белое сверкнуло среди черноты. *Кость*, — подумал он и отвернулся, извергая на плот содержимое своего желудка.

Ла-Верн продолжала кричать. Затем раздался приглушенный хлопок, и крик перешел в скуление.

Он ударил ее, — подумал Рэнди. *Я ведь и сам собирался это сделать не так давно.*

Он сделал шаг назад, утирая рот и ощущая себя абсолютно больным. И испуганным. Таким испуганным, что лишь крохотный участок его сознания сохранил способность функционировать. Скоро он сам начнет кричать. Тогда Дик и ему отвесит пощечину, Дик не поддастся панике, о нет, ведь он настоящий герой. *Надо быть героем футбола, и тогда все девушки — твои*, — весело запел голос внутри него. Потом он услышал, как Дик что-то говорит ему. Тогда он посмотрел на небо, пытаясь прийти в себя, безнадежно стараясь прогнать видение Рейчел, пожираемой этой черной гадостью — он не хотел, чтобы Дик поступил с ним так же, как с Ла-Верн.

Он посмотрел на небо и увидел первые звезды. Последний отсвет заката угас. Отчетливо был виден ковш Большой Медведицы. Было уже почти полвосьмого.

«О Кииниско», — выдавил он наконец. «На этот раз мы, кажется, попали в серьезную переделку».

«Что это такое?» Дик больно стиснул его плечо. «Эта штука съела ее, ты видел? Эта скотина съела ее, съела и переварила! Что это такое?»

«Я не знаю — я уже говорил тебе об этом».

«Ты должен знать. Ты же трахнутый отличник, ты же изучаешь все эти трахнутые науки!» Теперь Дик сам сорвался на крик, и это помогло Рэнди обрести немного контроль над собой.

«Ни в одной из научных книжек, которые мне приходилось читать, нет ничего похожего», — сказал ему Рэн-

ди. «Последний раз я видел нечто подобное во время шоу ужасов в Реальто на Хеллоуин. Мне тогда было двенадцать лет».

Черная масса вновь приобрела идеально круглую форму. Она качалась на волнах футов в десяти от плота.

«Она стала больше», — простонала Ла-Верн.

Когда Рэнди в первый раз увидел пятно, в диаметре оно имело около пяти футов. Теперь в нем было по крайней мере футов восемь.

«Эта штука стала больше, потому что сожрала Рейчел!» — воскликнула Ла-Верн и вновь принялась кричать.

«Прекрати или я сломаю тебе челюсть», — сказал Дик, и она остановилась, не сразу, но остановилась, словно мелодия, когда выключают проигрыватель, не снимая иглы с пластинки. Глаза ее были расширены.

Дик посмотрел на Рэнди. «Ты в порядке, Панчо?»

«Не знаю. По-моему, да».

«Эх, старина», — Дик попытался улыбнуться, и Рэнди с некоторой тревогой отметил, что ему это удалось — быть может, какая-то часть Дика наслаждалась всем происходящим? «Нет ли у тебя каких-нибудь идей по поводу этой штуки?»

Рэнди покачал головой. В конце концов, может быть, это действительно нефтяное пятно... или, по крайней мере, это было нефтяным пятном до тех пор, пока что-то с ним не произошло. Может быть, на него как-то подействовали космические лучи? А может быть, кто знает, в него попали радиоактивные отходы? Кто *может* знать это?

«Как ты думаешь, мы сможем проплыть мимо него?» — настаивал Дик, тряся Рэнди за плечо.

«Нет!» — завопила Ла-Верн.

«Прекрати или тебе будет плохо, Ла-Верн», — сказал Дик, вновь повышая голос. «Я не шучу».

«Ты же видел, как оно быстро расправилось с Рейчел», — сказал Рэнди.

«Может быть, тогда оно было голодным», — возразил Дик, — «а теперь наелось».

Рэнди вспомнил, как Рейчел, такая изящная и привлекательная в своем лифчике и трусиках, склонилась на углу плота, и вновь тошнота подкатила к горлу.

«Попробуй», — сказал он Дику.

Дик невесело усмехнулся. «О, Панчо».

«О Киско».

«Я хочу домой», — прошептала Ла-Верн. «Можно я пойду домой?»

Никто ей не ответил.

«Тогда мы будем ждать, пока оно не уберется отсюда», — сказал Дик. «Оно появилось, оно должно уйти».

«Возможно», — сказал Рэнди.

Дик посмотрел на него, в лице его была мрачная сосредоточенность. «Возможно? Что за черт?»

«Мы появились, и оно появилось. Я видел, как оно подплывало — оно нас учуяло. Если оно наелось — как ты говоришь, оно свалит. А если оно захочет еще...» Он пожал плечами.

Дик стоял в задумчивости, склонив голову набок. Вода все еще капала с его коротких волос.

«Мы подождем», — сказал он. «Пусть оно жрет рыбу».

Прошло пятнадцать минут. Они молчали. Стало холоднее. Было градусов пять тепла, а на них было только нижнее белье. Уже через десять минут зубы Рэнди начали резко, прерывисто стучать. Ла-Верн попыталась приблизиться к Дику, но он отодвинул ее, мягко, но достаточно твердо.

«Оставь меня», — сказал он.

Она села на плот, скрестив руки на груди и поеживаясь. Она посмотрела на Рэнди, ее глаза говорили ему, что он может подойти к ней и обнять ее за плечи.

Вместо этого он отвернулся и посмотрел на темное пятно на воде. Оно просто качалось на поверхности волн, не приближаясь, но и не удаляясь. Он посмотрел в сторону берега, на призрачный белый полумесяц пляжа, который, казалось, тоже покачивался на волнах. Деревья за ним образовывали темную, внушительную линию го-

ризонта. Ему показалось, что он различает в темноте машину Дика, но не был уверен.

«Мы просто сорвались с места и отправились сюда», — сказал Дик.

«Это так», — сказал Рэнди.

«Никому ничего не сказали».

«Нет».

«Так что никто не знает, что мы здесь».

«Никто».

«Прекратите!» — закричала Ла-Верн. «Прекратите, я боюсь!»

«Заткни глотку», — сказал Дик с отсутствующим видом. «Если нам суждено провести здесь всю ночь, то так мы и сделаем. Утром кто-нибудь услышит наши крики. Мы все-таки не в центре австралийской пустыни, так ведь, Рэнди?»

Рэнди не ответил.

«Так ведь?»

«Ты знаешь, где мы», — сказал Рэнди. «Ты знаешь это так же хорошо, как и я. Мы свернули с шоссе 41. Мы проехали восемь миль по проселочной дороге...»

«С коттеджами через каждые пятьдесят футов...»

«Летними коттеджами. А сейчас октябрь. Все они пусты. Мы приехали сюда, и ты объезжал этот проклятый шлагбаум, и «кирпичи» были понатыканы через каждые пятьдесят футов...»

«Ну и что? Смотритель...» Голос Дика звучал немного неуверенно на этот раз, немного нервно. Немного испуганно? Впервые за этот вечер, за этот год, может быть, за всю жизнь? Ужасная догадка — Дику изменило его всегдашнее мужество. Рэнди не был в этом уверен, но так ему показалось... и это доставило ему некоторое извращенное удовольствие.

«Здесь нечего воровать, нечего сломать», — сказал он. «Если здесь вообще и есть какой-нибудь смотритель, то, возможно, он появляется раз в два месяца».

«Охотники...»

«В следующем месяце? Непременно», — сказал Рэнди и сам испугался.

«Может быть, оно оставит нас в покое», — сказала Ла-Верн. На губах ее бродила патетическая, расслабленная улыбка. «Может быть, оно... ну, словом... просто оставит нас в покое».

«Если бы да кабы», — сказал Дик.

«Оно движется», — сказал Рэнди.

Ла-Верн вскочила на ноги. Дик подошел к Рэнди, и от его шагов плот слегка закачался. Сердце Рэнди бешено забилося, а Ла-Верн опять закричала. Дик немного подался назад, и плот выровнялся, но все-таки его левый угол (если стоять лицом к берегу) был погружен в воду чуть сильнее.

Оно приближалось с пугающей скоростью, и Рэнди вдруг увидел те цвета, о которых говорила Рейчел, — фантастические красные, желтые, синие полосы, закручивающиеся в спирали на черной блестящей поверхности. Пятно качнулось на волне, и это изменило цвета: они смешались в едином вихре. Рэнди понял, что еще секунда — и он упадет, упадет прямо в воду. Он даже почувствовал, как тело его слегка подалось вперед...

Изо всех своих сил он ударил себя кулаком в нос — похоже на жест, которым люди обычно пытаются подавить кашель, но немного повыше и гораздо сильнее. Он ощутил боль от удара и почувствовал горячую струйку крови из носа. И только тогда он сумел отпрянуть назад, крича: «Не смотри на него, Дик! Не смотри на него. Цвета сводят тебя с ума!»

«Оно пытается забраться под плот», — мрачно сказал Дик. «Какого черта, Панчо?»

Рэнди наблюдал — он наблюдал очень внимательно. Он увидел, как пятно трется о борт плота, превращаясь в полукруг. На секунду ему показалось, что оно поднимается, и он с ужасом представил себе, как оно влезет на поверхность плота.

Затем оно скользнуло под плот. Ему показалось, что он слышал шорох — словно рулон материи протаскивают

через узкое окно — но в конце концов, может быть, в этом были виноваты его нервы.

«Оно нырнуло?» — спросила Ла-Верн, и в ее голосе было какое-то странное безразличие, словно она просто пыталась поддержать разговор. Но потом она вновь перешла на крик. «Оно нырнуло под плот? Оно под нами?»

«Да», — сказал Дик и посмотрел на Рэнди. «Сейчас я поплыву», — сказал он. «Раз оно под нами, у меня есть хороший шанс».

«Нет!» — закричала Ла-Верн. «Нет, не оставляй меня здесь, не...»

«Я плаваю быстро», — сказал Дик, обращаясь к Рэнди и абсолютно игнорируя Ла-Верн. «Но я должен плыть — пока оно еще там».

Рэнди почувствовал себя так, словно он кружится на дешевой праздничной карусели и через несколько секунд его стошнит. В наступившей тишине можно было услышать, как бочки внизу с пустым звуком стучаются одна о другую и как листья на пляже шуршат под порывом ветра, можно было подумать, зачем этой штуке понадобилось забираться под плот.

«Да», — сказал он Дику. «Но я не думаю, что ты успеешь».

«Я успею», — сказал Дик и направился к краю плота. Он сделал два шага и остановился.

Дыхание его участилось, легкие и сердце готовились к тому, чтобы помочь ему проплыть самые быстрые пятьдесят ярдов в его жизни, но вдруг его дыхание замерло, замерло все его тело. Он повернул голову, и Рэнди увидел, как набухли вены у него на шее.

«Панч...» — произнес он удивленным, сдавленным голосом. Потом он начал кричать. Он кричал с удивительной силой. Его мощный баритоновый рев раскололся на дикие сопранные звуки. Эти звуки были настолько громкими, что это отражалось от берега и возвращалось призрачными полутонами. Сначала Рэнди показалось, что он просто кричит, но потом он уловил в его воплях

слово — нет, два слова, повторявшихся снова и снова. «Моя нога!» — кричал Дик. «Моя нога! Моя нога! Моя нога!»

Рэнди посмотрел вниз. Нога Дика странным образом увязла в плоту. Причина была очевидной, но ум Рэнди сначала отказывался ее принимать — слишком это было невозможно, слишком гротескно. Он смотрел, как ногу Дика затягивало в щель между двумя досками.

Потом под ногой Дика он заметил темное сияние черной штуки, черное сияние, оживленное кружащимися, зловещими цветами.

Черная масса крепко прилипла к его ноге («Моя нога!» — кричал Дик, словно желая подтвердить этот элементарный вывод. «Моя нога, о, моя нога, моя НО-ГААААААААА!»). Он наступил на одну из щелей между досками, а эта штука поджидала его внизу. Штука...

«Тяни!» — вдруг завопил Рэнди. «Тяни, Дик, черт возьми, ТЯНИ!»

«Что происходит?» — завизжала Ла-Верн, и Рэнди краем сознания отметил, что она не просто трясла его за плечо — она вонзила в него свои острые как клыки ногти. От нее не было бы никакого толку. Он ударил ее локтем в живот. Из нее вырвался лающий кашель, и она села на доски. Он подскочил к Дику и схватил его за руку.

Она была твердой, как каррарский мрамор, каждый мускул был словно ребро из скелета динозавра. Пытаться вытянуть Дика было примерно то же самое, что и тянуть из земли большое дерево с развитой корневой системой. Глаза Дика были обращены в сторону пурпурной полосы, оставшейся от заката. Взгляд его был тусклым и удивленным, и он продолжал кричать, кричать, кричать.

Рэнди посмотрел вниз и увидел, что нога Дика втянулась в щель между досками уже до лодыжки. Ширина щели была не больше полудюйма, но нога проваливалась вниз. Кровь текла по белым доскам густыми, темными ручьями. Черная штука пульсировала в щели, словно кипящая пластмасса, словно бьющееся сердце.

Должен вытащить его. Должен вытащить его медленно, иначе это вообще будет невозможно... держись, Киско, пожалуйста, держись...

Ла-Верн поднялась на ноги и отпрянула от Дика на середину плота. Она тупо трясла головой, прижав руки к тому месту, куда Рэнди двинул ее локтем.

Дик крепко прижался к нему, глупо размахивая руками. Рэнди посмотрел вниз и увидел, как кровь фонтаном бьет из его голени, которая заострилась, словно вставленный в точилку карандаш. Только грифель не был черным, он был белым.

Черная штука вновь высунулась из щелей, продолжая всасывать в себя Дика.

Дик взвыл.

Больше никогда не поиграешь этой ногой в футбол, да и нет больше никакой ноги, ха-ха, и он дернул Дика изо всей силы, но по-прежнему с тем же успехом. Дик вновь рванулся вперед, издав протяжный, сверлящий воздух крик, и Рэнди отпрянул, сам крича и зажимая уши руками. Кровь хлынула из пор у Дика на голени и на икре. Его коленная чашечка покраснела и распухла от огромного напряжения.

Не могу помочь ему. Ну и сильная же эта штука! Ничем не могу ему помочь, извини, Дик, ради Бога, извини...

«Держи меня, Рэнди», — закричала Ла-Верн. «Пожалуйста, держи меня, пожалуйста...»

На этот раз он внял ее призывам.

Только позже ужасная догадка пришла Рэнди в голову: оба они почти в полной безопасности могли добраться до берега, пока черная штука была занята Диком. Если бы Ла-Верн отказалась, он мог бы сделать это один. Ключи от машины были в кармане джинсов Дика, лежавших на пляже. Он мог бы сделать это... но догадка пришла к нему, когда было уже слишком поздно.

Дик умер, когда в узкой щели начало исчезать его бедро. За несколько минут до этого крик прекратился. С тех пор он издавал только глухие, вязкие похрюкивания.

Потом и они затихли. Когда он потерял сознание и упал вперед, Рэнди услышал, как то, что осталось от его бедренной кости, с треском переломилось.

Через мгновение Дик вновь поднял голову, потерянно оглянувшись и открыл рот. Рэнди подумал, что сейчас он снова закричит. Но вместо этого Дик изверг из себя фонтан такой густой крови, что она казалась почти твердой. Рэнди и Ла-Верн залило теплой жижей. Ла-Верн снова начала кричать охрипшим голосом.

Кровь брызнула из глаз Дика с такой силой, что они выпучились почти комически. Рэнди подумал: *А еще говорят о жизнеспособности! Боже, ПОСМОТРИТЕ на это! Он же выглядит как пожарный гидрант! Боже! Боже! Боже!*

Кровь потекла у Дика из ушей. Его лицо превратилось в отвратительную пурпурную репу, это было лицо человека, зажатого в медвежьих объятиях чудовищной, загадочной силы.

А потом, слава Богу, все кончилось.

Дик рухнул на плот, и Рэнди с тошнотворным удивлением заметил, что кровь выступила у него даже на черепе.

Звуки из-под плота, сосущие звуки.

Именно тогда в его сумбурном сознании промелькнула мысль, что у него был хороший шанс доплыть до берега. Тело Ла-Верн у него на руках делалось все тяжелее и тяжелее. Он приподнял ее веко — под ним был виден только белок. Он понял, что она не просто потеряла сознание, но впала в состояние глубокого шока.

Рэнди взглянул на поверхность плота. Он, конечно, мог положить ее, но ширина каждой доски была не больше фута. Не было никакой возможности положить ее так, чтобы под ней не было щелей.

А затем его сумеречное сознание прошептало: *Сделай это. Положи ее и плыви.*

Но он не сделал этого, не мог этого сделать. Ужасное чувство вины охватило его при этой мысли. Он держал

ее, чувствуя постоянное, мягкое бремя. Она была крупной девушкой.

Дик уходил под плот.

Рэнди держал Ла-Верн из последних сил и наблюдал за тем, как это происходило. Это свершалось против его желания, и на долгие секунды, а, может быть, и минуты он отворачивался, но всякий раз вновь возвращался глазами к Дикю.

После того, как Дик умер, процесс пошел быстрее.

Остатки его правой ноги исчезали, а его левая нога вытягивалась все дальше и дальше, до тех пор пока Дик не стал похож на одноногого балетного танцора, севшего на шпагат. Затрещали кости таза, и когда живот Дика стал зловеще распухать от давления, Рэнди надолго отвернулся, пытаясь пропускать мимо ушей влажные звуки и сконцентрироваться на боли в руках.

За спиной у него раздался звук, словно кто-то набил себе полный рот леденцов и стал их пережевывать. Когда он оглянулся, он увидел, как ребра Дика с треском протискиваются в щель. Руки его были подняты, и выглядел он, как непристойная пародия на Ричарда Никсона, вскидывавшего руку с пальцами, образующими букву «V».

Глаза его были широко открыты. Язык высунулся в направлении Рэнди.

Рэнди отвернулся и посмотрел в сторону берега. *Смотри, нет ли там где огней, —* сказал он самому себе. Он знал, что там не может быть никаких огней, но тем не менее стал вглядываться в темноту. *Нет ли там огней, кто-нибудь наверняка остался еще на недельку в коттедже, опавшая листва, такой момент нельзя пропустить, возьму свой «Никон», ребятам понравятся слайды.*

Прошло несколько минут. *Его уже нет там. Можно посмотреть. Ну да, конечно, уже можно. Но смотреть не надо. На всякий случай, не надо. Решено? Решено. Обжалованию не подлежит. Так считаем мы все, и так считает каждый из нас.*

Он посмотрел и как раз успел увидеть уходящие в щель пальцы Дика. Они шевелились — может быть, просто движение воды передалось этой черной штуке, а от нее — пальцам Дика. Может быть, может быть. Но Рэнди показалось, что Дик машет ему на прощанье. В первый раз он почувствовал, что безумие не так уж и далеко от него, как кажется.

Кольцо Дика — память о футбольном турнире 1981 года — медленно соскользнуло со среднего пальца правой руки. Оно было слишком велико, чтобы пройти сквозь щель. Это было все, что осталось от Дика. Дика больше не было. Не будет больше брюнеток с томными глазами, не будет больше хлопков мокрым полотенцем по голому задку Рэнди, когда он выходит из душа, не будет больше проходов с центра поля, сопровождаемых сумасшедшим ревом болельщиков. Не будет больше ночных поездок на машине с голосом Фин Лиззи, ревущей из магнитофона о том, что «Ребята Снова в Городе». Не будет больше Киско.

Снова раздался шорох. Рэнди посмотрел себе под ноги и увидел, что щели вокруг него заполнились лоснящейся чернотой. Он вспомнил о том, как твердая струя крови выплеснулась из горла Дика.

Оно вынюхивает меня. Оно знает, что я здесь. Может ли оно взобраться на плот? Пролезть через щели? Может или не может?

Он смотрел вниз, забыв про свою мягкую ношу, зачарованный этим вопросом. *Интересно, что чувствует кожа, когда эта штука набрасывается на тебя?*

Чернота чуть не перелилась через край щелей (Рэнди бессознательно встал на цыпочки), а потом исчезла. Вновь раздался матерчатый шорох. И неожиданно Рэнди вновь увидел пятно на воде, футак в пятнадцати от плота.

Он опустил Ла-Верн на плот, и сразу же руки его стали бешено дрожать. Он склонился над ней, ее волосы рассыпались по белым доскам темным веером неправильной формы. Он стоял на коленях рядом с ней и смотрел на

темное пятно на воде, готовый вновь подхватить Ла-Верн, как только оно проявит первые признаки движения.

Он начал похлопывать ее по щекам, пытаясь привести ее в чувство. Ла-Верн никак не реагировала. Но Рэнди не мог сторожить ее так всю ночь, поднимая ее на руки всякий раз, когда эта штука двигалась (к тому же, за ней ведь нельзя было постоянно наблюдать). Но он знал один трюк, о котором ему рассказал друг его старшего брата, студент медицинского колледжа. Этот парень знал много разных забавных штук — как ловить вшей и устраивать бега в спичечном коробке, как получить кокаин из детского слабительного, как зашивать глубокие порезы с помощью обычной нитки и иголки. Однажды он рассказывал о том, как привести в чувство мертвеца пьяных парней, чтобы они не захлебнулись в собственной блевотине, как Бон Скотт из «АС/DC».

Он наклонился к Ла-Верн и укусил ее изо всех сил за мочку уха.

Горячая, горькая кровь моментально заполнила его рот. Ла-Верн тут же открыла глаза. Она закричала хриплым, рычащим голосом и принялась отбиваться от него. Рэнди посмотрел и увидел, что пятно уже почти заплыло под плот. Оно двигалось с жуткой, неестественно быстрой скоростью.

Он вновь подхватил Ла-Верн, но на этот раз с огромным трудом. Она пыталась ударить его по лицу. Рукой она задела его по чувствительному носу, и перед глазами у него поплыли красные звезды.

«Прекрати!» — заорал он. «Прекрати, сука, оно снова под нами, и если ты не перестанешь, я уроню тебя, клянусь Богом!»

Она немедленно перестала размахивать руками и мертвой хваткой схватила его за шею. Глаза ее казались совершенно белыми в свете звезд.

«Прекрати!» Она не отпускала его. «Прекрати, Ла-Верн, ты меня задушишь».

Крепче. Его охватила паника. Пустой звук сталкивающихся бочек сделался приглушенным. Он подумал, что это из-за этой штуки, там, внизу.

«Я не могу дышать!»

Хватка немного ослабла.

«Теперь слушай меня. Я опущу тебя вниз. Все будет в порядке, если ты...»

Опущу тебя вниз — вот все, что она расслышала. Она вновь вцепилась в него мертвой хваткой, и на мгновение он почти потерял равновесие. Она почувствовала это и замерла.

«Встань на доски».

«Нет!»

«Эта штука не достанет тебя, если ты будешь стоять на досках».

«Нет, не опускай меня, она схватит меня, я знаю, она...»

«Ты встаешь на доски, или я уроню тебя».

Он медленно и осторожно опускал ее вниз. Оба дышали с жалким, воющим присвистом — гобой и флейта. Ее ноги коснулись досок. Она отдернула их, словно доски были раскаленными.

«Встань на доски!» — прошипел он ей. «Я не Дик, я не могу держать тебя всю ночь».

«Дик...»

«Мертв».

Ее ноги вновь коснулись досок. Медленно-медленно он отпустил ее. Они стояли друг напротив друга, как танцоры. Он заметил, что она ждет первого прикосновения этой штуки.

«Рэнди», — прошептала она. «Где эта дрянь?»

«Под нами. Посмотри вниз».

Они посмотрели вниз и увидели, как чернота заполняет щели почти по всему плоту. Рэнди почувствовал исходящее от черной массы жадное нетерпение. Когда пятно вновь вынырнуло из-под плота, на часах Рэнди, которые он забыл снять перед купанием, было четверть девятого.

«Сейчас я сяду», — сказал он.

«Нет!»

«Я устал», — сказал он. «Я посижу, а ты будешь наблюдать. Не забывай только время от времени отводить

взгляд. Потом мы сменимся. «Вот», — он протянул ей часы, — «смена через каждые пятнадцать минут».

«Оно сожрало Дика», — прошептала она.

«Да».

«Что это такое?»

«Я не знаю».

«Я замерзла».

«Я тоже».

«Подержи меня тогда».

«С меня уже достаточно».

Она не настаивала.

Сидеть на плоту и не смотреть на черное пятно было райским блаженством. Вместо пятна он смотрел теперь на Ла-Верн, следя за тем, чтобы она вовремя отводила глаза.

«Что мы будем делать, Рэнди?»

Он подумал.

«Ждать», — сказал он.

Они сменялись через каждые пятнадцать минут. В четверть десятого поднялся холодный месяц и прочертил дорожку на поверхности воды. В десять тридцать раздался пронзительный, одинокий крик, и Ла-Верн взвизгнула.

«Заткнись», — сказал он. «Это гагары».

«Я замерзаю, Рэнди. У меня все тело онемело».

«Ничем не могу тебе помочь».

«Обними меня», — сказала она. «Ты должен. Мы будем держаться друг за друга. Мы можем сесть вдвоем и наблюдать за этой штукой».

Он заколебался, но холод уже пробрал его до костей. «О'кей», — сказал он.

Они сели рядом, обнявшись, и что-то произошло — было ли это естественным или извращенным, но это произошло. Он напрягся. Его рука нашарила ее грудь и принялась поглаживать влажный нейлон. Она издала слабый вздох, а рука ее поползла к его плавкам.

Другой рукой он скользнул вниз по ее телу и нашарил место, в котором сохранилось еще немного тепла. Он повалил ее на спину.

«Нет», — сказала она, но рука ее уже скользнула ему под плавки.

«Я вижу эту штуку», — сказал он. Сердце его забилося сильнее, разгоняя горячую кровь по всему замерзшему телу. «Я наблюдаю за ней».

Она что-то пробормотала, и он почувствовал, как она стаскивает с него плавки. Он наблюдал. Он вошел в нее. Боже, наконец-то он почувствовал тепло. Она издала гортанный звук, и ее пальцы впились в его отвердевшие холодные ягодицы.

Он наблюдал. Он наблюдал очень внимательно. Она не двигалась. Ощущения были невероятными, фантастическими. Он не был слишком опытен, но не был и девственником. Он занимался любовью с тремя девушками, но никогда не чувствовал ничего подобного. Она застонала и стала совершать встречные движения. Плот тихонько качался. Бочки внизу слегка постукивали.

Он наблюдал. Цвета начали кружиться, но на этот раз очень медленно, приятно, совсем не угрожающе. Он наблюдал за ней и смотрел на цвета. Глаза его были широко раскрыты, и цвета отражались в них. Ему уже не было холодно, ему было жарко. Его жгло, словно после первого дня на пляже в начале июня, когда солнце обжигает белую после зимы кожу, придает ей

(цвета) цвет. Первый день на пляже, первый день лета. Песок, пляж, цвета

(двигается, она начала двигаться)

и ощущение лета, занятия кончились, и я могу поболеть за «Янки» на открытых трибунах, девушки в бикини на пляже, пляже, пляже, о, ты любишь, любишь?

(люблю)

пляж ты любишь

(люблю я люблю)

крепкие, лоснящиеся от крема груди, и если внизу купальник был достаточно узок, то можно было увидеть небольшой кусочек

(волосы ее волосы ЕЕ ВОЛОСЫ В О ГОСПОДИ В ВОДЕ ЕЕ ВОЛОСЫ)

Он отпрянул и попытался оттащить ее от края плота, но черная масса, переливающаяся всеми цветами радуги, уже облепила ее волосы.

Чернота хлынула на лицо.

Ла-Верн засучила ногами. Черная масса изогнулась и стала подниматься выше. Кровь потоками стекала с шеи. Крича, но не слыша своего собственного крика, Рэнди подбежал к ней, уперся ногой в бедро и толкнул ее в воду. В течение нескольких мгновений вода у борта пенилась так, словно кто-то поймал на удочку самого большого в мире окуня, который никак не желал с этим смириться.

Рэнди закричал. Он закричал. А потом — для разнообразия — закричал еще раз.

Ночь длилась целую вечность.

Без четверти пять небо на востоке стало светлеть, и он почувствовал какую-то надежду. Но только на мгновение. К шести часам он уже мог видеть пляж. Ярко-желтая машина стояла на том самом месте, где Дик вчера запарковал ее, напротив жердевого забора. Рубашки, свитера и четыре пары джинсов были раскиданы по пляжу. Их вид вновь наполнил его ужасом, хотя ему казалось, что он утратил уже всякую способность бояться. Он видел свои джинсы, одна штанина была вывернута наизнанку, карман оттопырился. У них был такой *мирный* вид. Они словно ждали, когда он придет, вывернет штанину, зажав карман, чтобы не выпала мелочь. Он почти чувствовал, как они щекочут его ноги, как он застегивает медную пуговицу над молнией...

(ты любишь да я люблю)

Он посмотрел налево. Она была там, круглая, как шашка, черная, слегка покачивающаяся на волнах. В его глазах начал подниматься цветной вихрь, и он быстро отвернулся.

«Убирайся домой», — закаркал он. «Или отправляйся в Голливуд к Роджеру Кормену и попробуйся на роль».

Где-то зарокотал самолет, и он предался сладким фантазиям: *Мы объявлены пропавшими без вести, все*

четверо. Поиски ведутся в окрестностях Хорликса. Фермер вспоминает, что мимо него пронеслась желтая машина, «словно вырвавшаяся из ада летучая мышь». Спасательные службы в районе Кэскейд Лейк. Пилот-доброволец совершает облет местности. Он замечает голого парня на плоту, одного парня, одного оставшегося в живых, одного...

Он пришел в себя на самом краю плота и снова ударил себя кулаком по носу, вскрикнув от боли.

Черная штука немедленно двинулась к плоту и поднырнула под него — возможно, она слышала что-то, или чувствовала... или что-то еще.

Рэнди ждал.

Прошло сорок пять минут, прежде чем она выплыла.

(ты любишь да я люблю поболеть за «Янки» и «Кетфиш» ты любишь «Кетфиш» да я люблю

шоссе 66 помнишь «Корветт» Джордж Махарис в «Корветте» Мартин Мильнер в «Корветте» ты любишь «Корветт»

(да я люблю «Корветт»

(я люблю а ты любишь?

(солнце царское как кипящее стекло у нее в волосах и этот свет я очень хорошо помню свет летнего солнца свет (свет летнего солнца)

Рэнди плакал.

Он плакал, потому что поведение черной штуки изменилось — всякий раз, когда он пытался сесть, она подныривала под плот. Что ж, она даже обладала каким-то разумом, она почувствовала или поняла, что может добраться до него, когда он сидит.

«Уходи», — сказал Рэнди сквозь слезы. В пятидесяти ярдах, до смешного близко, белочка прыгала по капоту машины Дика. «Уходи, пожалуйста, или куда хочешь, только оставь меня одного. Я не люблю тебя».

Пятно не двигалось. Цвета закружились по его повержности.

(ты любишь, любишь меня)

Рэнди отвел взгляд от пятна и посмотрел на пляж, в ожидании помощи, но там никого не было, ни одной живой души. Джинсы лежали на том же месте, одна штанина была по-прежнему вывернута наизнанку, была видна белая ткань кармана. Они уже не выглядели так, словно их сейчас наденут. Они были похожи на останки.

Он подумал: Если бы у меня было оружие, я бы застрелился.

Он стоял на плоту.

Солнце село.

Через три часа возшла луна.

Спустя недолгое время начали кричать гагары.

Прошло еще немного времени, и Рэнди обернулся и стал смотреть на черное пятно. Он не мог убить себя, но, может быть, эта штука поможет ему умереть без боли. Может быть, для этого и нужны цвета.

(любишь любишь любишь любишь?)

«Спой со мной», — прокаркал Рэнди. «С Янки» я теперь до гроба... Надоела мне учеба... Не пойду сегодня в школу... Буду радоваться голу».

Цвета начали вращаться. На этот раз Рэнди не отвернулся.

Он прошептал: «Любишь?»

Где-то, далеко от пустынного озера, закричала гагара.

И ПРИШЕЛ

БУКА

И ПРИШЕЛ БУКА

Мужчина, лежавший на кушетке, был Лестер Биллингс из Уотербери, Коннектикут. Согласно записи в формуляре, сделанной сестрой Викерс: двадцать восемь лет, служащий индустриальной фирмы в Нью-Йорке, разведен, отец троих детей. Все дети умерли.

«Я не могу обратиться к священнику, потому что неверующий. Не могу к адвокату, потому что за такое дело он не возьмется. Я убил своих детей. Одного за другим. Первого, второго, третьего».

Доктор Харпер включил магнитофон.

Биллингс лежал прямой как палка — каждый мускул напряжен, руки сложены на груди, как у покойника, ноги свешиваются с кушетки. Портрет человека, приготовившегося пережить унижение. Он уставился в белый потолок так, словно на нем было что-то изображено.

«Хотите ли вы этим сказать, что вы самолично их убили, или...»

«Нет», — нетерпеливо отмахнулся он. «Но все они на моей совести. Денни в шестьдесят восьмом. Шерли в семьдесят первом. Энди совсем недавно. Я хочу рассказать вам, как все было».

Харпер промолчал. Он думал о том, что Биллингс выглядит изможденным и старше своих лет. Волосы поредели, цвет лица нездоровый. Под глазами мешки от пристрастия к спиртному.

«Они были убиты, но никто этого не понимает. Если бы понимали, мне стало бы легче».

«Почему?»

«Потому что...»

Биллингс осекся и, приподнявшись на локтях, уставился в одну точку.

«Что там?» — резко спросил он. Глаза сузились до щелок.

«Где?»

«За дверью?»

«Чулан», — ответил Харпер. «Я вешаю там плащ и ставлю калоши».

«Откройте. Я хочу посмотреть».

Доктор, не говоря ни слова, подошел к чулану и открыл дверь. На вешалке висел рыжеватый дождевик, внизу стояла пара резиновых сапог, из одного торчал номер «Нью-Йорк Таймс». Больше ничего.

«Все в порядке?» — спросил Харпер.

«Да». — Биллингс снова вытянулся на кушетке.

«Вы сказали, — напомнил доктор, садясь на стул, — что если бы факт убийства был доказан, вам стало бы легче. Почему?»

«Я бы получил пожизненное, а в тюрьме все камеры просматриваются. Все», — он улыбнулся неизвестно чему.

«Как были убиты ваши дети?»

«Только не вздумайте тянуть из меня подробности!» — Биллингс повернулся на другой бок и с неприязнью уставился на Харпера. «Я сам скажу. Я не из тех, кто привык тут у вас изображать из себя Наполеона или объяснять, что он пристрастился к героину из-за того, что в детстве его не любила мамочка. Вы мне не поверите, я знаю, но это неважно. Мне все равно. Для меня главное — рассказать».

«Я вас слушаю», — доктор Харпер достал из кармана трубку.

«Мы с Ритой поженились в шестьдесят пятом, мне стукнул двадцать один, ей восемнадцать. Она уже ждала ребенка. Это был Денни». — На лице Биллингса появилась вымученная улыбка, которая тут же погасла. «Мне пришлось бросить колледж и зарабатывать на жизнь, но я не жалел ни о чем. Я любил жену и сына. Мы были счастливой семьей».

Вскоре после рождения нашего первенца Рита снова забеременела, и в декабре шестьдесят шестого на свет появилась Шерли. Энди родился летом шестьдесят девятого, к тому времени Денни уже не было в живых. Энди был зачат случайно. Это не мои слова. Рита мне потом объяснила, что противозачаточные средства иногда дают сбой. Случайно? Сомневаюсь. Дети связывают мужчину по рукам и ногам, а женщине только этого и надо, особенно когда мужчина умней ее. Вы со мной согласны?

Харпер неопределенно крикнул.

«Не суть важно. Я его сразу полюбил», — он произнес это с какой-то мстительной интонацией, словно ребенка он полюбил назло жене.

«И кто же убил детей?» — спросил доктор.

«Бука», — тотчас ответил Лестер Биллингс. «Всех троих убил Бука. Вышел из чулана и убил». — Он криво усмехнулся. «Считаете меня сумасшедшим? По лицу вижу. А мне как-то все равно. Расскажу эту историю, и больше вы меня не увидите».

«Я вас слушаю», — повторил Харпер.

«Это началось, когда Денни было около двух, а Шерли только родилась. Ее кровать стояла рядом с нашей, Денни же спал в другой спальне. С какого-то момента он начал постоянно плакать, стоило Рите уложить его на ночь. Я сразу решил, что это он из-за бутылочки с молоком, которую ему перестали давать в постель. Рита считала, что не стоит идти на принцип, пусть, дескать, пьет себе в удовольствие, скоро сам отвыкнет. Вот так в детях воспитывают дурные наклонности. Напозволяют им черт-те чего, испортят, а после за сердце хватаются, когда он в пятнадцать лет подружку обрюхатит или сядет на иглу. Или еще хуже — сделается «голубым». Представляете? Просыпаетесь в один прекрасный день, а ваш сын — «голубой»».

Короче, я стал его сам укладывать. Плачет — я ему шлепок. Рита мне: «Знаешь, он все-время повторяет: свет, свет». Не знаю, разве можно разобрать, чего они там лепечут. Конечно, матери — оно виднее...

Рита предложила оставлять включенным ночник. У нас был такой, знаете, с Микки Маусом на абажуре. Я запретил. Если не преодолеет страх перед темнотой в два года, всю жизнь будет бояться.

Да... В общем он умер в первое лето после рождения Шерли. Я уложил его, помнится, в кровать, и он с ходу начал плакать. В тот раз я даже разобрал, что он там лепечет сквозь слезы. Он показывал пальчиком на чулан и приговаривал: «Бука, папа... Бука...»

Я выключил ночник и, придя в нашу спальню, спросил у Риты, зачем она научила ребенка этому слову. Она сказала, что не учила. «Врешь, дрянь», — сказал я. Хотел даже устроить ей легкую выволочку, но сдержался.

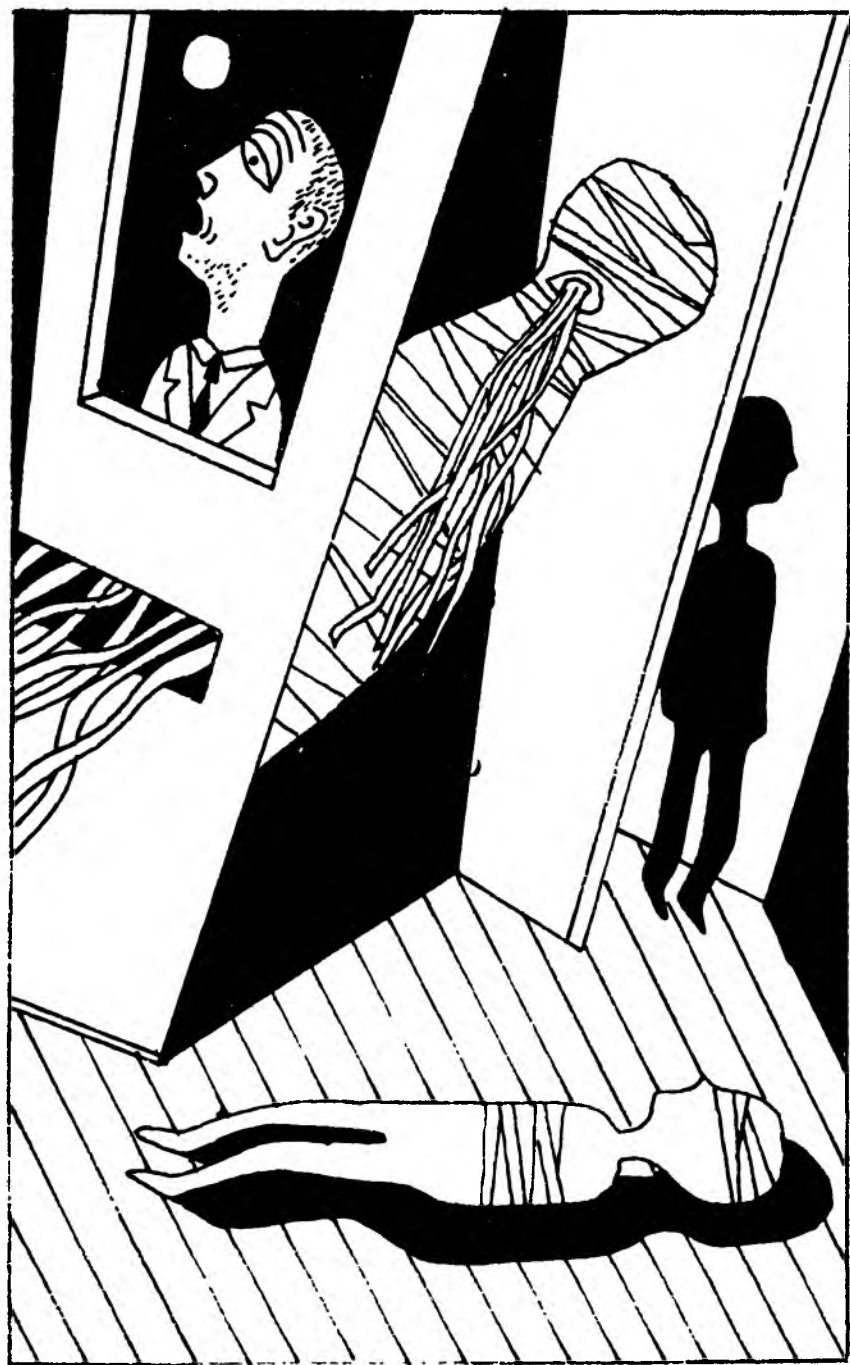
Лето тогда выдалось тяжелое, понимаете. Никак не мог найти работу и вот нашел: грузить на складе ящики с пепси-колой. Дома валился от усталости. А тут еще Шерли по ночам орет, и Рита без конца ее укачивает. Я был готов выкинуть их обеих в окно, честное слово. Дети иногда могут до того довести, так бы, кажется, своими руками и задушил.

В ту ночь Денни разбудил меня в три, как по часам. Я поплелся в уборную, можно сказать, с закрытыми глазами, а Рита мне вдогонку: «Ты не подойдешь к нему?» Сама, говорю, подойдешь. Ну и завалился снова в постель. Уже совсем засыпал, когда она подняла истошный крик.

Я встал и пошел в другую спальню. Малыш лежал на спине, мертвый. В лице ни кровинки, глаза открыты. Это было самое страшное: открытые остекленевшие глаза. Помните фотографии убитых детей во Вьетнаме? Вот такие глаза. У американского ребенка не должно быть таких глаз. Он лежал на спине в подгузниках и клеенчатых трусах — последние две недели он стал опять мочиться. В общем, жуть. Такой был чудный парень...

Биллингс помотал головой, на губах появилась уже знакомая вымученная улыбка.

«Рита вопила как резаная. Она хотела взять его на руки и покачать, но я не позволил. Полицейские не любят, когда прикасаются к вещественным доказательствам. Я это точно знаю...»

«Вы тогда догадывались, что это Бука?» — мягко перебил его доктор Харпер.

«Нет, что вы. Гораздо позже. Но я обратил внимание на одну деталь. Тогда она не показалась мне какой-то особенной, но в память запала».

«Что же?»

«Дверь в чулан была приоткрыта. На одну ладонь. А я ее сам закрывал, это я отлично помнил. У нас там стояли пакеты с порошком для сухой чистки. Сунет ребенок голову в такой пакет — и хлоп: асфиксия. Слыхали о таких случаях?»

«Да. Что было дальше?»

Биллингс передернул плечами.

«Похоронили, что». — Он с тоской поглядел на свои руки, которым пришлось бросать горсть земли на три детских гробика.

«Медицинское освидетельствование проводили?»

«А то как же». — В глазах Биллингса блеснула издевка. «Деревенский олух со стетоскопом и черным саквояжем, а в саквояже — мятные карамельки и диплом ветеринарной школы. Сказать, какой он поставил диагноз? «Младенческая смерть»! Залудил, а? Это про двухгодовалого ребенка!»

«О младенческой смерти обычно говорят применительно к первому году», — осторожно заметил доктор Харпер, — «но иногда, за неимением лучшего термина, врачи употребляют его...»

«Чушь собачья!» — Биллингс словно выплюнул эти два слова.

Доктор разжег погасшую трубку.

«Через месяц после похорон мы перенесли Шерли в комнату Денни. Рита стояла насмерть, но последнее слово было за мной. Далось мне это нелегко, можете мне поверить. Мне нравилось, что малышка при нас. Но над детьми нельзя дрожать, так их только испортишь. Когда моя мать брала меня с собой на пляж, она себе голос срывала от крика: «Не заходи в воду! Осторожно, там водоросли! Ты только что поел! Не ныряй!» Акулами меня пугала, дальше уже ехать некуда. И что же? Теперь я к

воде близко не подойду. Ей-богу. У меня при одном ее виде ногу судорогой сводит. Когда Денни еще был жив, Рита меня достала: свозила их в Сэвин Рок. Так вот, меня там чуть не стошнило. Короче, в этих делах я кое-что смыслю. Над детьми нельзя дрожать. И самим тоже нельзя раскисать. Жизнь продолжается. Так что Шерли сразу переехала в кроватку Денни. Только матрас мы выбросили на свалку — сами понимаете, микробы, то-се».

Год проходит. Укладываю я Шерли спать, а она вдруг устраивает настоящий концерт. «Бука, — кричит, — Бука!»

Я аж вздрогнул. Прямо как Денни. Тут в памяти и всплыла приоткрытая дверь в чулан. Сразу захотелось унести Шерли в нашу спальню.

«Даже так?»

«Нет, «захотелось», — это конечно, громко сказано». — Взгляд Биллингса снова упал на руки, и сразу щека задергалась. «Не мог же я признать перед Ритой, что оказался не прав. Я обязательно должен был проявить силу воли. Вот она бесхарактерная... запросто легла со мной в постель, когда браком еще и не пахло».

Харпер не удержался:

«А если взглянуть иначе, то это вы запросто легли с ней в постель задолго до женитьбы».

Биллингс оставил в покое свои руки и повернулся к доктору.

«Умника из себя строите?»

«Вовсе нет».

«Тогда не мешайте мне рассказывать по-моему», — огрызнулся Биллингс. «Я пришел облегчить душу. Вспомнить, как все было. Если вы ждали, что я здесь начну расписывать всякие постельные подробности, то вы сильно просчитались. У нас с Ритой был здоровый секс, никаких там грязных извращений. Я знаю, некоторые заводятся, рассказывая про всякое такое, но я не из их числа, понятно?»

«О'кей», — примирительным тоном сказал доктор.

«О'кей», — в тоне Биллингса был вызов, но не было уверенности. Казалось, он потерял нить разговора и толь-

ко беспокойно поглядывал на плотно прикрытую дверь чулана.

«Открыть?» — спросил Харпер, проследив его взгляд.

«Нет!» — вскинулся Биллингс и позволил себе нервный смешок. «Что я, галош не видал?»

Он помолчал.

«Шерли тоже стала жертвой Буки». — Биллингс потер лоб, словно помогая себе воскресить детали. «Не прошло и месяца. Но перед этим кое-что случилось. Однажды ночью я услышал шум, а затем ее крик. В холле горел свет, и я быстро добежал до соседней спальни. Я распахнул дверь и увидел... она сидела на кровати, вся в слезах, а в затененном пространстве перед чуланом... что-то двигалось... шлепало по мокрому».

«Дверь была открыта?»

«Немного. На ладонь». — Биллингс облизал губы. «Шерли кричала: «Бука, Бука!» И еще что-то, вроде «уан». Прибежала Рита: «Что стряслось?» «Испугалась, — говорю, — теней от веток на потолке».

«Вы сказали «уан?»

«А что?»

«Может быть, она хотела сказать «чулан?»

«Может быть. А может, и нет», — он перешел на шепот и как-то странно покосился на дверь.

«Вы заглянули в чулан?»

«Д-да». — Биллингс сжал пальцы так, что побелели суставы.

«И увидели там Б...»

«Ничего я там не увидел!» — взвился Биллингс. Слова вдруг хлынули из него потоком, точно где-то внутри вытащили пробку: «Она вся почернела, слышите? А глаза, глаза смотрели прямо на меня, словно говорили: «Вот он меня убил, а ты ему помог, ты ушел в другую комнату...»

Он бормотал нечто невразумительное, на глаза навернулись слезы.

«В Хартфордском госпитале, после вскрытия, мне сказали, что она проглотила свой собственный язык из-за мозговой спазмы. Я уехал оттуда один, потому что Риту они накачали транквилизаторами. Она была не в себе. Я

возвращался и думал: «Чтобы у ребенка случилась мозговая спазма, его надо до смерти напугать». Я возвращался и думал: «Там прячется *оно*».

Биллингс помолчал и прибавил, понижая голос:

«Я лег спать на кушетке. С зажженным светом».

«Что-нибудь еще произошло в ту ночь?»

«Мне приснился сон. Темная комната, а рядом, в чулане... кто-то, кого я не могу толком разглядеть. Оно там... шуршало. Этот сон мне напомнил комикс: который я читал в детстве «Таинственные истории» — помните эту книжку? Картинки к ней делал этот тип Грэм Инглз, он мог нарисовать вам любую жуть, какая только есть на свете... и какой нет — тоже. Короче, была там история про женщину, утопившую своего мужа. Она привязала ему к ногам по камню и столкнула в карьер, заполненный водой. А он возьми и явись домой. Распухший, зеленый, весь в водорослях. Пришел и убил ее... И вот я, значит, проснулся среди ночи оттого, что будто надо мной кто-то наклонился...»

Доктор Харпер взглянул на часы, встроенные в письменный стол: Лестер Биллингс говорил почти тридцать минут. Доктор спросил: «Как повела себя по отношению к вам жена после возвращения из больницы?»

«Она меня по-прежнему любила», — в голосе Биллингса звучала гордость. «И по-прежнему готова была во всем меня слушаться. Жена есть жена, верно? Эти феминистки — все ненормальные. По-моему, так: всяк сверчок знай свой шесток. У каждого человека свой... как бы это сказать?»

«Свое место в жизни?»

«Вот!» — Биллингс щелкнул пальцами. «В самую точку. В семье главный кто — муж. В общем, первые месяцы Рита была как пришибленная — тенью слонялась по дому, не пела, не смеялась, не смотрела телевизор. Но я знал: это пройдет. К маленьким детям не успевают так уж сильно привязаться. Через год без карточки и не вспомнишь, как они выглядели». «Она хотела нового ребенка», — добавил он мрачно. «Я был против. Не вообще, а пока. Надо ж сначала в себя прийти. Поживем, говорю,

хоть немного в свое удовольствие. Когда нам было жить? В кино выбраться — носом землю роешь, кто бы посидел с ребенком. На бейсбольный матч съездить: — детей к ее родителям подбрасываешь. Моя мать — та наотрез отказывалась. Не могла простить, что Денни родился не через положенные девять месяцев после свадьбы. Она называла Риту уличной девицей. У нее все были уличными девицами — ну не анекдот? Однажды она усадила меня перед собой и стала рассказывать, какими болезнями может наградить мужчину уличная... ну то есть проститутка. На завтра у тебя на... члене появится краснота, а через неделю он отсохнет. Вот так. Она даже на свадьбу к нам не пришла».

Биллингс забарабанил по груди пальцами.

«Гинеколог предложил Рите поставить спираль. Это, говорит, с гарантией. Вы и знать не будете, что она у вас стоит». — Он усмехнулся, глядя в потолок. «Вот именно, никто не знает, стоит она там или не стоит. А потом — бац! — опять залетела. Правильно, с гарантией».

«Идеальных противозачаточных средств не существует», — подал голос доктор Харпер. «Таблетки, например, оставляют два процента риска. Что касается спирали, то ее могут вытолкнуть сокращения матки или месячные, или...»

«Или ее просто вытаскивают».

«Тоже возможный вариант».

«Одним словом, она уже вяжет вещи для маленького и съедает целую банку пикулей в один присест. И щебечет, сидя у меня на коленях, что «это Господь так захотел». Смех собачий».

«Ребенок родился в конце года?»

«Да. Мальчик. Эндрю Лестер Биллингс. Я к нему долгое время вообще не подходил. Она эту кашу заварила, пускай сама и расхлебывает. Вы меня, наверно, осуждаете, но не забудьте, что я пережил».

Ну а потом я оттаял, да-да. Из всех троих он единственный был на меня похож. Денни пошел в мать, а Шерли вообще неизвестно в кого, ну разве что в мою бабу. Зато Энди был вылитый я.

После работы я всегда играл с ним в манеже. Схватит меня за палец, вот так, и заливается. Представляете, парню девять недель, а он уже улыбается до ушей своему папашке.

Раз, помню, выхожу из лавки... с прыгунком. Это я-то! Я всегда говорю: дети не ценят своих родителей, а вырастут, еще спасибо скажут. Я когда начал ему покупать все эти штучки-дрючки, сам почувствовал, как к нему привязался. Я тогда уже устроился на приличное место, в компанию «Клюэтт и сыновья», продавать запчасти. Неплохие, между прочим, деньги зарабатывал. И когда Энди исполнился год, мы переехали в Уотербери. В прежнем доме было слишком много тяжелых воспоминаний... и чуланов.

Следующий год был наш год. Я бы отдал все пальцы на правой руке, чтобы его вернуть. Конечно, еще был Вьетнам, и хиппи разгуливали по улицам в чем мать родила, и черномазые шумели о своих правах, но нас это не касалось. Мы жили на тихой улице с симпатичными соседями. Да, счастливое было времечко. Я раз спросил Риту, нет ли у нее страха. Бог любит троицу и все такое. А она мне: «Это не про нас». Понимаете, она считала, что господь отметил нашего Энди, что он очертил вокруг него священный круг.

Лицо Биллингса, обращенное кверху, исказила страдальческая гримаса.

«Ну а потом все как-то стало разваливаться. В самом доме что-то изменилось. Я начал оставлять сапоги в холле, чтобы лишний раз не заглядывать в чулан. «Вдруг он там? — говорил я себе. — Притаился и ждет, когда я открою дверь». Мне уже мерещилось: шлеп-шлеп... весь зеленый, в водорослях, и с них вода капает».

Рита забеспокоилась, не много ли я взвалил на себя работы, и тут я ей выдал, как в былые времена. Каждое утро у меня сжималось сердце оттого, что они остаются вдвоем в доме, но сам при этом, учтите, не хотел лишнюю минуту задержаться. Я начал думать, что оно потеряло нас из виду, когда мы переехали. Оно нас повсюду искало, вынюхивало наши следы. И наконец нашло. Теперь оно

подстерегает Энди... и меня тоже. Понимаете, если постоянно о чем-то таком думать, это превращается в реальность. Реальность, способную убивать детей и... и...

«Вы боитесь договаривать, мистер Биллингс?»

Он не отвечал. Часы отсчитали минуту, две...

«Энди умер в феврале», — резко нарушил он молчание. «Риты не было дома. Ей позвонил отец и сказал, что ее мать находится в критическом состоянии. Рита уехала в тот же вечер. Критическое состояние продлилось ни много ни мало два месяца. Днем, когда я был на работе, за Энди присматривала одна женщина, добрая душа. А ночью я уже сам».

Биллингс облизал губы.

Малыша я укладывал в нашей спальне. Забавно. Ему было два года, и Рита меня как-то спросила, не хочу ли я перенести его кровать в другую спальню. Вычитала у Спока или у кого-то из этой компании, что детям вредно спать в одной комнате с родителями. Из-за секса и всякого такого. Не знаю, лично мы этим занимались, когда он засыпал. И вообще, честно вам скажу, не хотелось мне убирать его от нас. Страшно было... после Денни и Шерли.

«Но вы убрали?» — полуутвердительно спросил Харпер.

«Да», — Биллингс выдавил из себя виноватую, жалкую улыбку. «Убрал».

И снова мучительное молчание.

«Я был вынужден!» — взорвался он. «Вы слышите меня, вынужден! Когда Рита уехала, он... оно осмелело. Начало... Нет, вы мне не поверите. Однажды ночью все двери в доме вдруг открылись настежь. В другой раз, утром, я обнаружил цепочку грязных следов на полу, между чуланом и входной дверью. Пластинки выпачканы илом, зеркала разбиты... и эти звуки... звуки...»

Он запустил пятерню в свою поредевшую шевелюру.

«Под утро просыпаешься — как будто часы тикают, а вслушаешься — крадется! Но не бесшумно, нет, а чтобы его слышали! Точно лапами — легко так — по полу. А ты лежишь... и с открытыми-то глазами страшно: еще, не дай Бог, увидишь, и закрыть боязно — сейчас как ударит

в лицо хохотом и гнилью... и за шею тебя скользкими своими щупальцами...»

Биллингс, белый как полотно, пытался совладать с дрожью.

«Я вынужден был убрать малыша от нас. Я знал, что *оно* окажется тут как тут, ведь Энди — слабейший. Так все и вышло. Среди ночи он закричал, и когда я, собрав все свое мужество, перешагнул порог его спальни, Энди, стоя в кровати, повторял: «Бука... Бука... хочу к папе...».

Голос Биллингса сорвался на детский фальцет. Он весь словно съежился на кушетке.

Но я не мог его забрать в нашу спальню. Не мог, поймите вы это... А через час крик повторился, но уже какой-то сдавленный. Я сразу кинулся на этот крик, уже ни о чем не думая. Когда я ворвался в спальню, *оно* трясло моего мальчика, словно терьер какую-нибудь тряпку... трясло, пока у Энди не хрустнули шейные позвонки...

«А вы?»

«А я бросился бежать», — бесцветным, неживым голосом отвечал Биллингс. «Прямым в ночное кафе. Вот что значит душа в пятки ушла. Шесть чашек кофе, одну за другой. А затем уже отправился домой. Светало. Первым делом я вызвал полицию. Когда мы вошли в спальню, мальчик лежал на полу, в ушке запеклась капля крови. Дверь в чулан была приоткрыта на ладонь».

Он умолк. Доктор Харпер взглянул на циферблат: прошло пятьдесят минут.

«Запишитесь на прием у сестры», — сказал доктор. «Вам придется походить ко мне. Вторник и четверг вас устраивают?»

«Я пришел рассказать историю, больше ничего. Думал облегчить душу. Знаете, полиции я тогда соврал. Он у нас, говорю, уже выпадал из кровати... и они это проглотили. А что им, интересно, оставалось? Картина обычная. Сколько таких несчастных случаев. А вот Рита догадалась. Уж не знаю как... но она... догадалась...»

Он прикрыл глаза ладонью и заплакал.

«Мистер Биллингс, нам предстоит долгий разговор», — сказал мистер Харпер после небольшой паузы. «Надеюсь,

я помогу вам освободиться, хотя бы частично, от чувства вины, которое гнетет вас. Но для этого вы сами должны хотеть освободиться».

«А вы думаете, я не хочу?» — Биллингс убрал ладонь. В красных слезящихся глазах стояла мольба.

«Пока я в этом не уверен», — осторожно сказал Харпер. «Итак, вторник и четверг?»

После некоторого молчания Биллингс недовольно проворчал:

«Психиатры чертовы. Ладно, будь по-вашему».

«Тогда запишитесь у приемной сестры, мистер Биллингс. Желаю вам удачного дня».

Биллингс хмыкнул и вышел из кабинета, даже не оглянувшись.

Сестры за столом не оказалось. Аккуратная табличка извещала: ВЕРНУСЬ ЧЕРЕЗ МИНУТУ.

Биллингс снова заглянул в кабинет.

«Доктор, если приемная сестра...»

Никого.

Только дверь в чулан приоткрыта на ладонь.

«Чудненько», — донесся оттуда приглушенный голос. Можно было подумать, что у говорившего рот набит водорослями. «Чудненько».

Биллингс прирос к полу, чувствуя, как между ног расплзается теплое влажное пятно.

Дверь чулана открылась.

«Чудненько», — повторил Бука, вылезая на свет.

В зеленоватых пальцах утопленника он держал маску... лицо доктора Харпера.

ГРУЗОВИК
ДЯДИ ОТТО

ГРУЗОВИК ДЯДИ ОТТО

Я испытываю огромное облегчение от того, что пишу все это.

Ни одной ночи я не спал нормально с тех пор, как обнаружил труп дяди Отто. Много раз я думал, сошел ли я с ума или мне это еще предстоит. В чем-то было бы лучше, если бы эта штука не была у меня в кабинете, где я могу смотреть на нее, брать ее в руки, подбрасывать, когда мне захочется. Мне этого не хочется, мне не хочется дотрагиваться до этой штуки, но иногда я все-таки делаю это.

Если бы она не была здесь, если бы я не захватил ее с собой, убегая во второй раз из маленького однокомнатного домика, я, возможно, начал бы уверять себя в том, что все это было всего лишь галлюцинацией — порождением истощенного и перевозбужденного мозга. Но вот она, здесь. Я могу почувствовать на руке ее вес.

Все это было на самом деле.

Большинство тех, кто прочтут эти воспоминания, не поверят им, разве что с ними случалось нечто подобное. Мне кажется, что моя откровенность и ваше доверие — это две взаимоисключающие вещи. Но я с таким же удовольствием расскажу вам то, что вы будете считать сказкой. Верьте чему хотите.

В любой страшной сказке должны быть тайна и предыстория. В моей есть и то и то. Позвольте мне начать с предыстории, чтобы рассказать, как мой дядя Отто, бывший богатым человеком по меркам Касл Каунти, провел

двадцать дет в однокомнатном доме без водопровода на задворках небольшого городка.

Отто родился в 1905 году. Он был самым старшим из пяти детей Шенка. Мой отец, родившийся в 1925 году, был самым младшим. Я был самым младшим ребенком моего отца, (я родился в 1955 году), так что дядя Отто всегда казался мне очень старым.

Подобно многим трудолюбивым немцам, мой дедушка и моя бабушка приехали в Америку с кое-какими сбережениями. Мой дедушка поселился в Дерри, так как там была развита лесная промышленность, в которой он кое-что понимал. Он преуспел, и его дети появились на свет далеко не нищими.

Мой дедушка умер в 1925 году. Все наследство досталось дяде Отто, которому тогда было двадцать лет. Он переехал в Касд Рок и начал спекулировать недвижимостью. Занимаясь лесом и землей, он через несколько лет сколотил себе приличный капитал. Он купил себе большой дом на Касл Хилл, завел слуг и наслаждался своим положением молодого, сравнительно красивого («сравнительно» добавлено из-за того, что он носил очки) и чрезвычайно привлекательного для женщин холостяка. Никто не называл его странным. Это произошло позднее.

Он получил травму во время катастрофы, когда ему было двадцать девять лет. Не такую уж и тяжелую, но травма есть травма. Он прожил в своем большом доме на Касл Хилл до 1933 года, затем продал его, так как на рынок были выброшены огромные лесные угодья по смехотворно низкой цене, и ему безумно хотелось их купить. Земли эти принадлежали компании «Нью Инглэнд Пейпер».

«Нью Инглэнд Пейпер» существует и сегодня, и если вы пожелаете приобрести ее акции, то я одобряю ваш выбор. Но в 1933 году компания распродала огромные куски земли по демпинговым ценам в отчаянном усилии удержаться на плаву.

Сколько земли купил мой дядя? Подлинный документ был утерян, а мнения разнятся. Но все сходятся на том, что у него было больше четырех тысяч акров. Большинство угодьев было расположено в Касл Роке, но некоторые простирались и до Уотерфорда и до Харлоу. Когда разразился кризис, «Нью Инглэнд Пейпер» предлагала землю по цене два доллара пятьдесят центов за акр при условии, что покупатель купит сразу все.

Цена всей земли составляла примерно десять тысяч долларов. Дядя Отто не мог внести всю сумму один, поэтому он нашел себе партнера, янки по имени Джордж МакКатчен. Вам, должно быть, известны имена Шенка и МакКатчена, если вы живете в Новой Англии. Компанию давным давно уже купили другие владельцы, но остались еще скобяные лавки «Шенк и МакКатчен» в сорока городах Новой Англии и лесные склады «Шенк и МакКатчен» от Сентрал Фолз до Дерри.

МакКатчен был дородным мужчиной с большой черной бородой. Как и мой дядя Отто, он носил очки. Как и дядя Отто, он получил в наследство кое-какой капитал. Капитал, должно быть, был не таким уж и маленьким, так как вместе с дядей Отто они купили землю без всяких проблем. Оба они в душе были пиратами и неплохо ладили друг с другом. Их партнерство продолжалось двадцать два года, как раз до того года, когда я родился, и дела их всегда шли превосходно.

Но все началось с покупки этих четырех тысяч акров. Они обследовали их на грузовике МакКатчена, разъезжая по лесным дорогам и просекам, большую часть времени ползя на первой передаче, трясясь по колеям и расплескивая лужи. МакКатчен и дядя Отто управляли грузовиком по очереди, два молодых человека, которые вынырнули крупными землевладельцами из темных глубин Великой Депрессии.

Не знаю, откуда у МакКатчена взялся этот грузовик. Это был «Крессуэлл», если это имеет хоть какое-нибудь

значение. Таких моделей уже не выпускают. У него была огромная кабина, покрашенная в ярко-красный цвет, широкие подножки и электрический стартер. Если стартер отказывал, грузовик можно было завести ручкой, но в случае неосторожности ручка могла дернуться и сломать вам плечо. Длина кузова с прямыми бортами составляла двадцать футов, но лучше всего я помню нос грузовика. Он был такого же кроваво-красного цвета. Чтобы добраться до мотора, надо было поднять две стальные крышки, одну слева, другую справа. Радиатор был расположен на уровне груди взрослого мужчины. Это была отвратительная, чудовищная машина.

Грузовик МакКатчена сломался и был отремонтирован. Затем сломался еще раз, и его вновь починили. Когда «Крессуэлл» отказал окончательно, это был настоящий спектакль.

Однажды в 1953 году МакКатчен и дядя Отто ехали по шоссе Блэк Хенри и, по собственному признанию дяди Отто, были «пьяны, как свиньи». Дядя Отто врубил первую передачу, чтобы взобраться на Троицин Холм. Само по себе это действие было правильным, но в том состоянии, в котором он был, дядя Отто и не подумал врубить другую передачу, когда они начали спускаться с другой стороны холма. Старый и изношенный двигатель «Крессуэлла» перегрелся. Ни МакКатчен ни дядя Отто не заметили, как стрелка термометра зашла за красную отметку. В самом конце спуска раздался взрыв, сорвавший крылья грузовика, превратившиеся в крылья красного дракона. Колпачок радиатора взлетел в небо, как ракета. Все потонуло в клубах пара. Забило фонтаном масло, заливая ветровое стекло. Дядя Отто выжал до отказа тормозную педаль, но у «Крессуэлла» в последний год подтекала тормозная жидкость, и педаль провалилась безо всякого результата. Он не видел, куда едет, и съехал с дороги в канаву, а потом выехал на поле. Если бы «Крессуэлл» заглох, то все было бы еще ничего, но мотор продолжал работать. Сначала выйдет один поршень, потом два других, словно шутихи в день независимости.

Один из них, рассказывал дядя Отто, просадил дверь с его стороны и распахнул ее настежь. В образовавшуюся дыру можно было просунуть кулак. Они остановились на краю поля. Им бы открылся замечательный вид на Белые горы, если бы ветровое стекло не было забрызгано маслом.

Это было концом путешествий для «Крессуэлла» МакКатчена, он уже никогда не сдвинулся с этого поля. Никаких протестов со стороны хозяина поля не последовало, оно, разумеется, принадлежало им самим. Совершенно протрезвев от пережитого, парочка выбралась из грузовика, чтобы оценить понесенный ущерб. Ни один из них не был механиком, но это и не требовалось для того, чтобы понять, что рана оказалась смертельной. Дядя Отто был потрясен — во всяком случае, так он сказал моему отцу — и предложил заплатить за грузовик. Джордж Мак Катчен попросил его перестать нести чушь. МакКатчен пришел в какой-то экстаз. Он посмотрел на поле, на горы вдаль и решил, что это место как раз подходит для того, чтобы построить уединенное жилище. Именно это он и сообщил дяде Отто тоном, который обычно прибегают для момента религиозного обращения. Они вместе вернулись на дорогу и доехали до Касл Рока на грузовике пекарни Кашмена, который как раз проезжал мимо. Мак Катчен сказал как-то моему отцу, что во всем происшедшем он усматривает перст Божий. Ведь он искал подходящее место, а оно все это время поджидало его на поле, мимо которого они проезжали три-четыре раза в неделю, не удосуживаясь бросить на него взгляд. Рука Бога, — уточнил он, не зная о том, что умрет на этом самом поле через два года, придавленный носом своего собственного самосвала, самосвала, который после его смерти перешел в собственность дяди Отто.

МакКатчен нанял Билли Додда, чтобы он прицепил «Крессуэлл» к своей машине и развернул его носом к

дороге. По его словам, для того чтобы он мог смотреть на него всякий раз, проезжая мимо, и думать о том, что когда Билли Додд вторично прицепит грузовик и оттащит его уже навсегда, будет самое время копать ему могилу. Он был в чем-то сентиментальным, но он был не из таких, кто из-за своей сентиментальности был готов потерять хотя бы доллар. Когда через год появился человек по имени Беккер и предложил купить колеса «Крессуэлла», с шинами и со всем остальным, так как они подходили по размеру к его машине, МакКатчен содрал с него двадцать долларов как нечего делать. Обратите внимание на то, что к тому времени его состояние перевалило за миллион долларов. Он также велел Бейкеру поставить грузовик на вкопанные в землю бревна. Он сказал, что ему не хотелось бы проезжать мимо и видеть, как его грузовик все глубже и глубже погружается в землю, словно какой-нибудь бесхозный хлам. Бейкер сделал это. Через год «Крессуэлл» сполз с бревен и придавил МакКатчена до смерти. Старики с удовольствием рассказывали эту историю, неизменно выражая в конце надежду, что МакКатчен хорошо повеселился на те двадцать долларов, которые он получил за колеса.

Я вырос в Касл Роке. Когда я родился, мой отец работал на Шенка и МакКатчена уже почти десять лет, и грузовик, перешедший к дяде Отто вместе со всем другим имуществом МакКатчена, был вехой в моей жизни. Моя мама покупала продукты в магазине Уоррена в Бриджтоне. Туда надо было добираться по шоссе Блек Хенри. Каждый раз, когда мы отправлялись, я смотрел на грузовик, возвышавшийся в поле на фоне Белых гор. Он уже не был подперт бревнами — дядя Отто сказал, что одного несчастного случая достаточно — но сама мысль о связанном с ним происшествии уже внушала мальчику в коротких штанишках непреодолимый ужас.

Он стоял там летом на склоне, окруженном с трех сторон дубами и вязами, стоявшими на границе поля,

словно факельщики. Он стоял там зимой, окруженный сугробами, доходившими иногда до его выпуклых фар, так что грузовик делался похожим на мастодонта, увязающего в зыбучих песках. Весной, когда поле превращалось в настоящее болото из мартовской грязи, и было непонятно, как он не утонет в нем. Если бы не подпирающий его хребет солидного валуна, так бы оно, наверное, и случилось. Времена года менялись, года шли, а он оставался на месте.

Мне даже раз пришлось побывать внутри. Однажды отец остановился на обочине (мы направлялись на Фрайбургскую ярмарку), взял меня за руку и повел в поле. Мне кажется, это было в 1960 или в 1961 году. Я смертельно боялся грузовика. Я слышал истории о том, как он скатился с бревен и раздавил дядинного компаньона. Я слышал все эти рассказы в парикмахерской, спрятавшись за журналом «Лайф», который я не в силах был читать, и слушая, как мужчины говорили о том, как его раздавило и о своих надеждах, что старина Джорджи хорошо повеселился на двадцать долларов, вырученных от продажи колес. Один из них — по-моему, это был Билли Додд, отец чокнутого Фрэнка — сказал, что Мак-Катчен выглядел как «тыква, лопнувшая под тракторным колесом». Это видение преследовало меня месяцами... но моему отцу это, конечно, было невдомек.

Отец подумал, что мне понравится забраться в кабину старого грузовика. Он заметил, как я смотрю на него каждый раз, когда мы проезжаем мимо, и, как мне кажется, принял мой ужас за восхищение.

Я помню сумрачный запах ветра, немного горький, немного резкий. Я помню серебристый отлив сухой травы. Я помню шорох наших шагов. но лучше всего я помню нависающий надо мной самосвал, вырастающий все больше и больше, оскал его радиатора, кроваво-красный цвет краски, затуманенный взор ветрового стекла. Я помню, как меня захлестнула волна страха, еще более сумрачная и холодная, чем осенний ветер, когда отец взял меня подмышки и посадил меня в кабину: «Поезжай на

ней в Портленд, Квентин, ну же, заводи!» Я помню, как ветер омывал мое лицо, пока отец поднимал меня вверх, и как затем его чистый запах сменился запахами масла потрескавшейся кожи, мышиного помета и... я готов поручиться... крови. Я помню, как я пытался удержать слезы, пока отец стоял и улыбался мне. уверенный в том, что доставляет мне волнующее переживание. И так оно и было на самом деле, но не так, как он себе это представлял. Я понял с абсолютной ясностью, что сейчас он отойдет или по крайней мере отвернется, и тогда грузовик сожрет меня, просто-напросто сожрет меня живьем. А потом выплюнет меня пережеванным, изломанным и... и словно бы лопнувшим. Как тыква под тракторным колесом.

Я начал плакать, и мой отец, лучший из всех, спустил меня вниз, успокоил меня и отнес назад к машине.

Он нес меня на руках, и через его плечо я мог смотреть на удаляющийся грузовик, гигантский радиатор которого зловеще нависал над полем. Черная круглая дыра, через которую, по словам дяди Отто, вылетел цилиндр, напомнила мне безобразно пустую глазницу, и мне захотелось сказать отцу, что я почувствовал запах крови и поэтому заплакал. Но я не знал, как это сделать. Мне кажется, он все равно бы не поверил мне.

Я был пятилетним мальчиком, верящим в Санта Клауса, и также твердо я уверовал в то, что чувство страха, охватившее меня, когда отец запихнул меня в кабину грузовика, исходило от самого грузовика. Двадцать два года мне понадобилось, чтобы понять, что не «Крессуэлл» убил Джорджа МакКатчена. Мой дядя Отто убил его.

«Крессуэлл» был вехой в моей жизни, но он также занимал заметное место в сознании всей округи. Если вы объясняли кому-нибудь, как добраться из Бриджтона в Касл Рок, то обязательно упоминали, что примерно через три мили после сворота с одиннадцатого шоссе слева от дороги будет стоять старый красный грузовик, и если вы увидите его, значит, вы на правильном пути. Туристы

часто останавливались на вязкой обочине (иногда их машины застревали там, доставляя всем огромное веселье) и фотографировали Белые горы с грузовиком дяди Отто на переднем плане, для большей живописности. Долгое время отец называл «Крессуэлл» «туристическим мемориалом на Троицыном холме», но вскоре перестал это делать. К тому времени наваждение дяди Отто зашло уже слишком далеко, чтобы можно было шутить по этому поводу.

Такова предыстория. Теперь переходим к тайне.

То, что именно он убил МакКатчена, для меня ясно как день. «Он был как лопнувшая тыква», — говорили завсегдатаи парикмахерской. Один из них добавлял: «Готов побиться об заклад, что он распростерся перед грузовиком, как эти козлы-арабы, которые молятся своему дурацкому Аллаху. Я прямо вижу его в тот момент. Они оба были чокнутыми, оба. Если не верите мне, посмотрите, как кончил Отто Шенк. Прямо через дорогу в маленьком домике, который он думал подарить городу, чтобы устроить там школу. Сумасшедший, как какая-нибудь дерьмовая крыса».

Все это сопровождалось кивками и понимающими взглядами, потому что к тому времени они уверились в том, что дядя Отто был странноват, но ни один из старых сплетников не увидел в нарисованной картине — «распростерся перед грузовиком, как эти козлы-арабы, которые молятся своему дурацкому Аллаху» — ничего подозрительного или странного.

Маленький город всегда живет слухами. Людей объявляют ворами, распутниками, браконьерами и обманщиками на основе скуднейшей информации и широчайших обобщений. Мне кажется, часто слух рождается просто от скуки. Я думаю, что всю эту среду маленького городка, которую описывало столько писателей от Натаниэля Готорна до Грейса Металиоса, нельзя назвать отвратительной только по одной причине: все эти слухи, рождающиеся на улице, в парикмахерской, в бакалейной лавке

как-то странно наивны. Такое чувство, что эти люди во всем склонны видеть злобу и глупость, и готовы даже приписать их лишенному этих недостатков человеку, но настоящее, сознательно совершенное зло может оказаться незамеченным ими, даже когда оно висит у них прямо под носом, совсем как ковер-самолет в одной из волшебных сказок эти козлов-аравов.

Как я догадался, что он это сделал? — спросите вы меня. Только потому, что он был с МакКатченем в тот день? Нет. Я понял это по его отношению к грузовику. К «Крессуэллу». Когда наваждение начало одолевать его, он переехал в тот маленький домик, прямо через дорогу от грузовика... Но даже тогда, особенно в последние годы своей жизни, он смертельно боялся, что в один прекрасный день грузовик переползет через дорогу и...

Я думаю, дядя Отто заманил МакКатчена в поле разговорами о его строительных планах. МакКатчен всегда был готов часами рассуждать о своем доме и о приближающемся отходе от дел. Они получили выгодное предложение от гораздо более крупной компании — я не упомяну ее названия, но оно наверняка вам знакомо — и МакКатчен хотел принять его. Дядя Отто был против. Тихая борьба по этому поводу продолжалась между ними с весны. Я думаю, что это несогласие и послужило причиной желания дяди Отто избавиться от своего партнера.

Я думаю, мой дядя подготовился ко всему следующим образом: во-первых, он подкопал бревна, на которых стоял грузовик, а во-вторых, положив что-то на землю прямо перед носом грузовика, где МакКатчен обязательно должен был увидеть эту вещь.

Какую вещь? Я не знаю. Что-нибудь яркое. Бриллиант? Или всего лишь осколок стекла? Это не имеет значения. Она вспыхивает и сияет на солнце. Возможно, МакКатчен замечает ее. Если же нет, то будьте уверены, что дядя Отто обратит его внимание на нее. *Что это там такое?* — спрашивает он, указывая пальцем. *Не знаю,* — говорит МакКатчен и торопится взглянуть.

МакКатчен опускается на колени прямо перед «Крессуэллом», наподобие этих козлов-аравов, которые молятся своему Аллаху, и пытается выковырять эту вещь из земли. В это время дядя небрежно прогуливается и подходит к грузовику сзади. Один мощный толчок, и он расплющивает МакКатчена, МакКатчен лопается, как тыква.

По моим подозрениям, он был слишком законченным пиратом в душе, чтоб умереть мгновенно. Воображение подсказывает мне, как он лежит, придавленный носом грузовика, и кровь течет у него из носа, изо рта и из ушей. Лицо его бело, как бумага, глаза потемнели, он просит дядю помочь ему, помочь побыстрее. Просит... затем умоляет... и наконец проклиняет моего дядю, обещая, что достанет его хоть из-под земли и покончит с ним. А мой дядя стоит и смотрит, засунув руки в карманы, ожидая, когда все будет кончено.

Вскоре после смерти МакКатчена мой дядя стал вести себя так, что завсегдатаи парикмахерской сначала называли это странным, потом ненормальным, а потом чертовски загадочным. То, что сделало его сумасшедшим, «как дерьмовая крыса», пользуясь жаргоном парикмахерской, проявилось потом в полной мере, но, похоже, ни у кого нет сомнений, что начались его странности примерно в то же время, когда умер Джордж МакКатчен.

В 1965 году дядя Отто построил небольшой однокомнатный дом через дорогу от грузовика. Много было разговоров о том, что старина Отто Шенк собирается устроить там, у Троицына холма рядом с шоссе, но когда выяснилось, что это — подарок городу, новое здание школы, которую он просил назвать в честь его покойного компаньона, всеобщему удивлению не было предела.

Городские власти Касл Рока были поражены. Впрочем, поражены были все. Почти все в Касл Роке в свое время ходили примерно в такие же однокомнатные школы (или думали, что ходили, а это примерно то же самое). Но к

1965 году ни одной однокомнатной школы в Касл Роке не осталось. Последняя из них, школа Касл Ридж, закрылась около года назад. К тому времени в городе была выстроена на окраине начальная школа из стекла и шлакоблоков, а на Карбайн-стрит была открыта прекрасная новая средняя школа. В результате своего эксцентричного предложения дядя Отто преодолел одним прыжком расстояние между «странным» и «чертовски загадочным».

Власти послали ему письмо (никто не осмелился увидеться с ним лично), в котором поблагодарили его и выразили надежду, что он будет также заботиться о нуждах города и в будущем, но отклонили однокомнатную школу под предлогом, что в городе и так уже вполне достаточно школ. Дядя Отто впал во все возрастающее бешенство. Заботиться о нуждах города в будущем? кричал он моему отцу. Ну что ж, он позаботится о них, но не так, как им бы того хотелось. Он не вчера родился. Он может отличить ястреба от ручной пилы. И если они собираются соревноваться с ним в том, кто съит дальше, то он покажет им, что может ссать как хорек, выдувший бочонок пива.

«Что же ты собираешься делать?» — спросил его мой отец. Они сидели за столом на кухне у нас дома. Моя мать ушла с шитьем наверх. Она говорила, что ей не нравится дядя Отто. Она говорила, что от него воняет, как от человека, принимающего ванну раз в месяц. «И это богатый человек», — всегда добавляла она с презрением. Мне кажется, его запах ей действительно не нравился, но дело было не только в этом. Дело было в том, что она боялась его. В 1965 году дядя Отто стал выглядеть «чертовски загадочно», да и действовать стал таким же образом. Он расхаживал по городу в зеленых рабочих брюках на подтяжках, в байковой нижней рубаше и больших желтых ботинках. Глаза его устремлялись в непонятном направлении, когда он говорил.

«Что?»

«Что ты собираешься делать с этим домом теперь?»

«Я буду жить в этой сучьей дыре», — отрезал дядя Отто и привел свое намерение в исполнение.

История последних лет его жизни не займет много времени. Он страдал от того мрачного вида душевной болезни, о котором так часто пишут в бульварных газетах. *Миллионер умирает от недоедания в многоквартирном доме. Нищенка была богата, — подтвердили банковские записи. Позабытый всеми банковский магнат умирает в одиночестве.*

Он переехал в маленький красный домик — позднее цвет выцвел до бледно-розового — уже на следующей неделе. Никакие доводы моего отца не могли выкурить его оттуда. Через год он продал дело, ради сохранения которого он, как я полагаю, убил человека. Его странности возросли в числе, но деловая хватка не оставила его, и он продал дело с большой выгодой.

Таков был мой дядя Отто, состояние которого составляло около семи миллионов долларов и который жил в крошечном домике на шоссе Блек Хенри. Его городской дом был заперт, окна закрыты ставнями. В то время он уже начал путь от «чертовски загадочного» к «сумасшедшему, как какая-нибудь дерьмовая крыса». Следующий шаг на этом пути выражался короткой, менее выразительной, но более зловещей фразой «может быть опасен». Следующим шагом, как правило, является погребение.

В своем роде дядя Отто стал таким же неподвижным объектом, как и грузовик через дорогу, но я сомневаюсь, чтобы кто-то из туристов стал останавливаться, чтобы сделать *его* фотографию. Он отрастил бороду, которая была скорее желтой, чем белой, словно пропиталась никотином от его сигарет. Он стал очень толстым. У него появился второй подбородок, и в складках его всегда была грязь. Люди часто видели, как он стоит на пороге его странного маленького домика, просто неподвижно стоит, смотрит на шоссе и на то, что находится по другую сторону от него.

На грузовик, *его* грузовик.

Когда дядя Отто перестал появляться в городе, именно мой отец не позволил ему умереть в одиночестве от голода. Он приносил ему провизию каждую неделю, покупая ее на свои собственные деньги. Дядя Отто ни разу не вернул ему ни цента, возможно, ему это просто не приходило в голову. Папа умер за два года до смерти дяди Отто. Деньги дяди Отто отошли факультету лесного хозяйства Мэйнского университета. Я думаю, они были довольны. Во всяком случае, если учесть величину суммы, этого следовало ожидать.

Когда я получил права в 1972 году, я часто стал завозить недельную провизию. Поначалу дядя Отто смотрел на меня с некоторым подозрением, но понемногу начал оттаивать. Через три года он впервые сказал мне о том, что грузовик медленно подползает к дому.

Я тогда уже был студентом Мэйнского университета, но приехал домой на летние каникулы и вновь взялся за еженедельную доставку продуктов. Дядя Отто сидел за столом, курил, смотрел, как я выкладывал консервы и слушал мою болтовню. Мне показалось, что он забыл, кто я такой. Иногда это было заметно, но... возможно, он притворялся. А однажды он заставил меня поledenеть, спросив «Это ты, Джордж?», когда я подходил к дому.

В тот день в июле 1975 года он прервал мои попытки завязать обычный разговор внезапным и резким вопросом: «Что ты думаешь вон о том грузовике, Квентин?»

Внезапность вопроса вырвала у меня искренний ответ: «Я промочил штаны в кабине грузовика, когда мне было пять лет», — ответил я. «Думаю, если б я забрался в него сейчас, я сделал бы то же самое».

Дядя Отто хохотал долго и оглушительно. Я обернулся и посмотрел на него с удивлением. Я не мог вспомнить, слышал ли я когда-нибудь раньше, как он смеется. Смех закончился припадком кашля, от которого его щеки покраснели. Затем он посмотрел на меня блестящими глазами.

«Подойди поближе, Квентин», — сказал он.

«Что, дядя Отто?» — спросил я. Я подумал, что он опять собирается совершить один из своих странных прыжков от одной темы к другой и сказать, что Рождество приближается, или что скоро будет конец тысячелетия, или что в ближайшем будущем состоится второе пришествие.

«Этот чертов грузовик», — сказал он, глядя на меня спокойным, пристальным, доверительным взглядом, который мне не очень-то понравился, — «становится ближе с каждым годом».

«Вот как?» — спросил я с осторожностью, думая, что столкнулся с новой и очень неприятной навязчивой идеей. Я взглянул на «Крессуэлл», стоящий через дорогу среди стогов сена на фоне Белых гор, и... на одно безумное мгновение мне действительно показалось, что он приближается. Потом я моргнул, и иллюзия исчезла. Грузовик, разумеется, стоял на том же самом месте, где и всегда.

«Да», — сказал он. «По чуть-чуть приближается с каждым годом».

«Может быть, вам необходимы очки. Я лично не замечаю никакой разницы, дядя Отто».

«Ну разумеется, ты не замечаешь!» — отрезал он. «Ты же не замечаешь движения часовой стрелки у себя на часах, не так ли? Сукин сын движется слишком медленно, чтобы можно было это заметить... если не смотреть на него очень долго. Как я на него смотрю». Он подмигнул мне, и я поежился.

«С чего бы ему двигаться?» — спросил я.

«Он хочет добраться до меня, вот с чего», — сказал он. «Я все время о нем думаю. Однажды он заявится сюда, и мне придет конец. Он придавит меня, как уде придавил Мака, и мне придет конец».

Я испугался очень сильно. Больше всего, я думаю, меня испугал его рассудительный тон. «Надо вам перебраться обратно в город, если он беспокоит вас, дядя Отто», — сказал я, и вы никогда бы не определили по моему тону, что спина моя покрыта мурашками.

Он взглянул на меня... а потом через дорогу на грузовик. «Не могу, Квентин», — сказал он. «Иногда человек должен просто оставаться на месте и ждать».

«Ждать чего, дядя Отто?» — спросил я, подумав, что он, должно быть, имеет ввиду грузовик.

«Судьбу», — ответил он и снова подмигнул мне... Но выглядел он испуганно.

У моего отца в 1979 году началась болезнь почек, которая ненадолго отпустила его за несколько дней до того, как окончательно его прикончить. Во время моих визитов в больницу в конце того года отец и я много говорили о дяде Отто. У отца были некоторые подозрения по поводу того, что действительно приключилось тогда, в 1955 году, легкие сомнения, легшие в основу моих тяжелых подозрений. Мой отец не подозревал, насколько серьезным и глубоким стало у дяди Отто наваждение, связанное с грузовиком. Дядя Отто стоял на крыльце целыми днями и смотрел на него. Смотрел на него как человек, наблюдавший за своими часами, чтобы заметить движение часовой стрелки.

К 1981 году дядя Отто растерял свои последние мозги. Более бедный человек давно бы уже попал в сумасшедший дом, но миллионы в банке могут стать хорошим поводом для того, чтобы смотреть сквозь пальцы на многие странности, особенно если достаточно большое число людей предполагает, что в завещании чокнутого может найтись место и для муниципалитета. Но даже несмотря на это в 1981 году люди начали поговаривать о том, что надо отправить дядю Отто в сумасшедший дом для его же блага. Простая, убийственная фраза «может быть опасен» начала преобладать над «сумасшедшим, как какая-нибудь дерьмовая крыса». Он выходил помочиться прямо к дороге, вместо того чтобы воспользоваться своей уборной позади дома. Иногда, выйдя по нужде, он грозил кулаком «Крессуэллу», и не один человек, проезжавший мимо на машине, утверждал, что он грозил кулаком ему.

Грузовик на фоне живописных Белых гор — это одно. Дядя Отто, переходящий дорогу с болтающимися у колен подтяжками — это совсем другое. Его уже никак нельзя было назвать туристической достопримечательностью.

Я уже носил деловой костюм, а не голубые джинсы, которые были на мне в то время, когда я начал возить продукты дяде Отто, и тем не менее я продолжал делать это. Я также пытался убедить его, чтобы он перестал справлять свою нужду у дороги, по крайней мере летом, когда его мог увидеть кто угодно.

Я не мог заставить его услышать мои слова. Он просто не мог беспокоиться о таких пустяках, когда ему постоянно надо было думать о грузовике. Его беспокойство по поводу «Крессуэлла» переросло в настоящую манию. Он заявлял, что грузовик уже перебрался на другую сторону дороги и сейчас находится у него во дворе.

«Я проснулся прошлой ночью около трех, и он был у меня прямо перед окном, Квентин», — сказал он. «Я видел, как он стоял не дальше шести футов от меня, и луна отражалась в ветровом стекле. Мое сердце чуть не остановилось, Квентин. Оно чуть не *остановилось*».

Я вывел его на улицу и показал ему, что грузовик стоит на прежнем месте, на том самом поле через дорогу, где МакКатчен собирался построить себе дом. Это ни к чему не привело.

«Это все, что ты способен увидеть, парень», — произнес он с бесконечным, диким презрением. Сигарета тряслась у него в руке, глаза вращались. «Это все, что ты способен увидеть».

«Дядя Отто», — сказал я, пытаюсь пошутить, — «что видишь, то и получаешь».

Казалось, он не услышал ни слова.

«Сукин сын почти достал меня», — прошептал он. Я почувствовал холодок. Он не выглядел сумасшедшим. Несчастливым, да, испуганным, разумеется... но не сумасшедшим. На мгновение я вспомнил, как отец подсаживал меня в кабину грузовика. Я вспомнил, как она пахла

маслом, кожей... и кровью. «Он почти достал меня», — повторил он.

А через три недели «почти» уже не понадобилось.

Именно я нашел его. Это было в среду вечером, и я выехал с двумя сумками продуктов на заднем сиденье, как делал почти каждую среду. Был жаркий, туманный вечер. Время от времени в отдалении грохотал гром. Я помню, как я нервничал, пока ехал по шоссе Блек Хенри на своем «Понтиаке». Я был почему-то уверен, что что-то должно случиться, но пытался убедить себя, что причина этого чувства — всего лишь низкое атмосферное давление.

Я преодолел последний поворот, и как только дом дяди попал в поле моего зрения, у меня возникла чертовски странная галлюцинация: на секунду мне показалось, что этот проклятый грузовик *действительно* стоял прямо во дворе, огромный, неуклюжий, проржавевший. Я приготовился нажать на тормоз, но прежде чем дотронуться до педали, я моргнул, и иллюзия рассеялась. Но я знал, что дядя Отто умер. Никаких вспышек, никаких озарений, только простая уверенность. Я знал это также хорошо, как расстановку мебели в моей комнате.

Я в спешке въехал во двор и выбрался из машины, даже не захватив с собой продукты.

Дверь была открыта, он никогда не запирает ее. Я спросил его однажды, почему, и он объяснил мне терпеливо, так, как обычно объясняют дураку какой-нибудь очевидный факт, что запертая дверь не сможет остановить «Крессуэлл».

Он лежал на кровати, которая была расположена в левой части комнаты (кухня была справа). Он лежал там в своих зеленых брюках и байковой нижней рубашке, и его открытые глаза были остекленевшими. Я не думаю, что он умер более двух часов назад. Не было ни мух, ни запаха, несмотря на то что день был чертовски жарким.

«Дядя Отто?» — произнес я тихо, не ожидая ответа. Живые люди не имеют обыкновения просто так лежать

на кровати неподвижно и с выпученными глазами. Если я что и чувствовал, то этим чувством было облегчение. Все было кончено.

«Дядя Отто?» Я приблизился к нему. «Дядя...»

И только тогда я заметил, каким странно бесформенным выглядело его лицо, каким распухшим и перекошенным. Только тогда я заметил, что глаза его не просто выпучены, а в буквальном смысле вылезли из орбит. Но смотрели они не на дверь и не в потолок. Они были скошены на маленькое окно у него прямо над кроватью.

Я проснулся прошлой ночью около трех, и он был у меня прямо перед окном, Квентин. Он почти достал меня.

Он был похож на лопнувшую тыкву, — услышал я голос одного из старых сплетников, спрятавшись за журналом «Лайф» и вдыхая запах парикмахерской.

Почти достал меня, Квентин.

В комнате чувствовался какой-то запах. Не запах парикмахерской и даже не запах грязного старого чело-века.

Пахло машинным маслом, как в гараже.

«Дядя Отто?» — прошептал я, и пока я шел к кровати, мне казалось, что я уменьшаюсь. Уменьшался не только мой рост, но и мой возраст. Вот мне уже снова двадцать, пятнадцать, десять, восемь, семь, шесть... и, наконец, пять. Я увидел, как моя дрожащая маленькая ручка тянется к его распухшему лицу. И вот моя рука дотронулась до его лица, ощупывая его, и я взглянул вверх и увидел в окне сияющее лобовое стекло «Крессуэлла» — и хотя это продолжалось всего одно мгновение, я готов поклясться на Библии, что это не было галлюцинацией. «Крессуэлл» был там, в окне, менее, чем в шести футах от меня.

Я провел пальцем по щеке дяди Отто, мой большой палец был прижат к другой щеке. Я, вероятно, хотел ощупать это странное вздутие. Когда я впервые увидел грузовик в окне, моя рука попыталась сжаться в кулак, забыв о том, что лежит на лице трупа.

В тот момент грузовик исчез из окна, как дым — или как приведение, которым, я полагаю, он и был. В тот же самый момент я услышал ужасный *лопающийся* звук. Горячая жидкость хлынула мне на руку. Я посмотрел вниз, чувствуя под рукой не только влажную, мягкую плоть, но и что-то тяжелое и угловатое. Я посмотрел вниз и увидел. Именно в тот момент я начал кричать. Масло лилось у дяди Отто изо рта и из носа. Масло текло у него из уголков глаз, как слезы. То самое машинное масло, которое продается в пятигаллоновых пластиковых канистрах и которое МакКатчен всегда заливал в «Крессуэлл».

Но там было *не только* масло. Что-то торчало у него изо рта.

Я продолжал кричать, но в течение некоторого времени я был не в силах сдвинуться с места, не в силах убрать испачканную в масле руку с его лица, не в силах отвести глаза от той большой сальной штуки, которая торчала у него изо рта, штуки, которая так исковеркала его лицо.

Наконец паралич отпустил меня и я вылетел пулей из дома, продолжая кричать. Я подбежал по двору к моему «Понтиаку», зашвырнул свое тело внутрь и рванул с места. Продукты, предназначенные для дяди Отто, упали с заднего сиденья на пол. Яйца разбились.

Удивительно, как я не разбился на первых двух милях пути — я взглянул на спидометр и увидел, что еду со скоростью свыше семидесяти миль в час. Я остановился и начал глубоко дышать, до тех пор пока не сумел обрести хоть какое-то самообладание. Я начал понимать, что не могу оставить дядю Отто в том виде, в котором я его нашел. Это вызовет слишком много вопросов. Я должен был вернуться.

И кроме того, я должен признаться, что какое-то дьявольское любопытство овладело мной. Сейчас мне хотелось бы, чтобы этого не было, чтобы я мог устоять против него. Пусть бы они задавали свои вопросы. Но я *вернулся*. Я стоял у двери минут пять. Я стоял на том же самом месте и почти в той же позе, что и дядя Отто, и

смотрел на грузовик. Я стоял там и пришел к выводу, что грузовик чуть-чуть сдвинулся. Совсем чуть-чуть.

Потом я вошел внутрь.

Первые несколько мух жужжали над его лицом. Я увидел масляные отпечатки пальцев у него на щеках: отпечаток большого пальца — на левой и три других пальца — на правой. Я нервно взглянул на окно, в котором я видел нависающий «Крессуэлл»... а затем я подошел к его кровати. Я вынул платок и вытер свои отпечатки. Затем я наклонился и открыл рот дяди Отто.

Оттуда выпала свеча зажигания, старой конструкции, почти такого же размера, как кулак циркового силача.

Я взял ее с собой. Сейчас мне хотелось бы, чтобы я не сделал этого тогда, но, разумеется, я был в шоковом состоянии. В чем-то было бы лучше, если бы эта штука не была у меня в кабинете, где я могу смотреть на нее, брать ее в руки, подбрасывать, когда мне захочется. Свеча зажигания 1920-го года выпуска, выпавшая изо рта дяди Отто.

Если бы она не была здесь, если бы я не захватил ее с собой, убегая во второй раз из маленького однокомнатного домика, я, возможно, начал бы уверять себя в том, что все это — не только тот момент, когда я выехал из-за поворота и увидел «Крессуэлл», упершийся в маленький домик, словно огромная красная собака, но *все это* — было всего лишь галлюцинацией. Но вот она, здесь. Она отражает свет. Она реальна. Она имеет вес. *Самосвал становится ближе с каждым годом*, — говорил он и, похоже, был прав... Но даже дядя Отто не представлял себе, насколько близко «Крессуэлл» может подобраться.

Общее мнение свелось к тому, что дядя Отто покончил с собой, наглотавшись масла. В течение девяти дней это было предметом удивления всего Касл Рока. Карл Даркин, владелец городского похоронного бюро и не самый молчаливый из людей, сообщил, что когда врачи делали вскрытие, они обнаружили в нем более трех кварт масла... и не только у него в желудке. Оно пропитало весь его организм. Все в городе недоумевали: что он сделал с

пластиковой канистрой? Так как на месте ни одной канистры найдено не было.

Как я уже говорил, большинство тех, кто прочтут эти воспоминания, не поверят им... разве что с ними случилось что-нибудь подобное. Но грузовик все еще стоит в поле... и готов поклясться чем угодно, что все это было на самом деле.

ОСТАВШИЙСЯ В ЖИВЫХ

ОСТАВШИЙСЯ В ЖИВЫХ

Рано или поздно в процессе обучения у каждого студента-медика возникает вопрос. Какой силы травматический шок может вынести пациент? Разные преподаватели отвечают на этот вопрос по-разному, но, как правило, ответ всегда сводится к новому вопросу: Насколько сильно пациент стремится выжить?

26 января.

Два дня прошло с тех пор, как шторм вынес меня на берег. Этим утром я обошел весь остров. Впрочем, остров — это сильно сказано. Он имеет сто девяносто шагов в ширину в самом широком месте и двести шестьдесят семь шагов в длину, от одного конца до другого.

Насколько я мог заметить, здесь нет ничего пригодного для еды.

Меня зовут Ричард Пайн. Это мой дневник. Если меня найдут (когда?), я достаточно легко смогу его уничтожить. У меня нет недостатка в спичках. В спичках и в героине. И того и другого навалом. Ни ради того, ни ради другого не стоило сюда попадать, ха-ха. Итак, я буду писать. Так или иначе, это поможет скоротать время.

Если уж я собрался рассказать всю правду — а почему бы и нет? Уж времени-то у меня хватит! — то я должен начать с того, что я, Ричард Пинцетти, родился в нью-йоркской Маленькой Италии. Мой отец приехал из Старого Света. Я хотел стать хирургом. Мой отец смеялся, называл меня сумасшедшим и говорил, чтобы я принес

ему еще один стаканчик вина. Он умер от рака, когда ему было сорок шесть. Я был рад этому.

В школе я играл в футбол. И, черт возьми, я был лучшим футболистом из всех, кто когда-либо в ней учился. Защитник. Последние два года я играл за сборную города. Я ненавидел футбол. Но если ты из итальяшек и хочешь ходить в колледж, спорт — это единственный твой шанс. И я играл и получал свое спортивное образование.

В колледже, пока мои сверстники получали академическое образование, я играл в футбол. Будущий медик. Отец умер за шесть недель до моего окончания. Это было здорово. Неужели вы думаете, что мне хотелось выйти на сцену для получения диплома и увидеть внизу эту жирную свинью? Как по-вашему, нужен рыбе зонтик? Я вступил в студенческую организацию. Она была не из лучших, раз уж туда попал человек с фамилией Пинцетти, но все-таки это было что-то.

Почему я это пишу? Все это почти забавно. Нет, я беру свои слова обратно. Это действительно забавно. Великий доктор Пайн, сидящий на скале в пижамных штанах и футболке, сидящий на острове длиной в один плевок и пишущий историю своей жизни. Я голоден! Но это неважно. Я буду писать эту чертову историю, раз мне так хочется. Во всяком случае, это поможет мне не думать о еде.

Я сменил фамилию на Пайн еще до того, как я пошел в медицинский колледж. Мать сказала, что я разбиваю ее сердце. О каком сердце шла речь? На следующий день после того, как старик отправился в могилу, она уже вертелась вокруг еврея-бакалейщика, живущего в конце квартала. Для человека, так дорожающего своей фамилией, она чертовски поторопилась сменить ее на Штейнбруннер.

Хирургия была единственной моей мечтой. Еще со школы. Даже тогда я надевал перчатки перед каждой игрой и всегда отмачивал руки после. Если хочешь быть хирургом, надо заботиться о своих руках. Некоторые

парни дразнили меня за это, называли меня цыплячьим дерьмом. Я никогда не дрался с ними. Игра в футбол и так уже была достаточным риском. Но были и другие способы. Больше всех мне досаждал Хоу Плоцки, здоровенный, тупой, прыщавый верзила. У меня было немного денег. Я знал кое-кого, кое с кем поддерживал отношения. Это необходимо, когда болтаешься по улицам. Любая задница знает, как умереть. Вопрос в том, как выжить, если вы понимаете, что я имею ввиду. Ну я и заплатил самому здоровому парню во всей школе, Рикки Брацци, десять долларов за то, что он заткнул пасть Хоу Плоцки. Я заплачу тебе по доллару за каждый его зуб, который ты мне принесешь, — сказал я ему. Рикки принес мне три зуба, завернутых в бумажную салфетку. Он повредил себе костяшки двух пальцев, пока трудился на Хоу, так что вы видите, как это могло быть опасно для моих рук.

В медицинском колледже, пока другие сосунки ходили в лохмотьях и пытались зубрить в промежутках между обслуживанием столиков в кафе, продажей галстуков и натираaniem полов, я жил вполне прилично. Футбольный, баскетбольный тотализатор, азартные игры. Я поддерживал хорошие отношения со старыми друзьями. Так что в колледже мне было неплохо.

Но по-настоящему мне повезло, только когда я начал проходить практику. Я работал в одном из самых больших госпиталей Нью-Йорка. Сначала это были только рецептурные бланки. Я продавал стопочку из ста бланков одному из своих друзей, а он подделывал подписи сорока или пятидесяти врачей по образцам почерка, которые продавал ему тоже я. Парень продавал бланки на улице по десять-двадцать долларов за штуку. Всегда находилась масса кретинов, готовых купить их.

Вскоре я обнаружил, как плохо контролируется склад медикаментов. Никто никогда не знал, сколько лекарств поступает на склад и сколько уходит с него. Были люди, которые гребли наркотики обеими руками. Но не я. Я всегда был осторожен. Я никогда не попадал впросак, до

тех пор пока не расслабился и пока удача не изменила мне. Но я еще встану на ноги. Мне всегда это удавалось.

Пока больше не могу писать. Рука устала, и карандаш затупился. Не знаю, почему я беспокоюсь. Наверняка кто-нибудь вскоре подберет меня.

27 января.

Лодку отнесло течением прошлой ночью, она затонула в десяти футах от северной оконечности острова. Где взять трос? Так или иначе дно напоминает швейцарский сыр после того, как лодка налетела на риф. Я уже забрал с нее все, что того стоило. Четыре галлона воды. Набор для шитья. Аптечку. Блокнот, в котором я пишу и который был предназначен для роли судового журнала. Смех да и только. Где вы слышали о спасательной шлюпке, на которой не было бы ни грамма ЕДЫ? Последняя запись была сделана 8 августа 1970 года. Да, еще два ножа, один тупой, другой очень острый, и гибридная ложка с вилок. Я воспользуюсь ими, когда буду ужинать этим вечером. Жареная скала. Ха-ха. Ну что ж, по крайней мере я смог заточить карандаш.

Когда я выберусь с этой запачанной птичьим дерьмом скалы, я первым делом как следует разберусь с транспортной компанией, подам на них в суд. Только ради этого стоит жить. А я собираюсь жить. Я собираюсь выбраться отсюда. Так что не заблуждайтесь на этот счет. Я собираюсь выбраться.

(позже)

Когда я составлял свой инвентарный список, я забыл упомянуть о двух килограммах чистейшего героина, около трехсот пятидесяти тысяч долларов по нью-йоркским уличным ценам. Здесь он не стоит ни черта. Ну разве это не забавно? Ха-ха!

28 января.

Ну что ж, я поел, если только можно назвать это едой. На одну из скал в центре острова уселась чайка. Скалы

там столпились в беспорядке, так что получилось нечто вроде горного хребта, сплошь покрытого птичьим дерьмом. Я нашел кусок камня, который удобно лег мне в руку, и подобрался к ней настолько близко, насколько осмелился. Она торчала там на скале и смотрела на меня своими блестящими черными глазами. Странно, что урчание моего живота не спугнуло ее.

Я бросил камень так сильно, как только мог, и попал ей в бок. Она громко вскрикнула и попыталась улететь, но я перебил ей правое крыло. Я понесся за ней, а она запрыгала от меня. Я видел, как кровь струйкой стекала по белым перьям. Чертова птица задала мне жару. Когда я оказался на другой стороне центральной скалы, моя нога застряла между двумя камнями, и я чуть не сломал себе лодыжку.

Наконец она начала понемногу сдавать, и я настиг ее на восточной стороне острова. Она пыталась добраться до воды и уплыть. Я схватил ее за хвост, а она повернула голову и долбанула меня клювом. Тогда я схватил ее одной рукой за ногу, а второй взялся за ее несчастную шею и свернул ее. Звук ломающейся шеи доставил мне глубокое удовлетворение. Кушать подано, сударь. Ха! Ха!

Я отнес ее в свой «лагерь». Но еще до того, как ощипать и выпотрошить ее, я смазал йодом рваную рану от ее клюва. На птицах чертова уйма микробов, только инфекции мне сейчас и не хватало.

С чайкой все прошло отлично. Я, к сожалению, не мог приготовить ее. Ни одной веточки, ни одной волнами прибитой доски на всем острове, да и лодка затонула. Так что пришлось есть ее сырой. Желудок тотчас же захотел извергнуть ее. Я посочувствовал ему, но не мог ему этого позволить. Я стал считать в обратном направлении, до тех пор пока приступ тошноты не прошел. Это помогает почти всегда.

Можете представить себе, что эта дрянь чуть не сломала мне щиколотку, да еще и клюнула меня. Если завтра я поймаю еще одну, надо будет ее помучить. Этой я позволил умереть слишком легко. Даже когда я пишу, я

могу посмотреть вниз и увидеть на песке ее отрезанную голову. Несмотря на то, что ее черные глаза уже покрылись тусклой пленкой смерти, она словно бы усмехается мне.

Интересно, у чаек есть хоть какие-нибудь мозги?
Съедобны ли они?

29 января.

Сегодня никакой жратвы. Одна чайка села недалеко от верхушки каменной глыбы, но улетела, прежде чем я успел «передать ей точный пас вперед», ха-ха! Начала отрастать борода. Чертовски чешется. Если чайка вернется и я поймаю ее, вырежу ей глаза, прежде чем прикончить.

Я был классным хирургом, доложу я вам. Они запретили мне практиковать. Правда, забавно: все они занимаются этим, но превращаются в таких ханжей, когда кто-нибудь попадется. Знали бы вы, как меня вздрючили.

Я так натерпелся за время своих приключений в роли практиканта, что наконец открыл свою собственную практику на Парк Авеню. И все это без помощи богатого папочки или высокого покровителя, как это сделало столько моих «коллег». Когда практика моя закончилась, мой папаша уже девять лет лежал на кладбище для бедняков. Мать умерла за год до того, как у меня отобрали лицензию.

Это было чертовски скверное положение. Я сотрудничал с полудюжиной фармацевтов с Ист-сайда, с двумя крупными поставщиками лекарств и по крайней мере с двадцатью другими врачами. Я посылал пациентов к ним, а они ко мне. Я делал операции и прописывал им необходимые обезболивающие средства. Не все операции были так уж необходимы, но ни одну из них я не сделал против воли больного. И никогда у меня не было пациента, который посмотрел бы на рецептурный бланк и сказал бы: «Мне это не нужно». Ну, например, я им делал операцию на щитовидной железе в 1970 году, и они

принимали обезболивающие еще в течение пяти или десяти лет, если я им советовал это. Иногда я так и делал. И вы понимаете, что не я один. Они могли себе позволить приобрести такую привычку. Ну а иногда пациенту плохо спалось после небольшого хирургического вмешательства. Или он становился слегка нервным после приема диетических пилюль. Или либриума. Все это можно было легко поправить. Раз — и готово! Если бы они не получили это от меня, они получили бы это от кого-нибудь другого.

Затем налоговая служба наведальась к Лоуэнталю. К этому козлу. Они пригрозили ему пятью годами, и он им продал полдюжины имен. Они понаблюдали за мной немного, а когда они завалились, то на мне висело на срок побольше пяти лет. Там было еще несколько дел, в том числе и рецептурные бланки, которыми я по старинке продолжал промышлять. Забавно: мне это было на хрен не нужно, я занимался этим по привычке. Трудно отвыкнуть от лишней ложечки сахара.

Ну что ж, я кое-кого знал. Я дернул за кое-какие нити. Парочку людей я бросил на съедение волкам. Ни один из них, впрочем не был мне симпатичен. Каждый из них, по правде говоря, был порядочным сукиным сыном.

Боже, как я голоден.

30 января.

Чаяк сегодня нет. Напоминает таблички на тележках разносчиков. ПОМИДОРОВ СЕГОДНЯ НЕТ. Я зашел по грудь в воду, сжимая в руке острый нож. Я простоял под палящим солнцем на одном месте в полной неподвижности четыре часа. Два раза я думал, что хлопнусь в обморок, но начал считать наоборот до тех пор, пока не пришел в себя. За все это время я не видел ни одной рыбины. Ни одной.

31 января.

Убил еще одну чайку, точно так же, как и первую. Был слишком голоден, чтобы помучать ее, как собирался. Я

выпотрошил и съел ее. Потом выдавил из кишок всю дрянь и съел их. Странно чувствовать, как жизненные силы возвращаются. А я уж было немного испугался. Когда я лежал в тени здоровенной центральной скалы, мне показалось, что я слышу голоса. Моя мать. Мой отец. Моя бывшая жена. А хуже всех тот китаец, который продал мне героин в Сайгоне. Он шепелявил, может быть, потому, что у него был частично отрезан язык.

«Ну же, давай», — раздался его голос из пустоты. «Давай, попробуй самую малость. Ты и думать тогда забудешь про голод. Это замечательная штука...» Но я никогда не принимал никакой гадости, даже снотворных таблеток.

Лоуэнталь покончил жизнь самоубийством, я не рассказывал вам об этом? Этот козел. Он повесился в том, что раньше было его кабинетом. Как мне кажется, он оказал миру большую услугу.

Я хотел снова стать практикующим врачом. Кое-кто, с кем я перемолвился словечком, сказал мне, что это можно устроить, но что это будет стоит очень больших денег. Больше, чем ты можешь себе представить. У меня в сейфе лежало сорок тысяч долларов. Я решил, что надо попытаться счастья и пустить их в ход. А потом удвоить или утроить сумму.

Я пошел на встречу с Ронни Ханелли. Мы с Ронни играли в колледже в футбол. Когда его младший брат решил податься в интерны, я помог ему подыскать местечко. Сам Ронни учился на юриста, ну не смех? В квартале, где мы вместе росли, мы называли его Ронни-Громила. Он судил все игры с мячом и клюшкой и хоккеем. Если тебе не нравились его свистки, у тебя был выбор: держать рот на замке или грызть костяшки. Пуэрториканцы звали его Ронни-Макаронник. Это задевало его. И этот парень пошел в школу, а потом в юридический колледж и с полпинка сдал свой экзамен на адвоката, и открыл лавку в нашей окраине, прямо напротив бара. Закрываю глаза и вижу, как он рассекает по кварталу на своем белом «Континентале». Самый крупный делец в городе.

Я знал, что у Ронни для меня что-то найдется. «Это опасно», — сказал он. «Но ты всегда сможешь о себе позаботиться. А если дело выгорит я тебя познакомлю с двумя парнями, один из них госуполномоченный».

Он назвал мне два имени. Генри Ли Цу, здоровенный китаец и Солом Нго, вьетнамец. Нго был химиком. За солидный куш он проверял товар китайца. Китаец время от времени выкидывал номера. Заключались они в том, что пластиковые пакеты бывали набиты тальком, порошком для чистки раковин, крахмалом. Ронни сказал, что однажды за свои штучки ему придется расплатиться жизнью.

1 февраля.

Пролетал самолет. Прямо над островом. Я попытался взобраться на скалу и подать ему знак. Нога попала в расщелину. В ту самую чертову расщелину, в которую я угодил в тот день, когда убил свою первую птицу. Я сломал лодыжку. Двойной перелом. Словно выстрел раздался. Боль была невероятная. Я вскрикнул и потерял равновесие. Я замахал руками как сумасшедший, но не удержался, упал, ударился головой и потерял сознание. Я очнулся только в сумерках. Из раны на голове вытекло немного крови. Лодыжка распухла как автомобильная шина, и вдобавок я получил серьезный солнечный ожог. Я подумал, что если солнце посветило бы еще часок, я весь бы пошел волдырями.

Притащившись сюда, я провел остаток ночи ежась от холода и плача от боли и досады. Я продизенфицировал рану на голове, прямо над правой височной долей, и перевязал ее так хорошо, как только мог. Просто поверхностное повреждение кожи и небольшое сотрясение, мне кажется. Но моя лодыжка... Тяжелый перелом в двух, а, может быть, и в трех местах.

Как я теперь буду гоняться за птицами?

Наверняка должен быть поисковый самолет, который ищет оставшихся в живых пассажиров «Калласа». Шторм, возможно, отнес шлюпку на много миль от того места, где он затонул. Они могут сюда и не добраться.

Боже, как болит лодыжка.

2 февраля.

Я сделал знак на небольшом участке побережья на южной стороне острова, недалеко от того места, где затонула шлюпка. На это мне потребовался целый день, несколько раз я делал перерывы и отдыхал в тени. Но все равно я дважды терял сознание. На глазок я потерял примерно двадцать пять фунтов веса, в основном от обезвоживания организма. Но зато сейчас с того места, где я сижу, я могу видеть написанные мной за этот день буквы. Темные скалы на белом песке образуют ПОМОГИТЕ, каждая буква в четыре фута высотой. Следующий самолет обязательно заметит меня.

Если только он прилетит, этот следующий самолет.

Нога болит постоянно. Она распухла еще сильнее, и вокруг места перелома появилось зловещее пятно. Похоже, пятно растет, после тугой перевязки рубашкой боль немного утихает, но все же она настолько сильна, что я скорее падаю в обморок, чем засыпаю.

Я начал думать о том, что, возможно, потребуется ампутация.

3 февраля.

Лодыжка распухла еще больше, и пятно продолжает расти. Если понадобится операция, я думаю, что смогу ее провести. У меня есть спички, чтобы простерилизовать острый нож, есть иголка и нитки из набора для шитья. Рубашку я разорву на бинты.

У меня даже есть два кило «обезболивающего», хотя и немного не той разновидности, которую я обычно прописывал своим больным. Но они бы принимали его, если б смогли бы достать. Готов держать пари. Все эти престарелые дамы с синими волосами готовы вдыхать дезодорант, если есть надежда, что это поможет им взбодриться. Будьте уверены!

4 февраля.

Я решил на ампутацию ноги. Ничего не ел четыре дня. Если я буду дальше тянуть, то возрастет риск того, что во время операции я потеряю сознание от голода и шока и истеку кровью. А как бы мне не было скверно, я все еще хочу жить. Я помню, о чем рассказывал нам Мокридж на занятиях по анатомии. Старый Моки, так мы его называли. Рано или поздно, — говорил он, — в процессе обучения у каждого студента-медика возникает вопрос: какой силы травматический шок может вынести человек? И он щелкал пальцем по анатомической таблице, указывая на печень, почки, сердце, селезенку, кишечник. Как правило, джентльмены, — говорил он, — ответ всегда сводится к новому вопросу: насколько сильно человек стремится выжить?

Я думаю, что смогу провести операцию успешно.

Я действительно так думаю. Полагаю, что я пишу для того, чтобы оттянуть неизбежное. Но мне пришлось в голову, что я не закончил рассказ о том, как я оказался здесь. Возможно, мне стоит сделать это на случай, если операция пройдет неудачно. Это займет несколько минут, и я уверен, что еще будет достаточно светло для операции, тем более что на моих часах только девять часов девять минут утра. Ха!

Я полетел в Сайгон под видом туриста. Это звучит странно? Напрасно. Все еще находятся тысячи людей, которые приезжают в эту страну несмотря на затеянную Никсоном войну. В конце концов, есть же люди, которые ходят смотреть на обломки разбитых машин и петушинные бои.

Мой китайский друг дал мне товар. Я отвез его к Нго, который заявил, что это товар очень высокого качества. Он сказал мне, что Ли Цу выкинул один из своих номеров четыре месяца назад, и что его жена взлетела на воздух, повернув ключ зажигания своего «Опеля». С тех пор штучки не повторялись.

Я оставался в Сайгоне в течение трех недель. Я заказал себе место на туристическом лайнере «Каллас», который

должен был отвезти меня в Сан-Франциско. Первая каюта. Подняться с товаром на борт не составило никакой проблемы. Нго подкупил двух таможенников, которые лишь бегло просмотрели мои чемоданы. Товар лежал в пакете, на который они даже и не взглянули.

«Миновать американскую таможеню будет значительно труднее», — сказал мне Нго. «Но это уже ваши проблемы».

Я не собирался провозить товар через американскую таможеню. Ранни Ханелли нанял ныряльщика, который должен был исполнить одну чертовски трудную работу за три тысячи долларов. Я должен был встретиться с ним (думаю, что это должно было произойти два дня назад) в Сан-Франциско в ночлежке под названием «Отель Сент-Реджис». План заключался в том, что товар должен был быть помещен в герметичную банку. К ней был прикреплен хронометр и пакетик с красной краской. Как раз перед тем, как судно входило в док, банка должна была быть выброшена за борт.

Я как раз подыскивал поваренка или стюарда, который не отказался бы от небольшой суммы наличными и который был бы достаточно сообразителен — или достаточно глуп — чтобы не болтать потом попусту, но «Каллас» затонул.

Не знаю как и не знаю почему. Штормило, но корабль, казалось, вполне сносно справлялся с качкой. Около восьми часов вечера двадцать третьего числа где-то под палубой произошел взрыв. Я в это время был в кают-компании. «Каллас» немедленно начал накреняться на левый борт.

Люди вопили и носились туда и сюда. Бутылки в баре падали с полок и вдребезги разбивались об пол. С нижней палубы пришел, шатаясь, человек. Рубашка его сгорела, кожа подрумянилась. По громкоговорителю объявили, чтобы люди шли к спасательным шлюпкам, к которым они были приписаны во время инструктажа в начале круиза. Пассажиры продолжали бестолково носиться. Очень немногие из них побеспокоились о том, чтобы показаться на инструктаже. Я же не просто показался, я

пришел рано, чтобы быть в первом ряду и все видеть. Я всегда уделяю самое пристальное внимание тому, что непосредственно касается моей кожи.

Я спустился в свою каюту, взял пакеты с героином и положил каждый из них в отдельный карман. Затем я направился к спасательной шлюпке 8. Пока я поднимался по лестнице на главную палубу, раздалось еще два взрыва и судно накренилось еще сильнее.

Наверху царил хаос. Я увидел, как мимо меня пробежала отчаянно визжащая женщина с ребенком на руках, набирая скорость на скользкой, опрокидывающейся палубе. Она ударилась о перила и вылетела за борт. Я видел, как она сделала в воздухе два сальто и начала делать третье, но в этот момент я потерял ее из виду.

Человек в белой одежде повара, с ужасно обожженным лицом и руками, наткался то на один то на другой предмет и кричал: «ПОМОГИТЕ МНЕ! Я НИЧЕГО НЕ ВИЖУ! ПОМОГИТЕ! Я НИЧЕГО НЕ ВИЖУ!»

Паника была почти всеобщей: она передалась от пассажиров команде, как заразная болезнь. Надо еще отметить, что время, прошедшее от первого взрыва до момента полного затопления «Калласа» составляло едва ли около двадцати минут. Вокруг некоторых спасательных шлюпок сгрудились толпы визжащих пассажиров, а некоторые были абсолютно свободны. Моя, расположенная на накренившемся борту, была почти пуста. Рядом с ней не было никого, кроме меня и простого моряка с угреватым мертвенно-бледным лицом.

«Давай спустим это чертово корыто на воду», — сказал он, бешено вращая глазами. «Проклятая мыльница идет прямо на дно».

Механизм для спуска спасательной шлюпки достаточно прост, но со своей бестолковой нервозностью он умудрился запутать спусковые канаты со своей стороны. Лодка пролетела вниз шесть футов и повисла, причем нос оказался двумя футами ниже, чем корма.

Я шел ему на помощь, когда он начал вопить. Ему удалось распутать узел, но одновременно его рука попала

в блок. Жужжащая веревка дымилась на его ладони, сдирая кожу, и через мгновение он оказался за бортом.

Я бросил вниз веревочную лестницу, быстро спустился к ней и отцепил лодку от провисших канатов. Затем я стал грести, когда-то я делал это ради удовольствия во время пребывания на дачах друзей, а сейчас я делал это ради спасения своей жизни. Я знал, что если мне не удастся отплыть достаточно далеко от места, где затонет «Каллас», то он утащит меня за собой.

Через пять минут он ушел под воду. Мне не удалось полностью выплыть из зоны образования воронки. Мне пришлось бешено грести, чтобы хотя бы оставаться на одном месте. «Каллас» затонул очень быстро. За перила на носу корабля все еще цеплялись какие-то люди и жутко вопили. Они были похожи на стадо обезьян.

Шторм усилился. Я потерял одно весло, но сумел сохранить второе. Ту ночь я провел как в бреду. Сначала я вычерпывал воду, а потом хватал весло и бешено греб до тех пор, пока нос не зарывался в очередную волну.

Перед восходом двадцать четвертого числа волны стали нарастать у меня за спиной. Лодка ринулась вперед. Это было кошмарно, но в то же время радостно возбуждало. Внезапно доски затрещали у меня под ногами, но прежде чем лодка затонула, ее выбросило на эту спасительную грудку скал. Я даже не знаю, где я, абсолютно никаких идей на этот счет. Я не очень-то силен в навигации, ха-ха!

Но я знаю, что я должен делать. Это последний выход, но, думаю, мне удастся проскочить. Разве не удавалось мне это всегда? Сейчас творят такие чудеса с протезами. Так что я неплхо проживу и с одной ногой.

Время узнать, так ли я хорош, как мне кажется. Удачи тебе, парень.

5 февраля.

Сделал.

Больше всего меня беспокоила боль. Я могу переносить боль, но мне казалось, что в моем ослабленном

состоянии сочетание голода и боли заставит меня потерять сознание, прежде чем я успею закончить.

Но героин очень помог.

Я открыл один из пакетов и втянул носом две здоровенных щепотки, высыпанные на плоский камень. Сначала правая ноздря, потом левая. Я словно вдохнул в себя восхитительный холод, от которого онемело все тело с головы до ног. Я вдохнул героин сразу же после того, как закончил запись в дневнике. Это было в девять сорок пять. В следующий раз, когда я посмотрел на часы, тень уже сдвинулась, и я оказался частично на солнце. Было двенадцать сорок пять. Я отрубился. Никогда не думал, что это так прекрасно. Не могу понять, почему я так презирал это раньше. Боль, ужас, страдания... все исчезло, осталось лишь спокойное блаженное состояние.

В этом состоянии я и проводил операцию.

Боль все-таки была, особенно, в самом начале операции. Но я смотрел на нее как бы со стороны, словно это была чужая боль. Она беспокоила меня, но в то же время и интересовала. Можете понять это? Если вы когда-нибудь принимали сильный аналог морфина, возможно и можете. Он не просто снимает боль. Он меняет сознание. Ясность, спокойствие. Я понимаю, почему люди садятся на него, хотя «садиться» — это, пожалуй, слишком сильно сказано теми, кто никогда, разумеется, не пробовал, что это такое.

Примерно на середине боль стала возвращаться ко мне. Я был близок к обмороку. Я с тоской посмотрел на открытый пакет с белым порошком, но усилием воли заставил себя отвернуться. Если я приму еще, я наверняка истеку кровью, как если бы я потерял сознание. Начал считать наоборот от сотни.

Потеря крови могла сыграть критическую роль. Как хирург, я прекрасно это понимал. Ни одной лишней капли не должно было быть пролито. Если у пациента начинается кровотечение во время операции в госпитале, вы можете восполнить потерю крови. У меня такой возможности не было. То, что было потеряно — а к концу

операции песок у меня под ногой был черным — могло быть возобновлено за счет внутренних ресурсов организма. У меня не было никакого оборудования, никаких инструментов.

Я начал операцию ровно в двенадцать сорок пять. Закончил в час пятьдесят, и немедленно принял новую дозу героина, гораздо больше, чем предыдущая. Я погрузился в туманный мир, где не было боли, и пробыл там почти до пяти часов. Когда я очнулся, солнце приближалось к горизонту, расстилая передо мной золотую дорожку на голубой воде. Я никогда не видел ничего более красивого... вся боль была лишь платой за это мгновение. Через час я принял еще немного, чтобы в полной мере насладиться закатом.

После того как стемнело я...

Я...

Подождите. Говорил ли я вам о том, что ничего не ел *в течение четырех дней*? И что единственной вещью, которая могла помочь мне восстановить иссякающие жизненные силы, было мое собственное тело? Более того, не повторял ли я вам снова и снова, что выживание зависит от нашей решимости выжить? Отчаянной решимости? Я не буду оправдываться тем, что на моем месте вы бы сделали то же самое. Во-первых, вы, скорее всего, не хирург. Даже если вы примерно знаете, как проводится ампутация, вы могли бы выполнить ее так скверно, что вскоре бы все равно умерли от потери крови. И даже если бы вы пережили операцию и травматический шок, мысль об этом никогда не пришла бы в вашу забитую предрассудками голову. Неважно. Никто об этом не узнает. Последним моим делом на этом острове, перед тем как я его покину, будет уничтожение этого дневника.

Я был очень осторожен.

Я помыл ее тщательно, перед тем как съесть.

7 февраля.

Культя сильно болела, время от времени боль становилась почти невыносимой. Но, по-моему, подкожный

зуд, свидетельствующий о начале выздоровления, был еще хуже. Я вспоминал в тот день всех своих пациентов, которые лопотали мне, что не могут выносить ужасный, неотскребаемый зуд заштопанной плоти. А я улыбался и говорил им, что завтра им будет лучше, думая про себя, какими же хныкалками, слизняками, неблагодарными маменькиными сынками они оказались. Теперь я понимаю их. Несколько раз я почти уже собирался содрать повязку с культи и начать скрести ее, вбиваясь пальцами в мягкую сырую плоть, раздирая корки, выпуская кровь на песок. Все, что угодно, все, что угодно, лишь бы отделаться от этого невыносимого зуда.

В такие минуты я считал наоборот начиная с сотни и нюхал героин.

Не знаю, сколько я всего принял, но почти все время после операции я был словно одеревеневшим. Подавляет голод. Я едва ли знаю о том, что я вообще могу есть. Слабое, отдаленное урчание в животе, и это все. Можно легко не обращать на него внимания. Однако, этого делать нельзя. В героине нет калорий. Я проверял свой запас энергии, ползая с места на место. Он иссякает.

Боже, я надеюсь, нет, но... может понадобится еще одна операция.

(позже)

Еще один самолет пролетел над островом. Слишком высоко, чтобы от него мог быть какой-то толк. Все, что я мог видеть, это оставляемый им след. И тем не менее я махал. Махал и кричал ему. Когда он улетел, я заплакал.

Уже стемнело, и ничего не видно вокруг. Еда. Я начал думать о всякой еде. Чесночный хлеб. Улитки. Омар. Сочные бараньи ребра. Первосортные яблоки. Жареный цыпленок. Огромный кусок торта и тарелка домашнего ванильного мороженого. Семга, копченая ветчина с ананасом. Колечки лука. Луковый соус с жареной картошкой охлажденный чай долгими долгими глотками французское жаркое пальчики оближешь.

Сто, девяносто девять, девяносто восемь, девяносто семь, девяносто шесть, девяносто пять, девяносто четыре
Боже Боже Боже

8 февраля

Еще одна чайка села на скалу сегодня. Жирная, огромная. Я сидел в тени скалы, на месте, которое я называю своим лагерем, положив на камень свою культю. Как только я увидел чайку, у меня тотчас же выделилась слюна, как у собаки Павлова. Я сидел и пускал слюнки, как маленький ребенок. Как маленький ребенок.

Я подобрал достаточно большой и удобно легший в руку кусок скалы и начал ползти к ней. У меня почти не было надежды. Но я должен был попытаться. Если я поймаю ее, то с такой наглой и жирной птицей я смогу отсрочить вторую операцию на неопределенно долгое время. Я пополз. Моя культя билась о камни, и боль от ударов отдавалась во всем теле. Я ждал, когда же она улетит.

Она не улетала. Она важно расхаживала туда и сюда, выпятив грудь, как какой-нибудь генерал авиации, делающий смотр войскам. Время от времени она поглядывала на меня своими маленькими отвратительными глазками, и я застывал в неподвижности и начинал считать наоборот, до тех пор пока она вновь не начинала расхаживать. Каждый раз, когда она взмахивала крыльями, я леденел. У меня продолжали течь слюни. Я ничего не мог с собой поделать. Как маленький ребенок.

Не знаю, как долго я подкрадывался к ней. Час? Два? И чем ближе я подкрадывался, тем сильнее билось мое сердце и тем соблазнительнее выглядела чайка. Мне даже показалось, что она дразнит меня, и когда я приближусь к ней на расстояние броска, она улетит. Руки и ноги начали дрожать. Во рту пересохло. Культя адски болела. Мне показалось, что у меня начались ломки. Но так быстро? Ведь я принимал героин меньше недели!

Не имеет значения. Я нуждаюсь в нем. И там еще много осталось, много. Если мне надо будет позднее

пройти курс лечения, когда я вернусь в Штаты, я выберу лучшую клинику в Калифорнии и сделаю это с улыбкой. Так что сейчас это не проблема, не так ли?

Когда я приблизился на расстояние броска, я не стал швырять камень. У меня появилась болезненная уверенность в том, что я промахнусь. Надо было подобраться поближе. И я продолжал ползти с камнем в руках, запрокинув голову, и пот стекал ручьями с моего изнуренного тела. Зубы у меня начали гнить, говорил ли я вам об этом? Если бы я был суеверным человеком, я бы решил, что это потому, что я съел...

Я снова остановился. Теперь я подобрался к ней ближе, чем к любой из предыдущих чаек. Но я все никак не мог решиться. Я сжимал камень так, что пальцы мои начали болеть, но не мог швырнуть его. Потому что я совершенно точно знал, что ждет меня, если я промахнусь.

Плевать, если я использую весь товар! Я ускользну от них. Я буду кататься как сыр в масле всю свою оставшуюся жизнь! *Долгую, долгую жизнь!*

Я думаю, я бы подобрался с камнем прямо к ней, если бы она наконец не снялась со скалы. Я бы подполз и придушил бы ее. Но она расправила крылья и взлетела. Я закричал, вскочил на колени и бросил камень со всей силой, на которую был способен. И я попал!

Птица издала придушенный вскрик и свалилась на другой стороне скалы. Бормоча и смеясь, уже не предохраняя свою культю от ударов, я вполз на вершину и стал спускаться с другой стороны. Я потерял равновесие и ударился головой. Я не заметил этого тогда, несмотря на то что заработал приличную шишку. Все, о чем я мог думать тогда, была птица, и как я подбил ее. Фантастический успех, попал прямо в крыло!

Она ковыляла к берегу, волоча за собой сломанное крыло. Брюшко было все в крови. Я полз за ней так быстро, как только мог, но она двигалась быстрее меня. Гонка калек! Ха! Ха! Я поймал бы ее — дистанция между нами сокращалась — если бы не руки. Они могут мне снова понадобиться. Но несмотря на все предосторожно-

сти, когда мы достигли берега, ладони были изранены. Кроме того я разбил часы об острый угол скалы.

Чайка шлепнулась в воду, омерзительно крича, и я попытался схватить ее. В руке у меня оказалась горстка хвостовых перьев. Потом я упал, наглотался воды и чуть не захлебнулся.

Я пополз дальше. Я даже попытался плыть за ней. Повязка слетела с культи. Я начал тонуть. Мне едва удалось выбраться на берег, дрожа от изнеможения, обезумев от боли, плача, крича и проклиная чертову птицу. Она болталась на воде еще довольно долго, все дальше и дальше отплывая от берега. Кажется, я даже начал умолять ее вернуться. Но в тот момент, когда она доплыла до рифа, она, по-моему, была уже мертва.

Это несправедливо.

У меня ушел почти час на то, чтобы вернуться к лагерю. Я принял большую дозу героина, но даже и после этого я был чертовски зол на чайку. Если мне не суждено было поймать ее, зачем же было меня так дразнить? Почему она просто не улетела?

9 февраля.

Я ампутировал свою левую ногу и перевязал культю брюками. В течение всей операции я пускал слюни. Пускал слюни. Точно так же, как когда я увидел чайку. Безнадежно пускал слюни. Но я заставил себя подождать до вечера. Я считал в обратном направлении начиная со ста.. двадцать или тридцать раз! Ха! Ха!

И тогда...

Я постоянно повторял себе: холодное жареное мясо. Холодное жареное мясо. Холодное жареное мясо.

11 февраля (?)

Дождь последние два дня. И сильный ветер. Мне удалось отодвинуть несколько глыб от центральной скалы, так что образовалась нора, в которую я мог залезть. Нашел маленького паука. Сжал его между пальцами, прежде чем он успел убежать, и съел. Очень вкусный.

Сочный. Подумал, что глыбы надо мной могут свалиться прямо мне на голову. Ну и пусть.

Переждал шторм в каменной норе. Может быть, дождь шел и три дня, а не два. А может и один. Но мне показалось, что за это время дважды успело стемнеть. Мне нравится отрубаться. Не чувствуешь ни боли, ни зуда. Я знаю, что выживу. Не может быть, чтобы человек пережил такое напрасно.

Когда я был ребенком я ходил в церковь, где служил коротышка-священник, любивший распространяться об аде и смертных грехах. Это был его настоящий конек. Нельзя искупить смертный грех, — такова была его точка зрения. Мне он приснился прошлой ночью. Отец Хэйли в черной рясе, с усиками под носом. Он угрожающе тряс пальцем и говорил: «Тебе должно быть стыдно, Ричард Пинцетти... смертный грех... ты проклят, мальчик... проклят навеки...»

Я захохотал над ним. Если это не ад, то что же тогда ад? И единственный смертный грех — это когда ты сдаешься.

Половину времени я провожу под героином. В оставшееся время я чувствую зуд и боль в кульнях, которая еще усиливается от сырости.

Но я не сдамся. Клянусь. Ни за что не сдамся. Не может быть, чтобы все это было зря.

12 февраля.

Снова выглянуло солнце, прекрасный день. Надеюсь, что сейчас мои дружки отмораживают себе задницы.

Этот день был удачным для меня, удачным, насколько это вообще возможно на этом острове. Лихорадка, которой я страдал во время плохой погоды, похоже, спала. Я чувствовал себя слабым и дрожал, когда я выполз из своего убежища, но полежав на горячем песке два или три часа, я вновь почувствовал себя почти человеком.

Дополз до южной части острова и нашел там несколько прибитых штормом деревяшек, в том числе и несколько досок от моей спасательной шлюпки. Некоторые из них

были покрыты водорослями. Я отскреб их и съел. Мерзость ужасная. Вроде того, как ешь синтетическую занавеску. Но этим днем я чувствовал себя значительно лучше.

Я вытащил все деревяшки на берег, как можно дальше от воды, чтобы они просушились. У меня же до сих пор сохранилась банка с неотсыревающими спичками. Я разведу сигнальный костер, на тот случай, если меня будут искать. Если нет, то на нем я смогу приготовить пищу. А сейчас я собираюсь поспать.

13 февраля.

Нашел краба. Убил его и поджарил на небольшом костре. Этим вечером я почти поверил в Бога.

14 фев

Только этим утром заметил, что штормом смыло большинство камней, составлявших мой призыв о помощи. Но шторм закончился... три дня назад? Неужели я все это время был так одурманен? Надо разобраться с этим, снизить дозу. Что если корабль пройдет мимо, когда я буду в отрубе?

Я заново выложил буквы, но это отняло у меня целый день, и сейчас я чувствую себя изнуренным. Искал крабов в том месте, где поймал предыдущего, но ничего не нашел. Порезал руки о камни, из которых составлял буквы, но тут же продезинфицировал раны йодом, несмотря на всю свою усталость. Я должен заботиться о своих руках. Должен, несмотря ни на что.

15 фев

Чайка села на верхушку скалы. Улетела раньше, чем я подкрался на расстояние броска. Я мысленно отправил ее в ад, где она будет вечно выклевывать глаза отца Хэйли.

Ха! Ха!

Ха! Ха!

Ха

17 фев (?)

Отнял правую ногу до колена, но потерял много крови. Боль нарастает, несмотря на героин. Человек пожиже давно бы умер от травматического шока. Позвольте мне ответить вопросом на вопрос: насколько сильно пациент стремится выжить? *Насколько сильно пациент хочет жить?*

Руки дрожат. Если они подведут меня, со мной покончено. Они не имеют права подвести меня. Никакого права. Я заботился о них всю свою жизнь. Холил их. Так что пусть лучше, и не пытаются. Или им придется пожалеть об этом.

По крайней мере я не голоден. Одна из досок, оставшихся от шлюпки, треснула посередине. Один конец получился острым. Я насадил на него... У меня текли слюни, но я заставил себя подождать. А затем начал думать о... мясе, которое мы жарили большими кусками на решетке. У Уилла Хаммерсмита на Лонг Айленде был участок с решеткой, на которой можно было зажарить целую свинью. Мы сидели на веранде в сумерках с доверху наполненными стаканами в руках и разговаривали о хирургии, о гольфе или о чем-нибудь другом. И ветерок доносил до нас сладкий запах жареной свинины. Сладкий запах жареной свинины, черт возьми.

Фев (?)

Отнял другую ногу у колена. Весь день клонит в сон. «Доктор, эта операция была необходима?» Хаха. Руки трясутся, как у старика. Ненавижу их. Кровь под ногтями. Сволочи. Помнишь этот муляж в медицинском колледже с прозрачным желудком? Я чувствую себя, как он. Но только я не хочу ничего рассматривать. Ни так ни этак. Помню, старина Дом обычно говорил там. Приближался к вам на углу улицы, пританцовывая в своем клубном пиджаке. И вы спрашивали: ну что, Дом, как у тебя с ней все прошло? И Дом отвечал: ни так ни этак. Старина Дом. Надо мне было остаться в своем квартале, среди старых дружков.

Но я уверен, что при правильном лечении и с хорошими протезами я буду как новенький. Я смогу вернуться сюда и рассказать людям: «Вот. Где это. Случилось».

Хахаха!

23 февраля (?)

Нашел дохлую рыбу. Гнилую и вонючую. Съел ее тем не менее. Хотелось сблевать, но я не позволил себе. Я *выживу*. Закаты так прекрасны.

Февраль

Не могу решиться, но должен это сделать. Но как я смогу остановить кровь из бедренной артерии? На этом уровне она огромна, как туннель.

Должен это сделать. Любым способом. Я пометил линию надреза на бедре, эта часть еще достаточно мясиста. Я провел линию вот этим самым карандашом.

Хорошо бы слюни перестали течь.

Фе

Ты... заслуживаешь... перерыв... сегодня... скорооо... встанешь и пойдешь... в «Макдональдс»... две отбивных... соус... салат... соленые огурцы... лук... на... булочке... с кунжутными семенами...

Ля... ляля... траляля...

Февр

Посмотрел сегодня на свое отражение в воде. Обтянутый кожей череп. Интересно, сошел ли я с ума? Должно быть. Я превратился в монстра, в урод. Ниже паха ничего не осталось. Голова, прикрепленная к туловищу, которое тащится по песку на локтях. Настоящий урод. Краб. Краб в отрубе. Кстати, не так ли они себя сами теперь называют? Эй парень я несчастный краб не дашь ли мне цент.

Хахахаха

Говорят, что человек — это то, что он ест. Ну что ж, если так, то я НИКОЛЬКО НЕ ИЗМЕНИЛСЯ! Боже

мой травматический шок травматический шок НИКАКО-
ГО ТРАВМАТИЧЕСКОГО ШОКА НЕ СУЩЕСТВУЕТ

ХА

Фе/40?

Видел во сне своего отца. Когда он напивался, то не мог выговорить ни слова по-английски. Впрочем, ему и нечего было выговаривать. Чертов мудак. Я так был рад уйти из твоего дома папочка ты чертов мудак. Я знал, что сделаю это. И я ушел от тебя, так ведь? Ушел на руках.

Но им уже больше нечего отрезать. Вчера я отрезал уши.

левая рука моет правую и пусть твоя левая рука не знает о том что делает правая раз два три четыре пять вышел зайчик погулять

хахаха.

Какая разница. одна рука или другая. мясо хорошее хорошая еда спасибо тебе Боже ты добр к нам всегда.

у пальцев вкус пальцев ничего особенного

ИНОГДА
ОНИ
ВОЗВРАЩАЮТСЯ

ИНОГДА ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Миссис Норман ждала мужа с двух часов, и когда его автомобиль наконец подъехал к дому, она поспешила навстречу. Стол уже был празднично накрыт: бефстроганов, салат, гарнир «Блаженные острова» и бутылка «Лансэ». Видя, как он выходит из машины, она в душе попросила Бога (в который раз за этот день), чтобы ей и Джиму Норману было что праздновать.

Он шел по дорожке к дому, в одной руке нес новенький кейс, в другой школьные учебники. На одном из них она прочла заголовок: «Введение в грамматику». Миссис Норман положила руки на плечо мужа и спросила: «Ну как прошло?»

В ответ он улыбнулся.

А ночью ему приснился давно забытый сон, и он проснулся в холодном поту, с рвущимся из легких криком.

В кабинете его встретили директор школы Фентон и заведующий английским отделением Симмонс. Разговор зашел о его нервном срыве. Он ждал этого вопроса...

Директор, лысый мужчина с изможденным лицом, разглядывал потолок, откинувшись на спинку стула. Симмонс раскуривал трубку.

— Мне выпали трудные испытания... — сказал Джим Норман.

— Да-да, конечно, — улыбнулся Фентон. — Вы можете ничего не говорить. Любой из присутствующих, я

думаю со мной согласится, что преподаватель — трудная профессия, особенно в школе. По пять часов воевать с этими оболтусами. Не случайно учителя держат второе место по язвенной болезни, — заметил он не без гордости. — После авиадиспетчеров.

— Трудности, которые привели к моему срыву, были... особого рода, — сказал Джим.

Фентон и Симмонс вежливо покивали в знак сочувствия; последний щелкнул зажигалкой, чтобы раскурить потухшую трубку. В кабинете вдруг стало нечем дышать. Джиму даже показалось, что ему в затылок ударил свет мощной лампы. Пальцы у него сами забегали на коленях.

— Я заканчивал учебу и проходил педагогическую практику. Незадолго до этого, летом, умерла от рака моя мать, ее последние слова были: «Я верю в тебя, сынок». Мой брат — старший — погиб подростком. Он собирался стать учителем, и перед смертью мать решила...

По их глазам Джим увидел, что его «занесло», и подумал: «Господи, надо же самому все запороть!»

— Я сделал все, чтобы оправдать ее ожидания, — продолжал он, уже не вдаваясь в подробности запутанных семейных отношений. — Шла вторая неделя практики, когда мою невесту сбила машина. Тот, кто ее сбил, скрылся. Какой-то лихач... его так и не нашли.

Симмонс что-то ободряюще гукнул.

— Я держался. А что мне оставалось? Она очень мучилась — сложный перелом ноги и четыре сломанных ребра, — но ее жизнь была вне опасности. Я, кажется, сам не понимал, сколько мне всего выпало.

Стоп. Эта тема для тебя гроб.

— Я пришел стажером в профессиональное училище на Сентер-стрит, — сказал Джим.

— Райское местечко, — незамедлительно отреагировал Фентон. — Финки, сапоги с подковками, обрезы на дне чемоданов, прикармливание денег на детские завтраки, и каждый третий продает наркотики двум другим. Про это училище вы можете мне не рассказывать.

— У меня был паренек Марк Циммерман, — продолжал Джим, — Восприимчивый мальчик, играл на гитаре. Он был в классе с литературным уклоном, и я сразу отметил его способности. Однажды я вошел в класс и увидел, что двое сверстников держат его за руки, а третий разбивает его «Ямаху» о батарею парового отопления. Циммерман истошно вопил. Я закричал, чтобы они отпустили его, но когда я попытался вмешаться, один из них ударил меня изо всех сил. — Джим передернул плечами. — Это была последняя капля, у меня произошел нервный срыв. Нет, никаких истерик или забивания в угол. Просто не мог переступить порог этого заведения. Подхожу к училищу, а у меня вот здесь все сжимается. Воздуха не хватает, лоб в испарине...

— Это мне знакомо, — кивнул Фентон.

— Я решил пройти курс лечения. Групповая терапия. Частный психиатр был мне не по карману. Лечение пошло мне на пользу. Я забыл сказать: Салли стала моей женой. После этого несчастного случая у нее осталась небольшая хромота и рубец на теле, а так она у меня в полном порядке. — Он посмотрел им в глаза. — Как видите, я тоже.

— Предпрактику вы, кажется, закончили в Кортес Скул, — полуутвердительно сказал Фентон.

— Тоже не подарок, — бросил Симмонс.

— Хотел испытать себя в трудной школе, — объяснил Джим. — Специально поменялся с однокурсником.

— И школьный инспектор, и ваш непосредственный наставник поставили вам высшую отметку, — сказал Фентон.

— Да.

— А средний балл за четыре года составил 3,88. Почти максимум.

— Я любил свою работу.

Фентон с Симмонсом переглянулись и встали. Поднялся и Джим.

— Мы вас известим, мистер Норман, — сказал Фентон. — У нас есть еще кандидаты, не прошедшие собеседование...

— Я понимаю.

— ...но лично меня впечатляют ваши академические успехи и волевой характер.

— Вы очень любезны.

— Сям, я думаю, мистер Норман не откажется выпить перед уходом чашечку кофе.

Они обменялись рукопожатием.

В холле Симмонс сказал ему:

— Считайте, что место — ваше, если, конечно, не передумаете. Разумеется, это не для передачи.

Джим согласно кивнул. Он и сам наговорил много такого, что было не для передачи.

Дэвис Хай Скул, издали напоминавшая неприступную крепость, была оборудована по последнему слову техники — только на научный корпус выделили из прошлогоднего бюджета полтора миллиона долларов. В классных комнатах, которые помнили еще послевоенных ребятишек, стояли парты модного дизайна. Учащиеся были из богатых семей — хорошо одеты, опрятны, развиты. В старших классах шестеро из девяти имели собственные машины. Словом, приличная школа. В ту пору, про которую нынче говорят «больные семидесятые», о такой школе можно было только мечтать. Рядом с ней профессиональное училище, где раньше преподавал Джим, казалось доисторическим монстром.

Однако стоило зданию опустеть, как в свои права вступала некая темная сила из былых времен. Невидимый зверь, который неотвязно следовал за тобой. Иногда, поздно вечером, когда Джим Норман шел пустынным коридором четвертого корпуса на выход, к автостоянке, ему чудилось, что он слышит за спиной его тяжелое дыхание.

В конце декабря он снова увидел ночной кошмар и на этот раз не сумел сдержать крика. Хватая руками воздух, он не сразу понял, где он, пока не увидел Салли: она сидела на постели, держа его за плечо. Сердце бешено колотилось.

— О, Боже, — он провел ладонью по лицу.
— Ну как ты?
— Все нормально. Я кричал?
— Еще как. Что-то приснилось?
— Приснилось.
— Эти мальчишки, которые разбили гитару о батарею?
— Нет, давнишние дела. Иногда вдруг все возвращается так отчетливо. Ничего, уже прошло.
— Ты уверен?
— Вполне.
— Хочешь стакан молока? — в ее глазах промелькнула озабоченность.
Он поцеловал ее в плечо:
— Нет-нет. Ты спи.
Она выключила ночник, а он еще долго лежал, вглядываясь в темноту.

Хотя в школе он был человек новый, для него составили удобное расписание. Первый час свободный. Вторым и третьим — сочинение в младших классах: один класс скучноватый, другой весьма живой. Интереснее всего был четвертый час: курс американской литературы для поступающих в колледж; для этих не было большего наслаждения, чем сплясать на костях признанных классиков. Пятый час, обозначенный как «Консультации», отводился для бесед с теми, кто плохо успевал или у кого возникали сложности личного характера. Таких либо не было, либо они не желали раскрываться, так что он мог спокойно посидеть с хорошей книгой. Шестой час — грамматика — был до того сухим, что, казалось, раскрошится, как мел.

Единственным по-настоящему серьезным огорчением был для него седьмой час, «Литература и жизнь», который он проводил в тесной клетушке на третьем этаже — в сентябре там стояла жара, зимой — холод. Здесь были собраны те, кого в школьных каталогах стыдливо именуя «медленно усваивающими».

В классе Джима сидело семь таких «медленно усваивающих», все как на подбор атлеты. В лучшем случае им

можно было поставить в вину отсутствие интереса к предмету, в худшем — откровенное хулиганство. Как-то он открыл дверь и увидел на доске столь же удачную, сколь и непотребную карикатуру на себя с явно излишней подписью мелом: «Мистер Норман». Он молча стер ее и начал урок под издевательские смешки.

Он старался разнообразить занятия, включал аудиовизуальные материалы, выписал занимательные, легко запоминающиеся тексты — и все без толку. Его подопечные или ходили на головах, или молчали, как партизаны. В ноябре, во время обсуждения стейнбековского романа «О людях и мышах», затеяли драку двое ребят. Джим разнял их и отправил к директору. Когда он открыл учебник на прерванном месте, в глаза бросилось хамское: «На-ка, выкуси!»

Он рассказал об этом Симмонсу, в ответ тот пожал плечами и закурил свою трубку.

— Не знаю, Джим, чем вам помочь. Последний урок всегда выжимает последние соки. Не забывайте — получив у вас неуд, многие из них лишатся футбола или баскетбола. А с языком и литературой у них, как говорится, напряженка. Вот они и звереют.

— Я тоже, — буркнул Джим.

Симмонс покивал:

— А вы покажите им, что с вами шутки плохи, они и подождут хвост... хотя бы ради своих спортивных занятий.

Но ничего не изменилось: этот последний час был как заноза в теле.

Самой большой проблемой седьмого часа был здоровый увалень Чип Освей. В начале декабря, в короткий промежуток между футболом и баскетболом (Освей и тут и там был нарасхват), Джим поймал его со шпаргалкой и выставил из класса.

— Если ты меня завалишь, мы тебя, сукин сын, из под земли достанем! — разорялся Освей в полутемном коридоре. — Понял, нет?

— Иди-иди, — ответил Джим. — Побереги горло.

— Мы тебя, ублюдок, достанем!

Джим вернулся в класс. Детки смотрели на него так, словно ничего не произошло. Ему же казалось, что он в каком-то нереальном мире, и это ощущение возникло у него не впервые... не впервые...

Мы тебя, ублюдок, достанем!

Он вынул из стола журнал успеваемости и аккуратно вписал неуд против фамилии Чипа Освея.

В эту ночь он увидел старый сон.

Сон, как медленная пытка. Чтобы успеть все хорошо разглядеть и прочувствовать. Особую изощренность этому сну придавало то, что развязка надвигалась неотвратно и Джим ничего не мог поделать — как человек, пристегнутый ремнем, летящий вместе со своей машиной в пропасть.

Во сне ему было девять, а его брату Уэйну двенадцать. Они шли по Брод-стрит в Стратфорде, Коннектикут, держа путь в городскую библиотеку. Джим на два дня просрочил книжки и должен был выудить из копилки четыре цента, чтобы уплатить штраф. Время было летнее, каникулярное. Пахло срезанной травой. Из распахнутого окна доносилась трансляция бейсбольного матча: «Янки» выигрывали у «Ред сокс» 6:0 в последней игре одной восьмой финала, Тед Уильямс, бэтсмен, приготовился к удару... А здесь надвигались сумерки, и тень от здания Барретс Компани медленно тянулась к противоположному тротуару.

За рынком пролегла железнодорожная колея, под ней тоннель. У выхода из тоннеля, на пяточке возле бездействующей бензоколонки, околачивалась местная шпана — парни в кожаных куртках и простроченных джинсах. Джим многое бы отдал, чтобы не встречаться с ними, не слышать оскорбительных насмешек, не спастись бегством, как уже случилось однажды. Но Уэйн не соглашался идти круглым путем, чтобы не показать себя трусом.

Во сне тоннель угрожающе надвигался, и девятилетнему Джиму казалось, будто в горле у него начинает бить

крыльями испуганный черный дрозд. Все вдруг стало таким отчетливым: мигающая неоновая реклама на здании Барретс Компани, налет ржавчины на траве, шлак вперемешку с битым стеклом на железнодорожном полотне, лопнувший велосипедный обод в кювете.

Он готов был в сотый раз отговаривать Уэйна. Да, шпаны сейчас не видно, но она наверняка прячется под лестницей. Эх, да что там! Говори не говори, брата не переубедишь, это рождало чувство собственной беспомощности.

Вот они уже под насыпью, от стены тоннеля отлепляются две или три тени, и долговязый белобрысый тип с короткой стрижкой и сломанным носом швыряет Уэйна на выпачканный сажей шлакоблок со словами:

— Гони монету.

— Пусти, — говорит брат.

Джим хочет убежать, но толстяк с зализанными черными волосами подталкивает его к брату. Левый глаз у толстяка дергается.

— Ну что, шкет, — обращается он к Джиму, — сколько там у тебя в кармане?

— Ч-четыре цента.

— Врешь, щенок.

Уэйн пробует высвободиться, и на помощь белобрысому приходит парень с шевелюрой какого-то дикого оранжевого цвета. А в это время тип с дергающимся веком ни с того ни с сего дает Джиму в зубы. Джим чувствует внезапную тяжесть в мочевом пузыре, и в следующую секунду передок его джинсов начинает быстро темнеть.

— Гляди, Винни, обмочился!

Уэйн отчаянно изворачивается, и ему почти удается вырваться из клещей, тогда еще один тип в черных дерюжных брюках и белой футболке пригвозждает его к прежнему месту. У типа на подбородке родинка, похожая на спелую землянику. Тут горловина путепровода начинает содрогаться. Металлическим поручням передается мощная вибрация. Приближается состав.

Кто-то выбивает книжки из рук Джима, а меченый, с красной родинкой, отшвыривает их носком ботинка в кювет. Неожиданно Уэйн бьет дерганого ногой в пах, и тот взывает от боли.

— Винни, сейчас этот слиняет!

Дерганый что-то орет благим матом про свои разбитые погремушки, но его вопли уже тонут в нарастающем грохоте поезда. Когда состав проносится над их головами, кажется, что в мире нет других звуков.

Отблески света на стальных лезвиях. Финка у белобрысого, финка у меченого. Уэйн кричит, и хотя слов не разобрать, все понятно по губам:

— Беги, Джимми, беги!

Джим резко падает на колени, и державшие его руки остаются ни с чем, а он уже проскакивает между чьих-то ног, как лягушонок. Чья-то пятерня успевает скользнуть по его спине. Он бежит обратно, бежит мучительно медленно, как это бывает во сне. Но вот он оборачивается и видит...

Джим проснулся, вовремя подавив крик ужаса. Рядом безмятежно спала Салли.

Он хорошо помнил, что он увидел, обернувшись: белобрысый ударил его брата ножом под сердце, меченый — в пах.

Джим лежал в темноте, учащенно дыша и моля Бога, чтобы тот даровал ему сон без этих страшных призраков его детства.

Ждать ему пришлось долго.

Городские власти объединили школьные каникулы с рождественскими, и в результате школа отдыхала почти месяц. Джим и Салли провели это время у ее сестры в Вермонте, где они вволю покатались с гор на лыжах. Они были счастливы. На морозном чистом воздухе все педагогические проблемы не стоили выеденного яйца. Джим приехал к началу занятий с зимним загаром, а главное, спокойным и полностью владеющим собой.

Симмонс нагнал его в коридоре и протянул папку.

— На седьмом потоке у вас новенький. Роберт Лоусон. Переведен из другой школы.

— Да вы что, Сим, у меня и без того двадцать семь гавриков! Куда больше!

— А их у вас столько же и останется. Во время рождественских каникул Билла Стирнса сбила насмерть машина. Совершивший наезд скрылся.

— *Билли?*

Он увидел его так ясно, словно перед глазами была фотография выпускников. Уильямс Стирнс, один из немногих хороших учеников в этом классе. Сам не вызывался, но отвечал толково и с юмором. И вот он погиб. В пятнадцать лет. Вдруг повеяло собственной смертью — как сквознячком протянуло.

— Господи, какой ужас! Как все произошло?

— Полиция этим занимается. Он обменял в центральном магазине рождественский подарок. А когда ступил на проезжую часть Рампарт-стрит, его сбил старенький «форд-седан». Номерного знака никто не запомнил, но на дверце была надпись «Змеиный глаз». Почерк подростка.

— Господи! — снова вырвалось у Джима.

— Звонок, — сказал Симмонс и заспешил прочь. У фонтанчика с питьевой водой он разогнал стайку ребят.

Джим отправился на занятие, чувствуя себя совершенно опустошенным.

Дождавшись свободного урока, он открыл папку с личным делом Роберта Лоусона. Первая страница, зеленая, с печатью Милфорд Хай Скул, о которой Джим никогда раньше не слышал. Вторая — оценка общего развития. Интеллект — 78 баллов, немного. Соображает неважно. Трудовые навыки — тоже не блестяще. Вдобавок тест Барнета-Хадсона выявил антисоциальные тенденции. «Идеально вписывается в мой класс», — с горечью подумал Джим.

Дисциплинарная страница угрожающе заполнена. Что он только не вытворял, этот Лоусон!

Джим перевернул еще одну страницу, увидел фото и не поверил своим глазам. Внутри все похолодело. Роберт Лоусон с вызовом глядел с фотографии, словно позировал он не в актовом зале, а в полицейском участке. На подбородке у Лоусона была родинка, напоминающая спелую землянику.

Каких только резонов не приводил Джим перед седьмым уроком. И что парней с такими родинками пруд пруди. И что головорезу, пырнувшему ножом его брата, сейчас должно быть никак не меньше тридцати двух. Но когда он поднимался в класс, интуиция подсказывала другое. «То же самое и с тобой было накануне нервного срыва», — напоминал он себе, чувствуя во рту металлический привкус страха.

Перед кабинетом № 33, как всегда, околачивалась небольшая группка; кто-то, завидев учителя, вошел в класс, остальные с ухмылочками зашущукались. Рядом с Чипом Освеем стоял новенький в грубых «тракторах», последнем вопле моды.

— Иди в класс, Чип.

— Это что, приказ? — улыбнулся рыжий детина, глядя куда-то мимо.

— Приказ.

— Вы, кажется, вывели мне неуд, или я ошибаюсь?

— Ты не ошибаешься.

— Ну ладно... — остальное прозвучало неразборчиво.

Джим повернулся к Лоусону:

— Тебя, вероятно, следует ознакомить с нашими правилами.

— Валяйте, мистер Норман. — Правая бровь у парня была рассечена, и этот шрам Джим уже видел однажды. Определенно видел. Абсурд, бред... и тем не менее. Шестнадцать лет назад этот парень зарезал его брата.

Словно откуда-то издалека услышал он собственный голос, объясняющий школьные правила. Роберт Лоусон засунул большие пальцы рук за солдатский ремень и слушал его с улыбкой, то и дело кивая, как старому знакомому.

— Джим?
— Мм?
— У тебя неприятности?
— Нет.
— Что-нибудь с учениками в классе «Литература и жизнь?»
Без ответа.
— Джим?
— Нет.
— Может, ляжешь сегодня пораньше?
Если бы он мог уснуть!

Его опять мучили ночные кошмары. Когда этот тип с красной родинкой пырнул брата, он успел крикнуть Джиму вдогонку: «Следующий ты, малыш. Готовь пузишко».

Джим очнулся от собственного крика.

Он разбирал в классе «Повелителя мух» Голдинга и говорил о символике романа, когда Лоусон поднял руку.

— Да, Роберт? — голос Джима ничего не выражал.

— Что это вы меня так разглядываете?

Джим оторопело захлопал ресницами. В горле мгновенно пересохло.

— Может, я позеленел? Или у меня ширинка расстегнута?

Класс нервно захихикал.

— Я вас не разглядывал, мистер Лоусон, — возразил Джим все тем же ровным тоном. — Кстати, раз уж вы подали голос, скажите-ка нам, из-за чего поспорили Ральф с Джеком...

— Нет, разглядывали!

— Хотите, чтобы я отпустил вас к директору?

Лоусон на секунду задумался:

— Не-а.

— В таком случае расскажите нам, из-за чего...

— Да не читал я. Дурацкая книга.

Джим выдавил из себя улыбку:

— Вот как? Имейте в виду, вы судите книгу, а книга судит вас. Тогда, может быть, кто-то другой нам ответит, почему мнения мальчиков о звере сильно разошлись?

Кэти Славин робко подняла руку. Лоусон смерил ее презрительным взглядом и бросил пару слов Чипу Освею. Что-то вроде «ничего титьки?» Чип согласно кивнул.

— Мы тебя слушаем, Кэти.

— Наверно, потому, что Джек собирался устроить охоту на зверя?

— Молодец. — Он повернулся спиной к классу и начал писать на доске мелом. Мимо уха просвистел грейпфрут.

Джим резко обернулся. Некоторое тихо прыснули, лица же Освея и Лоусона выражали абсолютную невинность. Он поднял с пола увесистый плод.

— Затолкать бы это в глотку кое-кому, — слова относились к галерке.

Кэти Славин охнула.

Он швырнул грейпфрут в мусорную корзину и снова заскрипел мелом.

За чашкой кофе он развернул утреннюю газету, и сразу в глаза бросился заголовок в середине страницы. «О, Боже!» — его возглас прервал непринужденное щебетание жены. Казалось, в живот впились изнутри десятки заноз. Он прочел вслух заголовок:

— «Девушка разбивается насмерть».

А затем и сам текст:

— Вчера вечером Кэтрин Славин, семнадцатилетняя школьница из Хэролд Дэвис Хай Скул, выпала или была выброшена из окна многоквартирного дома, где она жила с матерью. По словам последней, ее дочь поднялась на крышу с кормом для голубей, которых она там держала. Анонимная женщина сообщила полиции, что трое каких-то парней пробежали по крыше без четверти семь, почти сразу после того, как тело девушки (продолжение на странице 3)...

— Джим, она случайно не из твоего класса?

Он не ответил жене, так как на время лишился дара речи.

Две недели спустя, после звонка на обед, его нагнал в холле Симмонс с папкой в руке, и у Джима упало сердце.

— Еще один новичок, — сказал он обреченно, опережая сообщение Симмонса. — Класс «Литература и жизнь».

У Сима брови поползли вверх:

— Как вы догадались?

Джим пожал плечами и протянул руку за личным делом.

— Мне надо бежать, — сказал Симмонс. — Летучка по оценке учебной программы. Джим, у вас такой видок, словно вы побывали под колесами машины. Вы как, в порядке?

Словно побывал под колесами машины, вот-вот. Как Билли Стирнс.

— В порядке.

— Так держать, — Симмонс похлопал его по спине и побежал дальше. А Джим открыл папку, заранее весь сжимаясь, как человек, ожидающий удара.

Однако лицо на фотографии ни о чем ему не говорило. Мог видеть его, мог и не видеть. Дэвид Гарсиа был массивного телосложения, темноволосый, с негроидными губами и полусонным выражением глаз. Он был тоже из Милфорд Хай Скул и еще два года провел в исправительной школе Грэнвилль. Сел за угон машины.

Джим закрыл папку. Пальцы у него слегка дрожали.

— Салли?

Она оторвала взгляд от гладильной доски. Джим уставился на экран телевизора невидящими глазами — транслировался баскетбольный матч.

— Нет, ничего. Это я так.

— Какая-нибудь скабрёзность? — сказала миссис Норман игриво.

Он выжал из себя улыбку и снова уставился на экран. С кончика языка уже готова была сорваться вся правда.

Но как о ней расскажешь? Ведь это даже не бред, хуже. С чего начать? С ночных кошмаров? С нервного срыва? С появления Роберта Лоусона?

Начать надо с Уэйна, его старшего брата.

Но он никогда и никому об этом не рассказывал, даже на сеансах групповой психотерапии. Он вспомнил свое полуобморочное состояние, когда они с Дэвидом Гарсией первый раз встретились глазами в холле. Да, на фотографии Гарсия показался ему незнакомым. Но фотография не все может передать... например, нервный тик.

Гарсия стоял рядом с Лоусоном и Чипом Освеем. Увидев мистера Нормана, он широко осклабился, и вдруг у него задергалось веко. В памяти Джима с необыкновенной отчетливостью зазвучали голоса:

— Ну что, шкет, сколько там у тебя в кармане?

— Ч-четыре цента.

— Врешь, щенок... гляди, Винни, обмочился!

— Джим? Ты что-то сказал? — спросила жена.

— Нет-нет, — отозвался он, вовсе не будучи в этом уверенным. Кажется, у него начинался озноб.

В первых числах февраля, после занятий, когда все преподаватели давно ушли из школы, он проверял в учительской сочинения. В десять минут пятого раздался стук в дверь. На пороге стоял Чип Освей, вид у него был довольно испуганный.

— Чип? — Джим постарался не выказать удивления.

Тот стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Можно с вами поговорить, мистер Норман?

— Можно. Но если насчет теста, ты напрасно тратишь...

— Нет, другое. Здесь, э, можно курить?

— Кури.

Освей чиркнул спичкой, при этом пальцы его заметно дрожали. С минуту он молчал — никак не мог начать. Губы беззвучно шевелились, глаза сузились до щелок. И вдруг его прорвало:

— Если до этого дойдет, поверьте, я ни при чем! Я не хочу иметь с ними никаких дел! Они шизанутые!

— Ты о ком, Чип?

— О Лоусоне и Гарсии. Они оба чокнутые.

— Собираются со мной расправиться, да? — Он уже знал ответ по тому, как подкатила привычная тошнотворная волна страха.

— Сначала они мне понравились, — продолжал Чип. — Мы прошвырнулись, выпили пивка. Тут я немножко приложил вас, сказал, как вы меня завалили. И что я еще отыграюсь. Это я так, для красного словца! Чтоб я сдох!

— Ну а они?

— Они это сразу подхватили. Стали расспрашивать, когда вы обычно уходите из школы, какая у вас машина, и все в таком духе. Я спросил, что они против вас имеют, а Гарсия мне: «Мы с ним старые знакомые...» Эй, что это с вами?

— Дым. — объяснил Норман внезапно осипшим голосом. — Не могу привыкнуть к сигаретному дыму.

Чип загасил сигарету.

— Я спросил, когда они с вами познакомились, и Боб Лоусон ответил, что я тогда еще мочился в пеленки. Загнул, да? Им же, как и мне, всего семнадцать...

— Дальше.

— Тогда Гарсия перегибается через стол и говорит мне: «Как ты собираешься отыгаться, если ты даже не знаешь, когда он уходит домой из этой дребаной школы?» «А я, — говорю, — проткну ему шины». — Чип поднял на Джима виноватый взгляд. — Я бы этого не стал делать, мистер Норман. Я это просто так сказал, от...

— От страха? — тихо спросил Джим.

— Да. Мне и сейчас не по себе.

— И как же они отнеслись к твоим намерениям?

Чип поежился.

— Боб Лоусон сказал: «И это все, на что ты способен, мудило гороховый?» Ну я ему, чтобы слабость не показывать: «А вы, — говорю, — что, способны отправить его на тот свет?» У Гарсии глаз задергался, он руку в карман — шелк, — а это финка. Я как увидел, сразу рванул оттуда.

— Когда это было, Чип?

— Вчера. Я теперь боюсь сидеть с ними в классе, мистер Норман.

— Ничего, — сказал Джим. — Ничего.

Он бессмысленно таращился на разложенные перед ним тетради.

— Что вы собираетесь делать? — любопытно спросил Чип.

— Не знаю, — честно признался Джим. — Я действительно не знаю.

К понедельнику он так и не принял решения. Первым побуждением было посвятить во все жену, но нет, он не мог этого сделать. Она бы смертельно перепугалась и все равно бы не поверила. Открыться Симмонсу? Тоже невозможно. Сим сочтет его сумасшедшим и, вероятно, будет недалек от истины. Пациент, участвовавший с Джимом в сеансах групповой психотерапии, сказал как-то раз, что пережить нервный срыв — это все равно что разбить вазу, а потом ее склеить. Впредь ты уже будешь брать ее с опаской. И живые цветы в нее не поставишь, потому что от воды могут разойтись склеенные швы.

Значит, я сумасшедший?

Но в таком случае Чип Освей тоже сумасшедший. Он подумал об этом, когда садился в машину, и даже немного воспрянул духом.

Как же он раньше не подумал! Лоусон и Гарсия угрожали ему в присутствии Чипа. Для суда, пожалуй, маловато, но чтобы отчислить из школы эту парочку — вполне достаточно... если, конечно, удастся заставить Чипа повторить его признание в кабинете директора. А почему бы и нет? Чип по-своему тоже заинтересован в том, чтобы его новых дружков отправили подальше.

Въезжая на артостоянку, Джим вспомнил о судьбе Билли Стирнса и Кэти Славин и наконец решился. Во время свободного урока он поднялся в офис и подошел к столу секретарши, которая в этот момент составляла списки отсутствовавших.

— Чип Освей в школе? — спросил он как бы между прочим.

— Чип?.. — лицо ее выражало сомнение.

— Вообще-то он Чарльз Освей, — поправился Джим. — А Чип — это кличка.

Секретарша просмотрела стопку бумаг и одну из них протянула Джиму.

— Сегодня он отсутствует, мистер Норман.

— Вы не дадите мне его домашний телефон?

Она намотала на карандаш прядку волос.

— Да, конечно, — и вынула из именной картотеки личную карточку.

Джим воспользовался ее аппаратом. На том конце провода долго не отвечали, и он уже хотел положить трубку, как вдруг услышал заспанный грубоватый голос:

— Да?

— Мистер Освей?

— Барри Освей умер шесть лет назад. А меня зовут Гери Денкинджер.

— Вы отчим Чипа Освея?

— Что он там натворил?

— Простите...

— Он сбежал. Вот я и спрашиваю: что он натворил?

— Насколько мне известно, ничего. Просто я хотел поговорить с ним. А вы не догадываетесь, где он?

— Я работаю в ночную смену, мистер. Мне некогда интересоваться его компанией.

— Но, может быть...

— Нет. Он прихватил с собой старенький чемодан и пятьдесят долларов, которые он выручил от продажи краденых автодеталей или наркотиков... я уж не знаю, чем они там промышляют. И взял курс на Сан-Франциско. Хипповать, наверное, собирается.

— Если узнаете о нем что-нибудь, позвоните мне, пожалуйста, в школу. Джим Норман, английское отделение.

— Ладно.

Джим положил трубку на рычаг. Секретарша одарила его дежурной улыбкой, но ответной улыбки не дождалась.

Через два дня в регистрационном журнале против имени Чипа Освея появилась запись: «Бросил школу». Джим приготовился к тому, что вот-вот на горизонте появится Симмонс с очередной папкой. Спустя неделю ему была вручена папка с личным делом новенького.

Он обреченно взглянул на фото. На этот раз никаких сомнений. Короткую стрижку сменили длинные волосы, но это был он, белобрысый. Винсент Кори. Для своих дружков — Винни. Он глядел с фотографии на Джима, кривя рот в нагловатой ухмылочке.

Джим шел на урок, чувствуя, как у него разрывается грудь. Перед доской объявлений стояли Лоусон, Гарсия и Винни Кори. Когда он приблизился, все трое повернулись, рот Винни растянулся в ухмылочке, но глаза были ледяными.

— Если не ошибаюсь, мистер Норман? Привет, Норм! Лоусон и Гарсия прыснули.

— Меня зовут мистер Норман, — сказал Джим, не замечая протянутой руки. — Запомнишь?

— Запомню. Как ваш брат?

Джим так и застыл. Он испугался, что не совладает с мочевым пузырем; в каком-то потаенном уголке мозга голос-призрак весело воскликнул: «Гляди, Винни, обмочился!»

— Что вы знаете о моем брате? — хрипло спросил он.

— Ничего, — ответил Винни. — Ничего особенного.

Все трое улыбнулись обезличенными улыбками. Прозвенел звонок, и они вразвалочку двинулись в класс.

Вечером, в десять часов, он зашел в аптеку-закусочную, чтобы позвонить из автомата.

— Оператор, соедините меня, пожалуйста, с полицейским участком в Стратфорде, Коннектикут. Нет, номера я не знаю.

Щелчки в трубке. Выясняют.

Полицейского звали Нелл. Уже тогда он был седоватый, на вид лет сорока пяти. Впрочем, детский взгляд

часто бывает ошибочным. Они с братом росли без отца, о чем каким-то образом узнал этот человек...

Зовите меня, мальчики, мистером Неллом.

В кафетерии братья съедали свои школьные завтраки, сложенные в пакеты. Мама давала каждому по никелевой монетке — на молоко; дело было еще до того, как в школах ввели бесплатную раздачу молока. Иногда в кафетерий заглядывал мистер Нелл, поскрипывая кожаным ремнем, из которого вываливалось брюшко, с револьвером 38-го калибра сбоку, и покупал им с братом по пирожку с секретом.

Где вы были, мистер Нелл, когда они убивали моего брата?

Наконец его соединили. Трубку сняли после первого звонка.

— Стратфордская полиция.

— Здравствуйте. Говорит Джеймс Норман. Я звоню из другого города. — Он сказал, из какого. — Вы не могли бы связать меня с каким-нибудь офицером, который служил у вас году в пятьдесят седьмом?

— Минуточку, мистер Норман.

Небольшая пауза, и новый голос в трубке:

— Говорит сержант Мортон Ливингстон. Кто вас интересуется, мистер Норман?

— В детстве мы звали его мистер Нелл, — сказал Джим. — Вам это что-нибудь...

— Еще бы! Дон Нелл на пенсии. Ему сейчас должно быть семьдесят три или семьдесят четыре.

— Он по-прежнему живет в Стратфорде?

— Да, на Барнем-авеню. Вам нужен адрес?

— И телефон, если можно.

— О'кей. Вы хорошо знали Дона?

— Он покупал нам с братом пирожки в «Стратфордском кафетерии».

— Вспомнили! Кафетерия уже лет десять как не существует. Обождите немного. — После короткой паузы он продиктовал ему адрес и телефон. Джим записал, поблагодарил, повесил трубку.

Он снова набрал 0, дал оператору номер телефона и стал ждать. Когда на том конце провода раздались гудки, он почувствовал горячий прилив крови и подался вперед, стараясь не глядеть на кран с питьевой водой — в двух шагах от него читала журнал пухлявая девочка.

Донесшийся из трубки мужской голос был звучен и отнюдь не стар: «Алло?» Одно это слово разворошило целый пласт воспоминаний и ощущений, таких же сильных, как и павловский условный рефлекс на какую-нибудь забытую мелодию.

— Мистер Нелл? Доналд Нелл?

— Да.

— Говорит Джеймс Норман. Вы случайно меня не помните?

— Как же, — тотчас отозвался голос. — Пирожки с секретом. Твоего брата убили... ножом. Жалко. Милый был мальчик.

Джим ткнулся лбом в стекло кабины. Напряжение вдруг ушло, и он почувствовал себя этакой тряпичной куклой. Он с трудом удержался, чтобы не выложить собеседнику все как есть.

— Тех, кто его убил, так и не поймали, мистер Нелл.

— Я знаю. У нас были ребята на примете. Если не ошибаюсь, мы даже устроили опознание.

— Имена при этом не назывались?

— Нет. На очной ставке к подозреваемым обращаются по номерам. А почему вас сейчас это интересует, мистер Норман?

— С вашего разрешения, я назову несколько имен. Вдруг какое-нибудь из них покажется вам знакомым.

— Сынок, прошло столько...

— А вдруг? — Джиму начинало отказывать самообладание. — Роберт Лоусон, Дэвид Гарсиа, Винсент Кори. Может быть, вы...

— Кори, — изменившимся голосом сказал мистер Нелл. — Да, помню. Винни по кличке Сенатор. Верно, он проходил у нас по этому делу. Мать доказала его алиби. Имя Роберта Лоусона мне ничего не говорит.

Слишком распространенное сочетание. А вот Гарсиа... что-то знакомое. Но что? Ч-черт. Старость не радость. — В его голосе звучала досада.

— Мистер Нелл, а можно отыскать какие-нибудь следы этих ребят?

— В любом случае сейчас это уже не ребята.

— *Вы уверены?*

— А что, Джимми, кто-то из них снова появился на твоём горизонте?

— Не знаю, как ответить. В последнее время происходят странные вещи, связанные с убийством брата.

— Что именно?

— Я не могу вам этого сказать, мистер Нелл. Вы решите, что я сошел с ума.

Реакция была быстрая, цепкая, жадная:

— А это не так?

Джим помолчал и ответил коротко:

— Нет.

— Ну хорошо, я проверю их досье в полицейском архиве. Как с тобой связаться?

Джим дал свой домашний телефон.

— Вы меня наверняка застанете вечером во вторник.

Вообще-то он вечером всегда был дома, но по вторникам Салли уходила в гончарную студию.

— Чем ты занимаешься, Джимми?

— Преподаю в школе.

— Ясно. Тебе придется, вероятно, подождать пару дней. Я ведь уже на пенсии.

— По голосу не скажешь.

— Ты бы на меня посмотрел! — раздался смешок в трубке. — ты по-прежнему любишь пирожки с секретом, Джимми?

— Спрашиваете. — Это была ложь. Он терпеть не мог всяких пирожков.

— Приятно слышать. Ну что ж, если вопросов больше нет, я тебе...

— Еще один. В Стратфорде есть Милфордская средняя школа?

— Не знаю такой.

— Но я своими глазами...

— С таким названием у нас есть только кладбище — туда ведет Эш Хайтс Роуд, и, насколько мне известно, из стен этой школы еще никто не выходил, — смех у мистера Нелла был сухой и напоминал гроыхание костей в гробу.

— Спасибо вам, — сказал Джим. — Всего доброго.

Мистер Нелл положил трубку. Оператор попросил Джима опустить шестьдесят центов, что он и сделал автоматически. Затем он повернулся... и увидел обезображенное, расплющенное о стекло лицо, увидел неестественно белый плоский нос и такие же белые суставы пальцев, заключавших это лицо в подобие рамки.

Это ему улыбался Винни, прижавшись к кабине телефона-автомата.

Джим закричал.

Урок. Класс писал сочинение. Все потели над своими листками, натужно выдавливая из себя какие-то слова. Все, кроме троих. Роберта Лоусона, сидевшего на месте сбитого машиной Билли Стирнса, Дэвида Гарсиа, занявшего место выброшенной из окна Кэти Славин, и Винни Кори, восседавшего за партой ударившегося в бега Чипа Освея. Не обращая внимания на лежащие перед ними чистые листки, все трое откровенно разглядывали учителя.

Перед самым звонком Джим тихо сказал:

— Вы не задержитесь на минуту после урока, мистер Кори?

— Как скажешь, Норм.

Лоусон и Гарсиа громко заржали, все остальные отмалчивались. Не успел отзвенеть звонок, как ученики бросили сочинения на стол преподавателя, и всех их словно корова языком слизала. Лоусон и Гарсиа задержались в дверях, и у Джима неприятно потянуло низ живота.

Неужели сейчас?

Но тут Лоусон бросил Винни:

— Увидимся позже.

— Ладно.

И эта парочка вышла. Лоусон прикрыл дверь, а Дэвид Гарсиа заорал: «Норм жрет птичий корм!» Винни поглядел на дверь, потом на Джима и улыбнулся:

— Я уж думал, вы не решитесь.

— Вот как?

— Что, отец, напугал я вас вчера в телефонной будке?

— Никто уже не говорит «отец». Это давно уже не шик-модерн, Винни. Так же как само словечко «шик-модерн». Весь этот молодежный сленг приказал долго жить. Вместе с Бадди Холли.

— Как хочу, так и говорю, — буркнул Винни.

— А где четвертый? Где рыжий?

— Мы разбежались, дядя, — за нарочитой небрежностью сквозила настороженность, и Джим это сразу уловил.

— Он ведь жив, не так ли? Потому его и нет здесь. Он жив, и сейчас ему года тридцать два — тридцать три. И тебе было бы столько же, если бы...

— Этот зануда? — оборвал его Винни. — Было бы о ком говорить. — Он развалился за учительским столом, изрезанным всевозможными художествами; глаза заблестели. — А я тебя хорошо помню во время очной ставки. Я думал, ты со страху обделаешься, когда ты увидел меня и Дэйви. У меня ведь, дядя, дурной глаз.

— Я не сомневаюсь, — сказал Джим. — Шестнадцать лет ночных кошмаров тебе мало? И почему сегодня? И почему я?

На какой-то миг Винни растерялся, но затем лицо его озарила улыбка:

— Потому что с тобой, дядя, мы тогда не разобрались. Зато сейчас мы тебя сделаем.

— Где вы были? Где вы были все это время?

Винни поджал губы:

— А вот об этом помалкивай, усек?

— Тебе вырыли яму, Винни, ведь так? Три метра под землей. На Милфордском кладбище. Среди других...

— Заткнись!

Винни вскочил на ноги, переворачивая стол.

— Вам со мной будет не просто, — предупредил Джим. — Я постараюсь, чтобы вам со мной было не просто.

— Мы тебя сделаем, отец, чтобы ты сам все узнал про эту яму.

— Убирайся.

— А может, и твою женушку сделаем.

— Тронь только ее, поганец, и я тебя... — Джим слепо пошел на него, испытывая одновременно ужас и свою беспомощность перед этой новой угрозой.

Винни ухмыльнулся и двинулся к выходу.

— Расслабься, папаша, а то пупок развяжется, — хотнул он.

— Только тронь ее, и я тебя прикончу.

Винни улыбнулся еще шире:

— Прикончишь? Меня? Ты разве не понял, что я давно мертвый?

Он вышел из класса. Эхо его шагов еще долго звучало в коридоре.

— Что ты читаешь, дорогой?

Джим перевернул книгу переплетом к жене, чтобы та могла прочесть название: «Вызывающий демонов».

— Фу, гадость. — Она отвернулась к зеркалу поправить прическу.

— На обратном пути возьми такси?

— Зачем. Всего четыре квартала. Прогуляюсь — для фигуры полезнее.

— Одну из моих учениц остановили на Саммер-стрит, — соврал он. — Вероятно, хотели изнасиловать.

— Правда? Кого же это?

— Диану Сноу, — назвал он первое пришедшее на ум имя. — Учти, она не паникерша. Так что ты лучше возьми такси, хорошо?

— Хорошо. — Она присела перед ним, взяла его голову в ладони и заглянула в глаза. — Джим, что происходит?

— Ничего.
— Неправда. Что-то происходит.
— Ничего серьезного.
— Это как-то связано с твоим братом?
На него вдруг повеяло могильным холодком.
— С чего ты взяла?
— Прошлой ночью ты стонал во сне, приговаривая:
«Беги, Уэйн, беги».
— Пустяки.
Но он лукавил, и они оба это знали. Салли ушла.
В четверть девятого позвонил мистер Нелл.
— Насчет этих ребят ты можешь быть спокоен, —
сказал он. — Все они умерли.
— Да? — Он разговаривал, заложив пальцем только
что прочитанное место в книге.
— Разбились на машине. Через полгода после того, как
убили твоего брата. Их преследовала патрульная. За
рулем, если тебе это интересно, был Фрэнк Саймон.
Сейчас он работает у Сикорского. Получает, надо думать,
приличные деньги.
— Так они разбились?
— Их машина потеряла управление и на скорости в
сто с лишним врезалась в опору линии электропередачи.
Пока отключили электроэнергию, они успели хорошо
прожариться.
Джим закрыл глаза.
— Вы видели протокол?
— Собственными глазами.
— О машине что-нибудь известно?
— Краденая.
— И все?
— Черный «форд-седан» 1954 года, на боку надпись
«Змеиный глаз». Между прочим, не лишено смысла.
Представляю, как они там извивались.
— Мистер Нелл, у них еще был четвертый на подхвате.
Имени не помню, а кличка Крашеный.
— Так это Чарли Спондер, — тотчас отреагировал
Нелл. — Он, помнится, однажды выкрасил волосы кло-

роксом и стал весь белополосатый, а когда попытался вернуть прежний цвет, полосы сделались рыжими.

— А чем он занимается сейчас, не знаете?

— Делает карьеру в армии. Записался добровольцем в пятьдесят восьмом или пятьдесят девятом, после того, как обрюхатил кого-то из местных барышень.

— И как его найти?

— Его мать живет в Стратфорде, она, я думаю, в курсе.

— Вы дадите мне ее адрес?

— Нет, Джимми, не дам. Не дам, пока ты мне не скажешь, что у тебя на уме.

— Не могу, мистер Нелл. Вы решите, что я псих.

— А если нет?

— Все равно не могу.

— Как знаешь, сынок.

— Тогда, может быть, вы мне...

Отбой.

— Ах ты, сукин сын, — Джим положил трубку на рычаг. Тут же раздался звонок, и он отдернул руку, точно обжегся. Он таращился на телефонный аппарат, тяжело дыша. Три звонка, четыре. Он снял трубку. Послушал. Закрыв глаза.

По дороге в больницу его нагнала полицейская машина и умчалась вперед с воем сирены. В реанимационной сидел врач с щетинкой на верхней губе, похожей на зубную щетку. Врач посмотрел на Джима темными, ничего не выражающими глазами.

— Извините, я Джеймс Норман, я хотел бы...

— Мне очень жаль, мистер Норман, но ваша жена умерла в четыре минуты десятого.

Он был близок к обмороку. В ушах звенело, окружающие предметы казались далекими и расплывчатыми. Взгляд блуждал по сторонам, натываясь на выложенные зеленым кафелем стены, каталку, освещенную флюоресцентными лампами, медсестру в смятом чепце. *Пора его крахмалить, барышня.* У выхода из реанимационной, привалясь к стене, стоял санитар в грязном халате,

забрызганном спереди кровью. Санитар чистил ногти перочинным ножом. На секунду он прервал это занятие и поднял на Джима насмешливые глаза. Это был Дэвид Гарсиа.

Джим потерял сознание.

Похороны. Словно балет в трех частях: дом — траурный зал — кладбище. Лица, возникающие из ниоткуда и вновь уходящие в никуда. Мать Салли, чья черная вуаль не могла скрыть струящихся по щекам слез. Отец Салли, постаревший, точно обухом ударенный. Симмонс. Другие сослуживцы. Они подходили, представлялись, пожимали ему руку. Он кивал и тут же забывал их имена. Женщины принесли кое-какую снедь, а одна дама даже испекла огромный яблочный пирог, от которого кто-то сразу отрезал кусок, и когда Джим вошел в кухню, он увидел, как взрезанный пирог истекает янтарным соком, и подумал: «Она б его еще украсила ванильным мороженным».

Руки-ноги дрожали, так и подмывало размазать пирог по стенке.

Когда гости засобирались, он вдруг увидел себя со стороны, словно в любительском фильме. Увидел, как пожимает всем руки и кивает головой и приговаривает: «Спасибо... Да, постараюсь... Спасибо... Да, ей там будет хорошо... Спасибо...»

Гости ушли, и дом снова оказался в его распоряжении. Он остановился перед камином. Здесь были расставлены безделицы, скопившиеся за их совместную жизнь. Песик с глазками-бусинками, выигранный Салли в лотерею во время их свадебного путешествия на Кони Айленд. Две папки в кожаном переплете — его и ее университетские дипломы. Пластиковые игральные кости совершенно невероятного размера — Салли подарила их ему, после того как он просадил шестнадцать долларов в покер. Чашка тонкого фарфора, приобретенная женой на дешевой распродаже в Кливленде. И в самой середине — свадебная фотография. Он перевернул ее лицом вниз и уселся перед

выключенным телевизором. В голове у него начал созревать план.

Зазвонивший через час телефон вывел его из дремы. Он потянулся за трубкой.

— Следующий ты, Норм.

— Винни?

— Мы ее шлепнули, как глиняную мишень в тире. Щелк — дзинь.

— Я буду ночью в школе, ты меня понял? Комната 33. Свет включать не стану. Темно будет, как тогда в тоннеле. И с поездом я постараюсь что-нибудь придумать.

— Что дядя, не терпится поскорее закруглиться?

— Да, — сказал Джим. — Так что приходите.

— Может быть.

— Придете, — сказал Джим и повесил трубку.

Когда он подъехал к школе, уже почти стемнело. Он поставил машину и на привычное место, отпер своим личным ключом заднюю дверь и поднялся в офис английского отделения на втором этаже. В офисе он открыл шкаф с пластинками и, перебрав около половины, нашел нужную: «Звуковые эффекты». На третьей дорожке стороны А была запись под названием «Товарный поезд 3:04». Он положил пластинку на крышку переносного проигрывателя и достал из кармана плаща захваченную из дома книгу. Нашел отмеченное место, перечитал, покивал головой. Выключил свет.

Комната 33.

Он установил динамики на максимальном удалении друг от друга и завел пластинку. Внезапно все пространство заполнили пытящие и лязгающие звуки локомотива.

Закрыв глаза, он без труда перенесся мысленно в тоннель, где перед ним, стоящим на коленях, разворачивалась жестокая драма с неотвратимым финалом.

От открыл глаза, снял пластинку, поколебавшись, снова поставил. Нашел в книге главу «Как вызвать злых

духов?» Читал, шевеля губами, прерываясь лишь затем, чтобы достать из кармана и выложить на стол различные предметы.

Старая с заломами кодаковская фотография, запечатлевшая их с братом на лужайке перед многоквартирным домом на Брод-стрит, где они тогда жили. Оба стрижены под ежик, оба смущенно улыбаются в фотообъектив... Баночка с кровью. Ему пришлось изловить бродячую кошку и перерезать ей горло перочинным ножом... А вот и нож... И наконец впитавшая пот полоска материи, споротая с бейсбольной кепки участника розыгрыша Детской Лиги. Кепка его брата Уэйна. Джим сохранял ее в тайной надежде, что Салли родит ему сына и тот однажды наденет кепочку своего дяди.

Он подошел к окну. На стоянке для машин ни души.

Он начал сдвигать парты к стене, освобождая посреди комнаты пространство в виде круга. Затем вытащил из ящика своего стола мелок и с помощью измерительной линейки начертил на полу пентаграмму по образцу той, что была приведена в книге.

Он перевел дыхание, выключил свет, сложил все предметы в одну руку и начал творить молитву:

— Князь тьмы, услышь мою грешную душу. Я тот, кто обещает жертву. Я прошу твоей черной награды за свою жертву. Я тот, чья левая рука жаждет мести. Вот кровь как залог будущей жертвы.

Он отвинтил крышку с баночки из-под арахисового масла и плеснул кровью в середину пентаграммы.

В погруженном в темноту классе что-то произошло. Это трудно было объяснить, но воздух сделался каким-то спертым. Стало труднее дышать, в горле и в животе словно застряли обломки железа. Глубокое безмолвие наливалось чем-то незримым.

Он действовал так, как предписывал старинный ритуал.

Возникло ощущение, как на гигантской электростанции, куда он водил своих учеников, — будто воздух наэлектризован и вибрирует. Вдруг голос, неожиданно низкий и неприятный, обратился к нему:

— Что ты просишь?

Он и сам не знал, действительно ли он услышал этот голос или ему показалось, что слышит. Он коротко ответил.

— Невелика награда, — был ему ответ. — Твоя жертва?

Джим произнес два слова.

— Оба, — прошептал голос. — Правый и левый. Согласен?

— Да.

— Тогда отдай мне мое.

Он открыл складной нож, положил на стол правую пятерню и четырьмя короткими ударами отхватил себе указательный палец. Классный журнал залила кровь. Боли не было. Он переложил нож в другую руку. С левым пальцем пришлось повозиться. наконец оба обрубка полетели в сторону пентаграммы. Полыхнул огонь — такую вспышку давал магний у фотографов начала века. «И никакого дыма, — отметил он про себя. — Никакого запаха серы».

— Что ты с собой принес?

— Фотокарточку. Полоску материи, пропитанную потом.

— Пот это хорошо, — в голосе прозвучала алчность, от которой у Джима пробежали мурашки по коже. — Давай их сюда.

Джим швырнул туда же оба предмета. Новая вспышка.

— Это то, что нужно, — сказал голос.

— Если они придут, — уточнил Джим.

Отклика не последовало. Голос безмолвствовал... если он вообще не пригрезился. Джим склонился над пентаграммой. Фотокарточка почернела и обуглилась. Полоска материи исчезла.

С улицы донесся нарастающий рев. Рокерский мотоцикл с глушителем свернул на Дэвис-стрит и стал быстро приближаться. Джим вслушивался: проедет мимо или затормозит?

Затормозил.

На лестнице слышались гулкие шаги.

Визгливый смех Роберта Лоусона, чье-то шиканье и снова визгливый смех. Шаги приближались, теряя свою гулкость, и вот с треском распахнулась стеклянная дверь на второй этаж.

— Йо-хо-хо, Норми! — закричал фальцетом Дэвид Гарсиа.

— Норми, ты тут? — театральным шепотом спросил Лоусон и снова взвизгнул. — Пупсик, ку-ку!

Винни отмалчивался, но на стене холла отчетливо вырисовывались три тени. Винни, самый высокий, держал в руке вытянутый предмет. После легкого щелчка предмет еще больше вытянулся.

Они остановились в дверном проеме. Каждый был вооружен ножом.

— Вот мы и пришли, дядя, — тихо сказал Винни. — Вот мы и пришли по твою душу.

Джим запустил пластинку.

— А! — Гарсиа подскочил от неожиданности. — Что такое?

Товарный поезд, казалось, вот-вот ворвется в класс. Стены сотрясались от грохота. Казалось, звуки вырываются не из динамиков, а из холла.

— Что-то мне это не нравится, — сказал Лоусон.

— Поздно, — сказал Винни и, шагнув вперед, помахал перед собой. — Гони монету, отец.

...уидем...

Гарсиа попятился:

— За каким чертом...

Но Винни был настроен решительно, и если глаза его что-то выражали, то только мстительную радость. Он сделал знак своим друзьям рассредоточиться.

— Ну что, шкет, сколько у тебя там в кармане? — вдруг спросил Гарсиа.

— Четыре цента, — ответил Джим. Это была правда — он извлек их из копилки, стоявшей дома в спальне. Монетки были отчеканены не позднее пятьдесят шестого года.

— Врешь, щенок.

...не трогайте его...

Лоусон глянул через плечо, и глаза у него округлились: стены комнаты расползались, как туман. Товарняк оглушительно взвыл. Уличный фонарь на стоянке машин зажегся красным светом, таким же ярким, как мигающая реклама на здании Барретс Компани.

Из пентаграммы выступила фигурка... мальчик лет двенадцати, стриженный под ежик.

Гарсиа рванулся вперед и заехал Джиму в зубы. В лицо томушибануло чесноком и итальянскими макаронами. Удара Джим не почувствовал, все воспринималось им как в замедленной съемке.

Внезапная тяжесть в области паха заставила его опустить взгляд: по штанам расползлось темное пятно.

— Гляди, Винни, обмочился! — крикнул Лоусон. Тон был верный, но лицо выражало ужас — лицо ожившей марионетки, вдруг осознавшей, что ее по-прежнему дергают за ниточки.

— Не трогайте его, — сказал «Уэйн», но голос был не Уэйна — этот холодный алчный голос уже ранее доносился из пентаграммы. — Беги, Джимми! Беги, беги, беги!

Он упал на колени, и чья-то пятерня успела скользнуть по его спине в поисках добычи.

Он поднял глаза и увидел искаженную ненавистью физиономию Винни, который всаживает нож под сердце своей жертве... и в тот же миг чернеет, обугливается, превращается в чудовищную пародию на самого себя.

Через мгновение от него не осталось и следа.

Гарсиа и Лоусон тоже нанесли по удару — и тоже в корчах, почернев, бесследно исчезли.

Он лежал на полу, задыхаясь. Громыхание товарняка сходило на нет.

На него сверху вниз смотрел старший брат.

— Уэйн? — выдохнул Джим почти беззвучно.

Черты «брата» растекались, таяли. Глаза желтели. Злобная ухмылка искривила рот.

— Я еще вернусь, Джим, — словно холодом обдал голос.

Видение исчезло.

Джим медленно поднялся, изуродованной рукой выключил проигрыватель. Потрогал распухшую губу — она кровоточила. Он выключил свет и убедился, что комната пуста. Он выглянул из окна: на автостоянке тоже было пусто, если не считать металлической накладки, на блестящей поверхности которой отраженная луна точно передразнивала настоящую. Пахло затхлостью и сыростью — как в склепе. Он стер пентаграмму и принялся расставлять по местам парты. Адски ныли пальцы... бывшие пальцы. Надо будет обратиться к врачу. Он прикрыл за собой дверь и начал спускаться по лестнице, прижимая к груди израненные руки. На середине лестницы что-то — то ли тень, то ли шестое чувство — заставило его резко обернуться.

Некто неразличимый отпрянул в темноту.

Вспомнилось предостережение в книге «Вызывающий демонов» о подстерегающей опасности. Да, при известной удаче можно вызвать демонов. Можно заставить их выполнить какое-то поручение. Если повезет, можно даже благополучно от них избавиться.

Но иногда они возвращаются.

Джим спускался по лестнице и задавал себе один вопрос: что если этот кошмар повторится?

БАЛЛАДА
О БЛУЖДАЮЩЕЙ
ПУЛЕ

БАЛЛАДА О БЛУЖДАЮЩЕЙ ПУЛЕ

Пикник начался. Он удался, всего было вдоволь: напитки, шашлык, превосходный салат и особая приправа Мэг. Начали они в пять. Сейчас было уже восемь тридцать, и почти стемнело. В большой вечеринке к этому времени обычно делается довольно шумно, но это не была большая вечеринка. Их было только пятеро: литературный агент и его жена, знаменитый молодой писатель и его жена, а также редактор журнала, которому было немного за шестьдесят, но выглядел он старше. Редактор пил только содовую. Агент сказал писателю перед приездом редактора, что когда-то тот чуть не стал алкоголиком. Но сейчас эта проблема исчезла, и вместе с ней исчезла его жена. Вот почему их было только пять, а не шесть.

Они сидели на открытом воздухе позади дома молодого писателя, прямо напротив озера. Постепенно темнело, но вместо того, чтобы начать вести себя шумно и раскованно, все погрузилось в состояние сосредоточенности и самоуглубленности. Первый роман молодого писателя получил хорошую прессу и неплохо расхodziлся. Он был счастливым и знал об этом.

С неприятной шутливостью разговор перешел с раннего успеха молодого писателя на других писателей, рано заставивших себя заметить, но потом покончивших жизнь самоубийством. Упомянули Росса Локриджа и Тома Хагена. Жена агента вспомнила Сильвию Платт и Анну Секстон, а молодой писатель заметил, что, по его мнению, Платт никогда не пользовалась особым успехом. Она не совершала самоубийства из-за успеха, — сказал он, —

она приобрела успех после самоубийства. Литературный агент улыбнулся.

«Пожалуйста, не могли бы мы переменить тему», — попросила слегка занервничавшая жена молодого писателя.

Игнорируя ее, агент сказал: «И безумие. Многие сошли с ума из-за своего успеха». Голос агента обладал мягкими, но вместе с тем рокочущими модуляциями отставного актера.

Жена молодого писателя собралась было снова протестовать — она знала, что ее муж слишком часто думает о подобных вещах — но тут вдруг заговорил редактор журнала. То, что он сказал, было таким странным, что она забыла о своем протесте.

«Безумие — это блуждающая пуля».

Жена агента выглядела изумленной. Молодой писатель подался вперед с любопытством. «Что-то знакомое», — сказал он.

«Ну разумеется», — сказал редактор. «Сама фраза «блуждающая пуля», сам этот образ принадлежит Марианне Мур. По-моему, он относился к автомобилю или к чему-то в этом роде. Мне всегда казалось, что он очень точно соответствует состоянию безумия. Безумие — это нечто вроде самоубийства сознания. Не утверждают ли доктора, что единственный способ постичь смерть — это представить ее как смерть сознания? Безумие — это блуждающая пуля, которая попадает в мозг».

«Кто-нибудь хочет еще выпить?» — перебила жена писателя. Никто не хотел.

«Ну а я выпью, если уж мы собираемся говорить о таких вещах», — сказала она и отошла, чтобы приготовить себе коктейль.

Редактор сказал: «Мне на рассмотрение поступил однажды рассказ. Это было, когда я работал в «Логане». Конечно, сейчас его уже нет, как нет и «Колье» и «Сетеди Ивнинг Пост», но мы продержались дольше всех», — сказал он с гордостью в голосе. «Мы публиковали тридцать шесть рассказов в год, а иногда даже больше, и каждый год четыре или пять из них попадали в списки лучших

рассказов года. И люди *читали* их. Как бы то ни было, назывался этот рассказ «Баллада о блуждающей пуле», и написал его человек по имени Рэг Торп. Молодой человек, примерно того же возраста, что и наш писатель, и имевший почти такой же успех».

«Это он написал «Антиподов»? Не так ли?» — спросила жена агента.

«Да. Удивительный успех для первого романа. Прекрасная пресса. Книга прекрасно расходилась и в твердой и в мягкой обложке. Даже фильм получился неплохим, хотя и не таким хорошим, как книга. Ничего похожего».

«Мне очень понравилась эта книга», — сказала жена писателя, снова вовлеченная в разговор несмотря на все свои предосторожности. У нее был удивленный и удовлетворенный вид человека, который только что вспомнил то, что никак не мог вспомнить много лет. «Он написал что-нибудь с тех пор? Я прочла «Антиподов» еще в колледже, и это было... было слишком давно, чтобы помнить об этом».

«Вы не стали старше ни на один день с тех пор», — сердечно сказала жена агента, хотя про себя она подумала, что жена писателя одета, пожалуй, в слишком туго обтягивающие фигуру шорты.

«Нет, с тех пор он ничего не написал», — сказал редактор. «За исключением того самого рассказа, о котором я говорю. Он убил себя. Сошел с ума и убил себя».

«Ох», — безнадежно вздохнула жена молодого писателя. «Опять об *этом*».

«Рассказ был опубликован?» — спросил молодой писатель.

«Нет, но не потому, что автор сошел с ума и убил себя. Он никогда не попал в печать, потому что *редактор* сошел с ума и *чуть* не убил себя».

Агент внезапно встал, чтобы налить себе еще, хотя бокал его и так был почти полон.

Он знал о том, что у редактора был приступ временного умопомешательства летом 1969 года, незадолго перед тем, как «Логан» прекратил свое существование.

«И я был этим редактором», — сказал редактор во всеуслышание. «В каком-то смысле мы вместе сошли с ума, Рэг Торп и я, хотя я в то время был в Нью-Йорке, а он в Омахе, и мы никогда не встречались друг с другом. Книга его тогда уже шесть месяцев как вышла, и его послали туда «подлечиться», как принято тогда было выражаться. Я узнал об этом, случайно встретив в Нью-Йорке его жену. Она рисует, и неплохо. Ей повезло. Он чуть не забрал ее с собой».

Агент вернулся и сел. «Я начинаю вспоминать эту историю», — сказал он. «Он ведь стрелял не в свою жену, а в двух каких-то других людей? По-моему, один из них был ребенком».

«Все так», — сказал редактор. «Это был тот самый ребенок, из-за которого он и покончил с собой».

«Покончил с собой из-за ребенка?» — спросила жена агента. «Что вы хотите этим сказать?»

На лице редактора было написано, что не следует его перебивать. Он все расскажет, но не надо задавать лишних вопросов.

«Я знаю эту историю, потому что сам пережил все это», — сказал редактор журнала. «Мне тоже повезло. Чертовски повезло. Интересная штука с теми, кто пытается застрелиться выстрелом в голову. Вам кажется, что это сработает наверняка, лучше, чем травиться таблетками и резать вены. Но на самом деле это не так. Никогда не знаешь, что с тобой случится, если выстрелить себе в голову. Пуля может срикошетить от черепа и убить кого-нибудь другого. А может просто скользнуть по черепу, не причинив почти никакого вреда. А может и застрять в мозгу, не убив вас, но лишив зрения. Один парень выстрелил себе в лоб из тридцать восьмого калибра и очнулся в госпитале. Другой выстрелил в лоб из двадцать второго, и очнулся в аду... если он, конечно, существует. Мне лично кажется, что он расположен где-то здесь, на земле. Возможно, в Нью-Джерси».

Жена писателя засмеялась несколько резко.

«Единственный надежный метод самоубийства заключается в том, чтобы шагнуть в пропасть с очень высокого

здания. Только окончательно решившиеся люди выбирают его. Слишком много хлопот, не так ли?»

«Я хочу сказать вот что: когда в твой мозг попадает блуждающая пуля, ты не знаешь, что с тобой произойдет. Я лично съехал с моста и очнулся на замусоренной набережной. Водитель грузовика бил меня по спине и делал мне искусственное дыхание с такой энергией, словно у него было только двадцать четыре часа для того, чтобы набрать хорошую спортивную форму, и он принял меня за тренажер для гребли. Для Рэга пуля оказалась смертельной. Он... Впрочем, я уже рассказываю вам историю, даже не спросив о том, желаете ли вы ее слушать».

В сгущающихся сумерках он посмотрел на них вquisительно. Агент и его жена неуверенно переглянулись, а жена писателя уже собиралась было сказать, что у них уже достаточно было разговоров на мрачные темы, но в этот момент ее муж сказал: «Мне хотелось бы услышать эту историю. Если у вас только нет каких-нибудь личных поводов молчать обо всем этом».

«Я никогда не рассказывал ее», — сказал редактор, — «но не по личным поводам. Может быть, мне просто не попадались подходящие слушатели».

«Тогда рассказывайте», — сказал писатель.

«Пол...» Жена положила руку ему на плечо. «Не кажется ли тебе, что...»

«Не сейчас, Мэг».

Редактор начал:

«Рассказ пришел к нам самотеком, а в то время «Логан» уже не печатал рукописи без чьих-нибудь рекомендаций. Когда такие рукописи поступали, девушка просто запечатывала их в конверт и отправляла обратно со вложенным бланком: «В связи с возрастающими затратами и возрастающей неспособностью штата редакции справиться со все возрастающим потоком рукописей, «Логан» больше не рассматривает рукописи без рекомендаций. Желаем вам напечататься где-нибудь в другом месте». Прекрасный образец бюрократической графомании, не правда ли? Не так-то легко использовать слово «возрастающий» три раза в одном предложении, но им удалось это сделать».

«А если не был вложен конверт для ответа», — спросил писатель, — «рукопись выбрасывали в корзину для бумаг? Так?»

«Совершенно точно. Без всяких сантиментов».

Странное выражение напряженности промелькнуло на лице писателя. Это было выражение лица человека, который попал в логово к тиграм, где уже с дюжину более сильных и храбрых людей были разорваны на клочки. Пока еще этот человек не заметил ни одного тигра, но он чувствует, что они где-то рядом и клыки их по-прежнему остры.

«Как бы то ни было», — сказал редактор, доставая свой портсигар, — «рассказ поступил к нам, и девушка из почтового отдела уже прикрепила формальный отказ к первой странице рукописи и собиралась запечатать ее в конверт, но взглянула мельком на фамилию автора. Что ж, она читала «Антиподов». В то время их все прочли, или еще читали, или стояли в библиотеке в очереди на эту книжку, или перерывали в магазинчиках груды изданий в мягкой обложке».

Жена писателя, заметившая мгновенную напряженность на лице мужа, взяла его за руку. Он улыбнулся ей. Редактор щелкнул своей ронсоновской золотой зажигалкой, чтобы поджечь сигарету, и в сгустившихся сумерках все они могли заметить, каким постаревшим выглядело его лицо — обвисшие мешки под глазами, обрюзгшие щеки, старческий подбородок, выступающий вперед как нос корабля. Этот корабль, — подумал писатель, — называется старость. Никто особенно не желает на нем путешествовать, но каюты всегда переполнены. Да и трюм тоже, если уж на то пошло.

Огонек зажигалки потух, и редактор сосредоточенно затаился.

«Девушка из почтового отдела, прочитавшая этот рассказ и передавшая его по цепочке вместо того, чтобы выбросить, сейчас служит одним из главных редакторов у «Путнама и Сыновьев». Имя ее не имеет значения, имеет значение, что на огромном графике жизни ее вектор пересекался с вектором Рэга Торпа в почтовом отделе

журнала «Логан». Ее вектор шел вверх, его — вниз. Она послала рассказ своему начальнику, а он переслал его мне. Я прочитал его, и мне он очень понравился. Он был довольно длинным, но я отметил места, где можно было безболезненно сократить слов пятьсот. Этого было вполне достаточно».

«О чем он был?» — спросил писатель.

«Не стоит даже спрашивать», — сказал редактор. «Тема рассказа прекрасно вписывается в контекст сегодняшнего разговора».

«О том, как сходят с ума?»

«Да, разумеется. Чему обычно учат в колледже начинающих писателей? Писать о том, что хорошо знаешь. Рэг Торп знал о том, как сходят с ума, потому что сам сходил с ума в то время. Возможно, рассказ понравился мне потому, что я сам двигался в том же направлении. Сейчас можно смело утверждать, что американские читатели не желают больше иметь дело с очередным рассказом о том, как весь мир сходит с ума и рушатся связи между людьми. Очень популярные темы в литературе двадцатого века. Все классики к ним обращались, и в результате они захватаны до невозможности. Но этот рассказ был забавным. Я хочу сказать, действительно смешным.

«Никогда раньше я не читал ничего подобного, и потом ничего похожего мне не встречалось. Ближе всего к нему были некоторые рассказы Ф.Скота Фицджеральда... и «Гетсби». Парень из рассказа Торпа сходил с ума, но все это было как-то ужасно забавно. Я все время улыбался, и там была пара таких мест — место, где герой выливает известковый раствор на голову толстухе, было лучшим — читая которые, я не мог удержаться от громкого хохота. Но бывает нервный смех, вы знаете. Вы смеетесь, а потом оглядываетесь через плечо, чтобы посмотреть, не слышит ли кто вас. Внутренняя противоречивость этого рассказа буквально потрясла меня. Чем больше вы смеялись, тем сильнее вы нервничали. А чем больше нервничали, тем сильнее вы смеялись... вплоть до того места, где герой возвращается с вечеринки, данной в его честь, и убивает свою жену и маленькую дочку».

«Каков же сюжет?» — спросил агент.

«Сюжет не имеет значения», — сказал редактор. «Это просто рассказ о молодом человеке, который не может справиться с последствиями своего успеха. Лучше не пересказывать его. Подробный пересказ сюжета всегда скучен и утомителен. Так всегда бывает».

«Как бы то ни было, я написал ему письмо. Там говорилось: «Дорогой Рэг Торп. Я только что прочитал «Балладу о блуждающей пуле», и, по-моему, это великолепная вещь. Я хотел бы опубликовать ее в «Логане» в начале следующего года, если это вам подходит. Как вы отнесетесь к гонорару в восемьсот долларов? Оплата по принятию рукописи». Следующий абзац».

Редактор прочертил сигаретой зигзаг в вечернем воздухе.

«Рассказ немного длинноват, и я попросил бы вас сократить его на пятьсот слов, если это возможно. Я бы удовлетворился и двумястами словами, если нет другого выхода. Мы всегда можем выбросить карикатуры. Вы можете позвонить мне». Внизу я поставил подпись и письмо отправилось в Омаху».

«Вы что, дословно помните его?» — спросила жена писателя.

«Я хранил всю корреспонденцию в отдельной папке. Его письма и копии своих. К концу набралась солидная стопка, в том числе там было три или четыре письма от Джейн Торп, его жены. Я часто перечитывал эту папку. Безрезультатно, разумеется. Пытаться понять, что такое блуждающая пуля, это примерно то же самое, что и пытаться разобраться, как у ленты Мебиуса может быть только одна сторона. Вот как обстоят дела в лучшем из всех возможных миров. Да, я помню почти все эти письма слово в слово. Ну что ж, есть люди, которые помнят наизусть Декларацию независимости».

«И он позвонил вам на следующий день», — сказал агент, улыбаясь.

«Нет, не позвонил. Некоторое время спустя после «Антиподов» Торп вообще перестал пользоваться телефоном. Его жена сказала мне об этом. Когда они переехали

в Омаху из Нью-Йорка, они даже не поставили телефон в своем новом жилище. Видите ли, ему пришлось в голову, что телефонная связь работает не на электричестве, а на радиии. Он полагал, что это одна из двух или трех очень тщательно сохраняемых мировых тайн. Он заявил своей жене, что именно из-за радия растет число раковых заболеваний, а не из-за сигарет, автомобильных выхлопов или промышленного загрязнения. В трубку каждого телефона вставлен маленький радиевый кристалл, и каждый раз, когда вы говорите по телефону, вы получаете большую дозу радиации».

«Да он совсем помешался», — вырвалось у писателя, и все засмеялись.

«Он написал мне», — сказал редактор, отбрасывая окурочек в направлении озера. «Вот что было в его письме: «Дорогой Хенри Уилсон (или просто Хенри, если вы не против)! Ваше письмо приятно взволновало меня, и еще большее удовольствие доставило моей жене. Деньги — это прекрасно... хотя, если честно, сам факт публикации в «Логане» кажется мне более чем достаточным вознаграждением (но я возьму их, возьму). Я просмотрел ваши предложения по сокращениям, и согласен с ними. Они улучшат рассказ и позволят освободить место для этих ваших карикатур. С наилучшими пожеланиями, Рэг Торп».

«Под его подписью был маленький забавный рисунок. Скорее даже машинально нацарапанный набросок. Глаз в пирамиде, как на долларовых банкнотах. Но вместо «Novus Ordo Seclorum» на знамени внизу было написано «Fornit Some Fornus».

«Что-то по латыни или из Гручо Маркса», — сказала жена агента.

«Просто одно из проявлений возрастающей эксцентричности Рэга Торпа», — сказал редактор. «Жена сказала мне, что он начал верить в «маленький народец», нечто вроде эльфов или фей. Они были добрыми духами, и он думал, что один из них живет в его пишущей машинке».

«О Боже мой», — сказала жена писателя.

«Торп считал, что у каждого форнита есть небольшое устройство, нечто вроде бесшумного ружья, заряженного... порошком счастья — я думаю, так это следует называть. А порошок счастья...»

«... назывался форнус», — закончил писатель, широко улыбнувшись.

«Да. И его жене это тоже казалось очень забавным. Поначалу. Она ведь думала сначала — Торп выдумал форнитов за два года до того, еще когда только задумывал «Антиподов» — что Рэг просто подшучивает над ней. И, возможно, так оно сначала и было. Сначала это было выдумкой, потом суеверием, а потом непоколебимой верой. Это была... блуждающая фантазия. Но кончилось все это плохо. Очень плохо».

Все сидели в молчании. Улыбки исчезли с лиц.

«У форнитов была своя смешная сторона», — сказал редактор. «Машинка Торпа стала очень часто ломаться в конце их пребывания в Нью-Йорке и на новом месте в Омахе. Он взял машинку напрокат, когда отдал свою в починку после первой поломки в Омахе. После того, как Рэг получил свою машинку обратно, через несколько дней ему позвонил менеджер и сказал, что пришлет счет за чистку обеих машинок».

«В чем там с ними было дело?» — спросила жена агента.

«Мне кажется, я догадываюсь», — сказала жена писателя.

«Они были набиты едой», — пояснил редактор. «Крошечными кусочками пирожных и печенья. А клавиатура была вся вымазана арахисовым маслом. Рэг кормил форнита в своей машинке. Он также совал еду во взятую напрокат машинку на тот случай, если форнит переселился в нее».

«Как маленький ребенок», — сказал писатель.

«Вы понимаете, что тогда я ни о чем об этом не подозревал. Я написал ему ответ, чтобы сообщить, как я рад. Секретарша напечатала письмо и принесла мне его на подпись, а сама куда-то вышла. Я подписал его, но она не возвращалась. И тогда — сам не знаю зачем — я нацарапал такой же рисунок под подписью. Пирамида.

Глаз. И «Fornit Some Fornus». Безумие. Секретарша увидела рисунок и спросила, отсылать ли письмо в таком виде. Я пожал плечами и сказал, чтоб отсылала».

«Через два дня мне позвонила Джейн Торп. Она сказала мне, что письмо очень взволновало Рэга. Рэг подумал, что он нашел родственную душу... еще одного человека, который знает о существовании форнитов. Видите, какое сложилось идиотское положение? Форнит в то время мог оказаться для меня чем угодно, от искалеченной обезьянки, потерявшей правую руку, до польского ножа для мясных блюд. Как впрочем и фортус. Я объяснил Джейн, что я просто скопировал собственный рисунок Рэга. Она захотела узнать, почему. Я замял вопрос, хотя настоящим ответом на него было бы признание, что я был очень пьян, когда подписывал письмо».

Он сделал паузу, и неприятное молчание воцарилось на лужайке. Все стали смотреть на небо, на озеро, на деревья, хотя за последние одну-две минуты в них не произошло никаких интересных изменений.

«Я пил в течение всей моей взрослой жизни, и я не могу установить, когда это начало выходить из-под контроля. В первый раз я обычно выпивал за ланчем и возвращался в редакцию слегка навеселе. Работе это, однако, не мешало. И только когда я выпивал после работы, сначала в поезде, а потом и дома, я уже был не в состоянии соображать».

«У меня и у моей жены были проблемы, никак не связанные с тем, что пью, но мое пьянство делало эти проблемы неразрешимыми. Она долго собиралась от меня уйти, и за неделю до того, как пришел рассказ Торпа, она привела свое намерение в исполнение».

«Я как раз пытался примириться с этим, когда получил рассказ Торпа. Я пил слишком много. И к тому же у меня был — я думаю, сейчас это принято называть кризисом в середине жизненного пути. В то время я просто чувствовал, что моя профессиональная жизнь так же угнетает меня, как и личная. Я боролся — или, по крайней мере, пытался бороться со все возрастающим чувством, что редактирование массовой литературы, которую будут чи-

тать нервничающие пациенты зубного врача, домохозяйки во время ланча и заскучавший студент колледжа, это не вполне достойное занятие. Я, и не только я один, боролся с мыслью о том, что через шесть, или десять, или четырнадцать месяцев вообще никакого «Логана» не будет существовать».

«И вот в этот скучный, тоскливый, осенний пейзаж, в котором я оказался пройдя свою жизнь до половины, попал очень хороший рассказ очень хорошего писателя, забавный, энергичный взгляд на механизм сумасшествия. Словно сквозь тучи прорвался луч солнечного света. Я знаю, это звучит довольно странно применительно к истории, главный герой которой в конце концов убивает свою жену и дочку, но если вы спросите у редактора, в чем заключается наивысшее наслаждение, он ответит вам, что оно — в том моменте, когда к вам на стол, как роскошный рождественский подарок, неожиданно ложится великий рассказ или роман. Помните рассказ Ширли Джэксон «Лотерея»? Он заканчивается на самой трагической ноте, которую только можно себе представить. Помните, как они выводят эту милую женщину и забивают ее камнями до смерти. И сын, и дочь ее участвуют в этом убийстве, убийстве во имя Христа. Но это был великий рассказ... и я готов держать пари, что тот редактор «Нью-Йоркера», который первым прочитал его, возвращался в тот день домой насвистывая.

«Я хочу сказать, что именно в тот момент рассказ Торпа оказался самым радостным событием в моей жизни. Единственным светлым пятном. И как я понял из разговора с его женой в тот день, мое письмо по поводу скорого напечатания его рассказа было единственным светлым пятном в его жизни в то время. Отношения редактора и автора всегда являются чем-то вроде взаимного паразитирования, но в случае со мной и Рэгом это паразитирование зашло слишком далеко».

«Давайте вернемся к Джейн Торп», — сказала жена писателя.

«Да, я как-то забыл о ней, не правда ли? Она очень сердилась на меня за рисунок. Сначала. Я сказал ей, что

нацарапал этот рисунок, понятия не имея о его значении, и извинился за свою возможную, но неизвестную мне вину».

«Она поборолa свой гнев и выложила мне все. Она беспокоилась все больше и больше, и ни с кем не могла это обсудить. Ее родители умерли, а все друзья остались в Нью-Йорке. Рэг никого не впускал в дом. Это налоговая служба, — говорил он, — или ФБР, или ЦРУ. Через некоторое время после приезда в Омаху к двери дома подошла девочка, продающая печенье. Рэг завопил на нее, велел ей убираться, сказал, что знает, зачем она сюда пришла... Она указала ему на то, что девочке только десять лет. Рэг ответил ей, что у налоговых инспекторов нет ни совести, ни сердца. И кроме того, — добавил он, может быть, это не девочка, а андроид. Андроиды не подчиняются законам о детском труде. Он вполне может себе представить, как шпионы засылают к нему андроида с кристаллами радия, чтобы выяснить, не скрывает ли он от них какие-нибудь секреты... и чтобы нащиповать его раковыми лучами».

«Боже мой», — вздохнула жена агента.

«Она ждала дружеского участия, и я был первым человеком, от которого она получила его. Я выслушал историю об андроиде, выяснил все о кормлении форнитов и об уходе за ними, о фортуне, о том, как Рэг отказывается пользоваться телефоном. Она разговаривала со мной из телефона-автомата, расположенного в пяти кварталах от дома в аптеке. Она сказала мне, что боится, что на самом деле Рэг опасается не налоговой службы, не ФБР и не ЦРУ. Ей казалось, что в действительности он боится *Их*, некоей расплывчатой, анонимной группы, которая ненавидит его, ни перед чем не остановится, чтобы достать его, знает о его форните и стремится убить его. Если форнита убьют, то не будет больше романов, не будет больше рассказов, ничего больше не будет. Понимаете? Вот в чем сущность безумия. *Они* стремятся достать его. Ни ФБР, ни ЦРУ, просто *Они*. Идеальная параноидальная идея. *Они* хотят убить его форнита».

«Боже мой, и что же вы сказали ей?» — спросил агент.

«Я попытался успокоить ее», — ответил редактор. «И вот я, только что вернувшись с ланча, сопровождавшегося пятью martini, говорил с этой испуганной женщиной, забившейся в аптечную телефонную будку в Омахе, и пытался объяснить ей, что все в порядке, что не стоит беспокоиться о том, что ее муж верит в существование кристаллов радия в телефонных трубках и в банду незнакомцев, подсылающих к нему шпиона — андроида, и не надо обращать внимание на то, что ее муж настолько отделил свой дар от своего сознания, что верит в существование какого-то эльфа в своей пишущей машинке».

«Не думаю, что мне удалось ее убедить».

«Она просила меня — нет, умоляла меня, чтобы я поработал с Рэгом над его рассказом и чтобы его напечатали. Она не произнесла этого, но я понял: для нее «Блуждающая пуля» была последним мостиком, который соединял ее мужа с тем, что мы насмешливо называем реальностью».

«Я спросил ее, что мне делать, если Рэг опять упомянет форнитов. «Потакать ему во всем», — сказала она. Именно так и сказала — потакать ему во всем. А затем она повесила трубку».

«На следующий день по почте от Рэга пришло письмо — пять страниц, напечатанных через один интервал. Первый абзац был о рассказе. Он писал, что второй вариант продвигается хорошо. Он был уверен, что ему удастся сократить около семисот слов из исходных десяти тысяч пятисот».

«Все остальное письмо было о форнитах и о фортнессе. Его собственные наблюдения и вопросы... дюжины вопросов».

«Наблюдения?» — писатель подался вперед. «Так он их действительно видел?»

«Нет», — сказал редактор. «В буквальном смысле слова он их не видел, но в ином смысле... мне кажется, да. Вы ведь знаете, что астрономам было известно о существовании Плутона задолго до того, как были сконструированы достаточно мощные телескопы, чтобы увидеть его. Они узнали о нем, изучая орбиту Нептуна. Также и Рэг изучал

форнитов. Обратил ли я внимание, что они любят есть по вечерам? — спрашивал он меня. Он давал им еду в течение целого дня, но заметил, что исчезает она чаще всего после восьми вечера».

«Галлюцинация?» — спросил писатель.

«Нет», — сказал редактор. «Просто его жена выгребала еду из пишущей машинки, когда Рэг выходил на вечернюю прогулку. А он выходил на прогулку каждый вечер в девять часов».

«Что же она на вас так нападала?» — проворчал агент. Он поудобнее разместил свое массивное тело в шезлонге. «Она же сама питала фантазии этого бедняги».

«Вы не понимаете, почему она позвонила мне и почему была так расстроена», — сказал редактор спокойно. Он посмотрел на жену писателя. «Вам, я уверен, это должно быть понятно, Мэг».

«Может быть», — ответила она и скосила глаза на своего мужа. «Она рассердилась не из-за того, что вы подыграли его фантазиям. Она боялась, что вы можете разрушить их».

«Браво», — редактор зажег новую сигарету. «И еду она убирала по той же причине. Если бы еда не исчезала бы из машинки, Рэг пришел бы к логическому выводу, основанному на абсолютно алогичной предпосылке. А именно, что его форнит умер или покинул его. А значит, не будет и форнуса. А значит, он не сможет больше писать. А значит...»

Редактор позволил сигаретному дыму унести вдаль последние слова и продолжил.

«Он думал, что форниты бодрствуют по ночам. Им не нравится шум — он заметил, что не может писать на следующее утро после шумных вечеринок, они ненавидят телевизор, они ненавидят электричество. Они ненавидят радиий. Рэг продал телевизор за двадцать долларов и выбросил электронные часы с радиевым циферблатом, — так он писал мне. Затем вопросы. Как я узнал о форнитах? Живет ли у меня форнит дома? Если да, то что я думаю по поводу того и этого? Я думаю, можно не уточнять. Если вы когда-нибудь покупали породистую собаку и

можете вспомнить те вопросы, которые вы задавали по поводу кормления и ухода за ней, то вы знаете почти все те вопросы, которые задал мне Рэг. Один небрежный рисунок под моей подписью открыл ящик Пандоры».

«Что вы ему ответили?» — спросил агент.

Редактор медленно произнес: «Вот когда началось настоящее бедствие. И для него, и для меня. Джейн просила потакать ему во всем, я так и поступал. К несчастью, я даже переусердствовал. Я писал ему ответ дома и был очень пьян. Квартира казалась мне такой пустой. Воздух был спертый, пахло застоявшимся сигаретным дымом. Вещи пришли в полный упадок после ухода Сандры. Покрывало на кровати сбилось. Раковина была полна грязной посуды, и все в таком же роде. Человек средних лет, неспособный поддерживать свой дом в порядке».

«И вот я сел за пишущую машинку и заправил лист собственной почтовой бумаги. И я подумал: *мне нужен форнит. В действительности, мне нужна дюжина форнитов, чтобы усыпать весь этот одинокий дом форну-сом.* В тот момент я был достаточно пьян, чтобы позавидовать иллюзии Рэга Торпа».

«Разумеется, я написал Рэгу, что у меня есть форнит. Я написал, что мой удивительно напоминает его по всем свойствам. Бодрствует ночью. Ненавидит громкий шум, но, по-моему, любит Баха и Брамса... Лучше всего мне работалось вечерами под их музыку, — писал я. Я обнаружил, что мой форнит отдает безусловное предпочтение болонской копченой колбасе... пробовал ли Рэг давать ее своему форниту? Я просто оставлял кусочки на своем рабочем месте, и к утру они почти всегда исчезали. Если, конечно, предыдущим вечером я не был в шумном месте. Я написал, что рад узнать о радие, хотя у меня и не было наручных часов со светящимися цифрами. Я написал ему, что форнит со мной с колледжа. Я так увлекся своим изобретением, что исписал почти шесть страниц. В конце я добавил какие-то формальные замечания по поводу рассказа и поставил подпись».

«А внизу под подписью?» — спросила жена агента.

«Ну разумеется. Fornit Some Fornus». Он сделал паузу. «Вы не видите в темноте мое лицо, но я могу признаться вам, что краснею. Я был так пьян. Я был так *самодоволен*... Возможно, утром мою голову посетили бы более трезвые мысли, но к тому времени было уже поздно».

«Вы отправили письмо накануне?» — пробормотал писатель.

«Да, отправил. А потом, в течение полутора недель я ждал, затаив дыхание. Потом ко мне пришла рукопись, но в конверт не было вложено письма. Сокращения были сделаны в соответствии с моими пожеланиями, и я подумал, что теперь рассказ идеально подходит по объему. Но рукопись была... Короче, я положил ее в портфель, отнес домой и сам перепечатал. Все страницы были покрыты странными желтыми пятнами. Я подумал...»

«Моча?» — спросил агент.

«Да, именно это я и подумал. Но это не была моча. А когда я пришел домой, в почтовом ящике меня ждало письмо от Рэга. На этот раз на десяти страницах. С желтыми пятнами. Он не нашел болонской копченой колбасы и попробовал другой сорт».

«Он написал, что им очень понравилось. Особенно с горчицей».

«В тот день я был трезв, как стеклышко, но его письмо в сочетании с этими трогательными пятнами горчицы на страницах рукописи побудило меня напиться».

«Что еще было написано в письме?» — спросила жена агента. Рассказ захватывал ее все больше и больше, и она подалась вперед, вытянув голову над своим солидным брюшком и напомнив жене писателя Снупи, который стоит у своей конуры, изображая хищную птицу.

«Только две строчки о рассказе на этот раз. Все письмо посвящено форниту... и мне. Болонская колбаса — это была действительно прекрасная идея. Рэкну она очень понравилась, и благодаря...»

«Рэкну?» — спросил писатель.

«Так звали его форнита», — пояснил редактор. «Рэкн. И благодаря болонской колбасе Рэкн помог ему переде-

лать рассказ. На остальных страницах был сплошной параноидальный бред. Вам в жизни не приходилось читать ничего подобного».

«Рэг и Рэкн... брак, составленный на небесах», — сказала жена писателя и нервно хихикнула.

«О, нет, совсем нет», — возразил редактор. «У них были чисто деловые отношения. И кроме того Рэкн был мужского пола».

«Ну что ж, расскажите нам о письме».

«Это одно из немногих писем, которые я не помню наизусть. Тем лучше для вас. Даже ненормальность может надоесть после некоторого времени. Почтальон работает на ЦРУ. Мальчик, продающий газеты, — на ФБР. Рэг заметил револьвер с глушителем у него в сумке среди газет. Соседи были шпионами. У них в фургоне была установлена аппаратура для слежки. Он уже не может ходить в магазин на углу за продуктами, потому что его хозяин — андроид. Он написал, что подозревал об этом и раньше, но теперь он абсолютно уверен. Он заметил проводки под кожей у него на лысине. И уровень радиации у него дома возрос: по ночам он видит в комнатах тусклое, зеленоватое свечение».

«Кончалось его письмо так: «Я надеюсь, вы ответите мне и расскажете о том, как у вас (и у вашего форнита) складывается ситуация с *врагами*. Хенри, мне кажется, наша встреча не может быть совпадением. Я назвал бы ее спасательным кругом, брошенным рукой (Бога? Провидения? Судьбы? Вставьте ваш собственный термин) в последний момент».

«Трудно в одиночестве так долго выносить натиск тысяч *врагов*. И наконец, я узнаю, что я не один... не будет ли слишком сказать, что общность нашего опыта стоит на пути между мной и полным уничтожением? По-моему, нет. Я должен знать: преследуют ли враги вашего форнита так же, как они преследуют Рэкна? Если да, то как вы с ними справляетесь? Если нет, то как вы думаете, *почему*? Повторяю: *я должен это знать*».

«Под письмом стоял уже знакомый значок, а еще ниже был постскрипtum. Одно предложение. Но с почти леталь-

ным исходом. В постскриптуме было написано: «Иногда я задумываюсь о моей жене».

«Я перечитал письмо три раза. За это время я выпил бутылку «Черного Бархата». Я начал прикидывать, как ответить на письмо. Было очевидно, что это — крик утопающего о помощи. Рассказ помогал ему более или менее держать себя в руках, но он был уже дописан. Сейчас я должен был помочь ему удержаться. Что было совершенно закономерно, раз уж я вляпался во все это».

«Я ходил по дому, по всем опустевшим комнатам. И вынимал все электроприборы из розеток. Напоминаю, я был пьян, а в таком состоянии внушаемость неизмеримо повышается. Вот почему редактора и адвокаты выпивают за ланчем три коктейля, прежде чем начать деловые переговоры».

Агент разразился неприятным смехом, но настроение оставалось скованным и чувствовалась какая-то напряженность.

«И помните о том, что Рэг Торп был великим писателем. Он был абсолютно уверен в том, что говорит. ФБР. ЦРУ. *Они. Враги.* У некоторых писателей есть очень редкий дар охлаждать свою прозу тем сильнее, чем более страстно они относятся к ее содержанию. У Стейнбека, у Хемингуэя и у Рэга Торпа был этот дар. Когда вы попадали в его мир, все вокруг выглядело очень логично. Как только вы принимали исходную предпосылку о существовании форнита, вам было очень легко поверить, что у торгующего газетами мальчика *действительно* лежит в сумке револьвер тридцать восьмого калибра с глушителем. Что соседи-студенты с фургоном *действительно* могут оказаться агентами КГБ с капсулами яда в коренных зубах и с секретным заданием убить Рэкна».

«Конечно, я не верил в исходную предпосылку. Но рассуждать логически было так трудно. И я вынимал вилки из розеток. Сначала цветной телевизор, так как все знают, что он действительно является источником радиации. В «Логане» мы напечатали статью ученого с безупречной репутацией, в которой он утверждал, что радиация, исходящая от домашнего телевизора, вторгалась в биотоки

мозга достаточно сильно, чтобы исказить их незначительно, но постоянно. Он утверждал, что с этим связан упадок успеваемости в начальной школе. Что ж, в конце концов, именно маленькие дети сидят ближе всего к телевизору».

«Так что я выключил телевизор, и это действительно прояснило мои мысли. Мне стало настолько лучше, что я отключил радио, тостер, стиральную машину, сушильный шкаф. Потом я вспомнил про микроволновую печь и отключил и ее. Я действительно почувствовал облегчение, когда выдернул чертовы зубья этой штуковины. Это была одна из старых моделей, размером чуть ли не с целый дом, и, возможно, она действительно была опасна. Надо будет на днях защититься от них понадежнее».

«Мне пришло в голову, как много вещей в обычном, среднем доме вставляются в сеть. Я представил себе омерзительного электрического осьминога, щупальца которого, сделанные из кабелей, протянулись по всем стенам и соединяются с проводами на улице, а те в свою очередь ведут к электростанциям, которыми управляет правительство».

«Пока я делал все эти вещи, в моем сознании происходило любопытное раздвоение», — продолжал редактор, прервавшись, чтобы сделать глоток из своего бокала. «В сущности, я подчинился суеверному импульсу. Существует множество людей, которые никогда не пройдут под приставной лестницей и не откроют зонтик в комнате. Есть баскетбольные игроки, которые крестятся перед выполнением штрафных бросков, и бейсбольные игроки, которые меняют носки после травмы. Наше рациональное сознание сопровождается плохим стереоаккомпаниментом нашего иррационального бессознательного. Поставленный перед необходимостью определить, что же такое «иррациональное бессознательное», я скажу, что это небольшая, обитая войлоком комнатка, в которой стоит один только небольшой карточный столик, на котором лежит одна только вещь — револьвер, заряженный блуждающими пулями».

«Когда вы сворачиваете, чтобы обойти приставную лестницу или выходите из дома под дождь со сложенным зонтиком, одна часть вашего целостного «я» отслаивается,

заходит в эту комнатку и берет пистолет со стола. Вы можете поймать себя на двух противоречивых мыслях: *пройти под лестницей неопасно и обойти лестницу также неопасно*. Но как только лестница позади, или как только зонтик раскрыт, ваше «я» вновь соединяется в единое целое».

«Это очень интересно», — сказал писатель. «Не могли бы вы объяснить мне, когда же иррациональная часть нашего «я» перестает дурачиться с револьвером и по-настоящему спускает курок?»

«Когда человек начинает писать письма в газету, требуя, чтобы все приставные лестницы были уничтожены, так как ходить под ними опасно».

Раздался смех.

«Раз уж до этого дошло, мы должны расставить все по своим местам. Иррациональное «я» спускает курок немного позже, когда человек начинает носиться по городу, сшибая лестницы и, возможно, наносить увечья людям, которые на них работают. Если человек обходит приставные лестницы, вместо того, чтобы пройти под ними, то это еще ни о чем не говорит. Нельзя считать сумасшедшим и человека, который пишет письма в газету, в которых заявляет, что город Нью-Йорк разрушен из-за того, что все, кому не лень, неосмотрительно шляются под приставными лестницами. Но сбивать на землю лестницы — это уже сумасшествие».

«Потому что это делается открыто», — пробормотал писатель.

«Вы знаете, что-то в этом есть, Хенри», — сказал агент. «Как-то я узнал, что нельзя зажигать три сигареты одной спичкой. Не знаю даже откуда. Затем я узнал, что это пошло из окопов Первой мировой войны. Немецкие снайперы словно поджидали того момента, когда англичане начнут прикуривать от одной спички. После первой сигареты вы слышали звук выстрела. После второй вы чувствовали, как снаряд проносится мимо. А после третьей вам сносило голову. Но знание об этом ничуть не изменило меня. Я так и не могу зажечь три сигареты от одной спички. Одна часть моего «я» говорит мне, что я могу

зажечь хоть двадцать сигарет от одной спички. Но другая часть — тот самый зловещий голос, своего рода Бори Карлофф внутри нас — говорит при этом: *«Попробуй только сделай так, и тогда...»*

«Но ведь сумасшествие и суеверие — это не одно и то же?» — робко спросила жена писателя.

«Вы полагаете?» — сказал редактор. «Жанна д'Арк слышала голоса с неба. Некоторые люди думают, что ими владеют демоны. Другие видят злых духов... или чертей... или форнитов. Те слова, которыми мы описываем безумие, подразумевают существование суеверия в той или иной форме. Мания... ненормальность... иррациональность... лунатизм... безумие. Для сумасшедшего реальность искажена. Целостное «я» восстанавливается, но обнаруживает себя в той самой маленькой комнатке с револьвером».

«Но в тот момент рациональная часть моего «я» была все еще со мной. Кровоточащая, покрытая синяками и сильно испуганная, но все еще на своем месте. Она говорила: «Все в порядке. Слава Богу, завтра, когда ты протрезвеешь, ты сможешь вставить все вилки обратно в розетки. Играй в свои игры, если тебе так хочется. Но не больше. Не заходи слишком далеко».

«Рациональный голос моего «я» был испуган не зря. В нашей душе есть что-то такое, что непреодолимо влечет нас к безумию. Каждый, кто смотрит вниз с края крыши высокого здания, чувствует хотя бы слабое болезненное желание прыгнуть вниз. И каждый, кто хотя бы один раз приставлял заряженный револьвер к виску...»

«Ой, не надо», — воскликнула жена писателя. «Пожалуйста, не надо».

«Хорошо», — сказал редактор. «Я просто хочу сказать, что даже очень благополучный человек всегда имеет безумие у себя под боком. Я абсолютно уверен в этом. Рациональность вшита в наш мозг на живую нитку».

«Отсоединив все приборы, я отправился в кабинет, написал Рэгу Торпу письмо, запечатал его в конверт, наклеил марки, вышел с ним на улицу и отправил его. Я не помню, как я совершал все эти операции. Я был

слишком пьян. Но я сделал вывод, что я все-таки совершил их, так как утром я обнаружил рядом с машинкой копирку, марки и коробку с конвертами. Письмо было достойно того состояния, в котором я его написал. Оно сводилось к тому, что врагов привлекают не только форниты, но и электричество. Избавьтесь от электричества, и вы избавитесь от врагов. «Чертово электричество может управлять нашими мыслями, Рэг. Контроль над биотоками мозга. Есть ли у твоей жены миксер?»

«Похоже, вы начали писать письма в газету», — сказал писатель.

«Да. Я написал это письмо в пятницу вечером. В субботу утром я проснулся в одиннадцать часов и лишь смутно помнил, что я натворил прошлым вечером. Жесточайшие уколы стыда, когда я подключал все приборы. Еще более жестокие уколы стыда — и страха — когда я прочел копию своего письма Рэгу. Я перерыл весь дом в поисках оригинала, изо всех сил надеясь, что не отправил его. Но я отправил его. Весь день я обдумывал свое решение бросить пить. Я был уверен, что брошу».

«В следующую среду пришло письмо от Рэга. Одна страничка от руки. Знакомые значки испещряли страницу. В середине было написано: «Ты был прав. Спасибо, спасибо, спасибо. Рэг. Ты был прав. Теперь все в порядке. Рэг. Огромное спасибо. Рэг. Форнит чувствует себя хорошо. Рэг. Спасибо. Рэг».

«О Боже мой», — сказала жена писателя.

«Держу пари, его жена была в бешенстве», — сказала жена агента.

«Она не была в бешенстве. Потому что это сработало».

«Сработало?» — переспросил агент.

«Он получил мое письмо в понедельник с утренней почтой. В понедельник днем он пошел в контору энергетической подстанции и попросил отключить ему электроэнергию. Джейн Торп, разумеется, билась в истерике. У нее была электрическая плита, у нее действительно был миксер, швейная машина, комбайн для мытья и сушки посуды... короче, вы понимаете. К вечеру понедельника, я уверен, она готова была оторвать мне голову».

«Но поведение Рэга убедило ее в том, что я был настоящим волшебником, а не таким же сумасшедшим, как ее муж. Он усадил ее в гостиной и поговорил с ней абсолютно разумно. Он сказал, что знает, что его поведение может показаться странным. Он знал, что она будет обеспокоена. Он сказал ей, что чувствует себя значительно лучше, когда электроэнергия отключена и что он поможет ей преодолеть все трудности, этим вызванные. А потом предложил зайти поболтать к соседям».

«Уж не к агентам ли КГБ с целым фургоном радия?» — спросил писатель.

«Именно. Джейн была абсолютно сражена. Она согласилась пойти с ним, но, как она потом призналась мне, готовила себя к какой-нибудь отвратительной сцене. Обвинения, угрозы, истерия. Она собралась уже бросить Рэга, если ему не станет лучше. Она сказала мне по телефону в тот вечер, что дала себе обещание: отключение электричества — это предпоследняя капля в чаше ее терпения. После последней капли она уедет в Нью-Йорк. Она начинала бояться. Его умопомешательство зашло так далеко, что его почти невозможно было выносить дальше. Она любила его, но даже для нее это было уже слишком. Она сказала себе, что бросит ухаживать за ним, если он скажет хоть одно странное слово соседям-студентам. Позже я обнаружил, что она к тому времени уже наводила справки в Небраске по поводу заключения Рэга в сумасшедший дом».

«Бедная женщина», — тихо сказала жена писателя.

«Но вечер вышел потрясающе успешным», — сказал редактор. «Рэг употребил все свое обаяние, и, по словам Джейн, он действительно был очень обаятельным. Она не видела его таким года три. Скрытность и мрачность исчезли. Не было больше нервных подергиваний. Он больше не подскакивал невольно и не оборачивался в ужасе, когда кто-нибудь открывал дверь. Он пил пиво и беседовал о последних новостях, которые обычно обсуждались в те мрачные, тусклые дни, — о войне, о том, найдутся ли добровольцы, о волнениях в городах и тому подобном».

«Всплыл тот факт, что он является автором «Антиподов». Все были поражены. Трое или четверо из них читали этот роман, и, держу пари, остальные не стали задерживаться по пути в библиотеку».

Писатель засмеялся и кивнул. Ему подобные ситуации были хорошо знакомы.

«Итак», — сказал редактор. «Мы ненадолго оставим Рэга Торпа с его женой, без электроэнергии, но счастливее, чем когда бы то ни было за долгое, долгое время...»

«Хорошо, что он не пользовался электрической машинкой», — вставил агент.

«... и вернемся к Редактору. Прошло две недели. Лето кончалось. Редактор, разумеется, не раз нарушил данное себе обещание не пить, но все-таки ему удавалось сохранять вполне приличный вид. Дни шли своим чередом. На мысе Кеннеди готовились к запуску человека на Луну. На стендах в магазинах был выставлен новый номер «Логана» с Джоном Линдсеем на обложке, и как всегда его почти никто не покупал. Я заполнил бланк договора на рассказ «Баллада о блуждающей пуле», автор — Рэг Торп, право на первую публикацию в периодической печати, предполагаемая публикация — январь 1970 года, предполагаемая сумма — восемьсот долларов (в то время это была стандартная цена за ведущий рассказ номера)».

«Меня вызвал мой начальник, Джим Дохеган. Не могли бы я зайти к нему? Я рысью вбежал в его кабинет в десять часов утра, в своей наилучшей форме. И только потом я вспомнил, что у Джейни Моррисон, его секретарши, был абсолютно похоронный вид».

«Я сел и спросил у Джима, чем я ему могу быть полезен, или он — мне? Не могу отрицать, что имя Рэга Торпа мелькнуло у меня в голове. Хороший рассказ был большой удачей для «Логана», и я ожидал услышать несколько поздравлений на этот счет. Так что вы можете себе представить, как ошарашен я был, когда он пододвинул ко мне два заполненных договора. На рассказ Торпа и новеллу Джона Апдайка, которую мы планировали сделать ведущим материалом февральского номера. На обоих договорах стоял штамп «Не утверждаю».

«Я посмотрел на отвергнутые договоры. Я посмотрел на Джимми. Я никак не мог собраться, чтобы понять, что все это значит. Голова не работала. Я посмотрел вокруг и увидел раскаленную электрическую плитку. Джейни приносила ее в кабинет каждое утро и включала ее в сеть, чтобы у шефа всегда был свежий кофе, когда он захочет. Три года или больше вся редакция упражнялась в остроумии по поводу этой плитки. Одна мысль вертелась в моей голове: *если эту штуку выключить из сети, я смогу все обдумать. Я знаю, если выключить ее из сети, я смогу во всем разобраться*».

Я спросил: «В чем дело, Джим?»

«Мне очень жаль, что именно мне приходится сообщать тебе об этом, Хенри», — сказал он. Но «Логан» перестает печатать художественную литературу с января».

Редактор сделал паузу, чтобы снова закурить. Он шарил свой портсигар, но он оказался пустым. «У кого-нибудь не найдется сигареты?»

Жена писателя протянула ему пачку «Салема».

«Спасибо, Мэг».

Он закурил, погасил спичку и глубоко затаился. Огонек заалел в темноте.

«Я уверен, что Джим счел меня сумасшедшим», — сказал он. «Я спросил, не возражает ли он, и, не дожидаясь ответа, наклонился вперед и выдернул вилку из розетки».

«Он широко раскрыл рот от удивления и спросил: «Какого дьявола, Хенри?»

«Мне трудно сосредоточиться, когда в сеть включены электроприборы», — ответил я. «Нарушает биотоки мозга». И это, похоже, действительно было так, потому что с отключенной плиткой я смог гораздо более ясно представить себе ситуацию. «Означает ли это, что я уволен?» — спросил я его.

«Не знаю», — сказал он. «Это решают Сэм и правление. Я действительно не знаю, Хенри».

«Я мог бы многое ему сказать. Я думаю, Джимми ожидал, что я буду умолять оставить меня на работе. Знаете ли вы выражение «оказаться с голой жопой на морозе»? Так вот, я боюсь, что вы никогда по-настоящему

не поймете его значения, до тех пор пока не окажетесь главой неожиданно исчезнувшего отдела».

«Но я не стал его просить сохранить мне работу и не стал беспокоиться о судьбе литературного отдела «Логана». Я беспокоился о рассказе Рэга Торпа. Я сказал, что мы могли бы напечатать его под занавес в декабрьском номере.

Джимми ответил: «Это невозможно, Хенри. Декабрьский номер забит до отказа. Ты прекрасно об этом знаешь. А ведь мы говорим о десяти тысячах слов».

«Девяти тысячах восьмистах», — уточнил я.

«Забудь об этом, Хенри», — сказал он.

«Но мы можем выкинуть искусство», — сказал я. «Послушай, Джимми. Это великий рассказ. Возможно лучший из наших рассказов за последние пять лет».

«Я прочел его», — сказал Джим. «Я знаю, Хенри, что это великий рассказ. Но мы просто не можем себе это позволить. Ни в декабре. Ни на Рождество. Ради Бога, мы ведь не можем положить читателям под рождественскую елку рассказ о том, как герой убивает свою жену и ребенка. Ты, по-моему, просто...» Он запнулся. Но я заметил, как он посмотрел на плитку. С таким же успехом он мог произнести это и вслух, верно?»

Писатель медленно кивнул, не сводя глаз с той черной тени, в которую превратилось лицо редактора.

«У меня начала болеть голова. Сначала совсем несильно. Снова стало трудно собраться с мыслями. Я вспомнил, что у Джейни Моррисон на столе была электрическая точилка для карандашей. И все эти лампы дневного света в кабинете Джима. Электрообогреватели. Торговые автоматы внизу в холле. Все это чертово здание было пропитано электричеством. Удивительно, как кто-то вообще мог в нем работать. Именно в тот момент, мне кажется, мной начала овладевать навязчивая идея. Мысль о том, что «Логан» потерпит крах, потому что никто не способен трезво мыслить. А никто не мог трезво мыслить, потому что все мы набились битком в высотное здание, которое функционирует с помощью электричества. Наши биотоки пребывают в полном беспорядке. Я помню, как я подумал

о том, что если бы доктора сняли с кого-нибудь электроэнцефалограмму, график получился бы очень странным. С высокими, острыми альфа-пиками, которые свидетельствуют о злокачественной опухоли в мозгу.

«Из-за этих мыслей голова начала болеть еще сильнее. Но я сделал еще одну попытку. Я спросил его, не попросит ли он Сэма Вадара, главного редактора, позволить напечатать рассказ в январском номере. Быть может, в качестве прощального материала литературного отдела. Как последний рассказ на страницах «Логана».

«Джимми вертел в пальцах карандаш и кивал. Он сказал: «Я попробую, но ты ведь знаешь, что из этого ничего не выйдет. У нас есть рассказ писателя — автора одного романа и рассказ Джона Апдайка, который не хуже... а, может, и лучше... и кроме того...»

«*Рассказ Апдайка не лучше!*» — сказал я.

«Господи, Хенри, ну зачем же так кричать...»

«*Я не кричу!*» — закричал я.

«Он посмотрел на меня долгим взглядом. К тому моменту голова моя раскалывалась. Я слышал, как зудят лампы дневного света. Словно стая мух, попавших в бутылку. Это был абсолютно омерзительный звук. И мне показалось, что я слышу, как заработала электрическая точилка Джейни. «*Это они нарочно*», — решил я. «*Они хотят запутать меня. Они знают, что я не могу сосредоточиться, когда вся эта дрянь работает, и поэтому... и поэтому...*»

«Джим говорил что-то про то, что он выступит на следующем заседании редакции и предложит, чтобы мне разрешили опубликовать все рассказы, с авторами которых я уже имел устную договоренность... хотя, конечно...»

Я встал, пересек комнату и выключил свет.

«Для чего ты это сделал?» — спросил Джимми.

«Ты знаешь, для чего», — ответил я. «Так что убирайся отсюда, Джимми, а то от тебя ничего не останется».

Он поднялся и подошел ко мне. «Мне кажется, оставшуюся часть дня тебе стоит отдохнуть, Хенри», — сказал он. «Иди домой. Отдохни. Я понимаю: ты перенапрягся в последнее время. Я хочу, чтобы ты знал, что я изо всех

сил постараюсь все это уладить. Я так же сильно желаю этого, как и ты... по крайней мере, почти так же. А сейчас тебе надо пойти домой, расслабиться и посмотреть телевизор».

«Телевизор», — повторил я и рассмеялся. Это было самым смешным из всего, что я когда-либо слышал. «Джимми», — сказал я. «Я хочу, чтобы ты еще кое-что передал от меня Сэму Вадару».

«О чем ты, Хенри?»

«Скажи ему, что ему нужен фортит. Для всего этого предприятия. Да нет, тут, пожалуй, одним не обойдешься. Тут нужна целая дюжина фортитов».

«Фортит», — сказал он, кивая. «Хорошо, Хенри, я обязательно скажу ему об этом».

«Голова моя так болела, что я едва мог замечать, что происходит вокруг меня. Где-то в дальнем уголке сознания, я уже думал о том, как я скажу Рэгу и как Рэг примет это».

«Я и сам мог бы заполнить договор о покупке, если б знал, кому отослать его», — сказал я. «Может быть, Рэг что-нибудь придумает. Дюжина фортитов. Чтобы они засыпали фортитом все вокруг. Надо вырубить всю эту гадость, говорю тебе». Я расхаживал по его кабинету, и Джимми уставился на меня с открытым ртом. «Отключить всю электроэнергию, Джимми, скажи им это. Скажи это Сэму. Ни одна живая душа не сможет думать, когда биотоки ее мозга нарушает электричество, разве я не прав?»

«Ты прав, Хенри. На все сто процентов. А сейчас ты пойдешь домой и отдохнешь, хорошо? Вздремни немного».

«И кстати о фортитах. Им очень не нравится, когда всякая дрянь нарушает биотоки мозга. Радий, электричество и тому подобное. Кормите их болонской копченой колбасой. Пирожными. Арахисовым маслом. У нас найдутся на это средства?» Перед глазами у меня повисло темное облако боли. В глазах у меня двоилось. Внезапно мне понадобилось выпить. Раз не было фортита, а рациональная часть моего «я» утверждала, что его не существует».

вует вообще, то оставалась только одна вещь на свете, которая помогла бы мне прийти в себя — алкоголь».

«Ну разумеется, мы изыщем средства», — сказал он.

«Ты ведь не веришь во все это, Джимми?» — спросил я.

«Конечно, верю. Все в порядке. Тебе просто нужно пойти домой и немного отдохнуть».

«Ты не веришь в это сейчас», — сказал я, — «но, может быть, ты поверишь в это, когда эта штука обанкротится. Скажи мне ради Бога, как ты можешь принимать правильные решения, если ты находишься меньше, чем в пятнадцати ярдах от автоматов с кока-колой, автоматов с конфетами, автоматов с сэндвичами?» И тогда мне пришла в голову действительно ужасная мысль. «А микроволновая печь?» — закричал я ему в лицо. «У них же должна быть микроволновая печь, в которой они готовят сэндвичи!»

«Он начал что-то говорить, но я даже не прислушался. Я выбежал из кабинета. Все дело было в этой микроволновой печи. Надо было убраться подальше от нее как можно скорее. От нее-то у меня и болела голова. Я помню, в приемной я увидел Джейни, Кейт Янгер из рекламного отдела и Мерт Стронг. Все они уставились на меня. Должно быть, они слышали, как я кричал».

«Мой кабинет был на втором этаже как раз под кабинетом Джимми. Я побежал по лестнице. Как только я вошел в кабинет, я немедленно выключил свет и схватил портфель. На лифте я спустился в вестибюль, но пока я спускался, я поставил портфель между ног и заткнул уши пальцами. Я также помню, как три или четыре моих попутчика посмотрели на меня довольно странно». Редактор холодно усмехнулся. «Они испугались. Если бы вы оказались в маленькой движущейся коробочке с очевидным сумасшедшим, вы бы тоже испугались».

«Да уж, это немного слишком», — сказала жена агента.

«Пока еще нет. Безумие должно с чего-то начинаться. Если эта история и рассказывает о чем-то, если вообще события чьей-нибудь жизни могут о чем-нибудь рассказать, то этим *что-то* является зарождение безумия. Безумие должно с *чего-то* начинаться и куда-то приво-

дить. Совсем как дорога. Или пуля, вылетающая из ствола. Я находился еще очень далеко от Рэга Торпа, но я приближался к нему стремительно. Это факт».

«Мне надо было куда-то пойти, и я отправился в «Четыре Отца», бар на сорок девятой авеню. Я помню, что выбрал именно этот бар, потому что там не было автоматического проигрывателя и цветного телевизора и горело не так много ламп. Помню, как я заказал себе первый бокал. Потом я уже ничего не помню до того момента, как я проснулся на следующее утро у себя дома. На полу была засохшая рвота, а в простыне сигаретой была прожжена большая дыра. В ступоре я чуть было не умер одним из двух довольно омерзительных способов: я чуть не захлебнулся в собственной блевотине и чуть не сгорел. Впрочем, едва ли я что-нибудь почувствовал бы».

«Бог мой», — сказал агент почти уважительно.

«Я вырубился», — сказал редактор. «Впервые в своей жизни я по-настоящему вырубился. Такие состояния — всегда признак конца, и они обычно не повторяются много раз. Так или иначе, но никогда они не бывают очень часто. Но любой алкоголик скажет вам, что вырубиться и потерять сознание — это абсолютно разные вещи. Было бы куда спокойнее, если бы это было не так. Но нет, когда алкоголик вырубается, он продолжает *действовать*. Вырубившийся алкоголик похож на энергичного маленького дьяволенка. Нечто вроде злого форнита. Он начинает звонить своей бывшей жене и оскорблять ее по телефону или выезжает на тротуар, по которому идет стайка детей. Он уходит с работы, грабит магазин, дарит свое обручальное кольцо. Энергичный маленький дьяволенок».

«Что же касается *меня*, то я, по всей видимости, пришел домой и написал письмо. Письмо не было адресовано Рэгу. Оно было адресовано мне. И писал его не я — по крайней мере, судя по самому письму».

«Так кто же написал?» — спросила жена писателя.

«Беллис».

«Кто такой Беллис?»

«Его форнит», — произнес писатель почти рассеянно. Глаза его были устремлены куда-то очень далеко.

«Да, это так», — сказал редактор, абсолютно не выглядя удивленным. Он снова воспроизвел для них письмо в мягком вечернем воздухе, отмечая жестами наиболее важные места.

«Привет от Беллиса. Я сочувствую твоим трудностям, мой друг, но хочу тебе с самого начала сказать, что трудности есть не у тебя одного. Так что мне приходится нелегко. Я могу доверху засыпать форнусом твою колымагу, но поворачивать ключ зажигания все равно придется тебе. Для этого Бог и создал людей. Так что я сочувствую тебе, но сочувствие — это все, что я могу тебе предложить».

«Я вижу, ты беспокоишься о Рэге Торпе. Я беспокоюсь не о нем, а моем брате, Рэкне. Торп беспокоится о том, что случится с ним, когда Рэкс уйдет от него, но это потому, что он эгоистичен. С писателями всегда бывает трудно из-за их эгоизма. Он никогда не думает о том, что будет с Рэкном, если сам Торп оставит его. Или свихнется, как пьяный барсук. По-видимому, это никогда не приходило ему в голову. Но к счастью, все наши досадные трудности преодолеваются с помощью одного краткосрочного средства. И я напрягаю руки и свое крошечное тельце, чтобы предоставить тебе его, мой пьяный друг. Ты спросишь меня, существуют ли какие-нибудь долгосрочные средства. Я уверяю тебя, таких средств нет. Все раны смертельны. Примирись с неизбежным. Иногда веревка провисает, но она никогда не рвется. Итак. Благодарю минуту передышки и не теряй времени в напрасных сожалениях. Благодарное сердце помнит о том, что в конце концов мы прорвемся».

«Ты должен заплатить ему за рассказ из своих денег. Но не посылай ему свой личный чек. У Торпа большие и, возможно, даже опасные проблемы с душевным здоровьем, но это не говорит о глупости». Редактор прервался и сказал по буквам: г-л-у-п-п-о-с-т-и. Затем он продолжил: «После того, как ты пошлешь чек лично ему, он выздоровеет за десять секунд».

«Сними восемьсот с лишним долларов со своего личного счета и открой новый счет на имя «Арвин Пабблишинг»

Инкорпорейтед». Спроси их, поняли ли они, что твой чек должен выглядеть по-деловому, никаких милых собачек или видов на каньон. Найди человека, которому ты можешь доверять, и оформи на него доверенность на пользование счетом. Когда тебе выдадут чековую книжку, выпиши один чек на восемьсот долларов, и пусть его подпишет твой доверенный. Отошли чек Рэгу Торпу. Это прикроет ненадолго твою задницу».

«Пока». Письмо было подписано «Беллис». Не от руки. На машинке».

«Ну и ну», — снова произнес писатель.

«Когда я поднялся, первой вещью, на которую я обратил внимание, была моя пишущая машинка. Она выглядела скорее как призрак пишущей машинки из дешевого фильма ужасов. Еще вчера она была обычным черным конторским «Ундервудом». Когда я поднялся — с головой, которая была размером с Северную Дакоту — она была вымазана в сером клейком веществе. Последние фразы письма почти не читались. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что мой «Ундервуд» едва ли когда-нибудь оправится от пережитого. Я попробовал на вкус вещество и отправился на кухню. На столе стояла вскрытая банка с сиропом, из которой торчала ложка. Повсюду между кухней и моей берлогой, которая служила мне в то время рабочим местом, был разлит сироп».

«Кормили форнита», — сказал писатель. «Беллис был сладкоежкой. Во всяком случае, вам так казалось».

«Да. Но даже будучи таким больным и измотанным, я прекрасно знал, кем был мой форнит».

Он растопырил пальцы рук.

«Во-первых, Беллис — это была девичья фамилия моей матери».

«Во-вторых, эта фраза — «свихнется, как пьяный барсук». Это было наше с братом жаргонное выражение, когда мы были детьми».

«И в-третьих, самое неприятное. Эта идиотская ошибка в слове «глупость». Почему-то я всегда ее совершал. Я знал одного потрясающе образованного литератора, который слово «мышь» всегда писал без мягкого знака, неза-

висимо от того, сколько раз корректоры исправляли ему эту ошибку. Для этого парня, получившего докторскую степень в Принстоне, слово «ужасный» всегда выглядело как «ужастный».

Жена писателя внезапно рассмеялась. Смех ее был одновременно растерянным и радостным. «Странно, я тоже иногда делаю эту ошибку».

«Я хочу только сказать, что ошибки человека — это его литературные отпечатки пальцев. Спросите любого редактора, который несколько раз имел дело с рукописями одного и того же писателя».

«Беллис был мной, и я был Беллисом». Тем не менее его совет оказался чертовски хорошим. Я даже подумал, что это *великий* совет. Но за всем этим скрывается что-то еще — подсознание оставляет отпечатки пальцев, но там прячется и какой-то незнакомец. Станный парень, который знает много такого, о чем я никогда не подозревал. Я, например, никогда не слышал выражения «оформить доверенность на пользование счетом», во всяком случае, мне так казалось. Но оно было в письме, и позже я узнал, что в банках пользуются именно им».

«Я взял телефонную трубку и собрался набрать номер моего друга. Трудно в это верить, но боль молнией пронзила мою голову. Я подумал о Рэге Торпе и ради и в спешке положил трубку на место. После того как я принял душ, побрился и раз десять посмотрел на себя в зеркало, чтобы удостовериться в том, что моя наружность приближается к тому, как должен выглядеть нормальный человек, я решил пойти и встретиться с другом лично. Но он все-таки задал мне очень много вопросов и смотрел на меня очень пристально. Так что, наверное, во мне было еще что-то такое, что не могли скрыть ни душ, ни бритье, ни приличная доза Листерина. К счастью, он не работал вместе со мной, и это помогло мне. Вы ведь знаете, как быстро распространяются новости. Кроме того, если бы он был моим коллегой, он знал бы о том, что «Арвин Пабблишинг Инкорпорейтед» финансировала «Логан» и спросил бы себя о том, какое мошенничество я собираюсь осуществить. Но он не был и не знал. Так что я сказал

ему, что это малое издательское предприятие, которое я затеял после того, как «Логан» решил сократить отдел художественной литературы».

«Он вас спросил о том, почему вы называли его «Арвин Паблишинг»?» — спросил писатель.

«Да».

«Что вы ему сказали?»

«Я сказал ему», — произнес редактор, неприветливо улыбнувшись, — что «Арвин — это девичья фамилия моей матери».

После небольшой паузы редактор возобновил свой рассказ. До самого конца его уже почти не прерывали.

«Я начал ждать прихода чековых бланков. Я убивал время, как мог. Берешь стакан, подносишь его к губам, выпиваешь его, а потом наливаешь еще. До тех пор, пока эти манипуляции не утомляют тебя так, что ты просто падаешь головой на стол. Происходили и другие вещи, но только этот процесс меня по-настоящему интересовал. Насколько я помню. Я оговариваюсь потому, что был в то время постоянно пьян, и на одну вещь, которую я запомнил, приходится пятьдесят или шестьдесят, которые выветрились из моей памяти».

«Я ушел с работы, и уверен, что это вызвало у всех огромный вздох облегчения. У них, потому что им не надо было теперь брать на себя экзистенциальную задачу по увольнению сумасшедшего из несуществующего отдела. У меня, потому что я не мог себе представить, как я снова окажусь перед этим зданием, с его лифтом, лампами дневного света, телефонами и всем этим поджидающим меня электричеством».

«В течение тех трех недель я написал Рэгу Торпу и его жене по паре писем. Я помню, как писал ей, но не ему. Как и письмо от Беллиса, письма Рэгу были написаны мной в состоянии полного помрачения сознания. Но и в таком состоянии я не избавлялся ни от моих старых рабочих привычек, ни от привычных грамматических ошибок. Я никогда не забывал вставить копирку. Когда я просыпался на следующее утро, листы копирки валялись вокруг. Я словно читал письма от незнакомого мне человека».

«Нельзя сказать, что эти письма были безумны. Совсем нет. Они даже были почти... рассудительны».

Он остановился и покачал головой медленно и изнуренно.

«Бедная Джейн Торп. Ей, наверное, казалось, что редактор рассказа ее мужа проделывал очень сложную и человеколюбивую процедуру по излечению ее мужа от его прогрессирующего безумия. Возможно, ей и приходил в голову вопрос о том, надо ли потакать во всем человеку, которого осаждают различные параноидальные фантазии, один раз чуть уже не приведшие к тому, что он набросился на девочку. Но даже если и так, она закрывала глаза на все отрицательные стороны и потакала ему сама. И я никогда ее за это не обвинял. Она не смотрела на него, как на капризного сумасшедшего, которого надо терпеть, пока он не отправится на живодерню. Она любила его. В своем роде Джейн Торп была великой женщиной. И прожив с Рэгом ранний период, а затем период славы и, наконец, период безумия, она вполне была согласна с Беллисом, что надо «благословить минуту передышки и не терять времени на напрасные сожаления». Разумеется, чем дольше передышка и чем сильнее провисла веревка, тем больше вам будет, когда ее в конце концов дернут...»

«В тот короткий период времени я получил письма от них обоих. Удивительно солнечные письма. Хотя солнце их было каким-то странным, почти предзакатным. Казалось, что... Впрочем, черт с ней, с этой дешевой философией. Если я смогу сформулировать, то скажу вам потом. А пока давайте забудем об этом».

«Он заходил поболтать к соседям каждый вечер. Когда листья начали падать, Рэг Торп им казался уже чем-то вроде сошедшего на землю бога. Когда они не играли в карты, начинались разговоры о литературе, во время которых Рэг мягко подшучивал над ними. Он взял себе щенка из местного приюта для животных и выгуливал его утром и вечером, встречаясь и перекидываясь парой фраз с другими людьми из квартала. Люди, подумавшие было, что Торпы — довольно странная пара, изменили свое мнение о них. Когда Джейн сказала, что без электричества

ей стало довольно трудно справляться с домашним хозяйством и она хотела бы нанять служанку, Рэг сразу же согласился. Она была поражена тем, насколько легко и весело он принял известие о служанке. Дело тут было не в деньгах — после «Антиподов» они катались как сыр в масле — дело было в *них*. Рэг всегда свято верил в то, что *они* были повсюду. И разве мог для *них* найтись лучший шпион, чем служанка, которая могла расхаживать по всему дому, заглядывать под кровати и в чуланы, а, возможно, и в ящики письменного стола, если их, конечно, перед этим не запереть, а еще лучше — не забить гвоздями».

«Но он сказал ей, что согласен, что с его стороны было крайне бесчувственным не догадаться об этом самому. И это несмотря на то, — подчеркнула она в своем письме, — что самую тяжелую работу по дому, например, ручную стирку, он выполнял сам. Он попросил только об одном: чтобы ей не разрешали входить в его кабинет».

«А самым лучшим и наиболее обнадеживающим с точки зрения Джейн было то, что он вернулся к работе, на этот раз над новым романом. Она прочитала первые три главы, и они показались ей великолепными. По ее словам, все это началось с того момента, как я принял «Балладу о блуждающей пуле» для публикации в «Логане». До того момента он был в безнадежно плохом состоянии. И она благословляла меня за то, что я сделал».

«Я абсолютно уверен, что она была искренней, но все же в ее благодарности не было особой теплоты, и солнечность ее письма местами замутнялась. Вот я и опять заговорил об этом: свет, который пронизывал ее письмо, чем-то напоминал лучи солнца в тот день, когда оно пробивается через тяжелые дождевые облака, предвещающие бурю».

«При всех этих хороших новостях — друзьях, собаке, служанке и новом романе — она тем не менее была слишком проницательна, чтобы поверить в его окончательное выздоровление... по крайней мере, мне так казалось из моего тумана. У Рэга оставались признаки психоза. Психоз чем-то похож на рак легких: ни одна из этих

болезней не может пройти сама собой, хотя и у сдвинувшихся и у раковых больных могут быть периоды временного облегчения».

«Могу я попросить у вас еще одну сигарету, дорогая?»

Жена писателя протянула ему одну штуку.

«В конце концов», — продолжил он, доставая свой «Ронсон», — «знаки его болезни были повсюду. Ни телефона, ни электричества. Он кормил свою пишущую машинку так же регулярно, как и своего щенка. Соседи-студенты считали его гением, но они не видели, как по утрам он надевает резиновые перчатки от радиации, чтобы принести свежую газету. Они не слышали, как он стонет во сне, и им не надо было успокаивать его, когда он, крича, просыпался от кошмаров, которые не мог потом вспомнить».

«Вы, моя милая», — повернулся редактор к жене писателя, — «удивлялись, почему она была так привязана к нему. Но вы ведь не все сказали, что было у вас на уме. Не так ли?»

Она кивнула.

«Да. И я не собираюсь перечислять вам все причины. Когда рассказываешь правдивые истории, надо просто перечислить все происшедшие события, и пусть люди сами беспокоятся о том, почему они произошли. В общем, никто никогда не знает причину тех или иных событий... а в особенности те люди, которые утверждают, что она им известна».

«Но все-таки в представлении Джейн Торп дело значительно поправилось. Она переговорила с негритянкой среднего возраста о работе по уборке дома и заставила себя рассказать ей о странностях мужа настолько откровенно, насколько она могла. Женщина — ее звали Гертруда Рулин — рассмеялась и сказала, что ей приходилось работать на людей, которые вели себя куда страннее. Первую неделю работы Рулин в доме Джейн провела почти с тем же самым чувством, с которым она впервые шла вместе с мужем в гости к соседям. Она постоянно ожидала какого-нибудь дикого взрыва. Но Рэг очаровал служанку в той же степени, что и своих молодых друзей,

поговорив с ней о ее церковной деятельности, о ее муже и о Джимми, ее младшем сыне, рядом с которым, по словам Гертруды, даже Джек-потрошитель выглядел бы смиренным зубрилой-первоклассником. У нее было одиннадцать детей, но между Джимми и следующим ее ребенком был разрыв в девять лет. Ей приходилось с ним трудновато».

«Рэг выглядел неплохо... по крайней мере, если вы смотрели на мир с его точки зрения. Но, разумеется, он был таким же сумасшедшим, как и раньше. Таким же сумасшедшим, как и я. Безумие — это блуждающая пуля, но любой эксперт по баллистике скажет вам о том, что не бывает двух одинаковых пуль. В одном из писем ко мне Рэг написал немного о новом романе, а затем прямо перешел к форнитам. К форнитам вообще и к Рэку в частности. Он размышлял о том, действительно ли *они* хотят убить форнита или, что казалось ему более вероятным, взять их в плен живыми и изучить, что они из себя представляют. Он закончил письмо так: «Как мой аппетит, так и мой взгляд на жизнь неизмеримо улучшились со времени начала нашей переписки, Хенри. Я вам очень благодарен. Искренне ваш. Рэг». И в конце небольшой постскрипtum, в котором он небрежно осведомлялся, будет ли его рассказ проиллюстрирован. Это вызвало у меня внезапные угрызения совести, и мне срочно потребовалось выпить».

«Рэг был занят форнитами, а я — электропроводами».

«В моем ответном письме я упомянул форнитов лишь проходя. Вот когда я действительно стал потакать ему, во всяком случае, в отношении форнитов. Эльф с девичьей фамилией моей матери и мои повторяющиеся грамматические ошибки перестали интересовать меня».

«Что меня начинало интересовать все больше и больше, так это электричество, радиоволны, микроволновые печи, радиоизлучение небольших приборов, слабая радиация и Бог знает еще что. Я пошел в библиотеку и взял книги по интересующему меня предмету. Я также купил несколько книг. Там было много пугающих вещей, и, разумеется, их-то я и искал».

«Я отключил телефон и электроэнергию. Ненадолго это помогло, но однажды, когда я стоял, пошатываясь, в дверях с одной бутылкой «Черного Бархата» в руке и с другой — в кармане пальто, я увидел маленький красный глазок, уставившийся на меня с потолка. Боже мой, с минуту мне казалось, что сейчас у меня случится сердечный приступ. Сначала я подумал, что это жук... огромный черный жук с одним пылающим глазом».

«У меня был газовый фонарь, и я зажег его. Сразу понял, что это было. Но от этого мне не стало легче. Наоборот, гораздо хуже. Как только я хорошенько рассмотрел эту штуку, я почувствовал пульсирующие взрывы острой боли в голове. На мгновение мне показалось, что глаза мои стали смотреть внутрь и я могу заглянуть в свой собственный мозг и увидеть дымящиеся, чернеющие, умирающие клетки. Это было противопожарное устройство, в 1969 году оно было еще большей технической новинкой, чем даже микроволновая печь».

«Я вылетел из квартиры и понесся вниз по лестнице. Хотя я жил на шестом этаже, к тому времени я перестал пользоваться лифтом. Я забарабанил в дверь к швейцару. Я сказал ему, что хочу, чтобы эту штуку убрали, хочу, чтобы ее убрали *совсем*, хочу, чтобы ее убрали *сегодня же вечером*, хочу, чтобы убрали ее *в течение часа*. Он посмотрел на меня так, как будто я — вы простите мне это выражение — свихнулся, как пьяный барсук, и теперь я его прекрасно понимаю. Противопожарное устройство было установлено для моего же блага, для моей же безопасности. Сейчас они есть повсюду, но тогда это был Большой Шаг Вперед, за который ассоциация жильцов вносила специальную плату».

«Он снял устройство — много времени на это не потребовалось — но взгляд его оставался столь же пристальным, и отчасти я мог его понять. Я был небрит, от меня несло виски, волосы у меня на голове стояли дыбом, пальто было грязным. Он, должно быть, знал, что я уже не хожу на работу, что я продал мой телевизор, что телефон и электроэнергию я добровольно отключил. Он считал меня сумасшедшим».

«Возможно я и был сумасшедшим, но, как и Рэг, я не был идиотом. Я стал очень любезным. Редакторам по должности полагается уметь располагать к себе людей. И я подмазал его десятидолларовым банкнотом. В конце концов мне удалось замять это происшествие, но, по тем взглядам, которые я ощущал на себе в течение следующих двух недель — моих последних недель в этом доме — я понял, что слухи обо мне распространились. Тот факт, что ни один из членов жилищной ассоциации не подошел ко мне, чтобы упрекнуть меня в неблагодарности, был особенно красноречив. Я сидел при неровном свете газового фонаря, единственного источника света на все три комнаты, за исключением всех электрических фонарей Манхэттена, свет которых пробирался через окна. Я сидел с бутылкой в одной руке и с сигаретой в другой и смотрел на участок потолка, где раньше было противопожарное устройство с красным глазком, глазком, который был таким безобидным в дневное время, что я никогда даже не замечал его. Я думал о неопровержимом факте, что хотя я и отключил все электричество, одна штука все-таки работала... а где оказалась одна, там могла оказаться и другая».

«Но даже если это и не так, весь дом все равно был начинен проводами. Он был полон проводами, как человек, умирающий от рака, бывает полон злокачественными клетками и гниющими внутренними органами. Закрыв глаза, я мог видеть все эти провода, бегущие в темноте и излучающие слабый зеленый свет».

«Когда я получил от Джейн Торп письмо, в котором она упоминала о фольге, одна часть моего «я» поняла, что в этом она увидела признак безумия Рэга. И эта часть моего «я» знала, что я должен ответить ей так, будто все мое «я» уверено в ее правоте. Но другая часть моего «я» — к тому времени значительно большая — воскликнула: «Какая замечательная идея!» — и в тот же день я покрыл фольгой все выключатели у себя в квартире. Вспомните, что я был тем человеком, который должен был помогать Рэгу Торпу. При всей мрачности ситуации это довольно забавно».

«В ту ночь я решил выехать с Манхэттена. У меня был старый семейный дом в Адирондакс, куда я мог отправиться, и мне нравилась эта перспектива. Единственное, что удерживало меня в городе, — это был рассказ Рэга Торпа. Если для Рэга «Баллада о блуждающей пуле» стала спасательным кругом в океане безумия, то теперь она сыграла ту же роль и для меня. Я хотел, чтобы ее напечатали в каком-нибудь приличном журнале. После этого я мог отправляться хоть к черту на куличики».

«Вот до какого момента дошла переписка Уилсон-Торп как раз незадолго до катастрофы. Мы были похожи на двух умирающих наркоманов, проводящих сравнительный анализ достоинств героина и ЛСД. У Рэга форнеты жили в пишущей машинке, у меня они жили в стенах, и у нас обоих они жили в головах».

«И кроме того, были еще и *они*. Не забывайте о *них*. Прошло немного времени, и я решил, что к *ним* принадлежат все нью-йоркские редактора художественной прозы — нельзя сказать, чтоб их осталось много к концу 1969 года. Если всех их собрать вместе, их можно было бы убить одним зарядом дробы, и вскоре я начал думать, что это не такая уж и плохая идея».

«Только через пять лет я смог взглянуть на эту ситуацию их глазами. Я потряс своим видом швейцара, а ведь он видел меня не в самом худшем состоянии и к тому же получил от меня на чай. Что касается редакторов... ирония была в том, что многие из них действительно были моими хорошими друзьями. Джерид Бейкер, например, был заместителем редактора по художественной литературе в «Эсквайре», а ведь мы с Джеридом вместе воевали во Второй мировой войне. Эти ребята не просто почувствовали некоторое неудобство, увидев новую улучшенную версию Хенри Уилсона. Они были в ужасе. Если бы я просто отослал рассказ с любезным поясняющим письмом, мне, возможно, сразу же удалось бы пристроить его. Но это мне казалось недостаточным. О, нет, это не для такого рассказа. Я должен был убедиться в том, что об этом рассказе позаботятся особо. Так что я таскался с ним от двери к двери, вонючий, седой бывший редактор с трясущимся

щимися руками и красными глазами, с огромным кровоподтеком на левой щеке, который я приобрел, стукнувшись о дверь ванной комнаты, пробираясь к туалету в крошечной темноте».

«Кроме того, я не желал разговаривать с этими ребятами в их кабинетах. Я просто-напросто был не в состоянии. Давно прошли те времена, когда я мог позволить себе зайти в лифт и подняться на сороковой этаж. Так что я поджидал их в парках, на лестницах, или, как это случилось с Джеридом Бейкером, в баре на сорок девятой авеню. Джерид по крайней мере был бы рад пригласить меня в более приличное место, но, как вы понимаете, прошли те времена, когда нашелся хотя бы один уважающий себя метрдотель, который пропустил бы меня в ресторан для деловых людей».

Агент поморщился.

«Я получал формальные обещания прочесть рассказ, за которыми следовали неформальные вопросы о том, как мое здоровье, как много я пью. Я помню — весьма смутно — как я пытался объяснить парочке из них, что утечки электричества и радиации сбивают все мысли у людей, и когда Энди Риверс, возглавлявший отдел художественной литературы в «Американз Кроссингз», спросил, не нужна ли мне помощь, я сказал, что это *ему* нужна помощь».

«Видишь всех этих людей на улице?» — спросил я. Мы стояли с ним в Вашингтон-сквер парке. «У половины, а, может быть, даже у трех четвертей из них в мозгу развились злокачественные опухоли. Держу пари, что ты не возьмешь рассказ Торпа, Энди. Черт, вы ничего не можете понять в этом городе. Ваш мозг находится на электрическом стуле, а вы даже не подозреваете об этом».

«В руках у меня был экземпляр отпечатанного на машинке рассказа. Он был свернут в трубочку, как газета. Я ударил его свернутой трубочкой по носу, как бьют собаку, которая мочится на угол дома. Я повернулся и пошел. Помню, как он кричал мне вслед, что-то насчет того, чтобы выпить чашечку кофе и обсудить все это еще раз, но в этот момент я заметил неподалеку магазинчик

уцененных грампластинок. Колонки, поблескивающие тяжелым металлом, уставились прямо на тротуар, а внутри виднелись гроздья ламп дневного света, и я перестал слышать его голос в нарастающем жужжании, которое раздалось в моей голове. Я помню, как подумал о двух вещах: во-первых, мне надо поскорее уехать из города, как можно скорее, а то у меня у самого образуется опухоль в мозгу, и во-вторых, мне надо немедленно выпить».

«Когда я добрался домой в тот вечер, я обнаружил под дверью записку. В ней было написано: *«Убирайся отсюда, сумасшедший козел»*. Я выбросил ее, не обратив никакого внимания. Мы, сумасшедшие старые козлы, думаем о слишком важных вещах, чтобы обращать внимание на анонимные записки от всяких сосунков».

«Я думал о том, что я сказал Энди Риверсу о рассказе Рэга. И чем больше я думал — чем больше я пил — тем более осмысленными казались мне мои слова. «Блуждающая пуля» была забавным рассказом и на поверхностном уровне читалась легко... но в глубине она оказывалась удивительно сложной. Думал ли я, что хоть один редактор в этом городе сможет ухватить смысл всех уровней этого рассказа? Возможно, раньше я мог так думать, но сейчас, когда глаза мои открылись? Неужели в мире, нашпигованным проводами, как бомба террориста, найдется место для понимания и тонкого вкуса? Боже мой, ведь электричество течет повсюду».

«Пытаясь забыть о постигшей меня неудаче, я читал газету, пока еще было достаточно дневного света. И там, прямо на первой странице «Таймс» была статья о том, куда исчезают радиоактивные отходы с атомных электростанций. Там говорилось, что в умелых руках эти отходы запросто могли бы превратиться в ядерное оружие».

«Когда стемнело, я сидел у себя за кухонным столом и размышлял о том, как *они* добывают плутониевую пыль подобно тому, как золотоискатели в 1849 году добывали золото. Только *им* не надо было взрывать город. О, нет. Им достаточно было разбросать ее повсюду и всем свернуть мозги набекрень. Они были зловередными фор-

нитами, а вся эта радиоактивная пыль была зловредным фомнусом. Самым худшим фомнусом, приносящим одни несчастья».

«В конце концов я решил, что вообще не хочу печатать рассказ Рэга, по крайней мере, не в Нью-Йорке. Я уеду из города, как только мне пришлют заказанные бланки чеков. Когда я буду в северной части штата, я пошлю рассказ в провинциальные литературные журналы. Начну, пожалуй, со «Сьюани Ревью». Или, может быть, с «Айова Ревью». Рэгу я потом все объясню. Рэг поймет. Все проблемы казались решенными, так что я решил выпить в честь этого. Потом я выпил еще. А потом я вырубился. До катастрофы мне предстояло вырубиться еще только один раз».

«На следующий день пришли чеки «Арвин Компани». Я впечатал в один из них требуемую сумму и отправился к доверенному другу. Опять он меня долго расспрашивал, но и на этот раз я сдержался. Мне нужна была подпись. В конце концов я ее получил. Я пошел в мастерскую и попросил тут же при мне изготовить почтовый штамп «Арвин Компани». Я поставил штамп в графе для обратного адреса на фирменном конверте, впечатал адрес Рэга (сахарной пудры в машинке больше не было, но клавиши до сих пор западали) и прибавил от себя пару строк о том, что никогда еще посылка автору чека не доставляла мне такого удовольствия... и это было абсолютной правдой. И до сих пор так и есть. Мне потребовался почти час, чтобы отправить письмо: я все никак не мог понять, достаточно ли *официально* оно выглядит. Вам никогда бы не пришло в голову, что вонючий пьяница, не менявший свое нижнее белье около десяти дней, мог проявлять такую осмотрительность».

Он сделал паузу, затушил сигарету и посмотрел на часы. Затем тем же тоном, которым проводник возвещает прибытие поезда в какой-нибудь крупный населенный пункт, он произнес: «Мы подошли к необъяснимому».

«Эта часть моей истории особенно интересовала двух психиатров и других специалистов по душевным болезням, с которыми мне предстояло иметь дело в следующие

тридцать месяцев моей жизни. Они заставляли меня отречься от одного ее фрагмента, чтобы удостовериться в том, что я начинаю поправляться. Как сказал один из них: «Это единственная часть вашего рассказа, которая не может быть объяснена вашим неправильным умозаключением... если, конечно, предположить, что в данный момент ваши логические способности вполне восстановились». Потом я все-таки отрекся, потому что знал — даже если они этого не знали — что я начинаю поправляться и мне дьявольски хотелось выбраться из лечебницы. Я подумал, что если мне не удастся выбраться довольно скоро, тогда я сойду с ума опять. Так что я отрекся — ведь и Галилей отрекся, когда ему начали поджаривать пятки, но внутри себя я остался непреклонным. Я не хочу сказать, что то, о чем я вам сейчас расскажу, произошло на самом деле. Я только утверждаю, что до сих пор *верю* в то, что это произошло. Различие небольшое, но для меня оно очень существенно».

«Итак, друзья, необъяснимое».

«Следующие две недели я провел, готовясь к отъезду. Мысль о том, что мне придется вести машину, совершенно, кстати говоря, меня не беспокоила. Когда я был ребенком, я прочел, что машина — самое безопасное место во время грозы, так как резиновые шины служат почти идеальными изоляторами. Я с нетерпением ожидал того момента, когда я заберусь в свой старый «Шевроле», наглухо задраю окна и выеду из города, который начинал мне представляться в виде одной огромной молнии. Тем не менее приготовления также включали в себя операцию по вывинчиванию лампочки из салона, заклеиванию патрона и отключению фар».

«Когда я пришел домой в ту последнюю ночь, которую я намеревался провести в своей квартире, там ничего не оставалось, кроме кухонного стола, кровати и пишущей машинки в камерке. Я был сильно пьян, и в кармане пальто у меня была припасена бутылка для того, чтобы скоротать ночные часы. Я проходил через свою берлогу, собираясь, я полагаю, отправиться в спальню. Там бы я сел на кровать и начал бы думать о проводах, об элект-

ричестве, о свободной радиации и пил бы до тех пор, пока, наконец, не смог бы заснуть».

«Место, которое я называю своей берлогой, на самом деле было гостиной. Я устроил себе в ней кабинет, потому что там было лучшее освещение во всей квартире. Там было большое выходящее на запад окно, из которого была видна линия горизонта. Это приближается к чуду с хлебами и рыбами, особенно для квартиры в Манхэттене на шестом этаже, но линия горизонта была видна. Я не задумывался над тем, как это могло получиться, я просто наслаждался видом. Комната была освещена прекрасным ровным светом даже в дождливые дни».

«Но освещенность в тот вечер была просто сказочной. Закат наполнил комнату красным сиянием. Свет был как от раскаленной докрасна печи. Без мебели комната показалась мне слишком большой. Стук моих шагов по твердому деревянному полу отдавался эхом».

«Пишущая машинка стояла на полу в самом центре, и я как раз собирался пройти мимо, когда увидел, что в машинку заправлен лист бумаги. Это заставило меня вздрогнуть, так как я прекрасно помнил, что машинка была пустой, когда я в последний раз выходил за новой бутылкой».

«Я оглянулся в поисках какого-нибудь непрошенного гостя. Исключив взломщиков и наркоманов, я подумал о... о том, что это были привидения».

«Я увидел рваную дыру на обоях слева от двери в спальню. По крайней мере, теперь я знал, откуда в пишущей машинке оказалась бумага. Кто-то просто оторвал потрепанный кусок старых обоев».

«Я все еще смотрел на обои, когда услышал у себя за спиной негромкий отчетливый звук — *клац!* Я подскочил и обернулся. Сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди. Я был в ужасе, но я узнал звук, в этом не могло быть никакого сомнения. Всю жизнь я работал со словами и мгновенно распознал звук ударяющей по бумаге клавиши пишущей машинки, даже в пустой, освещенной закатным солнцем комнате, в которой некому дотронуться до клавиатуры».

Они смотрели на него в темноте, их лица расплывались белыми кругами. Никто не произнес ни слова, но все передвинулись слегка поближе друг к другу. Жена писателя двумя руками сжала руки своего мужа.

«Я почувствовал, что я... смотрю на себя откуда-то со стороны. Словно меня не было. Может быть, так всегда и чувствует себя человек, сталкивающийся с необъяснимым. Я медленно пошел по направлению к пишущей машинке. Сердце дико трепыхалось у меня в горле, но ум был совершенно спокоен... каким-то ледяным спокойствием».

«Клац! Дернулась еще одна клавиша. Я даже заметил на этот раз, какая. Клавиша была в третьем ряду. слева».

«Я очень медленно опустил на колени, а затем ноги мои стали ватными, и я почти в бессознательном состоянии рухнул на пол, и мое грязное пальто веером распростоложилось вокруг меня, как юбка девушки, сделавшей очень глубокий реверанс. Машинка быстро клацнула два раза подряд, затем сделала паузу и клацнула снова. Каждый *клац* так же отдавался эхом, как и звуки моих шагов минуту назад».

«Обои так были так заправлены в машинку, что сторона с засохшим клеем была лицевой. Буквы были неровными и нечеткими, но я вполне мог разобрать их. *Рэки* — вот что было там написано».

«Затем...» Он прочистил горло и слегка усмехнулся. «Даже сейчас, через столько лет трудно об этом рассказывать... просто произнести это вслух. Ну хорошо. Излагаю только факты. Я увидел ручку, которая высунулась из пишущей машинки. Невероятно крошечную ручку. Она появилась между клавишами С и М в нижнем ряду, сжалась в кулак и ударила по клавише пробела. Машинка дернулась, очень быстро, словно икнула. Ручка втянулась обратно».

У жены агента вырвался резкий смех.

«Перестань, Марша», — мягко сказал агент, и она замолчала.

«Машинка стала клацать немного быстрее», — продолжил редактор, — «и через некоторое время мне почудилось, что я слышу тяжелое дыхание существа, кото-

рое молотило по клавишам. Оно задыхалось, как задыхается человек, выполняющий очень трудную работу и все ближе и ближе подходящий к пределу своих возможностей. После некоторого времени машинка вообще почти перестала печатать. Большинство литер было измазано в том самом клейком сиропе, но я смог разобрать уже напечатанное. Там было написано: *рэкн уми...* Р завязло в сиропе. Я помедлил мгновение и высвободил клавишу. Не знаю, смог ли бы Беллис освободить ее сам. Думаю, нет. Но мне не хотелось смотреть на то... как он будет... пытаться... С меня хватило и кулачка. Если бы я увидел эльфа, так сказать, в полный рост, я бы действительно сошел с ума. Убежать я не мог. Ноги перестали мне повиноваться».

«Клац-клац-клац. А затем эти побряхтывания и напряженные вздохи. И после каждого слова мертвенно-бледная, испачканная в грязи и чернилах ручка появлялась между С и М и ударяла по пробелу. Не знаю точно, сколько это продолжалось. Может быть, семь минут. Может быть, десять. Может быть, целую вечность».

«Наконец клацанья прекратились, и я понял, что больше не могу различить его дыхания. Может быть, он потерял сознание... может быть, он сдался и ушел... а, может быть, он умер. От сердечного приступа или чего-нибудь в этом роде. В одном я уверен: послание не было закончено. Вот его текст: *рэкн умирает из-за мальчика джимми торп ничего не знает скажи торпу рэкн умирает мальчик джимми убив...* На этом послание обрывалось».

«Наконец я нашел в себе силы подняться и выйти из комнаты. Я шел на цыпочках, словно думая, что он заснул, и если звук моих шагов разбудит его, он снова начнет печатать... и я подумал, что если это произойдет, то после первого же клацанья я крикну. И я буду продолжать кричать до тех пор, пока не взорвется мое сердце или моя голова».

«Мой «Шевроле» стоял на стоянке на улице, с полным баком, весь забитый вещами и готовый к отъезду. Я сел за руль и вспомнил о бутылке в кармане пальто. Руки так

тряслись, что я выронил ее, но она упала на сиденье и не разбилась».

«Я вспомнил о своих помрачениях сознания, и это было именно то, что мне нужно, и именно то, что я получил. Я помню, как сделал первый глоток из горлышка. Помню второй. Помню, как включил аккумулятор и поймал по радио Фрэнка Синатру, который пел «Эта Старая Черная Магия», что мне показалось вполне подходящим к случаю. Помню, как я стал подпевать и сделал еще несколько глотков. Я стоял на последнем ряду стоянки и мог видеть, как чередуются цвета у светофора на углу. Я продолжал думать об ослабевающем клацаньи в пустой комнате и угасающем красном сиянии в моей берлоге. Я продолжал думать о пыхтящих звуках, вызывающих у меня в воображении фигуру занимающегося культуризмом эльфа, который подвесил рыболовные грузила на хвостик буквы Ц и упражняется в их поднятии внутри моей пишущей машинки. Я все еще видел перед собой шероховатую изнаночную поверхность обрывка обоев. Мой ум желал установить, что происходило в квартире до моего прихода... желал представить себе, как он, Беллис, подпрыгивает и ухватывается за отставший кусок обоев у двери в спальню, потому что это была единственная вещь в комнате, отдаленно напоминающая бумагу, повисает на нем и в конце концов отрывает и несет его на голове обратно к машинке, как пальмовый лист. Я пытался вообразить, как он умудрился заправить его в машинку. Я никак не мог отключиться, так что я продолжал пить, а Фрэнк Синатра кончил петь и появилась Сара Воган с песней «Сейчас Я Сяду и Напишу Себе Письмо», и это опять вполне подходило к случаю, так как совсем недавно я делал нечто подобное, или, по крайней мере, *думал* до сегодняшнего вечера, что делал, пока не случилось то, что, так сказать, заставило меня пересмотреть свою позицию по этому вопросу, и я подпевал старой доброй Саре и, очевидно, именно в этот момент я наконец отключился, потому что сразу после второго припева, без всякого перерыва, я почувствовал, как кто-то бьет меня по спине, а потом заводит руки за спину и вновь отпускает их и

снова бьет по спине. Это был водитель грузовика. После каждого удара я чувствовал, как фонтан воды поднимается к горлу и собирается уж вернуться обратно, но не возвращается, так как он поднимает мои локти, и каждый раз, как он это делает, на меня наступает приступ рвоты, и рвет меня даже не «Черным Бархатом», а обычной речной водой. Когда я наконец смог поднять голову и осмотреться, было шесть часов вечера, и прошло три дня с тех пор, как я сидел в салоне своего «Шевроле», и я лежал на берегу Джексон-ривер в западной Пенсильвании, примерно в шестидесяти милях от Питсбурга. Мой «Шевроле» торчал в реке кверху задом».

«Не найдется ли еще выпить, милая? Чертовски пересохло в горле».

Жена писателя молча передала ему стакан, и когда она наклонялась к нему, она импульсивно поцеловала его в морщинистую, обтянутую крокодильей кожей щеку. Он улыбнулся, и глаза его сверкнули в сумерках. Это отнюдь не означало, что он смеется над ней. Глаза не сверкают так от смеха.

«Спасибо, Мэг».

Он сделал большой глоток, закашлялся и отмахнулся от предложенной сигареты.

«Я уже достаточно накурился за вечер. Я собираюсь совсем бросить курить. В будущем воплощении, так сказать».

«Едва ли стоит продолжать мою историю. В ней есть только один порок, которым страдает всякая история — она абсолютно предсказуема. Они выудили нечто вроде сорока бутылок «Черного Бархата» из моей машины, причем большая часть была пустой. Я нес что-то об эльфах, электричестве, форнитах, добытчиках плутония и фортнуса. Я выглядел в их глазах абсолютно сумасшедшим, и таким я и был на самом деле».

«А теперь о том, что случилось в Омахе, пока я разъезжал — судя по чекам на бензин, оставшимся в ящике для перчаток — по пяти северо-восточным штатам. Как вы понимаете, всю эту информацию я узнал от Джейн Торп после долгой и болезненной переписки, которая

завершилась личной встречей в Нью-Хейвене, ее теперешнем месте жительства, спустя немного времени после того, как я был выпущен из санатория в обмен на мое окончательное отречение. К концу этой встречи мы рыдали друг у друга в объятиях, и именно тогда я снова начал верить в то, что я смогу снова по-настоящему жить и, возможно, даже смогу быть счастливым».

«В тот день, около трех часов дня в дом к Торпам постучали. Это был мальчик, разносящий телеграммы. Телеграмма была от меня — последний документ нашей злополучной переписки. Текст ее был следующий: РЭГ У МЕНЯ ПРОВЕРЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ ЧТО РЭКН УМИРАЕТ БЕЛЛИС УТВЕРЖДАЕТ ЧТО ЕГО УБИВАЕТ МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК БЕЛЛИС ГОВОРИТ ЧТО МАЛЬЧИКА ЗОВУТ ДЖИММИ FORNIT SOME FORNUS ХЕНРИ».

«На тот случай, если примечательный вопрос Ховарда Бейкера о том, *«Что ему было известно и когда это стало ему известно?»* посетил ваш ум, я могу сказать вам, что я знал о том, что Джейн наняла служанку. Но я не знал — и узнал только от Беллиса, что у нее был маленький дьяволенок Джимми. Боюсь, вам придется поверить мне на слово, хотя я должен добавить, что врачи, занимавшиеся мной в следующие два с половиной года моей жизни, никогда мне не верили».

«Когда пришла телеграмма, Джейн была в бакалейной лавке. Она нашла ее уже после того, как Рэг был мертв, в одном из его задних карманов. На ней было проставлено время отправления и время получения, а рядом была пометка: «Не передавать по телефону. Вручить в руки». Джейн говорила, что хотя со времени прихода телеграммы прошел всего лишь один день, она выглядела так, будто он по крайней мере месяц таскал ее в кармане и вертел в руках».

«В каком-то смысле эта телеграмма, эти двадцать шесть слов и были настоящей блуждающей пулей, и я выстрелил ей из Патерсона, Нью-Джерси, прямо в мозг Рэгу Торпу, и я был так пьян, что даже не помню, как я это сделал».

«В последние две недели жизни Рэг, казалось, стал совсем нормальным. Он вставал в шесть часов утра, готовил завтрак для себя и для жены, затем в течение часа писал. Около восьми он запирает свой кабинет и выводил собаку для долгой прогулки по окрестностям. Он был общительным во время этих прогулок, останавливался поболтать со всеми, кто этого хотел, привязывал собаку у ближайшего кафе и заходил внутрь, чтобы выпить чашечку утреннего кофе, потом они снова отправлялись бродить. Он редко возвращался домой до полудня. Обычно в двенадцать тридцать или в час. Частично продолжительность прогулок объяснялась тем, что он хотел избежать встречи с болтливой Гертрудой Рулин. Во всяком случае, Джейн думала так, потому что прогулки стали такими долгими дня через два после того, как служанка приступила к работе».

«Он съедал легкий ланч, отдыхал около часа, а потом вставал и писал в течение двух-трех часов. По вечерам он часто заходил в гости к своим молодым друзьям, иногда вместе с Джейн, а иногда и один. Иногда они с Джейн отправлялись в кино, или просто читали вечером в гостиной. Они рано ложились спать, причем Рэг, как правило, немного раньше Джейн. Она написала мне, что они почти не занимались любовью, а когда это все-таки случалось, то ни он ни она не получали никакого удовольствия. «Но секс для женщины не представляет очень большой ценности», — писала она, — «а Рэг снова работал в полную силу, и это было для него хорошей заменой. В каком-то смысле, те две недели были самыми счастливыми за последние пять лет». Когда я прочитал это, я чуть не заплакал».

«Я ничего не знал о Джимми, но Рэг знал. Рэг знал о нем все, кроме самого важного: Джимми стал приходить на работу вместе со своей матерью».

В какой ярости он, должно быть, был, когда получил мою телеграмму и начал понимать, в чем дело! Вот *они* и добрались до него в конце концов. И ясно, что жена также была одной из *них*, так как *она* была в доме вместе с Гертрудой и Джимми и ни разу не сказала Рэгу ни слова

о Джимми. Что он там написал мне в одном из первых писем? «Иногда я задумываюсь о своей жене».

«Когда она вернулась домой в тот самый день, когда Рег получил мою телеграмму, она обнаружила, что его нет дома. На кухонном столе лежала записка: «Любимая я ушел в книжный магазин. Вернусь к ужину». Джейн не заметила в записки ничего необычного... но если бы она знала о моей телеграмме, то именно обычность этой записки испугала бы ее больше всего, я думаю. Она поняла бы, что Рег считает ее предателем».

«Рег не пошел ни в какой книжный магазин. Он отправился в торговый центр города в магазин оружия. Он купил автоматический револьвер сорок пятого калибра и две тысячи пуль. Он купил бы и автомат, если б у него было разрешение. Он, видите ли, собирался защитить своего форнита. От Джимми, от Гертруды, от Джейн. От них».

«Следующий день начался по заведенному порядку. Лишь потом она вспомнила, что он надел слишком жаркий свитер, и это все. Свитер, разумеется, был нужен для того, чтобы спрятать оружие. Он вышел на прогулку с собакой с револьвером, засунутым за ремень брюк».

«Он пошел прямо к кафе, где он обычно выпивал утреннюю чашку кофе, не останавливаясь по пути для разговоров с соседями. Он отвел собаку на стоянку, привязал ее к загородке и задними дворами отправился домой».

«Он прекрасно знал дневной распорядок своих друзей-соседей, он знал, что сейчас никого из них нет дома. Он знал, где они хранили запасной ключ. Он поднялся, зашел в их дом и стал наблюдать из окна за своей дверью».

«В восемь сорок он увидел Гертруду Рулин. Гертруда была не одна. С ней действительно был маленький мальчик. Неистовые повадки первоклассника Джимми Рулина почти сразу же убедили учителя и школьного попечителя, что для всеобщего блага (кроме, быть может, блага его матери, которая не могла больше отдохнуть от него днем) ему следует посидеть дома еще годик. Джимми вновь отправили в детский сад, и там он должен был проводить

вторую половину дня в течение оставшейся половины учебного года. Два расположенных неподалеку детских сада были переполнены, и Гертруде не удалось пристроить его на утренние часы. Днем же она не могла убирать у Торпов, так как с двух до четырех у нее была работа в другом конце города».

«Кульминацией всей этой истории стало неохотное согласие Джейн на то, чтобы Гертруда могла приводить мальчика с собой до тех пор, пока ей не удастся пристроить его куда-нибудь. Или до тех пор, пока Рэг не обнаружит это, что он и собирался сделать».

«Она думала, что Рэг, *возможно*, не будет возражать — он ведь был таким спокойным и рассудительным все последнее время. С другой стороны, у него мог случиться припадок. Если это произойдет, ей придется пристраивать мальчика в другом месте. Гертруда сказала, что все понимает. И ради Бога, — добавила Джейн, — мальчик не должен прикасаться ни к одной из вещей Рега. Гертруда сказала, что этого никак не может случиться. Кабинет хозяина заперт, и он никогда не войдет туда».

«Торп, должно быть, перебегал расстояние между дворами, как идущий в атаку снайпер. Он видел, как Гертруда и Джейн стирают белье на кухне. Но он нигде не видел мальчишку. Он осторожно пробирался по дому. В столовой никого не было. Никого не было и в спальне. Джимми был в кабинете, именно там, где Рэг так боялся его найти. Лицо Джимми было разгоряченным, и Рэг наверняка подумал, что наконец-то он видит *их* настоящего агента».

«В руках у него было зажато что-то вроде луча смерти, который он направлял в письменный стол... и Рэг услышал крики Рэкна, доносившиеся из пишущей машинки».

«Вы можете думать, что я домысливаю картину за человека, который уже давно мертв, одним словом, что я фантазирую. Но это не так. На кухне Джейн и Гертруда отчетливо слышали треск игрушечного лазера Джимми... он палил из него повсюду с того самого дня, как стал приходить сюда вместе со своей матерью, и Джейн надеялась, что когда-нибудь батарейки кончатся. Не могло быть никакой ошибки в том, что это за звук. И не могло

быть никакой ошибки в том, откуда он раздается — из кабинета Рэга».

«Мальчишка действительно был настоящим Джеком-потрошителем. Если в доме была комната, в которую ему было запрещено заходить, то он *должен* был туда попасть или умереть от любопытства. Так или иначе, ему не составило особого труда обнаружить, что Джейн оставляет ключи от кабинета Рэга в столовой на каминной доске. Заходил ли он туда до того дня? Мне кажется, да. Джейн сказала мне, что помнила, как дала мальчику апельсин, а потом через три или четыре дня во время уборки нашла апельсиновые шкурки под кушеткой в кабинете Рэга. Рэг не ел апельсинов — утверждал, что у него на них аллергия».

«Джейн выронила простыню из рук в корыто и бросилась в спальню. Она слышала громкий треск лазера и вопли Джимми: *«Я попал, попал! Ты не убежишь! Я вижу тебя сквозь СТЕКЛО!»* И... она сказала... она потом сказала мне... что услышала, как кто-то кричит. Тонкий, отчаянный крик, — сказала она, — который был так полон болью, что его почти невозможно было вынести».

«Когда я услышала этот крик», — сказала она мне, — «я поняла, что должна уйти от Рэга несмотря ни на что, потому что все бабушкины сказки действительно оказались правдой... безумие заразительно. Потому что я слышала Рэка. Каким-то образом этот маленький дьявол убивал его из космического лазера, купленного за два доллара в магазине игрушек».

«Дверь кабинета была распахнута настежь, из нее торчал ключ. Потом в этот же день я увидела, что один из стульев в столовой пододвинут к каминной доске, а все его сиденье запачкано гнусными отпечатками пальцев Джимми. Джимми скрючился под письменным столом Рэга, на котором стояла пишущая машинка. У Рэга был старый конторский стол с прозрачным верхом. Джимми приставил дуло бластера снизу к крышке стола и стрелял по пишущей машинке. *Тра-та-та-та*, внутри машинки видны были пурпурные вспышки. И внезапно я понял все, что Рег обычно говорил об электричестве, потому что хотя

эта штука и работала на обычных безвредных батарейках, мне действительно казалось, что из нее выражаются волны яда, проникают мне в голову и сжигают мой мозг».

«*Я вижу, ты там!*» — вопил Джимми, и лицо его было полно детского ликования — оно было одновременно красивым и в чем-то омерзительным. «*Ты не скроешься от капитана космического корабля! Ты убит, чужак!*» И тот крик... он становился все слабее... все тише...»

«*Джимми, прекрати немедленно!*» — закричала я».

«Он подпрыгнул от неожиданности. Я испугала его. Он обернулся... показал мне язык... а потом снова приставил лазер к крышке стола и нажал на курок. *Тра-та-та*, и эти ужасные красные вспышки».

«Приближалась Гертруда и вопила, чтобы он прекратил стрельбу и убирался оттуда, а иначе она засечет его до смерти... А затем распахнулась парадная дверь, и в холл ворвался ревущий Рэг. Мне достаточно было взглянуть на него один раз, чтобы понять, что он безумен. В руке он держал револьвер».

«*Не стреляйте в моего ребенка!*» — завизжала Гертруда, увидев его, и попыталась схватить его за руку. Рэг отшвырнул ее прочь».

«Джимми, казалось, даже не понимал, что происходит, он просто продолжал палить из лазера в пишущую машинку. Я видела, как темные пространства между клавишами освещались пульсирующими пурпурными вспышками, и это было похоже на сварочный аппарат, на который нельзя смотреть без специальных очков, иначе блеск сожжет сетчатку и ослепит тебя».

«Рэг вошел, оттолкнул меня и сбил меня с ног».

«*РЭКН!*» — закричал он. «*ТЫ УБИВАЕШЬ РЭКНА!*»

«И даже в тот мгновенный промежуток времени, пока Рэг несея через комнату со всей очевидностью намереваясь прикончить Джимми», — говорила мне Джейн, — «я успела подумать о том, сколько раз он все-таки бывал в этой комнате и стрелял из своей штуки по пишущей машинке, пока я с его матерью перестилали кровати наверху или, возможно, развешивали выстиранную одежду на заднем дворе, откуда нам не было слышно *тра-та-*

та его лазера и... крик этого существа... форнита из пишущей машинки».

«Джимми не прекратил стрельбу, даже когда ворвался Рэг. Он продолжал палить по пишущей машинке, как будто знал, что это был его последний шанс. И тогда мне пришлось в голову, а не был ли Рэг прав и насчет *их* — может быть, *они* — повсюду вокруг нас, и время от времени *они* влезают человеку в голову и заставляют его сделать какое-нибудь грязное дело. А потом *они* уходят, и парень, в котором *они* побывали, спрашивает: «Кто? Я? А что я такого сделал?»

«И за секунду до того, как Рэг подбежал к письменному столу, крик из пишущей машинки перешел в короткий, сверлящий визг, и я увидела, что кровь хлынула на прозрачную крышку стола, словно то существо, которое было в машинке, в конце просто-напросто взорвалось примерно таким же образом, как, говорят, взрывается небольшое животное, если его засунуть в микроволновую печь. Я знаю, как невероятно это звучит, но я *видела* эту кровь, она выплеснулась на стекло и потекла вниз».

«Попал», — сказал Джимми с огромным удовлетворением. «Наконец-то...»

«Рэг схватил его и отшвырнул в другой конец комнаты. Он ударился об стену. Лазер выпал у него из рук, ударился об пол и распался на куски. Разумеется, внутри не было ничего, кроме пластмассы и обычных батареек».

«Рэг заглянул в пишущую машинку и вскрикнул. Это не был крик боли или ярости, хотя ярость, конечно, в нем тоже была. Рэг закричал от горя. Потом он повернулся к мальчишке. Джимми упал на пол, и кем бы он ни был минуту назад, если он вообще не был самым обычным озорником, сейчас он превратился в напуганного шестилетнего ребенка. Рэг направил на него револьвер, и это было последнее, что я помню».

Редактор допил содовую и осторожно поставил пустую банку на столик.

«Гертруда Рулин и Джимми Рулин запомнили достаточно, чтобы мы могли восстановить дальнейшие события», — сказал он. Джейн закричала: «Рэг, НЕТ!», а когда

он оглянулся на нее, она упала к его ногам и обхватила его. Он выстрелил в нее, разmozжив ей левый локоть, но она не отпускала его. В это время Гертруда позвала своего сына, и он побежал к ней».

«Рэг отпихнул Джейн и снова выстрелил в нее. Пуля разорвала ей кожу на левой части черепа. Восьмой доли дюйма было бы достаточно, чтобы он убил ее. В этом нет никакого сомнения, как нет сомнения и в том, что если бы не Джейн Торп, он наверняка бы убил Джимми Рулина и, вполне возможно, заодно и его мать».

«Он выстрелил в мальчишку, как раз в тот момент, когда Джимми готов был упасть в раскрытые объятия матери, застывшей в дверях. Пуля прошла Джимми в левую ягодицу уже на излете. Она вышла из левого бедра, не задев кость, и попала Гертруде Рулин в голень. Крови было много, но ни он, ни она не получили серьезных повреждений».

«Гертруда захлопнула дверь кабинета и побежала со своим вопящим и истекающим кровью сыном в холл к парадной двери».

Редактор вновь выдержал задумчивую паузу.

«Либо Джейн действительно была без сознания к тому времени, либо она намеренно предпочла забыть о том, что случилось потом. Рэг сел на стул и приставил дуло револьвера сорок пятого калибра ко лбу. Пуля не прошла через мозг, оставив его живым овощем, не проделала она и кружной путь вокруг его черепа, чтобы, не нанеся никакого вреда, вылететь с другой стороны. Фантазия его была блуждающей, но пуля летела строго по прямой. Его мертвое тело повалилось на пишущую машинку».

«Когда заявила полиция, они обнаружили его в том же положении. Джейн сидела в дальнем углу в полубес-сознательном состоянии».

«Машинка была вся в крови снаружи и, возможно, изнутри. Раны в голову доставляют потом много хлопот уборщицам».

«Вся кровь была третьей группы».

«Той самой, которая была у Рэга Торпа».

«На этом, леди и джентльмены, моя история закончена. Да и говорить я уже больше не могу». Действительно, голос редактора охрип и снизился почти до шепота.

Не было никакой легкой беседы, которая обычно завершает вечеринки. Никто не завел даже преувеличенно оживленного разговора, которым люди иногда стараются сгладить возникшую неловкость или по крайней мере скрыть тот факт, что все оказалось гораздо серьезней, чем этого можно было ожидать от сегодняшнего вечера.

Провожая редактора к машине, писатель не мог удержаться и задал последний вопрос. «Рассказ», — сказал он. «Что случилось с рассказом?»

«Вы имеете ввиду рассказ Рэга...»

«Баллада о блуждающей пуле». Рассказ, который послужил причиной всему этому. Он и был настоящей *блуждающей пулей*. Если не для него, то по крайней мере для вас. Что случилось с этим рассказом, который был так чертовски хорош?»

Редактор распахнул дверь своей машины, небольшого синего «Шевроле» с наклейкой на бампере «ДРУЗЬЯ! НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ СВОИМ ДРУЗЬЯМ САДИТЬСЯ ЗА РУЛЬ В ПЬЯНОМ ВИДЕ!» «Она так и не была опубликована. Если у Рэга и был второй экземпляр, он наверняка уничтожил его, узнав о том, что я получил рукопись и собираюсь ее напечатать. Если вспомнить о его параноидальных фантазиях по поводу *их*, это представляется более чем вероятным».

«Когда я летел на машине в Джексон-ривер, у меня с собой был оригинал и три фотокопии с него. Все это лежало в картонной папке. Если бы я положил папку в чемодан, рассказ был бы сейчас у меня, потому что зад моей машины так и не погрузился в воду. И даже если бы это случилось, страницы можно было бы высушить. Но я хотел, чтобы папка лежала поближе ко мне, так что я положил ее на приборную доску. Когда машина погрузилась в воду, окна были открыты. Страницы... Я полагаю, что они выплыли из окон и были унесены к морю. Я скорее поверю в это, чем в то, что они сгнили со всем остальным мусором на дне этой реки, или были съедены

рыбами, или с ними случилось что-нибудь еще менее эстетичное. Верить в то, что они были унесены к морю, гораздо более романтично и несколько менее правдоподобно, но в выборе того, во что верить, я позволяю своей фантазии, так сказать, немного поблуждать».

Редактор сел за руль своего маленького автомобильчика и уехал. Писатель стоял и смотрел ему след до тех пор, пока задние фары не исчезли во мгле. Потом он пошел к дому. Мэг ждала его в самом начале дорожки и улыбалась ему несколько неуверенно. Она крепко прижала руки к груди, хотя вечер был теплым.

«Мы остались вдвоем», — сказала она. «Пошли в дом?»
«Давай».

На середине пути она остановилась и спросила: «Пол, в твоей пишущей машинке случайно не живут форниты?»

И писатель, который часто — очень часто — задумывался над тем, *кто* подсказывает ему слова, возникающие у него в голове, решительно ответил: «Ни одного».

Они вошли в дом, держа друг друга за руки, и дверь разделила их и черную ночь вокруг.

БЕЧА

В

НЬЮ-ШАРОНЕ

ВЕСНА В НЬЮ-ШАРОНЕ

Мартовский Выползень...

Я прочитал эти два слова в сегодняшней утренней газете, и как же во мне все сразу всколыхнулось. Это случилось восемь лет назад, почти день в день. В разгар событий я увидел себя в программе общенационального телевидения — в информационном выпуске Уолтера Кронкайта. Мое лицо всего лишь мелькнуло в толпе за спиной ведущего репортаж, но предки все равно меня углядели. Тут же раздался междугородный звонок. Отца интересовало положение дел в моей трактовке; в его тоне слышались наигранная беспечность и мужская доверительность. Мать хотела одного: чтобы я немедленно приехал. Мне этого совсем не хотелось. Я был заинтригован.

Заинтригован этой весенней хмарью с густыми туманами и тенью хладнокровного убийцы, незримо блуждавшего под покровом тумана восемь лет назад. Тенью Мартовского Выползня.

В Новой Англии про такую весну говорят «молочный кисель», так уж повелось с незапамятных времен. Случается она раз в десять лет. Что касается событий той памятной весны в колледже Нью-Шарон Тичерз, то если они и были связаны с определенным циклом, высчитать его пока еще никому не удалось.

Оттепель пришла в Нью-Шарон 16 марта 1968 года, положив конец самой суровой зиме за последние двадцать лет. Безостановочно шел дождь, и запахи моря разносились за десятки миль от атлантического побережья. Потекли сугробы, кое-где достигшие метра, дорожки кампуса превратились в сплошную кашу. Скульптуры из снега,

простоявшие два месяца после зимней ярмарки, начали оседать и расползаться. Потекли слезы у карикатурного Линдона Джонсона, вылепленного перед входом в студенческое общежитие. Голубка возле Прашнер Холла растеряла свои ледяные перышки, и уже тут и там уныло проглядывал каркас.

Ночью опустился туман и пополз по узким улицам и автострадам. Похожий на сигаретный дым, он накрыл торговые ряды, низко стелился по речке, в нем утонул небольшой мост и пушки времени гражданской войны, одни сосны торчали, словно кто-то тыкал в небо пальцами. Все казалось чуть смещенным, странным, немного сказочным. Беспечный посетитель студенческой столовой, выходя на улицу из ярко освещенного зала с его сутолокой и надрывающимися музыкальными автоматами и ожидая увидеть морозное звездное небо, неожиданно попадал в безмолвие туманов, в котором можно было расслышать только собственные шаги и пение воды по допотопным желобам. Того гляди, мимо тебя прошмыгнет какой-нибудь голем или тролль, а обернешься — и вместо столовки у тебя за спиной тисовые рощи да болотца с поднимающимися испарениями, или магический круг друидов, или северное сияние.

В тот год музыкальные автоматы играли «Грустную любовь», и «Хей, Джуд» (снова и снова), и «Ярмарку в Скарборо».

Вечером, в десять минут восьмого, студент-первокурсник Джон Данси, возвращаясь в общежитие, с криком выронил все свои книжки, наткнувшись на труп в тихом уголке автостоянки перед отделением зоологии; это была девушка с перерезанным горлом и с таким блеском в глазах, словно минуту назад она отпустила самую удачную шутку в своей жизни. Данси, чьей специальностью была педагогика, а факультативом — устная речь, начал кричать и долго не мог остановиться.

Следующий день выдался ненастным и угрюмым. На уроках всех одолевали одни и те же вопросы: кто? почему? когда поймают? И особенно интригующий: ты ее знал?

Да, мы встречались в художественных мастерских.

Да, друг моего соседа в общаге встречался с ней в прошлом семестре.

Да, она как-то попросила у меня прикурить. Мы сидели в баре за соседними столиками.

Да, мы с ней...

Да...да... еще бы!

Не было студента, который не знал бы Гейл Керман с отделения изобразительного искусства. При хорошей фигурке она носила стариковские очки. У мужского населения пользовалась успехом, но девчонки, жившие с ней в одной комнате, ненавидели ее. Она редко назначала свидания, хотя другой такой шлюшки не было во всем колледже. Она была некрасивая, но обаятельная. С легким характером, но немногословная и скупая на улыбки. В ее послужном списке были лейкемия и аборт. Ко всему прочему она оказалась лесбиянкой, и ее зарезал парень, с которым у нее был роман. Семнадцатого марта, когда Нью-Шарон утонул в «киселе с молоком», Гейл Керман стала местной знаменитостью.

Вскоре появилось полдюжины полицейских машин, и почти все припарковались перед входом в Джудит Франклин Холл, где жила Керман. Когда я проходил мимо, направляясь на десятичасовое занятие, меня остановили и попросили предъявить студенческое удостоверение. У меня хватило ума показать то, на которое я сфотографировался без клыков вампира.

— При тебе нож есть? — расставил силки полицейский.

— Вы насчет Гейл Керман? — спросил я, после того как объяснил ему, что если у меня и есть смертоносное оружие, так это брелок «заячья лапка».

— А почему ты спросил? — тут же набросился он на меня.

В результате я опоздал в класс на пять минут.

Весна растеклась «молочным киселем», и в тот вечер никто не рискнул пройтись в одиночку по кампусу — полуреальному, полуфантастическому. Снова подполз туман, густой и вкрадчивый, принес с собой запахи моря.

Я уже битых два часа вымучивал работу о Джоне Мильтоне, когда около девяти вечера в комнату общаги ворвался мой сосед с криком:

— Его поймали! Сам слышал в столовке.

— От кого?

— Я его не знаю. Короче, это сделал ее дружок. Карл Амалара.

Я откинулся на спинку стула, одновременно со вздохом облегчения и разочарования. Такое имя от фонаря не назовут. Итак, еще одно гнусное преступление не почве ревности.

— Вот и отлично, — сказал я.

Он ушел раззванивать новость по всей общаге. Я перечитал свои рассуждения о Мильтоне, ничего не понял, порвал работу и начал заново.

На следующий день газеты поместили фотографию Амалары — весьма выигрышную, могли бы найти и похуже, — сделанную, видимо, по случаю окончания школы: такой грустный мальчик, смуглое лицо, темные глаза, на носу следы от оспин. Амалара пока не признавался, но слишком много фактов говорило против него. Последний месяц он и Гэйл Керман часто ссорились, а неделю назад вообще разорвали отношения. Сосед Амалара сказал, что тот ходил «какой-то подавленный». В сундучке под кроватью полиция обнаружила семидюймовый охотничий нож из магазина «Л.Л.Бинза», а также карточку убитой, изрезанную ножницами.

Рядом с фотографией Амалары газеты поместили снимок Гейл Керман — весьма неважный: по виду скромненькая блондиночка в очках и рядом с ней собака. Блондинка щурилась и кривила губы в вымученной улыбке. Одна ее рука лежала на голове собаки. Все казалось убедительным. Должно было казаться убедительным.

Ночью снова подобрался туман — даже не по-кошачьи, а скорее по-пластунски. Я решил пройтись. Болела голова, и я вышел подышать свежим воздухом; пахло промозглой весенней сыростью, перед которой неохотно отступал снег, обнажая стариковские проплешины прошлогодней травы.

Эта ночь врезалась мне в память как одна из самых прекрасных. Под нимбами фонарей прохожие — шепчущиеся тени — напоминали идущих в обнимку влюблен-

ных. Талый снег играл и пел, играл и пел в водостоках, и в песне чудились голоса моря, ушедшего от берегов.

Я бродил почти до полуночи, пока весь не вымок, по ветвистым дорожкам, среди теней и приглушенных шагов. Кто поручится, что мне не встретилась тень того, о ком вскоре заговорят как о Мартовском Выползне? Я, например, не поручусь: лица надежно скрывал туман.

Утром меня разбудил шум в холле. Я высунулся, наспех приглаживая волосы обеими руками и пытаюсь пошевелить языком, который, как гусеница, прилип к верхнему небу. Я хотел спросить, кого там еще к нам зачислили, но мой вопрос опередили.

— Новая жертва! — крикнул кто-то, бледный от возбуждения. — Так что его выпустили.

— Кого?

— Амалару! — радостно сказал второй. — Когда это случилось, Амалара сидел в кутузке.

— Что случилось-то? — терпеливо спрашивал я. Ничего, говорил я себе, разберемся. Сейчас все станет на свои места.

— Этот тип убил ночью новую жертву. И теперь ищут, куда он ее дел.

— Кого? Жертву?

Передо мной опять качалось чье-то бледное лицо:

— Голову! Он ее обезглавил!

Колледж Нью-Шарон и сегодня не из больших, а тогда был еще меньше — о таких заведениях специалисты по связям с общественностью говорят «студенческая коммуна». Это и была коммуна, во всяком случае восемь лет назад: при встрече все кивали друг другу, хотя могли ни разу словом не перекинуться. Кивая той же Гейл Керман, ты понимал, что где-то ты наверняка ее видел.

Другое дело Энн Брэй — тут гадать не приходилось. Годом раньше она заняла второе место в конкурсе «Мисс Новая Англия»: она там потрясно вертела зажженный с двух сторон жезл под мелодию «Ты рассмотри меня получше». С серым веществом у нее тоже был полный порядок — редактор студенческого еженедельника (вернее сказать, газетного листка, в основном заполненного политическими

кариатурами и выпендражными письмами), участник драматического кружка и президент местного отделения Национальной женской организации. На первом курсе, когда я был совсем еще молодой и горячий, я как-то раз передал в ее газетку материал на колонку, а ее саму попросил о свидании — и получил сразу два отказа.

И вот сейчас она мертвая... хуже, чем мертвая.

Утром, по дороге на занятия, я кивал своим знакомым или бросал «привет» с какой-то особой старательностью, словно хотел этим сгладить бесцеремонность, с какой я их в упор разглядывал. А они, в свою очередь, меня. Среди нас был *черный человек*. Черный, как массивные пушки времен гражданской войны, то и дело обволакиваемые туманом. Мы вглядывались друг другу в лицо, ища эту самую черноту.

На этот раз арестов не последовало. Полицейские машины, как голубые жуки, круглосуточно ползли в тумане по студенческому городку с восемнадцатого по двадцатое, и свет фар тыкался во все углы и закоулки. Администрация ввела комендантский час — 21.00. Влюбленная парочка, имевшая глупость обниматься в рощице, что за Домом выпускников, угодила в участок, где ее промурыжили три часа.

Двадцатого прозвучала ложная тревога, после того, как на той же стоянке, где была убита Грейл Керман, обнаружили парня в бессознательном состоянии. Совершенно потерявший голову участковый полицейский, даже не пощупав пульс, положил тело на заднее сиденье, прикрыл лицо местной топографической картой и, врубив сирену, погнал машину через вымерший кампус в ближайшую больницу. Вой стоял такой, будто сонмище ведьм летело на шабаш. На полдороге покойник сел и тупо спросил: «Где я, а?» С полицейским едва не случился родимчик, чудом в кювет не угодил. Тот, кого он принял за покойника, оказался первокурсником Доналдом Моррисом. Два дня тот пролежал с тяжелым гриппом — кажется, гонконгским, хотя могу и ошибиться, — а тут потащился в столовку за супом и жареными хлебцами, и на тебе, хлопнулся в обморок.

А ростепель продолжалась. Люди собирались кучками, причем кучки эти быстро распадались и так же быстро возникали. Невозможно было слишком долго видеть одни и те же лица — в голове начинали крутиться нехорошие мысли. Слухи распространялись со скоростью света. Кто-то видел уважаемого профессора-историка возле моста, и он якобы то рыдал, то хохотал как безумный. Кто-то слышал, что Гейл Керман перед смертью написала кровью два пророческих слова на стоянке возле отделения зоологии. А еще говорили, что это ритуальные убийства с политической окраской и совершены они якобы экстремистом, бывшим членом организации «Студенты за демократическое общество» в знак протеста против войны во Вьетнаме. Это уж вообще не лезло ни в какие ворота. В Нью-Шароне эсдэовцев было семь душ. Одна такая акция, и от местной организации мокрого бы места не осталось. Из этой «утки» родились совсем уже зловещие слухи, которые распространялись здешними правыми. Короче, в течение сумасшедшей ростепельной недели мы все только тем и занимались, что высматривали повсюду экстремистов.

Репортеры, кидавшиеся из одной крайности в другую, дружно игнорировали очевидную схожесть почерка *нашего* убийцы с действиями знаменитого Джека Потрошителя, предпочитая искать аналогии в далеком 1819 году.

Энн Брэй была найдена на раскисшей земле, однако не было никаких следов — ни нападавшего, ни жертвы. Бойкий журналист из Нью-Гэмпшира, явно питавший слабость к мистике, окрестил убийцу Мартовским Выползнем в честь небезызвестного доктора Джона Хокинса из Бристоля, прикончившего пятерых своих жен различными аптекарскими инструментами. Отчасти, наверное, из-за отсутствия на мокрой земле каких бы то ни было следов эта кличка сразу закрепилась за убийцей.

Двадцать первого зарядил дождь. Торговые ряды в виде каре и сам внутренний дворик превратились в стоячее болото. Полиция объявила, что сокращает количество патрульных машин вдвое, зато внедряет переодетых детективов, мужчин и женщин.

Студенческая газета вышла с резкой, хотя и не совсем внятной редакционной статьей. Смысл ее сводился к тому, что из-за этого маскарада с ряжеными полицейскими, изображающими из себя студентов, невозможно будет отличить чужака-преступника от подставных фигур.

Вместе с сумерками снова опустилась туманная мгла и не спеша, словно бы в раздумье, поползла по улочкам, накрывая дома один за другим. Вся такая легкая, бесплотная и при этом неумолимая, зловещая. В том, что Мартовский Выползень был мужчина, никто не сомневался, а его сообщницей была эта мгла — женщина... такое у меня было ощущение. Наш маленький колледж словно угодил ненароком в пылкие объятия двух безумцев, чье брачное ложе было освящено кровью. Я сидел, курил, смотрел, как вспыхивают огни в сгущающихся сумерках, и задавался вопросом: «Все ли на этом закончилось?» В комнату вошел мой сосед и тихо прикрыл за собой дверь.

— Скоро пойдет снег, — сказал он.

Я обернулся.

— Что, объявили по радио прогноз?

— Нет, — сказал он. — Тут прогноз не нужен. Про весенний «молочный кисель» слышал?

— Вроде слышал, — сказал я. — В детстве. Это что-то из лексикона наших бабушек.

Он стоял рядом, глядя в окно на подступающую тьму.

— Бабье лето не каждый год бывает, — сказал он, — а такая весна вообще редкость. В здешних краях настоящее бабье лето — в три года раз. А такое — раз в десять лет. Это же ложная весна, обманная... точно так же, как бабье лето — обманное лето. Моя бабка говорила: «После этого «молочного киселя» жди возврата зимы. Чем дольше эта ростепель, тем сильнее обрушится снежная буря».

— Сказки, — сказал я. — Неужели ты в это веришь? — Я заглянул ему в глаза. — И все равно как-то не по себе. Тебе тоже?

Он одобряюще улыбнулся и вытянул одну сигаретку из раскрытой пачки, лежавшей на подоконнике.

— Я подозреваю всех, кроме нас с тобой, — сказал он, и улыбка его как-то съежилась. — Бывает, что и тебя

подозреваю. Ну что, сыграем в клубе на бильярде? Даю тебе фору — десять шаров.

— На следующей неделе у нас контрольная по тригонометрии. Как бы не схлопотать жирный «неуд» и пару ласковых в придачу.

Он ушел, а я еще долго глядел в окно. А когда я открыл книгу и стал понемногу врубаться, мысленно я был *там*, среди блуждающих вечерних теней, там, где вступал в свои права главный призрак.

В эту ночь была убита Адель Паркинс. Шесть полицейских машин и семнадцать агентов в штатском, в том числе восемь девушек из самого Бостона, с виду обычные студентки, — вот такими силами патрулировался кампус. И все равно Мартовский Выползень прикончил новую жертву, безошибочно выбрав ее среди «своих». И ложная, обманная весна была его пособницей, его подстрекательницей. Он убил новую жертву и оставил за рулем ее «доджа» модели 1964 года, где ее утром и нашли... не всю... что-то лежало на заднем сиденье, а что-то в багажнике. На ветровом стекле кровью было нацарапано (нет, это уже не слухи) : ХА! ХА!

Городок охватила легкая паника. Адель Паркинс мы как бы и знали и не знали. Неприметная, задерганная женщина, которая гнула спину в студенческой столовке в вечернюю смену, когда прожорливая шатия-братия по пути из библиотеки опустошает подносы с гамбургерами. Ее последние дни — имеются в виду рабочие — были сравнительно легкими: комендантский час строго соблюдался, и после девяти вечера в столовую заглядывали только голодные полицейские и ночные сторожа, повеселевшие с тех пор, как охранять им стало, в сущности, нечего.

Я начинаю закругляться. Полиция, которую прижали к стене и которая стала такая же нервная, как мы все, арестовала безобидного гомика, выпускника отделения социологии, некоего Хэнсона Грэя только потому, что он «толком не помнил», где ночевал три или четыре раза. Ему предъявили обвинение, назначили судебные слушания и...отпустили восвояси в родной Нью-Гэмпшир, после

того как в последнюю ночь этой безумной весны была убита Марша Курран в районе торговых рядов.

Почему она оказалась на улице, одна, навсегда останется загадкой. В этой миловидной толстушке было что-то трогательно-беззащитное. Она снимала городскую квартиру с еще тремя подружками. На территорию кампуса она прошмыгнула легко и бесшумно — точно сам Мартовский Выползень. Что привело ее сюда? Как знать, может быть, инстинкт, погнавший ее на улицу, сидел в ней так же глубоко и подчинял ее себе так же властно, как и инстинкт ее убийцы. Может быть, этот инстинкт гнал ее навстречу одной-единственной страсти, чтобы она могла обручиться навек с этой ночью, и теплым туманом, и запахом моря, и холодным лезвием ножа.

Это случилось двадцать третьего. А двадцать четвертого президент колледжа объявил, что весенние каникулы начинаются раньше, и мы разбежались — без обычных проявлений восторга, разбежались, как испуганные овцы перед грозой, оставив вымерший кампус в распоряжении суетившихся полицейских и озабоченного инспектора.

Я был с машиной и прихватил с собой еще шестерых. Они наспех побросали свои пожитки, и мы умчались. Особой радости от езды никто не получил. Неприятно думать, что твой сосед может быть Мартовским Выползнем.

В эту ночь ртутный столбик упал сразу на пятнадцать градусов и на Новую Англию с воем обрушился северный ветер; началось со слякоти, а закончилось снежными сугробами. Раскидывая их потом лопатой, кое-кто из старичков, как водится, заработал инфаркт. И вдруг; как по мановению волшебной палочки, наступил апрель. Теплые грозы, звездные ночи.

Бог его знает, откуда взялось название «кисель с молоком», но эта короткая пора — нехорошая, обманная, и случается она раз в десять лет. Вместе с туманом покинул городок и Мартовский Выползень. К началу июня кампус уже жил протестами против наборов в армию и сидячей забастовкой перед офисом известного производителя напалма, который набирал рабсилу. В июне о Мартовском Выползне уже никто не вспоминал — по

крайней мере вслух. Подозреваю, однако, что многие снова и снова перебирали в памяти недавние события с тайной надеждой обнаружить на поверхности метафизического яйца, сводящего с ума своей идеальной гладкостью, хоть одну трещину, которая бы навела на разгадку всей этой истории.

В этот год я окончил колледж, а еще через год женился. Я получил приличную работу в местном издательстве. В 1971 году у нас родился ребенок, скоро ему в школу. Хороший, смысленный мальчик, мои глаза, рот матери.

И вдруг — сегодняшняя газета.

Я, конечно, понял, что она снова к нам пожаловала. Понял еще вчера, когда проснулся от звуков талой воды, забормотавшей о чем-то неведомом в водосточной трубе, а выйдя на крыльцо, втянул носом соленые запахи океана, до которого от нас добрых девять миль. Я понял, что снова в наши края пришла кисельно-молочная весна, когда, возвращаясь с работы, я должен был включить фары дальнего света, чтобы пробить сероватую мглу, наползавшую из полей и низин, смазывавшую очертания домов, клубившуюся вокруг уличных фонарей золотистыми нимбами из детской сказки.

Сегодняшняя газета сообщила о том, что ночью на территории студенческого кампуса, возле пушек времен гражданской войны была убита девушка. Ее нашли на берегу реки в подтаявшем сугробе. Ее нашли... ее нашли не всю.

Моя жена в расстроенных чувствах. Она хочет знать, где я был этой ночью. Я не могу ей сказать, потому что не помню. Помню, как после работы сел в машину, как включил фары, рассекая красивое клубящееся марево. А дальше ничего не помню.

Я думаю о другой туманной ночи, когда у меня разболелась голова и я вышел подышать свежим воздухом, а мимо меня скользили тени, бесформенные, бесплотные. А еще я думаю о своей машине, точнее о багажнике, — какое мерзкое слово! — и никак не могу понять, отчего я боюсь открыть его.

Я пишу это, а в соседней комнате плачет жена. Ей кажется, что я провел эту ночь с другой женщиной.

Видит Бог, мне тоже так кажется.

ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ
НИКОМУ
НЕ ПОДАВАЛ
РУКИ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НИКОМУ НЕ ПОДАВАЛ РУКИ

За окном был морозный вечер, часы пробили восемь, и вскоре мы все перебрались в библиотеку, прихватив с собой бокалы, которые Стивенс не забывал вовремя наполнять. Довольно долго тишину нарушали только треск огня в камине, отдаленное постукивание бильярдных шаров да вой ветра. Но в доме номер 249в было тепло.

Помнится, справа от меня в тот вечер сидел Дэвид Адли, а слева Эмлин Маккэррон — однажды он нас напугал рассказом о женщине, разродившейся в невыносимых обстоятельствах. Против меня сидел Йоханссон с «Уоллстрит мэгэзин» на коленях.

Вошел Стивенс и вручил Джорджу Грегсону ненадписанный пакет. Стивенс — идеальный дворецкий, невзирая на заметный бруклинский акцент (или бла. даря ему), и главное его достоинство состоит в том, что он всегда безошибочно угадывает, кому передать послание, если адресат не указан.

Джордж взял пакет и какое-то время неподвижно сидел в своем высоком кресле с подголовником, глядя на огонь в камине, где при желании можно было бы зажарить здорового бычка. Я видел, как в его глазах что-то промелькнуло, когда взгляд его упал на афоризм, выбитый на каменном цоколе: СЕКРЕТ В РАССКАЗЕ, А НЕ В РАССКАЗЧИКЕ.

Он разорвал пакет своими старческими дрожащими пальцами и швырнул содержимое в огонь. Вспыхнула яркая радуга, которая вызвала у присутствующих легкое оживление. Я обернулся к Стивенсу, стоявшему в тени у двери. Руки сложены за спиной, лицо бесстрастно.

Внезапно молчание нарушил скрипучий, немного ворчливый голос Джорджа, и мы все вздрогнули. Во всяком случае за себя ручаюсь.

— Однажды я был свидетелем того, как в этой темноте убили человека, — сказал Джордж Грегсон, — хотя никакой суд не вынес бы убийце обвинительного приговора. Кончилось, однако, тем, что он сам себя осудил и сам привел приговор в исполнение.

Установилась пауза, пока он разжигал трубку. Его морщинистое лицо окутал голубоватый дым; спичку он загасил замедленным движением ревматика. Он бросил спичку на горячий пепел, оставшийся после сожженного пакета, и проследил за тем, как она обуглилась. Под кустистыми седоватыми бровями прятались цепкие синие глаза, выразившие сейчас задумчивость. Крупный нос крючком, узкие жесткие губы, втянутая в плечи голова.

— Не дразните нас, Джордж, — проворчал Питер Эндрюс. — Рассказывайте.

— Расскажу. Наберитесь терпения.

Мы ждали, пока он вполне не удовлетворился тем, как раскурена трубка. Уложив в глубокую чашечку из корня верескового дерева аккуратный слой угольков, Джордж сложил на коленях подрагивающие руки и начал:

— Так вот. Мне восемьдесят пять лет, а то, что я собираюсь вам рассказать, случилось, когда мне было двадцать или около того. Если быть точным, в 1919-м. Я как раз вернулся с Большой Войны. Пятью месяцами ранее умерла моя невеста, от инфлюэнцы. Ей едва исполнилось девятнадцать. Боюсь, что спиртному и картам я тогда уделял чрезмерное внимание. Видите ли, она ждала меня два года, и не проходило недели, чтобы я не получил от нее письма. Да, я загулял и потерял чувство меры; может быть, вы скорее меня поймете, узнав, что я тогда не имел никакой опоры ни в семье, ни в вере — из окопов, знаете, догматы христианства выглядят в несколько комическом свете. Зато не покривив душой, могу сказать, что настоящие друзья, которые были со мной в дни испытаний, не оставляли меня одного. Их у меня было пятьдесят три (многие ли похвалятся таким

числом?): пятьдесят две карты в колоде да бутылка виски «Катти Сарк». Между прочим, поселился я в этих самых апартаментах на Бреннан-стрит. Правда, стоили они тогда несравнимо дешевле и лекарств на полке было куда меньше. А вот времени я здесь проводил, пожалуй, столько же — в доме номер 249в и тогда легко было составить компанию для покера.

Тут его перебил Дэвид Адли, и, хотя на губах его играла улыбка, вопрос прозвучал со всей серьезностью:

— А что Стивенс? Он уже служил у вас, Джордж?

Грегсон повернулся к дворецкому:

— Стивенс, вы служили мне тогда, или это был ваш отец?

Ответ сопровождался отдаленным подобием улыбки:

— Я полагаю, шестьдесят пять лет назад этим человеком мог быть мой дед, сэр.

— Во всяком случае место вы получили по наследству, — философски изрек Адли.

— Как вам будет угодно, — вежливо откликнулся Стивенс.

— Я вот сейчас вспоминаю его, — снова заговорил Джордж, — и, знаете, Стивенс, вы поразительно похожи на вашего... вы сказали *деда*?

— Именно так, сэр.

— Если бы вас поставить рядом, .. бы, пожалуй, затруднился сказать, кто есть кто... впрочем, этого уже не проверишь, не так ли?

— Да, сэр.

— Ну так вот, я сидел в ломберной — вон за той дверью — и раскладывал пасьянс, когда увидел Генри Брауэра... в первый и в последний раз. Нас уже было четверо, готовых сесть за покер; мы ждали пятого. И тут Джейсон Дэвидсон сообщает мне, что Джордж Оксли, наш пятый партнер, сломал ногу и лежит в гипсе, подвешенный к дурацкому блоку. Увы, подумал я, видимо, игра сегодня не состоится. Впереди долгий вечер, и нечем отвлечься от печальных мыслей, остается только раскладывать пасьянс и глушить себя слоновьими дозами виски. Как вдруг из дальнего угла раздался спокойный приятный голос:

— Джентльмены, речь, кажется, идет о покере. Я с удовольствием составлю вам компанию, если вы, конечно, не возражаете.

До этого момента гость сидел, зарывшись в газету «Уорлд», поэтому я впервые мог разглядеть его. Я увидел молодого человека со старым лицом... вы понимаете, о чем я? После смерти Розали на моем лице появились точно такие же отметины, только их было гораздо меньше. Молодому человеку, судя по его шевелюре, было не больше двадцати восьми, но опыт успел наложить отпечаток на его лицо, в глазах же, очень темных, залегла даже не печаль, а какая-то затравленность. У него была приятная наружность — короткие подстриженные усики, темно-русые волосы. Верхняя пуговица воротничка элегантного коричневого костюма была расстегнута.

— Меня зовут Генри Брауэр, — отрекомендовался он.

Дэвидсон тотчас бросился к нему с протянутой рукой, от радости он, кажется, готов был силой схватить покоившуюся на коленях ладонь молодого человека. И тут произошло странное: Брауэр выронил газету и резко поднял вверх обе руки, так что они оказались вне досягаемости. На его лице был написан ужас.

Дэвидсон остановился в замешательстве, скорее смущенный, чем рассерженный. Ему самому было двадцать два. Господи, какие же мы были... телята.

— Прошу прощения, — со всей серьезностью сказал Брауэр, — но я никогда не пожимаю руки!

Дэвидсон захлопал ресницами:

— Никогда? Как странно. Но отчего же?

Вы уже поняли, что он был настоящий теленок. Брауэр попытался объяснить ему как можно доходчивее, с открытой (хотя и страдальческой) улыбкой:

— Я только что из Бомбея. Удивительное место... толпы, грязь... эпидемии, болезни. На городских стенах охорашиваются стервятники. Я пробыл там два года в торговой миссии, и наша западная традиция обмениваться рукопожатием стала вызывать у меня священный ужас. Я отдаю себе отчет в том, что поступаю глупо и невежливо, но ничего не могу с собой поделать. И если вы не будете

столь великодушны, что расстанетесь со мной без обиды в сердце...

— С одним условием, — улыбнулся Дэвидсон.

— Каким же?

— Вы сядете за игровой стол и пригубите виски моего друга Джорджа, а я пока схожу за Бейкером, Френчем и Джеком Уайлденом.

Брауэр учтиво кивнул и отложил в сторону газету. Дэвидсон круто развернулся и бросился за остальными партнерами. Мы с Брауэром пересели за стол, покрытый зеленым сукном, я предложил ему выпить, он вежливо отказался и сам заказал бутылку. В этом я усмотрел новое свидетельство его странной фобии и промолчал. Я знал людей, чей страх перед микробами и заразными болезнями был сродни брауэровскому, если не сильнее. Вероятно, вам тоже известны подобные случаи.

Мы покивали в знак согласия, а Джордж продолжал:

— Как здесь хорошо, — задумчиво произнес Брауэр. — С тех пор, как я оставил службу в Индии, я избегал общества. Негоже человеку быть одному. Я полагаю, даже для самых независимых самоизоляция есть худшая из пыток!

Он сказал это с каким-то особым нажимом; я молча согласился. Что такое настоящее одиночество, я хорошо почувствовал в окопах, ночью. Еще острее — после смерти Розали. Я начинал прочкаться симпатией к Брауэру, несмотря на столь откровенную эксцентричность.

— Бомбей, наверно, удивительный город, — заметил я.

— Удивительный... и отвратительный. С нашей точки зрения, многое в тамошней жизни просто не укладывается в голове. Например, их реакция на автомобили: дети шарахаются от них в сторону, а затем бегут за ними несколько кварталов. Самолет в глазах местных жителей — сверхъестественное чудовище. То, что мы воспринимаем с абсолютным спокойствием или с оттенком самодовольства, для них чудо; но, скажу вам честно, с таким же ужасом я впервые смотрел на уличного бродягу, проглотившего пачку стальных иголок и вытаскивавшего их одну за другой из открытых язв на кончиках пальцев. А для них это в порядке вещей.

— Как знать, — продолжил он с некоторой торжественностью, — возможно, этим двум культурам суждено было не смешиваться, но существовать обособленно, каждой со своими чудесами. Проглоти вы или я пакет с иглоками, и нам не избежать медленной и мучительной смерти. А что касается автомобилей... — он умолк с отрешенным выражением лица.

Я собирался что-то сказать, но тут появился Стивенс-старший с бутылкой шотландского виски для Брауэра, а за ним Дэвидсон и остальные.

Прежде чем отрекомендовать своих приятелей, Дэвидсон обратился к Брауэру:

— Генри, я их предупредил о вашей маленькой причуде, так что можете ни о чем не беспокоиться. Позвольте вам представить: Даррел Бейкер... этот суровый мужчина с бородой — Эндрю Френч... и, наконец, Джек Уайлден. Джорджа Грегсона вы уже знаете.

Брауэр с учтивой улыбкой поклонился каждому, что как бы заменяло рукопожатие. Тут же были распечатаны три колоды карт, деньги обменены на фишки, и игра началась.

Мы играли шесть часов кряду. Я сорвал около двухсот долларов; Бейкер игрок довольно слабый, оставил долларов восемьсот и глазом не моргнул (его отец владел тремя самыми крупными обувными фабриками в Новой Англии); Френч с Уайлденом поделили, примерно поровну, остальные шесть сотен. Дэвидсон оказался в небольшом плюсе, а Брауэр в таком же минусе, но для последнего остаться почти что при своих было равносильно подвигу: ему весь вечер фатально не шла карта. Он одинаково свободно чувствовал себя как в традиционной игре с пятью картами на руках, так и в новомодном варианте с семью картами, и, по-моему, он несколько раз сорвал банк на чистом блефе, на который сам я скорее всего не отважился бы.

Я обратил внимание: пил он изрядно, к последней сдаче почти усидел в одиночку бутылку виски, но язык у него не заплетался, играл он безошибочно и при этом был постоянно начеку, если чьи-то пальцы вдруг оказывались в опасной от него близости. В случае выигрыша он не забирал банк, пока все до последней фишки не были

разменены на наличность или если кто-то по рассеянности не делал вовремя ставку. Один раз Дэвидсон поставил свой стакан рядом с его локтем, и Брауэр, отпрянув, едва не расплескал собственный. Бейкер удивленно поднял брови, но Дэвидсон разрядил обстановку.

Перед этим Джек Уайлден заявил, что ему предстоит неблизкая дорога в Олбани и что хорошо бы ограничиться последним кругом. Круг заканчивался на Френче, который объявил, что сдает по семь.

Я помню эту последнюю сдачу так же отчетливо, как свое имя; а спроси вы меня, с кем я вчера обедал и что подавали, я ведь, пожалуй, не отвечу. Вот они, парадоксы возраста. Впрочем, будь вы тогда на моем месте, вы бы тоже не забыли.

Мне сдали две червы в закрытую и одну в открытую. Про Уайлдена и Френча ничего не скажу, у Дэвидсона же был туз червей, а у Брауэра десятка пик. Дэвидсон прошел двумя долларами — пять был потолок, — и все получили еще по одной открытой карте. Я прикупил к трем червям четвертую, Брауэр — валета пик к десятке. Дэвидсону досталась тройка, и, хотя это вряд ли поправило его дела, он добавил еще три доллара. «Последняя игра, — весело сказал он. — Не скупитесь, мальчишки! Завтра мне предстоит угощать одну даму!»

Нагадай мне кто-нибудь, что эта фраза будет преследовать меня всю мою жизнь, я бы не поверил.

Френч в третий раз сдал по одной в открытую. Мне для цвета ничего не пришло, а вот Бейкер, главный неудачник, составил пару — кажется, королей. Брауэр получил двойку бубен, которая была ему как-то ни к чему. Бейкер со своей парой поставил пять долларов, максимум, Дэвид не задумываясь поставил еще пять. Остальные поддержали, и Френч в последний раз сдал в открытую. Я прикупил короля червей и оказался с цветом. Бейкер взял к своей паре третьего короля. Дэвидсон увидел второго туза, и глаза у него заблестели. Брауэру досталась трефовая дама, и почему он сразу не вышел из игры, я, убей меня Бог, понять не мог: казалось, в очередной раз за этот вечер он оказался ни с чем.

Ставки резко возросли. Бейкер дал пять, Дэвидсон пять добавил, Брауэр доставил десять. Со словами: «Ну, с моей парой мне здесь делать нечего», — Джек Уайлден сбросил карты. Я поставил десять и еще пять. Бейкер доставил и накинул столько же.

Я не стану утомлять вас скучными подробностями. Замечу лишь, что каждый мог трижды пройтись по максимуму, и все мы — Бейкер, Дэвидсон и я — воспользовались этим правом. Брауэр — тот всякий раз просто доставлял, выждав паузу, когда все уберут руки от денег. А денег уже собралось немало — двести с чем-то. И тогда Френч раздал по последней, в закрытую.

Воцарилось молчание, пока все смотрели свои карты, хотя мне-то смотреть было не на что, у меня уже была комбинация и, судя по общему раскладу, сильная. Бейкер поставил пять, Дэвидсон увеличил, и мы все поглядели на Брауэра. Тот давно снял галстук и расстегнул вторую пуговицу, к щекам прихлынула кровь от выпитого виски, но он оставался все таким же невозмутимым. «Десять... и еще пять», — сказал он.

Я даже сморгнул от удивления: я не сомневался, что он скинет. Ну а с моими картами я, конечно, должен был играть на выигрыш, поэтому я приплюсовал еще пять долларов. Мы торговались без ограничений, и банк рос как на дрожжах. Я остановился первым, довольный уже тем, что, по-видимому, накажу кого-то с фулем. За мной последовал Бейкер, уже кидавший подозрительные взгляды то на Дэвидсона с его парой тузов, то на Брауэра с его загадочным пшиком. Как уже говорилось, Бейкер был слабый игрок, но его хватало на то, чтобы учуять в воздухе опасность.

Дэвидсон и Брауэр поднимали ставки еще раз по десять, если не больше. Мы с Бейкером вынужденно отвечали — слишком много было поставлено. Фишки у всех кончились, и поверх груды пластмассовых кругляшек росла гора бумажных денег.

— Ну ладно, — сказал Дэвидсон после того, как Брауэр в очередной раз поднял банк, — пожалуй, я раскроюсь. Если это был блеф, Генри, то он вам вполне удался.

Но я должен вас проверить, да и Джеку предстоит дальняя дорога. — С этими словами он бросил пять долларов и повторил: — Раскроемся.

Не знаю, как другие, а я почувствовал облегчение, не имевшее, кстати, никакого отношения к выложенной сумме. Игра пошла на выживание, и если мы с Бейкером могли себе позволить проиграть, то для Дэвидсона это был вопрос жизни. Он не вылезал из долгов, имея источником дохода скромное наследство, оставленное ему тетушкой. Ну а Брауэр — был ли ему такой проигрыш по средствам? Не забывайте, джентльмены, на кону стояло свыше тысячи долларов.

Джордж умолк. Его трубка погасла.

— А дальше? — весь подался вперед Адли. — Не раздражайте нас, Джордж. Видите, мы ерзаем от нетерпения. Огоршите нас неожиданным финалом или успокойте.

— Немного выдержки, мой друг, — невозмутимо отвечал Джордж. Он чиркнул спичкой о подошву туфли и принялся раскуривать трубку. Мы напряженно ждали, храня молчание. За окном подвывал ветер.

Но вот все уладилось, трубка задымила, и Джордж продолжал:

— Как вам известно, правила покера гласят: тот, кто предлагает открыться, первым показывает карты. Но Бейкер не мог больше выносить напряжения, он перевернул одну из своих карт, лежащих лицом вниз, и все увидели королевское каре.

— У меня меньше, — сказал я. — Цвет.

— Тогда банк мой, — обратился к Бейкеру Дэвидсон и перевернул две карты. У него оказалось каре на тузах. — Отлично сыграно, господа.

И он начал сгребать гору денег.

— Подождите! — остановил его Брауэр. Он не взял Дэвидсона за руку, как мог бы поступить любой из нас, но и одного этого слова было достаточно. Дэвидсон замер с отвисшей челюстью — у него словно атрофировались лицевые мускулы. А Брауэр перевернул все три карты, и обнаружился... флеш-рояль, от восьмерки до дамы. — Я думаю, это будет старше вашего каре.

Дэвидсон покраснел, потом побледнел.

— Да, — неуверенно выдавил он из себя, словно такая последовательность комбинаций была ему в новинку. — Да, старше.

Я дорого бы дал, чтобы узнать, чем был вызван последовавший затем жест Дэвидсона. Он ведь отлично знал, что Брауэр терпеть не мог, когда к нему прикасаются; тому было множество свидетельств за этот вечер. Может, Дэвидсон запомнил, уж очень ему хотелось показать Брауэру (и всем нам), что даже такой проигрыш ему по карману и он способен перенести удар столь сокрушительной силы как истинный джентльмен. Я уже говорил вам, что он был этакий теленок, так что жест был вполне в его характере. Но не забудем: если теленка раздражить, он может и боднуть. Не убьет, конечно, и кишки не выпустит, но одним-двумя швами можно поплатиться. Такой поступок тоже был бы в характере Дэвидсона.

Да, я дорого бы дал, чтобы узнать причину... но в конце концов главное — результат.

Когда Дэвидсон убрал руки от банка, Брауэр потянулся за деньгами. На лице Дэвидсона вдруг изобразилось живейшее расположение, он схватил руку Брауэра и крепко сжал ее со словами: «Великолепно сыграно, Генри, просто великолепно. Я первый раз вижу...»

Раздался пронзительный, какой-то женский визг, прозвучавший особенно жутко в тишине ломберной комнаты; Брауэр выдернул кисть и отшатнулся. Стол едва не опрокинулся, фишки и вся наличность полетели в разные стороны.

Мы все окаменели. Брауэр, пошатываясь, сделал несколько шагов, держа перед собой вытянутую руку, точно леди Макбет в мужском варианте. Он был белый как саван, в глазах непередаваемый ужас. Мне стало страшно; ни до, ни после не испытывал я такого страха, даже когда получил телеграмму о смерти Розали.

Он начал стонать. Звук шел словно из гулкой бездны, леденящий звук, почти нечеловеческий. Помнится, я подумал: «Да ведь он сумасшедший!» И тут он понес какую-то околесицу: «Ключ... Я оставил ключ зажигания вклю-

ченным... Господи, я не хотел!» И он кинулся к лестнице, что вела в главный холл.

Я первым пришел в себя. Встал рывком из кресла и бросился за ним следом, а Бейкер, Уайлден и Дэвидсон так и не пошевелились; они напоминали высеченные из камня статуи инков, охраняющие сокровища племени.

Парадная дверь еще раскачивалась на петлях, я выбежал на улицу и сразу увидел Брауэра, стоявшего на обочине и тщетно пытавшегося поймать такси. Завидев меня, он горестно охнул, и я уже не знал, жалеть ли мне его или изумляться.

— Подождите! — крикнул я. — Примите мои извинения за Дэвидсона, хотя, уверен, он сделал это не нарочно. Но если в результате вы вынуждены покинуть нас, что ж, не смею вас задерживать. Но сначала вы должны забрать свой выигрыш, деньги немалые.

— Мне не следовало сюда приходить, — простонал он. — Ноги сами понесли меня к людям, и вот... вот чем...

Я безотчетно потянулся к нему — естественное движение человека, желающего помочь несчастному, — Брауэр же отпрянул и возопил:

— Не прикасайтесь ко мне! Мало вам одного? Боже, лучше бы я умер!

Вдруг его лихорадочный взгляд остановился на бродячем псе с ввалившимися боками и шелудивой драной шерстью. Свесив язык, пес трусил на трех лапах по другой стороне безлюдной в этот ранний час улицы — наверное, высматривал мусорный бак, чтобы перевернуть его и порыться в отбросах.

— Вот и я так же, — в задумчивости сказал Брауэр как бы самому себе. — Всеми избегаемый, обреченный на одиночество, осмеливающийся выйти на улицу лишь после того, как все запрут в своих домах. Пария!

— Послушайте, — сказал я более жестким тоном, не желая выслушивать мелодраматические излияния. — Я догадываюсь, что вы пережили сильное потрясение и это расстроило ваши нервы, но, поверьте, на войне мне довелось видеть великое множество...

— Так вы мне не верите? По-вашему, я потерял голову?

— Старина, я не знаю, вы потеряли голову или она вас, но я точно знаю, что если мы с вами еще немного подышим этой сыростью, мы определенно потеряем голос. Так что соблаговолите войти внутрь, хотя бы в холл, а я попрошу Стивенса...

Я осекся под взглядом безумца; в этом взгляде не осталось ни проблеска здравого смысла. Мне сразу вспомнились повредившиеся рассудком солдаты, которых после выматывающих боев увозили на подводах с передовой: кожа да кости, страшные невидящие глаза, язык мелет что-то несусветное.

— Не желаете ли взглянуть, как один изгой откликается на зов другого? — спросил он, игнорируя мои слова. — Смотрите же, чему я научился в чужедальных портах!

Он возвысил голос и выкрикнул как повелитель:

— Эй ты, кабыздох!

Пес задрал голову и посмотрел на него настороженными бегающими глазками (один светился яростным блеском, другой закрыло бельмо), а потом неохотно изменил направление и, прихрамывая, затрусил к тому месту, где стоял Брауэр.

Пес сделал это против своей воли, вне всякого сомнения. Он скулил, рычал, поджимал хвост, напоминавший скорее грязную веревку, а ноги сами несли его к противоположному тротуару. Он растянулся у ног Брауэра, весь дрожа и подвывая. Его впалые бока ходили ходуном, а здоровый глаз, казалось, готов был выпрыгнуть из орбиты.

У Брауэра вырвался дикий хохот, от которого я и по сей день иногда вздрагиваю во сне.

— Ну что? Убедились? — сказал он, садясь на корточки. — Он узнал во мне своего... и понял, чем это ему грозит.

Брауэр протянул руку — пес обнажил клыки и угрожающе зарычал.

— Не надо! — воскликнул я. — Он вас цапнет!

Брауэр и бровью не повел. В свете уличного фонаря его лицо, искаженное гримасой, было синевато-серым, зрачки чернели, как две прожженные в пергаменте дыры.

— Вот еще, — пропел он. — Глупости какие. Мы с ним просто обменяемся сейчас рукопожатием... как недавно с вашим другом.

Он проворно схватил собачью лапу и встряхнул. Пес отчаянно взвыл, но даже не подумал укусить человека.

Брауэр резко поднялся. Взгляд его прояснился, и только необычная бледность отличала его в эту минуту от того джентльмена, что любезно согласился быть нашим партнером за карточным столом.

— Я должен идти, — спокойно сказал он. — Пожалуйста, передайте вашим друзьям мои извинения за столь нелепое поведение. Может быть, мне еще представится случай... искупить свою вину.

— Это нам следовало бы принести свои извинения. — сказал я. — И не забудьте о деньгах, которые вы выиграли. Тысяча долларов на дороге не валяются.

— Ах да! Деньги! — его губы скривила горькая улыбка.

— Вам нет необходимости возвращаться в холл. Если вы обещаете мне подождать здесь, я принесу деньги. Обещаете?

— Да. Если вам угодно. — Он задумчиво поглядел на пса, скулящего у него в ногах. — Что, дворняга, никак напрашиваешься в гости, хочешь разок в жизни поест прилично? — И снова эта горькая улыбка.

Я оставил его, пока он не передумал, и поспешил в дом. Кто-то — скорее всего Джек Уайлден, самый рассудительный, — успел обменять фишки на «зелененькие» и сложить купюры аккуратной стопкой в центре игрового стола. Никто не проронил ни звука, пока я собирал деньги. Бейкер и Уайлден курили; Дэвидсон сидел как в воду опущенный, терзаясь муками раскаяния. Перед уходом я положил ему руку на плечо, и он проводил меня благодарным взглядом.

Когда я снова вышел на улицу, там не было ни души. Брауэр исчез. Я стоял, зажав в каждой руке по пачке денег, и бесцельно вертел головой по сторонам. Я выкрикнул его имя на случай, если он укрылся в тени где-нибудь поблизости, — ответа не последовало. Взгляд мой упал вниз. Бродячий пес лежал на прежнем месте, но я сразу

понял, что ему уже никогда не рыться в отбросах. Передо мной был труп. Клещи и блохи организованно покидали околевавшее тело. Я попятился, испытывая чувство брезгливости... и безотчетного страха. Что-то мне подсказывало: Генри Брауэр не исчез из моей жизни. Так оно и было, хотя мне не суждено было его увидеть.

От полыхавшего в камине огня остались язычки пламени, из углов комнаты потянуло холодком, однако никто не пошевелился, пока Джордж снова раскуривал трубку. Он вздохнул, скрестил ноги на другой манер, так что суставы затрещали, и продолжил свой рассказ:

— Надо ли говорить, что все участники ночной игры были единодушны: следует найти Брауэра и отдать ему выигрыш. Кто-то, возможно, назовет нас ненормальными, но, не будем забывать, наша молодость пришлась на более достойные времена. Дэвидсон совсем скис. Я попытался отвести его в сторонку и как-то взбодрить — пустое, он лишь мотнул головой и побрел домой. Я не стал его удерживать. Отоспится, решил я, и все предстанет уже не в таком мрачном свете, тогда можно будет вдвоем отправиться на розыски Брауэра. Вдвоем, потому что Уайлден уезжал из города, а Бейкеру предстояли «общественные визиты».

Надо помочь Дэвидсону вернуть чувство собственного достоинства — с этими словами я отправился к нему на квартиру утром следующего дня. Он еще спал. Можно было, конечно, разбудить, но в этом возрасте сон целителен, и я решил пока разъяснить кое-какие факты.

— Прежде всего я поговорил с вашим, Стивенс... — Джордж вопросительно вскинул брови, глядя на своего дворецкого.

— Дедом, сэра, — подсказал тот.

— Благодарю.

— Всегда к вашим услугам, сэра.

— Я поговорил с дедом Стивенса. Кстати, на этом самом месте. И выяснил, что некто Раймонд Гриэр, человек, с которым я был немного знаком, вел какие-то дела Брауэра. Гриэр служил в городской торговой палате, и я без промедления отправился в его офис, размещав-

шийся в Флатирон Билдинг. Он был у себя, и мы сразу нашли общий язык.

Когда я рассказал ему о событиях прошлой ночи, на его лице изобразилась сложная гамма чувств: жалость, озабоченность, испуг.

— Генри, бедняга! — воскликнул он. — Я ждал, что этим кончится, вот только не думал, что так скоро.

— Вы о чем? — спросил я.

— О его нервном срыве, — пояснил Гриэр. — Это случилось в год его пребывания в Бомбее, и, вероятно, никто, кроме Генри, не знает всех подробностей. Я вам расскажу, что мне известно.

То, что я услышал от Гриэра, заставило меня отнестись к Генри Брауэру с большим пониманием и симпатией. Этот молодой человек, оказалось, пережил настоящую трагедию. Как и полагается в классической трагедии, несчастье здесь явилось результатом фатальной ошибки — а именно: забывчивости.

В распоряжении у Брауэра, представителя торговой миссии в Бомбее, находился автомобиль, по тогдашним временам — экзотика. По словам Гриэра, Генри радовался как ребенок, разъезжая по узким улочкам и видя, как шарахаются выводки цыплят, а мужчины и женщины падают на колени, прося защиты у своих языческих богов. Он ездил по городу, собирая толпы оборванных детей; они следовали за ним по пятам, но всегда робели, стоило предложить им прокатиться на этом чуде техники. То был «форд-седан», модель А, один из первых автомобилей, который можно было привести в движение без заводной ручки, простым нажатием кнопки стартера. Прошу это запомнить.

Однажды Брауэр поехал в другой конец города обсудить с местным набобом возможный контракт на партию джутового каната. Как обычно, мощный рев двигателя и автомобильные выхлопы, не уступавшие в громкости пушечной пальбе, привлекли всеобщее внимание и прежде всего ребятишек.

Брауэра ждал обед с джутовым магнатом; такие обеды проводились весьма церемонно, с соблюдением всех фор-

мальностей. И вот, вскоре после того, как подали второе блюдо, — а сидели они на открытой террасе, над многолюдной улицей, — снизу послышалось знакомое чихание и рев мотора, сопровождаемые визгом и улюлюканьем.

Один отважный мальчишка, сын какого-то гуру, залез в кабину, пребывая, вероятно, в убеждении, что без сидящего за рулем белого человека дракон, который прячется в этой груде железа, не сможет выскочить наружу. И надо же было такому случиться, что Брауэр, настроенный на предстоящие переговоры, не выключил зажигание, а искра возьми да и проскочи.

Нетрудно себе представить, как мальчишка осмелел на глазах у своих сверстников, как он трогал, вертел руль и издавал губами звуки в подражание клаксону. Всякий раз, когда он поддразнивал притаившегося дракона, зрители, надо думать, приходили в священный экстаз.

Вероятно, чтобы не сползти вниз, одной ногой мальчик уперся в педаль сцепления, и тут он ненароком нажал на кнопку стартера. Двигатель был разогрет и заработал мгновенно. Перепугавшись насмерть, мальчишка должен был отдернуть ногу и приготовиться выпрыгнуть из кабины. Была бы машина старая или в неважном состоянии, мотор, скорее всего, заглох бы. Но Брауэр содержал автомобиль в образцовом порядке, и тот рванулся вперед, скачками, с воем и урчанием. Брауэр выскочил из-за стола и кинулся на улицу.

Мальчика погубила роковая случайность. Он так отчаянно пытался выбраться, что, вероятно, зацепил локтем дроссельный клапан... или надавил на него в безумной надежде, что таким способом белый человек лишает дракона его могущества. А вышло все наоборот, увы. Автомобиль, развив убийственную скорость, помчался под уклон по оживленной, весело галдящей улице, перескакивая через тюки и узлы, давя плетеные корзинки с домашними животными на продажу, разбивая в щепы тележки с цветами. На перекрестке он перелетел через бордюр, врезался в стену дома и, взорвавшись, запылал как гигантский факел.

Джордж переместил трубку в другой угол рта.

— Вот, собственно, все, что мог поведать мне Гриэр, со слов Брауэра... все, с точки зрения здравого смысла. Остальное — его горячечный бред на тему фантастических последствий столкновения двух столь несхожих культур. Перед тем как Брауэр был отозван из Бомбея, к нему явился отец погибшего мальчика, чтобы швырнуть в убийцу зарезанного цыпленка. И сопроводить это проклятьем. Дойдя до этого места, Гриэр улыбнулся, давая мне понять, что мы-то с ним люди без предрассудков, и, закурив, добавил:

— В подобных случаях непременно жди проклятий. Эти несчастные язычники не могут без театральных жестов. Они зарабатывают себе этим на хлеб.

— И в чем же заключалось проклятье?

— Разве вы еще не догадались? — удивился Гриэр. — Индус этот сказал ему: «Тот, кто применил колдовство против ребенка, станет отверженным, парией». И еще он сказал: «Все живое, к чему ни прикоснешься, ждет скорая смерть». Отныне и вовеки, аминь.

Гриэр хмыкнул.

— И что же Брауэр? Поверил в проклятье?

— Похоже, что так. Не забывайте, для Брауэра это был страшный шок. И, судя по тому, что я сейчас от вас услышал, эта его мания прогрессирует.

— Я спросил домашний адрес Брауэра, — продолжал Джордж. — Гриэр порылся в бумагах и наконец нашел нужную.

— Не гарантирую, что вы его там найдете, — сказал он. — Брауэру, сами понимаете, никто не спешит давать место, так что с деньгами у него, по-моему, негусто.

— Что-то меня резануло в этих словах, — признался нам Джордж, — но я промолчал. Было в Гриэре что-то самодовольное, высокомерное, и казалось незаслуженным, что именно он располагает пусть даже такой скудной информацией о Генри Брауэре. Я поднялся, и вдруг у меня непроизвольно вырвалось:

— Вчера ночью я был свидетелем того, как Брауэр пожал лапу шелудивой дворняге. Через пятнадцать минут собака сдохла.

— Правда? Как интересно. — Гриэр удивленно вскинул брови, словно сказанное не имело никакого отношения к теме разговора.

— Я направился к выходу, — продолжал Джордж, — но раньше открылась дверь, и на пороге возникла секретарша Гриэра.

— Извините, вы, кажется, мистер Грегсон?

— Да.

— Только что позвонил мистер Бейкер. Он просил вам передать, чтобы вы незамедлительно прибыли по адресу: 19-я стрит, дом №23.

— Я вздрогнул, — признался нам Джордж, — я ведь совсем недавно, утром, заходил туда, но Дэвидсон еще спал. Я направился к дверям, а Гриэр преспокойно погрузился в «Уолл-стрит джорнэл», попыхивая трубочкой. Больше я его не видел и, знаете, как-то не жалею об этом. Я ушел со смутным ощущением чего-то страшного — чего-то такого, что никогда не примет очертания реального страха, связанного с конкретным предметом, — слишком это все чудовищно, слишком невероятно, чтобы подходить с обычными мерками.

Тут я прервал его повествование:

— Помилуйте, Джордж, уж не хотите ли вы сказать нам, что ваш друг Дэвидсон был мертв?

— Именно так, — последовал ответ. — Я прибыл туда почти одновременно со следователем, который констатировал смерть от коронарного тромба. Через шестнадцать дней Дэвидсону должно было исполниться двадцать три года.

Почти неделю я убеждал себя: это всего-навсего роковое совпадение, о котором лучше забыть. Меня мучила бессонница, и даже мой добрый друг «Катти Сарк», врач, был бессилен мне помочь. Я говорил себе: надо разделить выигрыш между тремя участниками и забыть о том, что Генри Брауэр однажды ворвался в нашу жизнь. Не получалось. Я выписал чек на соответствующую сумму и отправился по адресу, который дал мне Гриэр, — в Гарлем.

Брауэр там уже не жил. Мне дали другой адрес, на Ист-сайде; не такой, может быть, шикарный квартал, но вполне респектабельный. Выяснилось, однако, что оттуда

он тоже съехал, примерно за месяц до нашего покерного свидания, и перебрался в Ист Вилледж, район трущоб.

Домовладелец, костлявый мужчина, у ног которого предупреждающе зарычал огромный черный дог, сообщил мне, что Брауэр с ним рассчитался третьего апреля, на следующий день после нашей игры. Я спросил новый адрес; домовладелец запрокинул голову и выдал руладу, точно горло прополоскал:

— Когда отсюда уезжают, босс, адрес один: Преисподняя, до востребования. Правда, иногда по дороге останавливаются в Бауэри.

В те дни Бауэри, превратившийся с годами в загородную зону, являл собой нечто такое, что и вообразить-то сегодня трудно: обитель бездомных, последнее прибежище потерявших человеческий облик несчастных, мечтающих о бутылке дешевого вина или о понюшке белого порошка, чтобы забыться. Я отправился в Бауэри. Там были десятки ночлежек, несколько домов призрения, куда пустили бы на ночь любого забулдыгу, и множество тесных улочек, пригодных для того, чтобы расстелить прямо на мостовой старый тюфяк с клопами. Я увидел людей-призраков, иссушенных алкоголем и наркотиками. Подлинные имена были здесь не в ходу. Какое имя может быть у того, кто скатился на самое дно... печень изъедена древесным спиртом, нос распух от кокаина, пальцы обморожены, от зубов остались черные пеньки. Я описывал Генри Брауэра каждому встречному, но безрезультатно. Хозяева пивных пожимали плечами. Многие проходили мимо, даже не подняв головы.

Я не нашел его ни в первый день, ни во второй, ни в третий. На исходе второй недели один человек признался, что видел на днях в «Номерах Деварии» мужчину с похожей внешностью.

До «Номеров» оказалось всего два квартала. За конторкой сидел древний старик с шелушащимся голым черепом и слезящимися глазами. К засиженному мухами окну была прилеплена реклама: «Одна ночь — 10 центов». Я начал описывать Брауэра, старик молча кивал. Когда я закончил, он сказал:

— Знаю его, молодой человек. Знаю, как же. Вот только память у меня слабовата... не пожалейте доллар — глядишь, и вспомню.

Я положил долларовую бумажку, и она чудесным образом исчезла. Вот вам и артрит!

— Он был у нас, молодой человек, а потом переехал.

— Куда, вы знаете?

— Так сразу и не вспомнишь. Вы уж не пожалейте еще один доллар.

Вторая бумажка исчезла столь же чудесным образом. Старик вдруг развеселился, и из его груди вырвался... нет, не смех, а этакий туберкулезный кашель.

— Ну что ж, — сказал я, — вы посмеялись в свое удовольствие, и вам за это еще приплатили. А теперь я хочу знать, куда переехал этот человек.

Старик опять весело закашлялся.

— Известно куда, за оградку Поттеровского участка, а местечко он там получил в бессрочное пользование, с чертом на пару! Что же вы не смеетесь, молодой человек? Вчера утречком, я так думаю, он окочился, потому как днем, когда я его нашел, он был еще тепленький. Сидел — точно аршин проглотил. Я зачем к нему поднялся? Или десять центов гони или... отдыхай. Вот теперь он и отдыхает за казенный счет — в ящике глубиной в шесть футов. — Собственная шутка вызвала у него очередной приступ старческого веселья.

— Ничего странного вы не заметили? — спросил я, сам себе не осмеливаясь признаться в том, как много вкладываю в свой вопрос. — Чего-то не совсем обычного?

— Что-то такое было. Так сразу и не...

Я положил на конторку доллар, чтобы освежить его память; хотя бумажка и на этот раз исчезла с завидной скоростью, ожидаемого смеха-кашля не последовало.

— Еще как заметил, — оживился старик. — Труповозку-то кто всегда вызывает? Так что я в покойниках знаю толк. Где я их только, прости Господи, не находил! И на дверном крюке, и в постели, и на пожарной лестнице в мороз, синих как Атлантика, с бутылкой между колен. А один — лет тридцать назад — захлебнулся у нас в ванной.

Ну а этот... этот сидел под винтовой лестницей в своем коричневом костюме — волосы прилизаны, грудь колесом, — как какая-нибудь важная персона из тех кварталов. И левой рукой держал правую за кисть. Да, всяких я повидал, но такого не видел: чтобы человек помер, сам себе руку пожимая!

Я отправился пешком в доки, и всю дорогу, как заезженная пластинка, меня преследовала эта его последняя фраза. Чтобы человек помер, сам себе руку пожимая!

Я прошел до конца мола, туда, где о ржавые сваи билась грязная серая вода. Там я достал из кармана чек на тысячу долларов и изорвал на мелкие клочки, которые выбросил в воду.

Джордж Грегсон изменил позу и откашлялся. В камине дотлевали угольки, просторная ломберная комната все больше выстывала. Столы и стулья казались ненастоящими, призрачными, словно увиденные во сне, где размыта граница между прошлым и настоящим. Слабые язычки пламени отбрасывали тусклый оранжевый свет на буквы, выбитые на каминном цоколе. СЕКРЕТ В РАССКАЗЕ, А НЕ В РАССКАЗЧИКЕ.

— Я встретил этого человека один раз, — снова заговорил Джордж, — а он и сейчас стоит перед глазами. Кстати, тот случай помог мне забыть о моей скорби: тот, кто может беспрепятственно находиться среди людей, уже неодинок... Стивенс, вы не принесете мне пальто? Поковыляю-ка я домой, мне давно пора лежать в постели.

Когда Стивенс принес пальто, внимание Джорджа привлекла родинка на лице дворецкого — у левого уголка рта. Он улыбнулся:

— До чего же вы все-таки похожи. У вашего деда в этом месте была точно такая же родинка.

Стивенс молча улыбнулся в ответ. Джордж вышел из комнаты, а вскоре и мы разошлись.

КУКУРУЗНЫЕ ДЕТИ

КУКУРУЗНЫЕ ДЕТИ

Берт нарочно включил радио погромче: назревала очередная ссора, и он надеялся таким образом ее избежать. Очень надеялся.

Вики что-то сказала.

— Что? — прокричал он.

— Можно сделать тише? Ты хочешь, чтобы у меня лопнули барабанные перепонки?

У него уже готов был вырваться достойный ответ, но он вовремя прикусил язык. И сделал тише.

Вики обмахивалась шейным платком, хотя в машине работал кондиционер.

— Где мы хоть находимся?

— В Небраске.

Она смерила его холодным, словно бы ничего не выражающим взглядом.

— Спасибо. Я знаю, что мы в Небраске. Нельзя ли поточнее?

— У тебя на коленях дорожный атлас, можешь посмотреть. Ты ведь умеешь читать?

— Ах, как остроумно. Вот, оказывается, почему мы свернули с автострады. Чтобы на протяжении трехсот миль разглядывать кукурузные початки. И наслаждаться остроумием Берта Робсона.

Он стиснул руль так, что побелели костяшки пальцев. Еще чуть-чуть, и он бы съездил по физиономии бывшей королевы студенческого бала. Мы спасаем наш брак, подумал он про себя, как спасали свиньи вьетконговские деревни.

— Вики, я проехал по шоссе пятнадцать тысяч миль. От самого Бостона, — он тщательно подбирая слова. —

Ты отказалась вести машину. Хорошо, я сел за руль. Тогда...

— Я не отказывалась! — запальчиво произнесла Вики. — Я не виновата, что у меня начинается мигрень, стоит мне только...

— Тогда, — продолжал он с той же размеренностью, — я спросил тебя: «А по менее оживленным дорогам ты могла бы вести машину?» Ты мне ответила: «Нет проблем». Твои слова: «Нет проблем». Тогда...

— Знаешь, я иногда спрашиваю: как меня угораздило выйти за тебя замуж?

— Ты задала мне вопрос из двух коротких слов.

Она смерила его взглядом, кусая губы. Затем взяла в руки дорожный атлас и принялась яростно листать страницы.

Дернул же меня черт свернуть с шоссе, подумал Берт, мрачней. Вот уж некстати. До этой минуты они оба вели себя весьма пристойно, ни разу не поцапались. Ему уже начинало казаться, что из этой их поездки на побережье выйдет толк: поездка была затеяна как бы с целью увидеть семью Викиного брата, а на самом деле чтобы попытаться склеить осколки их собственной семьи.

Стоило ему, однако, свернуть с шоссе, как между ними снова выросла стена отчуждения. Глухая, непробиваемая стена.

— Ты повернул после Гимбурга, так?

— Так.

— Теперь до Гатлина ни одного населенного пункта, — объявила она. — Двадцать миль — ничего, кроме асфальта. Может, хотя бы в Гатлине перекусим? Или ты все так замечательно спланировал, что у нас, как вчера, до двух часов не будет во рту маковой росинки?

Он оторвал взгляд от дороги, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Ну вот что, Вики, с меня хватит. Давай повернем назад. Ты, кажется, хотела переговорить со своим адвокатом. По-моему, самое время это...

— Берт, осторожно!.. — глаза ее вдруг расширились от испуга, хотя секунду назад она сидела с каменным лицом, глядя прямо перед собой.

Он перевел взгляд на дорогу и только успел увидеть, как что-то исчезло под бампером его «Т-берда». Он резко сбросил скорость с тошнотворным чувством, что проехался по... тут его бросило на руль, и машина, оставляя следы протекторов на асфальте, остановилась посреди дороги.

— Собака? Ну скажи мне, что это была собака.

— Парень. — Вики была белая, как крестьянский сыр. — Молодой парень. Он вышел из зарослей кукурузы, и ты его... поздравляю.

Она распахнула дверцу, и ее стошнило.

Берт сидел прямо, продолжая сжимать руль. Он не чувствовал ничего, кроме тяжелого дурманящего запаха навоза.

Он не сразу заметил, что Вики исчезла. В зеркальце заднего обзора он увидел ее склонившейся в неловкой позе над тем, что из машины казалось кучей тряпья.

Я убил человека. Так это квалифицируется. Оторвал взгляд от дороги, и вот результат.

Он выключил зажигание и вылез из машины. По высокой, в человеческий рост кукурузе пробегал ветер — точно чьи-то огромные легкие выдыхали воздух. Вики плакала, склонившись над телом.

Он успел пройти несколько метров, когда слева, среди зеленой массы кукурузных стеблей и листьев, мелькнул ярко-алый мазок, как будто из ведра выплеснулась краска.

Он остановился и стал вглядываться. Вглядываться и рассуждать (сейчас все средства были хороши, только бы отвлечься от груды тряпья, которая при ближайшем рассмотрении окажется кое-чем. пострашнее), что сезон для кукурузы выдался на редкость удачным. Стебли росли один к одному, початки уже наливались спелостью. Человек, нырнувший в полумрак зарослей, мог проплутать по этим однообразно-правильным, уходящим в никуда рядам целый божий день, прежде чем выбраться наружу. В одном месте идеальный порядок был нарушен: несколько сломанных стеблей упало, а за ними... что там чернеет, хотел бы он знать?

— Берт! — срывающимся голосом закричала Вики. — Может ты все-таки подойдешь, посмотришь? Чтобы потом за покером рассказывать своим друзьям, кого ты так ловко сшиб в Небраске?! Может, ты... — остальное утонуло в потоке рыданий. Викина четкая тень казалась лужицей, в которой она стояла. Был полдень.

Он нырнул в заросли. То, что он принял издали за краску, оказалось кровью. С сонным низким гудением садились на растения мухи, снимая пробу, и улетали — оповестить других, не иначе. Обнаружилась свежая кровь и на кукурузных листьях. Не могли же брызги, в самом деле, отлететь так далеко? Он нагнулся и поднял с земли предмет, еще с дороги обративший на себя его внимание.

Кто-то недавно здесь продирался: земля примята, стебли сломаны. И всюду кровь. Он зябко повел плечами и выбрался на дорогу.

У Вики началась истерика — с рыданиями, смехом, нечленораздельными выкриками в его адрес. Кто бы мог подумать, что все кончится так мелодраматично? Он уже давно привык к мысли, что его жена — не та, за кого он ее принимал. Он ее ненавидел. Он подошел и ударил ее по лицу наотмашь.

Она сразу смолкла и закрыла рукой красный отпечаток его ладони.

— Сидеть тебе, Берт, за решеткой, — сказала она с пафосом.

— Не думаю, — с этими словами он поставил к ее ногам чемоданчик, который нашел в зарослях.

— Чей?..

— Не знаю. Его, наверное, — он показал на тело, лежавшее в пыли ничком. Парень лет семнадцати.

Чемоданчик старого образца, кожаный, сильно потертый, обмотан бельевой веревкой, концы завязаны морским узлом. Вики хотела было развязать его, но при виде крови отшатнулась.

Берт нагнулся и бережно перевернул тело.

— Не хочу этого видеть, — пробормотала Вики и тут же встретила взглядом с незрячими глазами убитого. Но

не глаза заставили ее вскрикнуть, и даже не лицо, выпачканное в грязи и искаженное гримасой ужаса: у парня было перерезано горло.

Берт вовремя успел подхватить ее.

— Только без обмороков, — сказал он успокаивающим тоном. — Ты меня слышишь, Вики? Пожалуйста, без обмороков.

Он повторил это несколько раз. В конце концов она овладела собой и прижалась к нему всем телом. Со стороны могло показаться, что двое танцуют на залитой солнцем дороге, а под ногами у них валяется убитый.

— Вики?

— Да? — отозвалась она, уткнувшись ему в рубашку.

— Сходи в машину за ключами. Захвати с заднего сиденья одеяло и ружье.

— Ружье? Зачем?

— Мальчику перерезали горло. Тот, кто это сделал, может сейчас наблюдать за нами.

Она рывком подняла голову и расширенными от испуга глазами обвела ряды кукурузы, уходившие волнами до самого горизонта.

— Скорее всего человек этот уже скрылся, но бережного Бог бережет. Иди же.

Она направилась, пошатываясь, к машине — и тень за ней, как талисман. Когда голова ее исчезла в салоне «Т-берда», он присел на корточки возле трупa. Никаких особых примет. Жертва дорожной катастрофы, да, но не «Т-берд» перерезала ему горло. Сделано грубо, неумело — убийца явно не советовался с сержантом-фронтовиком о более «культурных» способах расправы со своей жертвой, но исход тем не менее оказался летальным. Последние тридцать футов парень либо прошел сам, либо его, смертельно раненного или уже мертвого, протащили волоком. Чтобы напоследок по нему проехался он, Берт Робсон. Если в момент наезда мальчишка еще дышал, жить ему в любом случае оставалось считанные секунды.

Он почувствовал чью-то руку на плече и вскочил как от удара током.

Это была Вики — в левой руке армейское суконное одеяло, в правой зачехленный дробовик. Она старательно отводила взгляд. Он расстелил одеяло прямо на дороге и перенес на него труп. У Вики вырвался тихий стон.

— Вики? — он встревоженно поднял голову. — Ты как, в норме?

— В норме, — с трудом выдавила она из себя.

Завернув тело в одеяло, он кое-как поднял его за края, втайне проклиная эту тяжелую страшную ношу. Тело попыталось выскользнуть сбоку, пришлось усилить хватку. Следом за Вики он медленно направился к машине.

— Открой багажник, — сказал он задышливо.

Багажник был забит чемоданами, подарками и еще всякой всячиной, необходимой в дороге. Вики перенесла что можно на заднее сиденье, и Берт, опустив тело, захлопнул крышку. Только теперь он вздохнул с облегчением.

Вики стояла возле дверцы со стороны водителя, не зная, что делать с дробовиком.

— Положи его обратно и садись.

Он глянул на часы — прошло всего пятнадцать минут, а казалось — вечность.

— А чемодан? — спросила она.

Он подбежал трусцой к месту, где старенький чемоданчик стоял на разделительной полосе — как нарисованный. Он взялся за обтрепанную ручку и на миг застыл, кожей почувствовал на себе чей-то взгляд. Ему приходилось читать о чем-то таком в развлекательных романах, и всегда он скептически относился к подобного рода описаниям. Может, напрасно? Ему вдруг показалось, что в зарослях прячутся люди, много людей, и они сейчас прикидывают, успеет ли эта женщина расчехлить ружье и открыть огонь раньше, чем они схватят его, Берта, — схватят, утащат в темные заросли, перережут горло...

С колотящимся сердцем он побежал к машине, выдернул ключ из замка багажника, быстро забрался на переднее сиденье.

Вики плакала. Берт выжал сцепление, и через минуту злополучное место скрылось из виду.

— Какой, ты сказала, ближайший населенный пункт? — спросил он.

— Сейчас, — она склонилась над атласом. — Гатлин. Мы будем там минут через десять.

— Большой? Полицейский участок там, интересно, будет?

— Небольшой. Просто точка на карте.

— Хотя бы констебль.

Какое-то время они ехали молча. Слева мелькнула силосная башня. А так — сплошная кукуруза. Хоть бы один фермерский грузовичок.

— Послушай, нам кто-нибудь попался навстречу, после того как мы свернули с автострады?

Вики подумала.

— Одна легковушка и трактор. На развязке, помнишь?

— Нет, а позже? Когда мы выехали на семнадцатое шоссе?

— Никто.

Полчаса назад он бы воспринял это как резкую отповедь, но в данном случае это была всего лишь констатация факта. Вики смотрела сквозь полуопущенное окно на однообразно уплывающую прерывистую дорожную разметку.

— Вики? Ты не откроешь этот чемодан?

— Ты думаешь...

— Не знаю. Все может быть.

Пока Вики возилась с узлами (губы поджаты, лицо отрешенное — такой он запомнил свою мать, когда она по воскресеньям потрошила цыпленка), он включил приемничек.

Волна поп-музыки, которую они слушали раньше, почти совсем ушла. Берт покрутил ручку. Фермерские сводки. Бак Оуэнс и Тэмми Уайнетт. Голоса сливались в почти неразличимый фон. Вдруг из динамиков вырвалось одно-единственное слово, да так громко и отчетливо, словно говоривший сидел в самом приемнике.

— ИСКУПЛЕНИЕ! — зывал чей-то голос.

Берт удивленно хмыкнул. Вики подскочила.

— ТОЛЬКО КРОВЬ АГНЦА СПАСЕТ НАС! — гремел голос.

Берт поспешно заглушил звук. Станция, видимо, совсем рядом, настолько близко, что... да вот же она: из зарослей торчала радиобашня — красная насекомообразная тренога.

— Искупление — вот путь к спасению, братья и сестры, — голос стал более доверительным. В отдалении хором прозвучало «аминь». — Некоторые полагают, что можно ходить путями земными и не запятнать себя мирскими грехами. Но разве этому учит нас слово Божье?

В ответ дружное:

— Нет!

— ГОСПОДЬ ВСЕМОГУЩ! — снова возвысил голос проповедник, а дальше слова падали ритмично, мощно, как на концерте рок-н-ролла: — Поймут ли они, что на этих путях — смерть? Поймут ли они, что за все приходится платить? Кто ответит? Не слышу? Господь сказал, что в Его доме много комнат, но нет в нем комнаты для прелюбодея. И для алчущего. И для осквернителя кукурузы. И для мужелюжа. И для...

Вики вырубил радио.

— Меня тошнит от этой галиматии.

— О чем это он? — спросил Берт. — Какая кукуруза?

— Я не обратила внимания, — отозвалась она, возясь с уже вторым узлом.

— Он сказал что-то про кукурузу. Я не ослышался.

— Есть! — Вики откинула крышку чемодана, лежавшего у нее на коленях. Они проехали знак: ГАТЛИН. 5 МИЛЬ. ОСТОРОЖНО — ДЕТИ. Знак был изрешечен пулями от пистолета 22-го калибра.

— Носки, — начала перечислять Вики. — Две пары брюк... рубашка... ремень... галстук с заколкой... — она показала ему миниатюрный портрет с облупившейся золотой эмалью. — Кто это?

Берт кинул беглый взгляд.

— Кажется, Хопалонг Кэссиди.

— А-а. — Она положила заколку и снова заплакала.

Берт подождал немного, а затем спросил:

— Тебя ничего не удивило в этой радиопроповеди?

— А что меня должно было удивить? Я в детстве наслушалась этих проповедей на всю оставшуюся жизнь. Я тебе рассказывала.

— Голос у него очень уж молодой, да? У проповедника.

Она презрительно фыркнула.

— Подросток, ну и что? Это-то и есть самое отвратительное. Из них начинают лепить, что хотят, пока они податливы как глина. Знают, чем их взять. Видел бы ты эти походные алтари, к которым меня таскали родители... думаешь, почему я «спаслась»? Я многих даже запомнила. Малышка Гортензия с ангельским голоском. Восемь лет. Выходила вперед и начинала: «Рука Предвечного поддерживает...», а ее папаша пускал тарелку по кругу, приговаривая: «Не скупитесь, не дайте пропасть невинному дитяти». А еще был Норман Стонтон. Этот пугал огнем и серой — такой маленький лорд Фаунтлерой в костюмчике с короткими штанишками. Да-да, — покивала она, встретив его недоверчивый взгляд, — и если бы только эти двое... Сколько таких колесило по нашим дорогам! Хорошая была примета, — словно выплонула она в сердцах. — Руби Стемпнелл, десятилетняя врачевательница словом Божиим. Сестричка Грэйс — у этих над макушками сияли нимбы из фольги. — *О Господи!*

— Что такое? — он скосил глаза направо. Вики подняла со дна какой-то предмет и напряженно его разглядывала. Берт прижался к обочине, чтобы получше рассмотреть. Вики молча передала ему предмет.

Это было распятие, сделанное из скрученных листьев кукурузы, зеленых, но уже высохших. Рукоятью служил короткий стержень молодого початка, соединенного с листьями при помощи волоконцев коричневой метелки. Большинство зерен было аккуратно удалено, вероятно, перочинным ножом. Из оставленных получился грубоватый желтый барельеф распятой человеческой фигуры. На

зернышках, изображавших глаза, — надрезы... нечто вроде зрачков. Над фигурой четыре буквы: И.Н.Ц.И.

— Потрясающая работа, — сказал он.

— Какая мерзость, — сказала она глухо. — Выброси его в окно.

— Этой штукой может заинтересоваться полиция.

— С какой стати?

— Пока не знаю, но...

— Выброси, я тебя прошу. Только этого нам здесь не хватало.

— Пускай полежит сзади. Отдадим первому же полицейскому, я тебе обещаю. Идет?

— Давай, давай! — взорвалась она. — Ты же все равно поступишь по-своему!

Он поежился и зашвырнул распятие на заднее сиденье, где оно упало поверх груды вещей. Глаза-зернышки уставились на подсветку. Машина снова рванулась вперед, из-под колес полетела мелкая галька.

— Сдадим тело и содержимое чемодана в местную полицию, и мы чисты, — примирительно сказал он.

Вики не отвечала, делая вид, что разглядывает свои руки.

Они проехали мило, и необозримые поля кукурузы отступили от дороги, освободив место домам и хозяйственным постройкам. В одном из дворов неухоженные цыплята ковырялись в земле как одержимые. Над сараями проплыли поблекшие вывески кока-колы и жевательного табака. Мелькнул рекламный щит с надписью: НАШЕ СПАСЕНИЕ В ИИСУСЕ. Проехали кафе с бензоколонкой и стоянкой для машин. Берт решил, что они остановятся на главной площади, если таковая имеется, а нет — вернуться в это кафе. Он не сразу отметил про себя, что на стоянке совсем не было машин, если не считать грязного старенького пикапа со спущенными шинами.

Ни с того ни с сего Вики пронзительно захихикала, и у Берта мелькнула мысль: уж не истерика ли это?

— Что смешного?

— Указатели. — Она снова зашлась. — Ты что, не видел? В атласе этот отрезок дороги называется Библей-

ский Свиток. Они не шутят. Вот, опять!.. — она успела подавить новый приступ нервного смеха, прикрыв рот ладонями.

Указатели висели на длинных беленых шестах, врытых вдоль обочины через каждые двадцать пять метров; очередной указатель добавлял по слову к предыдущему. Берт прочел:

ОБЛАКО... ДНЕМ... СТОЛБ... ОГНЯ... НОЧЬЮ.

— Одного не хватает, — прыснула Вики, не в силах больше сдерживаться.

— Чего же? — нахмурился Берт.

— Уточнения: реклама интимного лосьона после бритья, — она зажимала рот кулаком, но смешки просачивались между пальцев.

— Вики, ты как, в порядке?

— Да, я буду в полном порядке, когда мы окажемся за тысячу миль отсюда, в солнечной грешной Калифорнии, отделенные от Небраски Скалистыми горами.

Промелькнула новая цепочка знаков, которую они оба прочли молча.

ВОЗЬМИ... ЭТО... И... ЕШЬ... СКАЗАЛ... ГОСПОДЬ.

Странно, подумал Берт, что я сразу связал *это* с кукурузой. Сама формула, кажется, произносится священником во время причастия? Он так давно не был в церкви, что засомневался. Он бы не удивился, узнав, что в здешних местах кукурузные лепешки предлагались в качестве обла-ток. Он уже собирался сказать об этом Вики, но передумал.

Небольшой подъем, и сверху их взорам открылся Гатлин — три сонных квартала из какого-нибудь старого фильма о Великой Депрессии.

— Здесь должен быть констебль, — сказал Берт, втайне недоумевая, отчего при виде этого захолустного, размо-ренного солнцем городишка у него перехватило горло от недобрых предчувствий.

Дорожный знак предупреждал их, что следует сбавить скорость до тридцати. Ржавая табличка возвещала: **ВО ВСЕЙ НЕБРАСКЕ ВЫ НЕ НАЙДЕТЕ ТАКОГО ГОРОДКА, КАК ГАТЛИН... И НЕ ТОЛЬКО В НЕБРАСКЕ! НАСЕЛЕНИЕ 5431.**

По обеим сторонам дороги потянулись пыльные вязы, многие высохшие. Миновали дровяной склад и заправочную станцию с семьдесят шестым бензином: ОБЫЧН. за 35.9, ОЧИЩ. за 38.9. И еще: ВОДИТЕЛИ ГРУЗОВИКОВ, ДИЗЕЛЬНОЕ ТОПЛИВО С ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Они пересекли Аллею вязов, затем Березовую аллею и очутились на городской площади. Дома здесь были деревянные, крылечки с навесами — чопорные, без затей. Лужайки неухоженные. Откуда-то вылезла дворняга и, посмотрев в их сторону, разлеглась посреди улицы.

— Остановись, — потребовала Вики. — Остановись, слышишь!

Берт послушно прижался к тротуару.

— Повернем назад. Мальчика можно отвезти на Грэнд Айленд. Не так уж далеко. Поехали!

— Вики, что случилось?

— Ты меня спрашиваешь, что случилось? — голос ее зазвенел. — В этом городке нет ни души, только ты да я. Неужели ты еще не почувствовал?

Да, что-то такое он почувствовал, но, с другой стороны...

— Это так кажется, — возразил он. — Хотя, прямо скажем, жизнь здесь не бьет ключом. Может, все на распродаже кондитерских изделий или сидят по своим норкам, играют в бинго...

— Нет, нет здесь никаких людей! — в голосе появился надрыв. — Ты заправочную видел?

— Возле дровяного склада? И что? — Он думал о своем, слушая цикад в кроне вяза. В ноздри били запахи кукурузы, шиповника и, само собой, навоза. Ему бы радоваться — какой-никакой, а городок, — но что-то его смущало, притом что все как будто укладывалось в привычные рамки. Наверняка где-нибудь поблизости найдется магазинчик, где торгуют содовой, и скромный кинотеатр под названием «Рубин», и школа имени Джона Фицджеральда Кеннеди.

— Берт, там были указаны цены: 35.9 долларов — обычный бензин, 38.9 долларов — очищенный. Ты вспомни, когда последний раз платил по таким ценам?

— Года четыре назад, если не больше, — признался он. — Но...

— Мы в центре города — и хоть бы одна машина! Хоть бы одна!

— Отсюда до Грэнд Айленда семьдесят миль. С какой стати я буду делать такой крюк...

— Сделаешь.

— Послушай, сейчас найдем здание суда и...

— Нет!

Ну все, пошло-поехало. Вот вам короткий ответ, почему наш брак разваливается: «Нет. Ни за что. Костями лягу, но будет по-моему».

— Вики...

— Не хочу я здесь находиться ни одной минуты.

— Вики, послушай...

— Разворачивайся и поехали.

— Вики, ты можешь помолчать?

— На обратном пути. А сейчас разворачивайся и поехали.

— У нас в багажнике лежит труп! — зарычал он. Она даже подскочила, и это доставило ему удовольствие. Он продолжал уже более спокойным тоном: — Мальчику перерезали горло и вытолкнули его на дорогу, а я его переехал. Надо заявить в суд... куда угодно. Тебе не терпится вернуться на шоссе? Иди пешком, я тебя потом подберу. Только не гони меня за семьдесят миль с таким видом, будто у нас в багажнике валяется мешок с мусором. Надо заявить раньше, чем убийца успеет перевалить через эти холмы.

— Скотина, — она опять заплакала. — Зачем я только с тобой поехала?

— Не знаю, — сказал он. — Я знаю одно: еще можно все поправить.

Машина тронулась с места. Пес на минуту поднял голову и снова положил ее на лапы.

До площади оставался один квартал. Перед сквером, в центре которого возвышалась эстрада, главная улица разделилась на два рукава. Затем они вновь соединились, и

Берт сразу увидел здания, принадлежавшие городским властям. Он прочел: МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЦЕНТР.

— Вот то, что нам нужно, — сказал он вслух. Вики хранила молчание.

Он остановил машину возле гриль-бара.

— Ты куда? — встревоженно спросила она, стоило ему открыть дверцу.

— Узнаю, где все. Видишь, табличка: «Открыто».

— Я здесь одна не останусь.

— А кто тебе мешает идти со мной?

Она выбралась из машины. Он разглядел ее лицо землистого цвета и вдруг почувствовал к ней жалость. Жалость, которая не нужна ни ему, ни ей.

— Ты не слышишь, да? — спросила Вики, когда они поровнялись.

— Чего я не слышу? — не понял он.

— Пустоты... Ни машин. Ни людей. Ни тракторов. Пустота.

И тут же где-то неподалеку прокатился залиvistый детский смех.

— Я слышу, что там дети, — сказал он. — А ты нет?

Она нахмурилась.

Он открыл дверь в бар и сразу почувствовал себя в сухой парилке. Пол покрыт слоем пыли. Глянец на хромированных поверхностях разных агрегатов потускнел. Не крутились деревянные лопасти вентиляторов под потолком. Пустые столики. Пустые табуреты за стойкой. Обращало на себя внимание разбитое зеркало и... в первую секунду он не понял, в чем дело. Все пивные краны были сорваны и разложены на стойке наподобие странных сувениров для гостей.

В голосе Вики зазвучали нотки наигранной веселости, легко переходящей в истерику:

— Ну, что же ты, узнавай. «Извините, сэр, вы не скажете, где...»

— Помолчи, — бросил он вяло, без прежней уверенности.

Свет здесь казался каким-то пыльным, пробиваясь сквозь огромные, давно не мытые окна. И снова у него

возникло ощущение, что за ним наблюдают, и он вспомнил про труп в машине и пронзительный детский смех. В голове закрутилось: скрытый от постороннего взгляда... скрытый от постороннего взгляда...

Он скользнул взглядом по пожелтевшим ценникам на стойке: чизбургер 35 ц., пирог из ревения 25 ц., наше фирменное блюдо мясо в горшочке 80 ц.

«Интересно, когда я последний раз видел в баре такие цены», — подумал он.

Вики словно услышала его мысли:

— Ты посмотри! — она показывала на настенный календарь. И с хриплым смешком добавила: — Это все было приготовлено двенадцать лет назад, приятного аппетита!

Он приблизился к календарю. На картинке были изображены два мальчика, купающиеся в пруду, и смышленная собачонка, уносящая в зубах их одежду. Под картиной надпись: **ВЫ ЛОМАЕТЕ СТАРУЮ МЕБЕЛЬ, А МЫ ЕЕ ЧИНИМ, НЕ УПУСТИТЕ СВОЕГО ШАНСА. И месяц: август 1964-го.**

— Ничего не понимаю, — голос у него дрогнул, — но в одном я уверен: если мы...

— Уверен! — вскинулась Вики. — Он уверен! Вот оно, твое слабое место, Берт. Ты всю жизнь *уверен!*

Он вышел из бара, и она за ним.

— А сейчас ты куда?

— В муниципальный центр.

— Берт, ну почему ты такой упрямый! Видишь же, тут что-то не то, так неужели трудно признать это?

— Я не упрямый. Просто я хочу поскорей избавиться от того, что лежит в багажнике.

На улице его как-то по-новому озадачили полнейшая тишина и запахи удобрений. Когда можно сорвать молодой початок, намазать его маслом, круто посолить и запустить в него крепкие зубы, кто обращает внимание на запахи? Солнце, дождь, унавоженная земля — все воспринимается как бесплатное приложение. Он вырос в сельской местности, на севере штата Нью-Йорк, и еще не забыл душистый запах свежего навоза. Да, конечно, бывают запахи поизысканнее, но когда ранней весной, под

вечер, с недавно вспаханной земли принесет ветром знакомые ароматы, столько, бывало, всего нахлынет. Со всей отчетливостью вдруг поймешь, что зима отошла безвозвратно, что еще месяц-другой, и с грохотом захлопнутся двери школы, и дети, как горошины из стручка, выскочат навстречу лету. В его памяти этот запах был неотторжим от других, вполне изысканных: тимофеевки, клевера, шток-розы, кизила.

Чем они тут удобряют землю, подумал он. Станный запах. Сладкий до тошноты. Так пахнет смерть. Как бывший санитар вьетнамской войны, он понимал в этом толк.

Вики уже сидела в машине, держа перед собой кукурузное распятие и разглядывая его в каком-то оцепенении. Это не понравилось Берту.

— Положи его, Христа ради, — сказал он.

— Нет, — отрезала она, не поднимая головы. — У тебя свои игры, у меня свои.

Он завел мотор и поехал дальше. У перекрестка раскачивался на ветру бездействующий светофор. Слева обнаружилась опрятная белая церквушка. Трава вокруг скошена, дорожка обсажена цветами. Берт затормозил.

— Почему ты остановился? — тотчас спросила она.

— Загляну в церковь. Кажется, это единственное место в городе, которое не выглядит так, словно отсюда ушли лет десять назад. Табличка, видишь?

Она присмотрелась. Из аккуратно вырезанных белых букв, прикрытых стеклом, было сложено: ГРОЗЕН И МИЛОСТЛИВ ТОТ, КТО ОБХОДИТ РЯДЫ. Ниже стояла дата, 24 июля 1976 года — прошлое воскресенье.

— Тот, кто обходит ряды, — вслух прочел Берт, глуша мотор. — Одно из девяти тысяч имен Господа Бога, запатентованных в штате Небраска. Ты со мной?

Она даже не улыбнулась его шутке.

— Я останусь в машине.

— Вольному воля.

— Я зареклась ходить в церковь, с тех пор как уехала от родителей... тем более в эту. Видеть не хочу ни эту

церковь, ни этот городишко. Меня уже колотит, уедем отсюда!

— Я на минуту.

— Учти, Берт, у меня свои ключи. Если через пять минут ты не вернешься, я уезжаю, и делай тут все, что тебе заблагорассудится.

— Э, мадам, не горячитесь...

— Именно так я и поступлю. Если, конечно, ты не вздумаешь отнять у меня ключи силой, как обыкновенный бандит. Впрочем, ты, кажется, и на такое способен.

— Но ты полагаешь, что до этого не дойдет.

— Полагаю, что нет.

Ее сумочка лежала между ними на сиденье. Он быстро схватил ее. Вики вскрикнула и потянулась к ремешку, но сумочка уже была вне досягаемости. Чтобы долго не рыться среди вещей, он просто перевернул ее, посыпались салфеточки, косметика, разменная мелочь, квитанции из магазинов, и среди всего этого блеснула связка ключей. Вики попыталась схватить ее первой, но он снова оказался проворней и спрятал ее в карман.

— Ты не имеешь права, — всхлипнула она. — Отдай.

— Нет, — сказал он с жесткой ухмылкой. — И не подумаяю.

— Берт, ну пожалуйста! Мне страшно! — она протянула руку как за подающим.

— Через две минуты ты решишь, что дальше ждать необязательно.

— Неправда...

— Уедешь и еще посмеешься: «Будет знать, как мне перечить». Разве ты не сделала это лейтмотивом всей нашей супружеской жизни? «Будет знать, как мне перечить!»

Он вылез из машины.

— Берт! — она рванулась за ним. — Послушай... можно иначе... позвоним из автомата, а? Вон у меня сколько мелочи. Только... а хочешь, мы... не оставляй меня здесь одну, не оставляй меня, Берт!

Он захлопнул дверцу у нее перед носом и с закрытыми глазами привалился спиной к машине. Вики колотила

изнутри в дверцу и выкрикивала его имя. Можно себе представить, какое она произведет впечатление на представителей власти, когда он наконец передаст труп мальчика с рук на руки. Лучше не представлять.

Он направился по вымощенной дорожке к церкви. Скорее всего двери окажутся запертыми. Если нет, то ему хватит двух-трех минут, чтобы ее осмотреть.

Двери открылись бесшумно — сразу видно, петли хорошо смазаны («со смиренным почтением», — мелькнуло в голове, и почему-то этот образ вызвал у него усмешку). Он шагнул в прохладный, пожалуй, даже холодноватый придел. Глаза не сразу привыкли к полумраку.

Первое, что он увидел, были покрытые пылью фанерные буквы, беспорядочно сваленные в кучу в дальнем углу. Из любопытства он подошел поближе. В отличие от опрятного, чистого придела, к этой куче не прикасались, по-видимому, столько же, сколько к настенному календарю в гриль-баре. Каждая буква была высотой сантиметров в шестьдесят, и они, без сомнения, складывались когда-то в связное предложение. Он разложил их на ковре — букв оказалось тридцать — и принялся группировать их в разных сочетаниях. ГОЛОВА СКАТЕРТЬ КИПА БЛИЦ СОНЯ БВЯ. Явно не то. ГРЕЦИЯ ВОСК БАТИСТ ОБА ГОЛЕНЬ ВОПЯК. Не многим лучше. А если вместо «батист» попробовать... Он вставил в середину букву «П», но общий смысл яснее от этого не стал. Глупо: он тут сидит на корточках, тасует буквы, а она в машине с ума сходит. Он поднялся и уже собрался уходить, как вдруг сообразил: БАПТИСТСКАЯ... и, следовательно, второе слово ЦЕРКОВЬ. Еще несколько перестановок, и получился окончательный вариант: БАПТИСТСКАЯ ЦЕРКОВЬ БЛАГОВОЛЕНИЯ. Надо полагать, название это располагалось над входом, в темном углу. Затем фронтон заново покрасили, и от прежней надписи не осталось и следа.

Но почему?

Ответ напрашивался: БАПТИСТСКАЯ ЦЕРКОВЬ БЛАГОВОЛЕНИЯ прекратила свое существование. Что же стало вместо нее? Он быстро поднялся с корточек,

отряхивая пальцы от пыли. Ну сорвали буквы с фронтона, что особенного? Может, решили переименовать ее в Церковь Происходящих Перемен в честь преподобного Флипа Уилсона...

Но что это были за перемены?

Он отмахнулся от неприятного вопроса и толкнул вторую дверь. Оказавшись в самом храме, поднял глаза к нефу, и сердце у него упало. Он громко втянул в легкие воздух, нарушив многозначительную тишину этого священного места.

Всю стену позади кафедры занимало гигантское изображение Христа. «Если до сих пор Вики еще как-то держала себя в руках, — подумал Берт, — то от этого она бы заорала как резаная».

Спаситель улыбался, раздвинув губы в волчьем оскале. Его широко раскрытые глаза в упор разглядывали входящего и чем-то неприятно напоминали Лойна Чейни в «Оперном фантоме». В больших черных зрачках, окаймленных огненной радужницей, не то тонули, не то горели два грешника. Но сильнее всего поражали... зеленые волосы — при ближайшем рассмотрении выяснилось, что они сделаны из множества спутанных кукурузных метелок. Изображение грубое, но впечатляющее. Этакая картинка из комикса, выполненная талантливым ребенком: ветхозаветный или, может быть, языческий Христос, который, вместо того чтобы пасти своих овец, ведет их на заклание.

Перед левым рядом скамеек был установлен орган, и в первое мгновение Берт не увидел в нем ничего необычного. Жутковато ему стало, лишь когда он прошел до конца по проходу: клавиши были с мясом выдраны, педали выброшены, трубы забиты сухой кукурузной ботвой. На инструменте стояла табличка со старательно выведенной максимой: «Да не будет музыки, кроме человеческой речи», — рек Господь.

Вики права: тут что-то не то. Он был бы не прочь вернуться в машину и тотчас уехать из этого гиблого места, но его, что называется, заело. Как ни противно было себе в этом признаваться, он жаждал поколебать ее

самоуверенность, очень уж не хотелось признавать во всеуслышание, что она оказалась права.

Ладно, пару минут можно потянуть.

Он направился к кафедре, по дороге рассуждая. Каждый день через Гатлин проезжают машины. У жителей окрестных мест наверняка здесь есть друзья или родственники. Время от времени городок должна патрулировать полиция штата. А вспомнить бездействующий светофор. Не могут же те, кто снабжает город электроэнергией, не знать, что здесь добрых двенадцать лет нет света. Вывод: ничего *такого* в Гатлине произойти не могло.

Отчего же тогда мурашки по коже?

Он взошел на кафедру по ступенькам, покрытым ковровой дорожкой, и оглядел пустые скамьи, уходящие в полумрак. Он чувствовал лопатками, как его буравит этот потусторонний, не по-христиански зловещий взгляд.

На аналое лежала большая Библия, открытая на тридцать восьмой главе книги Иова. Берт прочел: «Господь отвечал Иову из бури и сказал: «Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?.. Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь». Господь. Тот, Кто Обходит Ряды. Скажи, если знаешь. И накорми нас кукурузными лепешками.

Берт начал листать страницы, они переворачивались с сухим, каким-то призрачным шуршанием — а что, подходящее место для призраков. Из книги были вырезаны целые куски. В основном, как он заметил, из Нового Завета. Кто-то взял на себя труд удалить с помощью ножниц соборное послание Иакова.

Но Ветхий Завет был в целости и сохранности.

Он уже сходил с кафедры, когда на глаза ему попался еще один фолиант на нижней полочке. Он взял его в руки с мыслью, что это церковно-приходская книга с датами венчаний, конфирмаций и погребений.

Слова на обложке, коряво выведенные золотыми буквами, заставили его поморщиться. И СКАЗАЛ ГОСПОДЬ: «СРЕЖУТ ПОД КОРЕНЬ НЕПРАВЕДНЫХ И УДОБРЯТ ЗЕМЛЮ».

У них тут, кажется, одна навязчивая идея, и Берт старался не думать о том, куда она может завести.

Он открыл книгу на первой разлинованной странице. Сразу видно, записи делал ребенок. Некоторые места аккуратно подчищены, и хотя орфографических ошибок нет, буквы по-детски крупные и скорее нарисованные, чем написанные. Начальные столбцы выглядели так:

Амос Дэйган (Ричард)	
род. 4 сент. 1945	4 сент. 1964
Исаак Ренфрю (Уильям)	
род. 19 сент. 1945	19 сент. 1964
Зепениях Керк (Джордж)	
род. 14 окт. 1945	14 окт. 1964
Мэри Уэллс (Роберта)	
род. 12 нояб. 1945	12 нояб. 1964
Йемен Холлис (Эдвард)	
род. 5 янв. 1946	5 янв. 1965

Берт продолжал с озабоченным видом переворачивать страницы. Книга оказалась заполненной примерно на три четверти, после чего правая колонка неожиданно обрывалась:

Рахиль Стигман (Донна)	
род. 21 июня 1957	21 июня 1976
Моисей Ричардсон (Генри)	
род. 29 июля 1957	
Малахия Бордман (Крэйг)	
род. 15 авг. 1957	

Последней была вписана Руфь Клоусон (Сандра), рожденная 30 апреля 1961. Берт нагнулся и обнаружил на той же полочке еще две книги. На обложке первой красовался уже знакомый ему афоризм СРЕЖУТ ПОД КОРЕНЬ НЕПРАВЕДНЫХ... перечень имен с указанием даты рождения продолжался. 6 сентября 1964 — Иов Гилман (Клэйтон). 16 июня 1965 — Ева Тобин (имя в скобках отсутствовало).

Третья книга была чистая.

Берт стоял на кафедре в раздумье.

В тысяча девятьсот шестьдесят четвертом что-то произошло. Что-то связанное с религией, кукурузой... и детьми.

Благослови, Господь, наш урожай, а мы будем возносить к Тебе наши молитвы, аминь.

И нож, занесенный над жертвенным агнцем... а может быть, не агнцем? Может быть, их тут охватил религиозный фанатизм? Их, отрезанных от мира сотнями акров кукурузы, о чем-то тайно шуршащей. Накрытых миллионными акров голубого неба. Взятых под неусыпный надзор самим Всевышним — зеленоволосым Богом кукурузы, вечно голодным безумным стариком. Тем, Кто Обходит Ряды.

Берт почувствовал, как внутри у него все холодеет.

Вики, рассказать тебе историю? Историю про Амоса Дэйгана, получившего при рождении имя Ричарда. Амосом он стал в шестьдесят четвертом в честь малоизвестного библейского пророка. А дальше... ты, Вики, только не смейся... дальше Дик Дэйган и его друзья, среди них Билли Ренфрю, Джордж Керк, Джордж Керн, Роберта Уэллс и Эдди Холлис, ударившись в религию, поубивали своих родителей. Всех до одного. Жуть, да? Пристрелили в постели, зарезали в ванной, отравили за ужином, повесили, расчленили?.. Это уже частности.

Причина? Кукуруза. Может, урожай погибал. Может, они связали это с тем, что человечество погрязло в грехе. Что нужны жертвы. И они их принесли — на кукурузном поле.

А еще — знаешь, Вики, я в этом совершенно убежден — они почему-то решили, что девятнадцать лет для них — критический возраст. Согласно записи в церковно-приходской книге, нашему герою Ричарду «Амосу» Дэйгану девятнадцать лет исполнилось 4 сентября 1964 года. Надо полагать, они его убили. Предали закланию в зарослях кукурузы. Веселенькая история, не правда ли?

Пойдем дальше. Рахили Стигман, которая до 1964 года называлась Донной, всего месяц назад, 21 июня, стукнуло

девятнадцать. Моисею Ричардсону стукнет девятнадцать через три дня. Что, по-твоему, ждет его 29 июня? Сказать?

Берт облизнул пересохшие губы.

И вот еще что, Вики. Смотри. Иов Гилман (Клэйтон) родился 5 сентября 1964 года. И затем, до 16 июня шестьдесят пятого, ни одного рождения. Разрыв в десять месяцев. Знаешь, как я себе объясняю его? Они поубивали своих родителей, всех, даже беременных матерей, а в октябре шестьдесят четвертого забеременела одна из *них*, шестнадцати- или семнадцатилетняя девушка, и она родила Еву. Так сказать, первую женщину.

Внезапная догадка побудила его спешно перелистать книгу в поисках записи о рождении Евы Тобин. Ниже он прочел: Адам Гринлоу, род. 11 июля 1965.

Сейчас им по одиннадцать, подумал он. Уж не прячутся ли они где-нибудь здесь поблизости? От этой мысли ему стало не по себе.

Но как можно сохранять все это в тайне? Как вообще такое может продолжаться?

Разве что с молчаливого одобрения зеленоволосого Христа...

— Ну дела, — пробормотал Берт, и в этот самый миг тишину пререзала автомобильная сирена — она звучала безостановочно.

Берт одним прыжком перемахнул через ступеньки, пробежал по центральному проходу и толкнул наружную дверь. В лицо ударил слепящий свет. Вики сидела за рулем, сжимая в обеих руках клаксон и крутя головой во все стороны. Отовсюду к машине сбегались дети. Многие заливались от смеха. Они были вооружены ножами, топориками, арматурой, камнями, молотками. Восемилетняя, на вид белокурая девчушка с красивыми длинными волосами размахивала кистенем. Забавы сельских жителей. Никакого огнестрельного оружия. Берта подмывало закричать: «Кто тут Адам и Ева? Кто среди вас мамы? Дочки? Отцы? Сыновья?»

Скажи, если знаешь.

Они бежали из боковых улочек, из городского парка, через ворота в заборе, которым была обнесена школьная

спортплощадка. Одни скользили безразличным взглядом по мужчине, в оцепенении застывшем на паперти, другие толкались локтями и с улыбкой показывали на него пальцем... ах, эти милые детские улыбки.

Девочки были одеты в коричневые шерстяные платья до щиколоток, на голове выцветшие летние шляпки. Мальчики были одеты, как пасторы: черный костюм, черная касторовая шляпа. Они наводнили площадь, лужайки, кто-то бежал к машине через двор бывшей баптистской церкви Благоволения, едва не задевая Берта.

— Дробовик! — закричал он что было мочи. — Вики, ты меня слышишь? Дробовик!

Но ее парализовал страх, он это увидел еще со ступенек. Она его скорее всего даже не услышала из-за поднятых стекол.

Оживленная ватага окружила «Т-берд» со всех сторон. На машину обрушились топоры, тесаки и прутья арматуры. «Это дурной сон», — пронеслось у него в сознании. От крыла машины отлетела декоративная стрела из хрома. За ней последовала металлическая накладка на капоте. Спустили баллоны, исполосованные ножами. А сирена все звучала. Треснули от напора темные ветровое и боковые стекла и со звоном обрушились в салон. Он увидел, что Вики одной рукой продолжает давить на клаксон, а второй прикрывает лицо. Бесцеремонные детские пальцы уже нашаривали изнутри запор на дверце. Вики отбивалась отчаянно. Сирена стала прерывистой, а там и вовсе смолкла.

Кто-то рванул на себя искореженную дверцу, и десятки рук начали отрывать Вики от руля, в который она вцепилась мертвой хваткой. Один из подростков подался вперед и ножом...

Тут Берт вышел из оцепенения и, буквально слетев со ступенек паперти, рванулся к машине. Юноша лет шестнадцати с выбившейся из-под шляпы рыжей гривой обернулся с этакой ленцой, и в тот же миг в воздухе что-то блеснуло. Левую руку Берта отбросило назад — словно в плечо ударили на расстоянии. От внезапной острой боли у него потемнело в глазах.

С каким-то тупым изумлением он обнаружил, что у него из плеча торчит рукоять складного ножа, наподобие странного нароста. Рукав футболки окрасила кровь. Он долго — казалось, бесконечно — разглядывал этот невесть откуда взявшийся нарост, а когда поднял глаза, на него уже вплотную надвигался рыжий детина, ухмыляясь с чувством собственного превосходства.

— Ах ты, ублюдок, — просипел Берт.

— Через минуту душа твоя вернется к Господу, а сам ты предстанешь перед Его престолом. — Рыжий потянулся пятерней к его глазам.

Берт отступил и, выдернув из предплечья нож, всадил его парню в самое горло. Брызнул фонтан крови, и Берта залило с ног до головы. Парень зашатался и пошел по кругу. Он попытался вынуть нож обеими руками и никак не мог. Берт наблюдал за ним, как в гипнотическом трансе. Может быть, это сон? Рыжего шатало, но он продолжал ходить кругами, издавая горловые звуки, казавшиеся такими громкими в тишине жаркого июльского утра. Его сверстники, ошеломленные неожиданным поворотом событий, молча следили издалека.

Это не входило в сценарий, мысли Берта с трудом ворочались, тоже как оглушенные. Я и Вики — да. И тот мальчик, не сумевший от них уйти в зарослях кукурузы. Но чтобы кто-то из их числа — нет.

Он обвел свирепым взглядом толпу, удержавшись от желания крикнуть ей с вызовом: «Что, не нравится?»

Рыжий детина в последний раз булькнул горлом и упал на колени. Глаза его невидяще смотрели на Берта, а затем руки безвольно упали, и он ткнулся лицом в землю.

Толпа тихо выдохнула. Она разглядывала Берта, Берт — ее, и до него как-то не сразу дошло, что в толпе он не видит Вики.

— Где она? — спросил он. — Куда вы ее утащили?

Один из подростков выразительным жестом провел охотничьим ножом у себя под кадыком. И ослабил. Вот и весь ответ.

Из задних рядов юноша постарше тихо скомандовал: «Взять его».

Несколько ребят отделились от толпы. Берт начал отступать. Они пошли быстрее. Прибавил и он. Дробовик, черт бы его подрал! Было бы у него ружье... По зеленому газону к нему уверенно подбирались яркие тени. Он повернулся и побежал.

— Убейте его! — раздался мощный крик, и преследователи тоже перешли на бег.

Берт уходил от погони осмысленно. Здание муниципального центра он обогнул — там бы ему устроили мышеловку — и припустил по главной улице, которая через два квартала переходила в загородное шоссе. Послушай он Вики — ехали бы сейчас и горя не знали.

Подошвы спортивных тапочек звонко шлепали по тротуару. Впереди замаячили торговые вывески и среди них «Кафе-мороженое», а за ним... извольте убедиться: кинотеатрик «Рубин». Изрядно запылившийся анонс извещал зрителей: **ОГРАНИЧЕННАЯ ПРОДАЖА БИЛЕТОВ НА ЭЛИЗАБЕТ ТЭЙЛОР В РОЛИ КЛЕОПАТРЫ**. За следующим перекрестком виднелась бензоколонка, как бы обозначающая границу городской застройки. За бензоколонкой начинались поля кукурузы, подступавшие к самой дороге. Зеленое море кукурузы.

Он бежал. Судорожно глотая воздух и преодолевая боль в плече. Оставляя на растрескавшемся тротуаре следы крови. Он выхватил на бегу носовой платок из заднего кармана брюк и заткнул им рану.

Он бежал. Дыхание становилось все более учащенным. Начала дергать рана. А внутренний голос с издевкой спрашивал, хватит ли у него порошу добежать до ближайшего городка.

Он бежал. Юные и быстроногие уверенно догоняли его. Он слышал их легкий бег. Слышал их крики и улюлюканье. «Они ловят кайф, — подумал Берт нехотая. — Потом будут в красках рассказывать не один год.»

Он бежал.

Он промчался мимо бензоколонки, оставив позади городок. В груди хрипело и kloкотало. Тротуар кончился. У него была только одна возможность, один шанс уйти от погони и остаться в живых. Впереди зеленые волны

кукурузы с двух сторон подкатывали к узкой полоске дороги. Мирно шелестели длинные сочные листья. Там, в полумраке высокой, в человеческий рост, кукурузы, надежно и прохладно.

Он промчался мимо щита с надписью: **ВЫ ПОКИДАЕТЕ ГАТЛИН, САМЫЙ СИМПАТИЧНЫЙ ГОРОДОК В НЕБРАСКЕ... И НЕ ТОЛЬКО В НЕБРАСКЕ. ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ, НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!**

Это уж точно, промелькнуло в затуманенном сознании Берта.

Он помчался мимо щита, точно спринтер, набегающий на финишную ленточку, резко взял влево и нырнул в заросли, на ходу скидывая спортивные тапочки. Кукурузные ряды сомкнулись за ним, как морские волны. Они с готовностью приняли его, взяли под свою защиту. Он испытал внезапное, удивившее его самого облегчение — словно второе дыхание открылось. Иссушенные зноем легкие расширились, впуская свежий воздух.

Он бежал по междурядью, пригнувшись, задевая плечами листья, отчего они еще долго подрагивали. Пробежав около двадцати ярдов, он свернул вправо, параллельно дороге, и еще ниже пригнулся из опасения, что его темная голова может быть слишком заметной среди желтеющих кукурузных султанов. Он несколько раз менял направление, пока по-настоящему не углубился в заросли, а затем еще какое-то время продолжал бежать, неуклюже вскидывая ноги и беспорядочно перескакивая из ряда в ряд.

Наконец он рухнул и прижался лбом к земле. Он слышал лишь собственное спертое дыхание, в мозгу, как заезженная пластинка, крутилось: какое счастье, что я бросил курить, какое счастье...

Тут в его сознание проникли голоса: его преследователи перекликались на расстоянии, иногда сталкиваясь нос к носу с криком: «Это мой ряд!» Берт немного успокоился: они приняли много левее да и искали слишком уж беспорядочно.

Хотя он совсем выбился из сил, пришлось заняться раной. Кровотечение прекратилось. Он свернул платок в длину и снова наложил на рану.

Он полежал еще немного, и вдруг пришло ощущение, что ему *хорошо* (даже боль в плече была терпимой), может быть, впервые за долгое время. Он почувствовал себя физически крепким, способным развязать самые невероятные узлы его брака с Вики — всего два года, а из них как будто все соки высосали.

Он одернул себя за эти мысли. Его жизнь висела на волоске; о судьбе жены можно было догадываться. Возможно, ее уже нет в живых. Он попытался вызвать в памяти Викино лицо и таким образом рассеять ощущение эйфории, но ничего не получилось. Вместо этого перед глазами стоял рыжий детина с торчащим из горла ножом.

Стойкие ароматы приятно щекотали ноздри. Нашептывал ветер, рождая в душе покой. Что бы тут не творили именем кукурузы, сейчас она была его заступницей.

Вот только голоса приближались...

Он снова побежал, согнувшись в три погибели, — в одну сторону, в другую, пересек несколько рядов. Он двигался так, чтобы выкрики звучали слева, но очень скоро потерял ориентиры. Голоса слабели, все чаще шелест листьев заглушал их. Он останавливался, вслушивался, бежал дальше. Вовремя догадался скинуть тапочки — в носках он почти не оставлял следов на твердой почве.

Наконец перешел на шаг. Солнце успело сместиться вправо. Он взглянул на часы: четверть восьмого. Плающий диск висел над полями, окрашивая макушки стеблей в алый цвет, но в самих зарослях царил полумрак. Он напряг слух. Ветер совсем стих, и над кукурузными шеренгами, которые стояли не шевельнувшись, висели ароматы невидимой бродящей в них жизни. Преследователи Берта, если они еще не оставили попыток найти его, или слишком удалились, или залегли и точно так же вслушивались. Он решил, что у подростков, даже таких фанатов, не хватило бы терпения так долго таиться. Скорее всего они поступили вполне по-детски, не думая о последствиях: плюнули на все и вернулись домой.

Он зашагал вслед за уходящим солнцем, закрытым облаками. Если вот так идти, сквозь ряды, по солнцу, рано или поздно он выберется на шоссе №17.

Плечо тупо ныло, и в этой боли было даже что-то приятное. Вообще ощущение радости не покидало его. Пока я здесь, решил он, не буду терзаться по этому поводу угрызениями совести. Угрызения явятся потом, когда придется давать объяснения в связи со случившимся в Гатлине. Но это будет потом.

Он продирался сквозь заросли и думал о том, что еще никогда его чувства не были так обострены. Между тем от солнца осталась небольшая горбушка. Он вдруг замер — его обостренные чувства уловили в окружающей реальности нечто такое, от чего ему сразу стало не по себе. Им овладело странное беспокойство.

Он прислушался. Шелест листьев.

Он слышал его и раньше, но только сейчас сопоставил с тем, что ветра-то не было. Что за чудеса?

Он начал встревоженно озираться, почти готовый увидеть вылезающих из зарослей подростков в черных пасторских костюмах, улыбающихся, поигрывающих ножами. Ничего подобного. Шелест, однако, был явственно различим. Откуда-то слева.

Он двинулся в этом направлении. Уже не было необходимости продираться сквозь заросли, просека между рядами сама вела его куда надо. Вот и конец просеки. Впрочем, конец ли? Впереди показался просвет. Шелест доносился оттуда.

Он остановился, охваченный внезапным страхом.

Запахи кукурузы были здесь на редкость сильными, почти одуряющими. Нагретые за день растения не отдавали тепло. Он впервые обнаружил, что взмок от пота и весь оброс стебельками и паутиной. Он бы не удивился, если бы по нему ползали разные насекомые, но никто не ползал, и это-то как раз было удивительно.

Он глядывался в открывающийся впереди просвет — там ряды расступились, образуя большой круг голой, судя по всему, земли.

Ни москитов, ни мух, ни чигтеров... с неожиданной грустью он вспомнил, что когда они с Вики женихались, у них для подобной нечисти была уничтожающая характеристика: «Во все дырки залезут». И ворон тоже не видно.

Вот уж действительно странно: кукурузная плантация — и ни одной вороны.

Последние закатные лучи позволили ему разглядеть детальнее ближайшие посадки. Невероятно, но каждый стебель, каждый лист был безупречен. Ни одного пораженного болезнью участка, ни изъеденного листика, ни гусеничной кладки, ни...

Он не верил глазам своим.

Ну и ну, здесь же и в помине нет сорняков!

Каждый стебель высотой в полметра рос в горделивом одиночестве. Ни разрыв-травы, ни дурмана, ни вьюнков, ни «ведьминых косм». Абсолютная стерильность.

Берт таращился в изумлении. Тем временем стадо облаков откочевало на новое место. Догорал закат, добавляя в разлитое на горизонте золото румян и охры. Быстро сгустились сумерки.

Надо было сделать еще десяток шагов, отделявших его от загадочного островка посреди бескрайнего моря кукурузы. Не сюда ли тянуло его с самого начала? Думал, что движется к шоссе, а ноги несли в это странное место.

С замирающим сердцем дошел он до конца просеки и остановился. Было еще достаточно светло, чтобы разглядеть все в подробностях. Крик застрял у него в горле, и в легких не хватало воздуха его вытолкнуть. Колени стали подгибаться, на лбу выступила испарина.

— Вики, — произнес он одними губами. — О Боже, Вики...

Ее распыли на крестовине, прикрутили запястье и лодыжки колючей проволокой, что продается по семьдесят центов за ярд в любом магазине штата Небраска. В пустые глазницы натолкали «шелк» — желтоватые кукурузные пестики. Кричащий рот заткнули обертками молодых початков.

Слева от нее висел на кресте скелет в совершенно ветхом стихаре. Бывший священник баптистской церкви Благоволения, казалось, ухмылялся, глядя на Берта, словно говорил с издевкой: «Это даже хорошо, когда тебя приносят в жертву на кукурузном поле толпа язычников, эти юные дьяволята...»

Еще левее висел второй скелет в сгнившей голубой униформе. Глазницы прикрывала фуражка с характерным зеленым знаком: ШЕФ ПОЛИЦИИ.

Тут-то Берт и услышал шаги — не детей, кого-то огромного, продирающегося через заросли. Не детей, нет. Дети не осмелились бы войти в кукурузное царство ночью. Для них это место было священо, ночью здесь вступал в свои права Тот, Кто Обходит Ряды.

Берт рванулся было назад, но просека, которая привела его сюда, исчезла. Ряды сомкнулись. А шаги все ближе, с хрустом раздвигались стебли, уже слышалось могучее дыхание. Берта охватил мистический ужас: надвигалось неотвратимое. Гигантская тень накрыла все вокруг.

... ближе...

Тот, Кто Обходит Ряды.

И Берт увидел: красные глаза-плошки... зеленый силуэт вполнеба...

И почувствовал запах кукурузных оберток...

И тогда он начал кричать. Пока было чем.

Немного погодя взошла спелая луна как напоминание о будущем урожае.

Кукурузные дети собрались днем на лужайке перед четырьмя распятиями. Два голых остова и два еще недавно живых тела, которые со временем тоже превратятся в голые остовы. Здесь, в сердце Небраски, на крохотном островке в безбрежном океане кукурузы, единственной реальностью было время.

— Знайте, этой ночью явился мне во сне Господь и открыл мне глаза.

Священный трепет охватил толпу. Все повернулись к говорившему. Исааку было всего девять, но после того, как год назад кукуруза забрала Давида, Исаак стал Верховным Смотрителем. В день, когда Давиду исполнилось девятнадцать, он дождался сумерек и навсегда исчез в зарослях.

Лицо Исаака было торжественным под полями черной шляпы. Он продолжал:

— Во сне я увидел тень, обходившую ряды, это был Господь, и он обратился ко мне со словами, с которыми

когда-то обращался к нашим старшим братьям. Он недоволен нашей последней жертвой.

Толпа содрогнулась и выдохнула как один человек. Многие с тревогой озирались на обступившую их со всех сторон зеленую стену кукурузы.

— И сказал Господь: «Разве я не дал вам место для закланий, что же приносите жертвы в других местах? Или забыли, кто даровал вам радость искупления? Этот же пришелец совершил святотатство в моих рядах, и я сам принес его в жертву. Точно так же я поступил когда-то с офицером в голубой форме и с фарисеем священником».

— Офицер в голубой форме... фарисей священник, — шепотом повторяли в толпе, испуганно опуская глаза.

— «Отныне Возраст Искупления вместо девятнадцати плодоношений будет равен восемнадцати, — с жесткостью повторял Исаак реченное Господом. — Плодитесь и размножайтесь, как кукурузное семя, и пребудет милость моя с вами вовек.»

Исаак замолчал.

Все головы повернулись к Малахии и Иосифу — этим двоим уже исполнилось восемнадцать. И в городе, наверно, наберется два десятка.

Все ждали, что скажет Малахия. Малахия, который первым преследовал Ахаза, проклятого Господом. Малахия, который перерезал Ахазу горло и вышвырнул его на дорогу, дабы смердящая плоть не осквернила девственной чистоты кукурузы.

— Да будет воля Господня, — еле слышно вымолвил Малахия.

И ряды кукурузы вздохнули с облегчением.

В ближайшие недели девочки смастерят не одно распятие, изгоняющее злых духов.

... В ту же ночь, все, кто достиг Возраста Искупления, молча вошли в заросли и отправились на большую поляну, чтобы получить высшую милость из рук Того, Кто Обходит Ряды.

— Прощай, Малахия, — крикнула Руфь, печально помахивая рукой и давясь слезами. Она носила его ребенка

и должна была скоро родить. Малахия не оглянулся. Он уходил с прямой спиной. Ряды за ним тихо сомкнулись.

Руфь отвернулась, глотая слезы. Втайне она давно ненавидела кукурузу и даже грезилась, как однажды в сентябре, после знойного лета, когда стебли станут сухими как порох, она войдет в эти заросли с факелом в руках. Но от одной мысли делалось страшно. Каждую ночь ряды обходит тот, чей взгляд проникает во все... даже в сокровенные тайны человека.

На поля спустилась ночь. Вокруг Гатлина о чем-то шепталась кукуруза. Ублагодворенная.

ДАВИЛКА

ДАВИЛКА

Инспектор Хантон появился в прачечной, когда машина скорой помощи только что уехала — медленно, с потухшими фарами, без сирены. Зловеще. Внутри контора была заполнена сбившимися в кучу молчащими людьми; некоторые плакали. В самой прачечной было пусто; громкие моечные автоматы в дальнем углу еще работали. Все это насторожило Хантона. Толпа должна быть на месте происшествия, а не в конторе. Всегда так было — для людей естественно любопытство к чужому несчастью. А это явно было несчастье. Хантон чувствовал спазм в желудке, который всегда появлялся у него при несчастных случаях. Даже четырнадцатилетнее отскребывание Человеческих внутренностей от мостовых и тротуаров у подножия высотных домов не помогло справиться с этими толчками, будто в животе у него ворочался какой-то злобный зверек.

Человек в белой рубашке увидел Хантона и нехотя приблизился. Он напоминал бизона вросшей в плечи головой и налившимися кровью сосудами на лице, то ли от повышенного давления, то ли от излишне частого общения с бутылкой. Человек пытался что-то сказать, но после пары неудачных попыток Хантон прервал его:

— Вы владелец? Мистер Партли?

— Н-нет...нет... Я Станнер, мастер. Господи, такое... Хантон достал блокнот:

— Пожалуйста, мистер Станнер, опишите подробно, что у вас произошло.

Станнер побледнел еще больше; прыщи у него на носу темнели, как родимые пятна.

— Я обязательно должен это сделать?

— Боюсь, что да. Мне сказали, вызов очень серьезный.

— Серьезный. — Станнер, казалось, борется с удушьем, его адамово яблоко прыгало вверх вниз, будто обезьяна на ветке. — Миссис Фроули... умерла. Боже, как бы я хотел, чтобы здесь был Билл Гартли.

— Так что же случилось?

— Вам лучше пойти посмотреть, — сказал Станнер.

Он отвел Хантона за ряд отжимных прессов, через гладильную секцию и остановился у одной из машин. Там он махнул рукой.

— Дальше идите сами, инспектор. Я не могу на это смотреть... не могу. Простите меня.

Хантон зашел за машину, чувствуя легкое презрение. Они работают в паршивых условиях, прогоняют пар через кое-как сверенные трубы, пользуются смертельно опасными химикатами и вот — кто-то пострадал. Или даже умер. И теперь они не могут смотреть. Тоже мне...

Тут он увидел это.

Машина еще работала. Никто ее так и не выключил. Потом он изучил ее слишком хорошо: скоростной гладильный автомат Хадли-Уотсона, модель 6. Длинное и неуклюжее имя. Те, кто работал здесь среди пара и воды, называли ее короче и более удачно — «давилка».

Хантон долго смотрел на нее, и наконец с ним впервые за четырнадцать лет службы случилось следующее: он отвернулся, поднес руку ко рту и его вырвало.

— Тебе нельзя много есть, — сказал Джексон.

Женщины зашли внутрь, ели и болтали, пока Джон Хантон и Марк Джексон сидели на лавочке возле кафе-автомата. Хантон на такое заявление только усмехнулся: он в этот момент как-то не думал о еде.

— Сегодня еще один случай, — сказал он, — очень скверный.

— Дорожное происшествие?

— Нет. Травма на производстве.

— Нарушили технику безопасности?

Хантон ответил не сразу. Лицо его невольно скривилось. Он взял банку пива из стоящей между ними сумки, откупорил и отхлебнул разом половину.

— Я уверен, что ваши умники в колледже ничего не знают об автоматических прачечных.

Джексон фыркнул.

— Кое-что знаем. Я сам как-то летом работал на такой.

— Тогда ты знаешь то, что называется скоростной гладильной машиной?

Джексон кивнул.

— Конечно. Туда суют все, что надо разгладить. Такая большая, длинная.

— Вот-вот, — сказал Хантон. — В нее попала женщина по имени Адель Троули. В прачечной.

Джексон выглядел озадаченным.

— Но... этого не может быть, Джонни. Там же есть планка безопасности. Если сунуть туда хотя бы руку, планка поднимется и отключит машину. Во всяком случае, у нас было так.

Хантон кивнул.

— Так и есть. Но это случилось.

Хантон закрыл глаза и в темноте снова увидел скоростную гладильную машину Хадли-Уотсона, какой она была в то утро. Длинная прямоугольная коробка, тридцать на шесть футов. Под загрузочным устройством проходил брезентовый транспортер из четырех лент, который шел за планку безопасности, чуть поднимался и затем спускался вниз. По транспортеру отжатые простыни прокатывались между двенадцатью громадными вращающимися цилиндрами, которые и составляли большую часть машины. Шесть сверху, шесть снизу, они сжимали белье, словно тонкий слой ветчины между толстенными ломтями хлеба. Температура пара в цилиндрах могла доходить до трехсот градусов. Давление на белье, поступавшее по транспортеру, равнялось восьмистам фунтам на квадратный фут.

И миссис Фроули попала туда. Стальные цилиндры с асбестовым покрытием были красными, как пожарные ведра, и горячий пар, выходивший из машины, пах

кровью. Кусочки ее белой блузки, голубых брюк и даже белья все еще вылетали из машины с другого конца, большие рваные лохмотья, с жуткой аккуратностью разглаженные. Но даже это было не самым худшим.

— Я попытался все это собрать. — сказал он Джексону. — Но человек ведь не простыня, Марк... Что я видел... что от нее осталось, — как и злополучный мастер, он не мог закончить фразу. — Они сложили ее в корзину, — сказал он тихо.

Джексон присвистнул.

— И кому же за это влетит? Прачечной или инспекции?

— Пока неизвестно, — ответил Хартли. Жуткое зрелище все еще стояло у него перед глазами: шипящая, стучащая и дрожащая давилка, кровь на зеленых стенках длинной коробки, и этот запах... — «Это зависит от того, кто сломал эту проклятую планку безопасности, и при каких обстоятельствах».

— Если виновато начальство, они смогут вывернуться? Хантон невесело усмехнулся.

— Женщина умерла, Марк. Если Гартли и Станнер виновны в небрежности, они пойдут под суд. Не имеет значения, с кем они там знакомы в городском совете.

— Ты думаешь, это их вина?

Хантон вспомнил прачечную, плохо освещенную, с мокрым и скользким полом, со старыми машинами.

— Похоже на то.

Они вместе поднялись, чтобы идти.

— Расскажешь, чем это кончится, Джонни, — сказал Джексон, — Это интересно.

Хантон оказался неправ насчет давилки; она оказалась исправной.

Шестеро государственных инспекторов осмотрели ее в ходе расследования снизу доверху. Безрезультатно. Они констатировали, что причиной несчастного случая была неосторожность.

Ошеломленный Хантон зажал в углу одного из инспекторов, Роджера Мартина. Это был высокий, очень правильный человек с очками, толстыми, как пуленепроби-

ваемое стекло. Он нервно крутил в пальцах ручку, пока Хантон задавал ему вопросы.

— Ничего? Совсем ничего не нашли?

— Ничего, — сказал Мартин. — Конечно, в первую очередь мы осмотрели планку безопасности. Она действовала превосходно. Вы знаете, что сказала миссис Джилиэн? Миссис Фроули слишком глубоко засунула руку. Никто этого не видел; все были заняты своей работой. Она стала кричать. Руку тогда уже затянуло в машину. Они пытались вытащить ее вместо того, чтобы выключить машину — обычный результат паники. Другая работница, миссис Кин, уверяла, что хотела выключить машину, но, кажется, нажала на кнопку включения вместо выключателя. А потом было уже поздно.

Тогда планка безопасности не работала, — настойчиво сказал Хантон. — Иначе она сунула бы руку под нее, а не сверху.

— Вы неправы. Над планкой стальная панель. И потом, когда планка неисправна, машина отключается автоматически.

— Но как же это, черт возьми, случилось?

— Мы не знаем. Мы с коллегами пришли к выводу, что миссис Фроули могла попасть в машину, только свалившись туда сверху. Но когда это случилось, она стояла на полу. Это подтвердили все свидетели.

— Этого не может быть.

— Я и сам не понимаю, — он замолчал, чуть поколебался и продолжил, — Хантон, я скажу вам, раз уж вы принимаете это так близко к сердцу. Если вы кому-нибудь передадите мои слова, я откажусь от них. Но мне не понравилась машина. Она... ну, что ли, издевалась над нами. За последние пять лет я проверял с десяток гладильных машин. Некоторые из них были в таком состоянии, что я не подпустил бы к ним и собаку — к сожалению, наш закон слишком либерален. Но то были просто машины. А эта... Какой-то дух. Не знаю почему, но мне так показалось. Если бы я нашел в ней хоть какую-нибудь неисправность, я настоял бы на выключении. Нелепо, правда?

— Знаете, я чувствовал то же самое, — сказал Хантон.

— Я расскажу, что два года назад случилось в Милтоне, — сказал инспектор. Он снял очки и принялся неторопливо протирать их краем свитера. — Один парень выбросил во двор старый холодильник. Женщина, вызвавшая нас, заявила, что ее собака залезла туда и издохла. Мы послали полисмена, чтобы он заставил владельца отвезти холодильник на свалку. Очень милый парень, долго извинялся за собаку. Погрузил холодильник в машину и отвез на свалку. А потом у женщины по соседству пропал сын.

— Господи! — проговорил Хантон.

— Холодильник нашли на свалке, а внутри был мертвый ребенок. Очень послушный, как говорила мать. Она уверяла, что он никогда не играл на свалке после того, как она ему запретила. И все же он залез туда. Думаете, это все?

— Я жду.

— Нет. Смотритель свалки на другой день зашел и открыл дверцу этой штуки. Приказ городского управления номер 58 об эксплуатации городских свалок. — Мартин со значением посмотрел на него. — Там было шесть мертвых птиц. Ласточки, галки, один дрозд. И еще он сказал, что дверца пыталась удержать его руку, когда он закрывал ее. Поймать его, понимаете? Эта давилка в прачечной такая же, Хантон. Мне она не понравилась.

Они молча посмотрели друг на друга в опустевшем помещении инспекции, за шесть кварталов от которого стояла посреди прачечной гладильная машина Хэдли-Уотсона, модель 6, исправно разглаживая простыни.

Неделя более или менее прозаической работы заслонила в его памяти тот случай. Он снова вспомнил о нем, когда пришел с женой в гости к Марку Джексону.

Джексон встретил его словами:

— Знаешь, что натворила та машина в прачечной, про которую ты рассказывал?

Улыбка сползла с лица Хантона.

— Что?

— Я думал, ты уже знаешь.

— Да что случилось?

Джексон протянул ему местную газету, показав на заголовок второй страницы. В прачечной из большой гладильной машины вырвалась струя пара, ошпарив троих из шести работавших там женщин. Случай произошел в 3.45 пополудни и объяснялся повышением давления пара в бойлере. Одна из пострадавших, миссис Аннетта Джилиэн, была доставлена в городскую больницу с ожогами второй степени.

— Дурацкое совпадение, — сказал он, однако слова инспектора Мартина в пустом зале — «Это какой-то дух», — сразу вспомнились ему. И история о собаке, ребенке и птицах, замерзших в старом холодильнике...

Он очень плохо играл в карты в тот вечер.

Когда Хантон вошел в палату, миссис Джилиэн лежала в постели, читая «Тайны экрана». Одна ее рука и часть шеи были забинтованы. Соседка, молодая женщина с мертвенно-бледным лицом, спала.

Миссис Джилиэн взглянула на синюю форму вошедшего и осторожно улыбнулась.

— Если вы к миссис Черников, зайдите попозже. Ей только что сделали укол.

— Нет, миссис Джилиэн, я к вам. — Она перестала улыбаться. — Я здесь по долгу службы, меня просто интересует происшествие в прачечной. Джон Хантон, — он протянул руку.

Жест был правильным. Улыбка вернулась на лицо миссис Джилиэн, и она неуклюже потрясла его кисть здоровой рукой.

— Я ничего такого не знаю, мистер Хантон. Боюсь, мой Энди опять отстанет в учебе, пока я здесь.

— Так что у вас там произошло?

— Мы гладили простыни, и вдруг эта громадина взорвалась — или мне так показалось. Я уже хотела идти домой и выгулять своих собак, когда раздался жуткий взрыв, прямо как бомба. Везде пар, и этот свист. Грохот... ужасно! — к ее улыбке примешалась гримаса, — Словно она дышала огнем. Как дракон, понимаете? И Альберта,

ну, Альберта Кин, закричала, что что-то взорвалось, и все побежали. Потом Джинни Джексон стала кричать, когда ее обожгло. Я тоже побежала и упала. Не знаю, как все обошлось. Господь спас меня от худшего. Ведь там было триста градусов!

— В газете написано, что вышла из строя паровая линия. Что это значит?

— Это труба, что проходит под той лентой, по которой идет белье. Джордж — мистер Станнер — сказал, что это, должно быть, перепад давления в бойлере или что-то вроде того. Там была трещина.

Хантон не мог придумать, что бы еще спросить, и уже хотел уходить, когда она вдруг сказала:

— С этой машиной никогда такого не случалось. А тут — такой взрыв. Потом эта история с миссис Фроули, упокой Господь ее душу. И еще всякое... Один раз платье Эсси попало в машину, и это могло плохо кончиться. Она едва успела его выдернуть. Детали оттуда вылетают. У нашего техника, Герта Димента, с ней много возни. Простыни стали застревать в цилиндрах. Джордж сказал, что мы сыпем слишком много хлорки, но раньше такого все равно не было. Теперь наши боятся на ней работать. Эсси даже сказала, что там внутри до сих пор... кусочки Адели Фроули, и что это святотатство или вроде того. Что на ней какое-то проклятие. Я думаю, это началось, когда Шерри порезала руку в зажиме.

— Шерри? — переспросил Хантон.

— Шерри Уэллет. Очень милая девочка, только после школы. Хорошо работала, но иногда невнимательно. Знаете эту молодежь...

— Она порезала руку?

— Неудивительно. Там есть такие зажимы, которые держат транспортер. Шерри проверяла их, чтобы увеличить нагрузку и, наверное, думала про какого-нибудь парня. Вот и порезала палец, — миссис Джилиэн казалась смущенной, — А после этого стали выпадать детали. Потом Адель... ну, вы знаете. Через неделю. Как будто машина попробовала кровь, и ей понравилось. Не правда ли, у женщин бывают дурацкие мысли, инспектор Хинтон?

— Хантон, — сказал он рассеяно, глядя в стену за ее головой.

По иронии судьбы он встретился с Марком Джексоном в прачечной на полпути между их домами, где полисмен и профессор английского языка часто вели содержательные беседы.

Сейчас они сидели на мягких стульях, пока их вещи крутились за стеклянными окошками стиральных автоматов. «Избранное» Мильтона в бумажной обложке лежало позабытое за спиной Джексона, пока он внимательно слушал рассказ Хантона о миссис Джилиэн.

Когда Хантон закончил, Джексон сказал:

— Я уже спрашивал, веришь ли ты, что в давилке злой дух. Я и тогда шутил только наполовину, а теперь спрашиваю тебя снова.

— Да нет, — сказал Хантон, — Что за ерунда!

Джексон внимательно смотрел на кружащееся белье.

— Живет — не то слово. Скажем по другому — вселился. Существует столько же способов вызывания демонов, сколько и изгнания. Про все это написано у Фрезера в «Золотой ветви», и друиды об этом много знали. Началось все еще в Египте, а может и раньше. Но во всех способах можно найти общие средства. Чаще всего — кровь девственницы, — он взглянул на Хантона, — миссис Джилиэн сказала, что все началось, когда порезалась Шерри Уэллет?

— Да.

— Тебе надо поговорить с ней.

— Я приду к ней, — начал Хантон, усмехнувшись, — и скажу: «Мисс Уэллет, я инспектор полиции, веду дело гладильной машины, в которую вселился дьявол, и хочу узнать, девушка ли вы.» Думаешь, я после этого успею хоть попрощаться с Сандрой и дочкой, прежде чем меня увезут?

— Лучше сделать это сейчас, — сказал Джексон без улыбки, — Я серьезно, Джонни. Эта машина пугает меня, хотя я никогда ее не видел.

— Раз уж ты заговорил об этом, — сказал Хантон, — скажи, как его еще можно вызвать?

Джексон пожал плечами.

— Трудно сразу сказать. В большинстве английских рецептов упоминается земля с кладбища и глаз жабы. В Европе пользовались славной рукой — то ли действительно рукой мертвеца, то ли каким-то наркотиком из тех, что применялись во время шабашей — белладону или ядовитые грибы. Но могли быть и другие.

— И ты думаешь, все эти вещи могли попасть в машину? Господи, Марк, в радиусе пятисот миль не найти и грамма белладоны! Или ты думаешь, кто-то откопал руку дядюшки Фреда и подбросил ее в машину?

— Если семьсот обезьян будут семьсот лет стучать на машинке...

— ...То одна из них напечатает строчку Шекспира, — окончил Хантон ворчливо, — Иди к черту. Сегодня твоя очередь забирать белье.

Джордж Станнер лишился руки нелепым образом.

В семь утра в понедельник в прачечной были только Станнер и техник Герб Димент. Они дважды в год смазывали детали давилки до начала работы. Димент на дальнем конце смазывал движок транспортера, думая о том, какой неприятный у машины вид, когда она внезапно включилась.

Он как раз поднял четыре брезентовых ленты, чтобы добраться до мотора, когда они рванулись из его рук, обдирая кожу с пальцев, затягивая внутрь.

Он отчаянным рывком освободился за секунду до того, как ленты затянули его руки в цилиндры.

— Что за черт, Джордж! — крикнул он, — Выруби эту штуку!

Тут он услышал крик Джорджа Станнера.

Это был жуткий, леденящий кровь крик, облетевший всю прачечную, отражаясь от стальных прессов, от пустых глаз сушилок. Станнер глотнул воздух ртом и опять заорал:

— Господи, она меня схватила! Схватила!

В цилиндры пошел пар. Гладильная машина заскрежетала. Казалось, детали и моторы о чем-то шушукались.

Димент кинулся к другому концу.

Первый цилиндр уже покраснел. Димент глухо застонал. Давилка продолжала трястись, гудеть и свистеть.

Сторонний наблюдатель мог сперва решить, что Станнер просто нагнулся над машиной в несколько странной позе. Но потом он заметил бы его побледневшее лицо, выпученные глаза и рот, разинутый в непрерывном крике. Рука исчезла под планкой безопасности; рукав рубашки лопнул и предплечье странно вытянулось.

— Выключи ее! — вопил Станнер. Раздался хруст, когда рука сломалась.

Димент со всех сил надавил на кнопку.

Давилка продолжала гудеть и трястись.

Не веря своим глазам, он нажимал кнопку снова и снова — без толку. Кожа на руке Станнера туго натянулась. Еще немного, и она бы лопнула под давлением; Станнер продолжал кричать. Димент вспомнил кошмарную картинку в комиксе — человек, раздавленный катком.

— Выключи! — кричал Станнер. Его голова опускалась ниже и ниже, по мере того, как машина подтаскивала его к себе.

Димент повернулся и побежал в бойлерную, крики Станнера раздавались следом. В воздухе висел запах горячей крови.

На левой стене находились три больших серых ящика, содержащих все электрические предохранители прачечной. Димент открыл их и начал, как бешеный, вырывать длинные черные цилиндры, отшвыривая их в сторону. Сначала погасли лампы, потом отключился воздушный компрессор, а потом и бойлер, с тяжелым вздохом умирающего.

Тогда давилка замолчала. Крики Станнера сменились сдавленными стонами.

Взгляд Димента упал на пожарный топор, висящий на щите. Он, всхлипнув, схватил его и побежал обратно. Руку Станнера затянуло почти до плеча. Через несколько секунд плечо оказалось бы за планкой.

— Я не могу, — бормотал Димент, сжимая топор, — Боже мой, Джордж, я не могу, не могу!..

Машина напоминала бойню. Она выплюнула куски рукава, палец. Станнер издал глубокий, захлебывающийся стон, и Димент поднял топор и опустил его в темноте, наступившей в прачечной. Еще раз. Еще.

Станнер свалился без сознания, кровь хлынула из обрубка ниже плеча. Давилка втянула все, что осталось, внутрь... и остановилась.

Рыдая, Димент выдернул из штанов ремень и принялся накладывать жгут.

Хантон говорил по телефону с инспектором Роджером Мартином. Джексон ждал его, играя в мяч с трехлетней Пэтти Хантон.

— Он вырвал все предохранители? — спрашивал Хантон, — И кнопка не сработала, так?.. Когда отключилась машина?.. Так. Ладно. Что?.. Нет, неофициально, — Хантон нахмурился и посмотрел на Джексона. — Вы еще помните тот холодильник, Роджер?.. Да. Я тоже. Всего хорошего.

Он встал и посмотрел на Джексона.

— Надо поговорить с той девушкой, Марк.

У нее было собственное жилье (осторожность, с которой она впустила их после того, как Хантон просигналил, показывала, что она вряд ли останется здесь долго), и она сидела напротив них в аккуратной маленькой комнате.

— Я инспектор Хантон, а это мой помощник Марк Джексон. Мы по поводу прачечной, — с этой симпатичной темноволосой девушкой он чувствовал себя неловко.

— Как это все ужасно, — проговорила Шерри Уэллетт, — Это единственное место, где я могла найти работу. Мистер Гартли — мой дядя. Я попала туда благодаря ему, но теперь... там стало так жутко.

— Государственная инспекция отключила гладильную машину до полного выяснения причин, — сказал Хантон, — Вы это знаете?

— Да, конечно, — сказала она встревоженно, — но что я могу...

— Мисс Уэллетт, — прервал ее Джексон, — у вас был какой-то инцидент с этой машиной, если не ошибаюсь. Вы, кажется, порезали руку?

— Да, я обрезала палец, — тут ее лицо помрачнело, — С этого все началось. Почему-то я почувствовала, что девушки невзлюбили меня, будто... будто я проклята.

— Я хочу задать вам один трудный вопрос, — медленно проговорил Джексон, — Он вам наверняка не понравится, покажется слишком личным и не относящимся к делу. Я могу только заверить вас, что это не так. Обещаю, что ваш ответ не будет нигде фигурировать.

Она выглядела испуганной.

— Что вы от меня хотите?

Джексон улыбнулся и покачал головой. Это ее подбодрило.

«Молодец Марк», — подумал Хантон.

— Я добавлю: ваш ответ может помочь вам остаться в вашем чудесном доме, вернуться на работу и сделать так, чтобы прачечная стала такой же, как раньше.

— Хорошо, спрашивайте.

— Шерри, вы девушка?

Она выглядела ошеломленной, глубоко шокированной, как будто священник на исповеди влепил ей пощечину. После она, подняв голову, оглядела свое жилище, словно спрашивая, как его могли посчитать местом греха.

— Я берегу себя для мужа, — кратко сказала она.

Хантон и Джексон молча поглядели друг на друга, и тут же Хантон понял, что все верно: демон вселился в холодные, неодушевленные механизмы давилки и превратил ее в живое и злобное существо.

— Спасибо, — сказал спокойно Джексон.

— И что теперь? — хмуро спросил Хантон, когда они вышли, — Звать священника его изгонять?

Джексон фыркнул.

— Боюсь, что он просто даст тебе почитать что-нибудь из Писания, пока он звонит в психушку. Нет, нам придется действовать самим.

— А что мы можем?

— Многое. Проблема вот в чем: мы знаем, что в давяль-не что-то есть. Но не знаем, что, — Хантон почувствовал холодок в спине, будто в нее уперся невидимый палец.

— Существует великое множество демонов. Это может быть какой-нибудь египетский божок, а может и сам Пан. Или Ваал. Или христианское божество, называемое Сатаной. Мы не знаем. Хорошо, если он уйдет сам. Но он может сопротивляться.

Джексон взъерошил волосы.

— Да, кровь девушки есть. Но этого мало. Мы должны быть уверены, уверены полностью.

— Но почему, — тупо спросил Хантон, — почему просто не собрать все изгоняющие формулы и не попытаться его изгнать?

Лицо Джексона стало суровым.

— Это не воришки, которых ты ловишь, Джонни. Ради Бога, не думай так. Ритуал изгнания очень опасен. Хуже, чем контролируемая ядерная реакция. Мы можем ошибиться, и тогда конец. Сейчас демон сидит в этом куске железа. Но дай ему шанс и...

— Он может уйти?

— Он может захотеть уйти, — сказал мрачно Джек-сон, — И ему нравится убивать.

Когда Джексон на следующий вечер пришел, Хантон отослал жену с дочкой погулять. Они прошли в комнату, и знакомая обстановка немного успокоила Хантона. Он с трудом верил, что попал в такую историю.

— Я отменил занятия, — сказал Джексон, — и провел день в обществе самых жутких книг, какие ты можешь вообразить. В этот же день я пропустил тридцать рецептов вызывания демонов через компьютер. Выявились кое-какие общие элементы, довольно немного.

Он показал Хантону список, кровь девственницы, земля с кладбища, славная рука, кровь летучей мыши, ночной мох, лошадиное копыто, глаз жабы.

Там были и другие, но они попадались реже.

— Лошадиное копыто, — задумчиво сказал Хантон, — Странно.

— Обязательный элемент. Но фактически...

— Можно понимать это как-нибудь по другому? — перебил его Хантон.

— Ну вот, например: можно считать мох, собранный ночью, ночным?

— Наверно, да.

— Вот и я думаю, — сказал Джексон, — Магические формулы часто двусмысленны и непонятны. Черная магия всегда оставляла место для творчества.

— Что до конских копыт, то это, может быть, желе. Часто попадает в обеденных наборах. Я нашел баночку за панелью машины в тот день, когда погибла миссис Фроули. Желатин делается из конских копыт.

Джексон кивнул:

— Так. А остальное?

— Кровь летучей мыши... да, с этим тоже понятно. Место темное, мыши такие любят. Хотя я сомневаюсь, что начальство их терпит. Но одна вполне могла залететь в машину.

Джексон наклонил голову и потер глаз.

— Совпадает. Все совпадает.

— Думаешь?

— Да. Кроме славной руки, конечно. Вряд ли кто-нибудь подбрасывал такое в машину до смерти миссис Фроули, и белладонна в этих местах в самом деле не водится.

— А земля с кладбища?

— Есть такая?

— Какое-то дьявольское совпадение. Ближайшее кладбище в Плизент-Хилл, всего в пяти милях от прачечной.

— Ладно, — сказал Джексон, — попрошу компьютерщика, — он думает, что я готовлюсь к Хэллуону, — просчитать все элементы списка, главные и вторичные. Надо выявить возможные сочетания. Я выписал две дюжины наиболее обычных. Другими вызывают разных редких демонов. Но похоже, тот, с кем мы имеем дело, как раз из таких.

— И кто же это?

Джексон усмехнулся:

— Все очень просто. Этот миф берет начало в Южной Америке и распространяется на Карибские острова. Он связан с культом воды. Литература, которую я смотрел, говорит о демоне-воре, его имя Саддат или Тот, кого нельзя назвать. То, что сидит в машине, забралось туда по-воровски.

— Ну, и что нам с ним делать?

— Нужны святая вода и частица причастия. И прочитать над ним места из книги Левит. Христианская белая магия.

— Ты уверен, что не будет хуже?

— Лучше не думать о том, что будет, — грустно сказал Джексон, — Я не сказал тебе, что очень плохо, если там окажется славная рука. Это очень сильная магия, джуджу.

— На нее святая вода не подействует?

— Демон, вызываемый славной рукой, может съесть на завтрак целую стопку Библий. Если нам попадется такой, это может плохо кончиться. От него лучше держаться подальше.

— Значит, ты думаешь...

— Да ничего я не думаю! Слишком уж хорошо все сходится.

— Так когда?

— Чем раньше, тем лучше, — сказал Джексон, — А как нам попасть туда? Разбить окно?

Хантон улыбнулся, полез в карман и покрутил перед носом Джексона ключом.

— Где ты его взял? У Гартли?

— Нет, — сказал Хантон, — Мне его дал государственный инспектор по фамилии Мартин.

— Он знает, что мы делаем?

— Я думаю, догадывается. Он пару недель назад рассказал мне занятную историю.

— Про давилку?

— Да нет, — сказал Хантон, — про холодильник. Ну, пошли.

Адель Фроули умерла. Кое-как собранная в одно целое, она покоилась в гробу. Но если бы что-то от ее духа осталось бы в машине, которая убила ее, она бы закричала. Она предупредила бы их. У нее часто было расстройство желудка, и она принимала таблетки E-Z, продающиеся в любой аптеке за 79 центов. На коробке содержалось предупреждение: больным глаукомой не рекомендуется принимать таблетки, поскольку их составляющие могут усугубить болезнь. К сожалению, Адель Фроули не страдала глаукомой. Она могла бы вспомнить, что за день до того, как Шерри Уэллетт порезала руку, она уронила полную коробку E-Z в давилку. Но она умерла, и никто теперь не знал, что средство, которым она лечила изжогу, содержало производное белладонны, известное в странах Европы как славная рука.

И внезапно в ночной тишине прачечной раздался пронзительный писк — летучая мышь камнем упала в дырку в изоляции машины, сложив крылья на слепых глазах. И тогда послышался звук, напоминающий хихиканье. Неожиданно давилка заработала со страшным скрежетом; ленты уходили в темноту, детали сталкивались и расходились, тяжелые цилиндры набирали обороты.

Все было готово.

Когда Хантон заехал на стоянку у прачечной, было за полночь, и над цепью облаков светилась луна. Он выключил фары и посмотрел на сидевшего сзади Джексона.

Когда он заглушил мотор, стал слышен ровный свист — стук-гуд.

— Это давилка, — прошептал он.

— Да. Сама работает. Среди ночи.

Они посидели молча, чувствуя, как их ноги сковывает страх. Потом Хантон сказал:

— Ну что, надо идти.

Они вышли и направились к зданию, в котором все громче гудела давилка. Когда Хантон вставлял ключ в замок служебного входа, он подумал, что машина напоминает живое существо — в гудении будто слышались тяжелые вздохи и бормочущий ехидный шепот.

— Вот когда я рад, что со мной полиция, — сказал Джексон. Он перекладывал из руки в руку коричневую сумку. В ней были банка со святой водой, завернутая в вощеную бумагу, и том Библии.

Они поднялись в рабочее помещение, и Хантон повернул выключатель у входа. Флуоресцентные лампы зажили своей холодной жизнью. В тот же миг давилка замолчала.

Облако пара поднялось над цилиндрами. Она поджидала их в пугающем безмолвии.

— Боже, какая мерзость, — прошептал Джексон.

— Пошли, — сказал Хантон, — не том мы совсем раскиснем.

Они подошли ближе. Планка безопасности была опущена к лентам, ведущим внутрь.

Хантон положил на нее руку.

— Пора, Марк. Давай банку и говори, что делать.

— Но...

— Не спорь.

Джексон дал ему сумку, которую Хантон поставил на панель управления. Он достал Библию и вручил ее Джексону.

— Я начну читать, — сказал Джексон, — Когда дам знак, брызни пальцами святой воды на машину и произнеси: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, изыди, нечистый!» Понял?

— Да.

— Когда я дам знак второй раз, полей водой и еще раз скажи молитву.

— А как мы узнаем, если подействует?

— Увидишь. Эта тварь выбивает все окна в здании, которое покидает. Если не сработает в первый раз, будем повторять еще.

— Что-то мне страшно, — сказал Хантон.

— Это естественно. Мне тоже.

— Если мы ошиблись насчет славной руки...

— Мы не могли ошибиться, — сказал Джексон, — Начнем.

Он начал читать. Голос его эхом отдавался в пустоте прачечной.

«Не молись идолам, и не твори себе богов. Я есть твой Господь и Бог...» — слова, как камни, падали в темноту машины, откуда внезапно пахнуло зябким, могильным холодом. Давилка стояла спокойно и молчаливо в синеватом свете, и Хантону казалось, что она издевается.

— «И земля изблует тебя из недр своих, как изблевала племена, бывшие до тебя», — читал Джексон, лицо его напряглось, и он подал знак.

Хантон брызнул святой водой на ленты.

Раздался внезапный жуткий скрежет терзаемого металла. Дымок пошел от брезента там, где на него попали капли. Давилка вдруг снова заработала.

— Действует! — прокричал Джексон сквозь нарастающий гул, — Зацепило!

Он начал читать снова, повышая голос из-за шума машины. Когда он снова дал знак, Хантон вылил воду. Тут его охватил внезапный, пробирающий до костей, ужас, ощущение, что он зря сделал это, что машина сильнее и просто играет с ними.

Голос Джексона становился все громче, достигнув предела.

В арке между моторами запрыгали голубые искры, воздух заполнил запах озона, похожий на запах теплой крови. Главный мотор дымился, давилка работала с ненормальной, бешеной скоростью; палец, прижатый к одной из лент, мог затянуть все тело в машину и за несколько секунд превратить его в кровавую кашу. Бетон у основания трясся и гудел.

Главный механизм озарился пурпурным светом, наполнив воздух дыханием грозы; давилка работала быстрее и быстрее; ленты, цилиндры и передачи двигались с такой скоростью, что казалось, они плаваются, перемещаются, преобразуются во что-то иное и невероятное.

Хантон, который стоял, как зачарованный, внезапно отшатнулся.

— Беги! — крикнул он сквозь невыносимый грохот.

— Мы уже почти одолели его! — прокричал в ответ Джексон, — Почему...

Тут раздался ужасный треск, и в бетонном полу между ними разверзлась трещина. Из нее вылетали куски старого цемента.

Джексон взглянул на давилку и закричал.

Она пыталась вырваться из каменного пола, словно динозавр, завязший в болоте. И это уже не был гладильный автомат. Машина преобразилась. Пятисотвольтный кабель рухнул на цилиндры сверху, разбрасывая голубые искры. На миг два огненных шара уставились на них, как блестящие глаза, полные неуголимого, животного голода.

Еще одна трещина появилась на полу. Давилка тянулась к ним, пытаясь освободиться из бетонного плена. Казалось, она со злобой на них смотрела; планка безопасности слетела, и Хантон увидел раскрытую, алчную пасть, из которой валил пар.

Они повернулись, чтобы бежать, и новая трещина разверзлась прямо у их ног. Позади раздался страшный треск, когда она вырывалась из бетона. Хантон бежал впереди и не видел, как Джексон споткнулся и растянулся на полу.

Когда Хантон оглянулся, громадная уродливая тень поднялась вверх, заслонив свет.

Она нависла над Джексоном, который лежал на спине, скованный страхом — как жертва на алтаре. Хантон успел заметить над собой что-то темное и громадное, со светящимися глазами размером с футбольные мячи и жадно разинутым ртом, в котором полоскался брезентовый язык.

Он бежал; вопли умирающего Джексона преследовали его.

Когда Роджер Мартин встал с постели, чтобы открыть дверь, он проснулся только наполовину; но вид ввалившегося в дом Хантона резко вернул его к реальности.

Глаза Хантона были безумно выпучены, и его руки тряслись, когда он цеплялся за пижаму Мартина. На щеке у него было царапина, лицо в грязных цементных потеках.

Волосы его были совершенно седыми.

— Помогите... Ради Бога, помогите! Марк погиб... Джексон... погиб.

— Погодите, — сказал Мартин, — пойдём в комнату.

Хантон побрёл за ним, издавая горлом какой-то скулящий звук. Мартин налил ему солидную дозу виски, и Хантон, схватив стакан обеими руками, осушил его в один присест. Стакан упал на пол, и руки, как магнитом, снова притянулись к лацканам Мартина.

— Давилка убила Марка Джексона. Она... она... О Боже, она же вырвалась! Если она придет сюда, нам конец! Мы не сможем... не... — он начал рыдать, глухо, с завыванием, страшно.

Мартин попытался налить ему еще виски, но Хантон оттолкнул стакан.

— Надо сжечь ее, — с трудом проговорил он, — Сжечь, пока она не вырвалась. О, если она вырвется! Если... — глаза его внезапно закатились, блеснув белками, и он свалился на ковер в глубоком обмороке.

Миссис Мартин стояла в дверях, придерживая халат у горла.

— Кто это, Роджер? Он, что, не в себе? Мне кажется...

— Я не думаю, что он не в себе.

Ее поразило выражение страха на лице мужа.

— Господи, только бы они приехали поскорее!

Он шагнул к телефону, набрал номер, прислушался.

И услышал странный нарастающий шум к востоку от дома, там, откуда пришел Хантон. Низкое, тяжелое гудение, все громче и громче. Окно комнаты открылось, и Мартин почуял в воздухе странный запах. Озон... или кровь...

Он еще держал в руке бесполезную трубку, когда на улицу ступило что-то раскаленное, дышащее паром, гудя и скрежеща. Громче и громче. Запах крови заполнил комнату.

Его рука выронила трубку.

Было уже поздно.

ПОЛЕ БОЯ

ПОЛЕ БОЯ

— Мистер Реншо?

Голос портье остановил Реншо на полпути к лифту. Он обернулся, переложил сумку из одной руки в другую. Во внутреннем кармане пиджака похрустывал тяжелый конверт, набитый двадцати- и пятидесятидолларовыми купюрами. Он прекрасно поработал, и Организация хорошо расплатилась с ним, хотя, как всегда, вычла в свою пользу двадцать процентов комиссионных. Теперь Реншо хотел только принять душ, выпить джингу с тоником и лечь в постель.

— В чем дело?

— Вам посылка. Распишитесь, пожалуйста.

Реншо вздохнул, задумчиво посмотрел на коробку, к которой был приклеен листок бумаги; на нем угловатым почерком с обратным наклоном написаны его фамилия и адрес. Почерк показался Реншо знакомым. Он потряс коробку, которая стояла на столе, отделанном под мрамор. Внутри что-то еле слышно звякнуло.

— Хотите, чтобы ее принесли вам попозже, мистер Реншо?

— Нет, я возьму посылку сам.

Коробка около полуметра в длину, держать такую под мышкой неудобно. Он поставил ее на покрытый великолепным ковром пол лифта и повернул ключ в специальной скважине над рядом обычных кнопок — Реншо жил в роскошной квартире на крыше небоскреба. Лифт плавно и бесшумно пошел вверх. Он закрыл глаза и прокрутил на темном экране своей памяти последнюю «работу».

Сначала, как всегда, позвонил Кэл Бэйтс:

— Джонни, ты свободен?

Реншо — очень хороший и надежный специалист, свободен всего два раза в год, минимальная такса — 10 тысяч долларов; клиенты платят деньги за безошибочный инстинкт хищника. Ведь Джон Реншо — хищник, генетика и окружающая среда великолепно запрограммировали его убивать, самому оставаться в живых и снова убивать.

После звонка Бэйтса Реншо нашел в своем почтовом ящике светло-желтый конверт с фамилией, адресом и фотографией. Он все запомнил, сжег конверт со всем содержимым и выбросил пепел в мусоропровод.

В тот раз на фотографии было бледное лицо какого-то Ганса Морриса, бизнесмена из Майами, владельца и основателя «Компании Морриса по производству игрушек». Этот тип кому-то мешал, человек, которому он мешал, обратился к Организации, она в лице Кэла Бэйтса поговорила с Джоном Реншо. БА-БАХ. На похороны просим являться без цветов.

Двери кабины лифта открылись, он поднял посылку, вышел, открыл квартиру. Начало четвертого, просторная гостиная залита апрельским солнцем. Реншо несколько секунд постоял в его лучах, положил коробку на столик у двери, бросил на нее конверт с деньгами, ослабил узел галстука и вышел на террасу.

Там было холодно, пронизывающий ветер обжег его через тонкое пальто. Но Реншо все же на минуту задержался, разглядывая город, как полководец захваченную страну. По улицам, как жуки, ползут автомобили. Очень далеко, почти невидный в золотой предвечерней дымке, сверкал мост через залив, похожий на причудлившийся безумцу мираж. На востоке, за роскошными жилыми небоскребами, еле видны набитые людишками грязные трущобы, над которыми возвышается лес телевизионных антенн из нержавеющей стали. Нет, здесь, наверно, жить лучше, чем там, на помойке.

Он вернулся в квартиру, задвинул за собой дверь и направился в ванную понежиться под горячим душем.

Через сорок минут он присел с бокалом в руке и не торопясь стал разглядывать коробку. За это время тень

накрыла половину темно-красного ковра. Лучшая часть дня закончилась, наступил вечер.

В посылке бомба.

Разумеется, ее там нет, но вести себя надо так, как будто в посылке бомба. Он делает так всегда, именно поэтому прекрасно себя чувствует, не страдает отсутствием аппетита, а вот многие другие отправились на небеса, в тамошнюю биржу безработных.

Если это бомба, то без часового механизма — никакого тиканья из коробки не доносится. С виду обычная коробка, но с каким-то секретом. Но вообще-то сейчас пользуются пластиковой взрывчаткой. Поспокойнее штука, чем все эти часовые пружины.

Реншо посмотрел на почтовый штемпель: Майами, 15 апреля. Отправлено пять дней назад. Бомба с часовым механизмом уже бы взорвалась в сейфе отеля.

Значит, посылка отправлена из Майами. Его фамилия и адрес написаны этим угловатым почерком с обратным наклоном. На столе у бледного бизнесмена стояла фотография в рамке. На ней старая карга в платке, сама бледнее этого Ганса Морриса. Наискосок, через нижнюю часть фотографии тем же почерком надпись: «Привет от мамочки, лучшего поставщика идей твоей фирмы». Это что еще за идея, мамочка? Набор «Убей сам»?

Он сосредоточился и, сцепив руки, не шевелясь, разглядывал посылку. Лишние вопросы, например — откуда близкие Морриса узнали его адрес? — не волновали Реншо. Позже он задаст их Бэйтсу. Сейчас это неважно.

Неожиданно и как бы рассеянно он достал из бумажника маленький пластмассовый календарь, засунул его под веревку, которой была обвязана коричневая бумага, и клейкую ленту — скотч отошел. Он немного подождал, наклонился, понюхал. Ничего, кроме картона, бумаги и веревки. Он походил вокруг столика, легко присел на корточки, проделал все с самого начала. Серые расплывчатые щупальца сумерек вползли в комнату.

Веревка более не придерживала бумагу, которая отошла с одной стороны, — там виднелся зеленый металли-

ческий ящичек с петлями. Реншо достал перочинный нож, перерезал веревку — оберточная бумага упала на столик.

Зеленый металлический ящичек с черными клеймами. На нем белыми трафаретными буквами написано: «Вьетнамский сундучок американского солдата Джо.». И чуть пониже: «Двадцать пехотинцев, десять вертолетов, два пулеметчика с пулеметами «браунинг», два солдата с базуками, два санитары, четыре «джипа». Внизу, в углу: «Компания Морриса по производству игрушек», Майами, Флорида.

Реншо протянул руку и отдернул ее — в сундучке что-то зашевелилось. Он встал, не торопясь пересек комнату, направляясь в сторону кухни и холла, включил свет.

«Вьетнамский сундучок» раскачивался, оберточная бумага скрипела под ним. Неожиданно он перевернулся и с глухим стуком упал на ковер. Крышка на петлях приоткрылась сантиметров на пять.

Крошечные пехотинцы — ростом сантиметра по четыре — начали выползать через щель. Реншо, не мигая, наблюдал за ними, не пытаясь разумом объяснить невозможность происходящего. Он только прикидывал, какая опасность угрожает ему и что надо сделать, чтобы выжить.

Пехотинцы были в полевой армейской форме, касках, с вещевыми мешками, за плечами миниатюрные карабины. Двое посмотрели через комнату на Реншо. Глаза у них были не больше карандашных точек.

Пять, десять, двенадцать, вот и все двадцать. Один из них жестикулировал, отдавая приказы остальным. Те построились вдоль щели, принялись толкать крышку — щель расширилась.

Реншо взял с дивана большую подушку и пошел к сундучку. Командир обернулся, махнул рукой. Пехотинцы взяли карабины наизготовку, раздались негромкие хлопающие звуки, и Реншо внезапно почувствовал что-то вроде пчелиных укусов.

Тогда он бросил подушку, пехотинцы попадали, от удара крышка сундучка распахнулась. Оттуда, жужжа, как

стрекозы, вылетели миниатюрные вертолеты, раскрашенные в маскировочный зеленый цвет, как для войны в джунглях.

Негромкое «пах! пах! пах!» донеслось до Реншо, он тут же увидел в дверных проемах вертолетов крошечные вспышки пулеметных очередей и почувствовал, как будто кто-то начал колоть его иголками в живот, правую руку, шею. Он быстро протянул руку, схватил один из вертолетов, резкая боль ударила по пальцам, брызнула кровь — вращающиеся лопасти наискось разрубили ему пальцы до кости. Ранивший его вертолет упал на ковер и лежал неподвижно. Остальные отлетели подальше и принялись кружить вокруг, как слепни.

Реншо закричал от неожиданной боли в ноге. Один пехотинец стоял на его ботинке и бил Реншо штыком в щиколотку. На него смотрело крошечное задыхающееся и ухмыляющееся лицо.

Реншо ударил его ногой, маленькое тельце перелетело через комнату и разбилось о стену — крови не было, осталось лишь липкое пятно.

Раздался негромкий кашляющий взрыв — жуткая боль пронзила бедро. Из сундучка вылез пехотинец с базукой — из ее дула лениво поднимался дымок. Реншо посмотрел на свою ногу и увидел в брюках черную дымящуюся дыру размером с монету в двадцать пять центов. На теле был ожог.

Он повернулся и через холл побежал в спальню. Рядом с его щекой прожужжал вертолет, выпустил короткую пулеметную очередь и полетел прочь.

Под рукой у Реншо лежал револьвер «магнум-44», из которого в чем угодно можно сделать дыру, хоть два кулака просовывай. Он схватил револьвер двумя руками, повернулся и ясно понял, что стрелять придется по летающей мишени не больше электрической лампочки.

На него зашли два вертолета. Сидя на постели, Реншо выстрелил, и от одного вертолета ничего не осталось. Двумя меньше, думал он, прицелился по второй... нажал на спусковой крючок...

Черт подери! Проклятая машинка дернулась!

Вертолет неожиданно пошел на него по дуге, лопасти винтов вращались с огромной скоростью. Реншо успел заметить пулеметчика, стрелявшего точными короткими очередями, и бросился на пол.

Мерзавец целился в глаза!

Прижавшись спиной к дальней стене, Реншо поднял револьвер, но вертолет уже удалился. Казалось, он на мгновение застыл в воздухе, нырнул вниз, признавая преимущество огневой мощи Реншо, и улетел в сторону гостиной.

Реншо поднялся, наступил на раненую ногу, сморщился от боли. Из раны обильно текла кровь. Ничего удивительного, мрачно подумал он. Много ли на свете людей, в кого попадали из базуки, а они остались в живых?

Сняв с подушки наволочку, он разорвал ее, сделал повязку, перевязал ногу, взял с комода зеркало для бритья, подошел к двери, ведущей в холл. Встав на колени, Реншо поставил зеркало углом и посмотрел в него.

Они разбили лагерь у сундучка. Крошечные солдатики сновали взад и вперед, устанавливали палатки, деловито разъезжали на малюсеньких — высотой сантиметров шесть — «джипах». Над солдатом, которого Реншо ударил ногой, склонился санитар. Оставшиеся восемь вертолетов охраняли лагерь, барражируя на высоте кофейного столика.

Неожиданно они заметили зеркальце. Трое пехотинцев открыли огонь с колена. Через несколько секунд оно разлетелось на четыре куска.

Ну ладно, погодите.

Реншо взял с комода тяжелую красного дерева коробку для разных мелочей, которую Линда подарила ему на рождество, взвесил ее в руке, подошел к двери, резко открыл ее и с размаху швырнул коробку — так бейсболист бросает мяч. Коробка сбила пехотинцев, как кегли, один «джип» перевернулся два раза. Стоя в дверях, Реншо выстрелил, попал в солдата.

Но несколько пехотинцев пришли в себя: одни как на стрельбище вели стрельбу с колена, другие попрятались, остальные отступили в сундучок.

Реншо показалось, что пчелы жалят его в ноги и грудь, но не выше. Может, расстояние слишком большое, но это не имеет значения — он не собирается отступать и сейчас разберется с ними.

Он выстрелил еще раз — мимо. Черт их подери, какие они маленькие! Но следующим выстрелом уничтожил еще одного пехотинца.

Яростно жужжа, на него летели вертолеты, крошечные пульки попадали ему в лицо, выше и ниже глаз. Реншо расстрелял еще два вертолета. От режущей боли ему застилало глаза.

Оставшиеся шесть вертолетов разделились на два звена и начали удаляться. Рукавом он вытер кровь с лица, приготовился открыть огонь, но остановился. Пехотинцы, укрывшись в сундучке, что-то оттуда вытаскивали. Похоже...

Последовала ослепительная вспышка желтого огня, и слева от Реншо из стены дождем полетели дерево и штукатурка.

...Ракетная установка!

Он выстрелил по ней, промахнулся, повернулся, добежал до ванной в конце коридора и заперся там. Посмотрев в зеркало, увидел обезумевшего в сражении индейца с дикими перепуганными глазами. Лицо индейца было в потеках красной краски, которая текла из крошечных, как перчинки, дырочек. Со щеки свисает лоскут кожи, как будто борозду пропахали.

Я проигрываю сражение!

Дрожащей рукой он провел по волосам. От входной двери, телефона и второго аппарата в кухне они его отрезали. У них есть эта чертова ракетная установка — прямое попадание, и ему башку оторвет.

Про установку даже на коробке написано не было!

Он глубоко вздохнул и неожиданно хрипло выдохнул — из двери вылетел кусок обгоревшего дерева величиной с кулак. Маленькие языки пламени лизали рваные края дыры. Он увидел яркую вспышку — они пустили еще одну ракету. В ванную полетели обломки, горящие щепки упали на коврик. Реншо затоптал их — через дыру вле-

тели два вертолета. С яростным жужжанием они посылали ему в грудь пулеметные очереди.

С протяжным гневным стоном он сбил один из них рукой — на ладони вырос частокол порезов. Отчаяние подсказало выход — на второй Реншо накинуд тяжелое махровое полотенце и, когда тот упал на пол, растоптал его. реншо тяжело и хрипло дышал, кровь заливала ему один глаз, он вытер ее рукой.

Вот так, черт подери, вот так! Теперь они призадумаются!

Похоже, они действительно призадумались. Минут пятнадцать все было спокойно. Реншо присел на край ванны и принялся лихорадочно размышлять: должен же быть выход из этого тупика? Обязательно. Обойти бы их с фланга.

Он резко повернулся, посмотрел на маленькое окошко над ванной. Есть выход из этой ловушки, конечно, есть.

Его взгляд упал на баллончик сжиженного газа для зажигалки, стоявший в аптечке. Реншо протянул за ним руку — сзади послышалось шуршание — быстро развернулся, вскинул «магнум»... Но под дверь всего лишь просунули клочок бумаги. А ведь щель настолько узкая, мрачно подумал Реншо, что даже ОНИ не пролезут.

Крошечными буквами на клочке бумаги было написано одно слово:

Сдавайся

Реншо угрюмо улыбнулся, положил баллон с жидкостью в нагрудный карман, взял с аптечки огрызок карандаша, написал на клочке ответ:

ЧЕРТА С ДВА

и подсунул бумажку под дверь.

Ему мгновенно ответили ослепляющим ракетным огнем — Реншо отскочил от двери. Ракеты по дуге влетали через дыру в двери и взрывались, попадали в стену, облицованную бело-голубой плиткой, превращая ее в

миниатюрный лунный пейзаж. Реншо прикрыл рукой глаза — шрапнелью полетела штукатурка, прожигая ему рубашку на спине.

Когда обстрел закончился, Реншо залез на ванну и открыл окошко. На него смотрели холодные звезды. За маленьким окошком узкий карниз, но сейчас не было времени об этом думать.

Он высунулся в окошко, и холодный воздух резко, как рукой, ударил его по израненному лицу и шее. Реншо посмотрел вниз: сорок этажей. С такой высоты улица казалась не шире полотна детской железной дороги. Яркие мигающие огни города сверкали внизу сумасшедшим блеском, как рассыпанные драгоценные камни.

С обманчивой ловкостью гимнаста Реншо бросил свое тело вверх и встал коленями на нижнюю часть рамы. Если сейчас хоть один из этих слепней-вертолетиков влетит в ванную через дыру и хоть раз выстрелит ему в задницу, он с криком полетит вниз.

Ничего подобного не произошло.

Он извернулся, просунул в окошко ногу... Мгновение позже Реншо стоял на карнизе. Стараясь не думать об ужасающей пропасти под ногами, о том, что будет, если хоть один вертолет вылетит вслед за ним, Реншо двигался к углу здания.

Осталось четыре метра... Три... Ну вот дошел. Он остановился, прижавшись грудью к грубой поверхности стены, раскинув по ней руки, ощущая баллон в нагрудном кармане и придающий уверенность вес «магнума» за поясом.

Теперь надо обогнуть этот проклятый угол.

Он осторожно поставил за угол одну ногу и перенес на нее вес тела. Теперь острый как бритва угол здания врезался ему в грудь и живот. Боже мой, пришла ему в голову безумная мысль, я и не знал, что они так высоко залетают.

Его левая нога соскользнула с карниза.

В течение жуткой бесконечной секунды он покачивался над бездной, отчаянно размахивая правой рукой, чтобы удержать равновесие, а в следующее мгновение

обхватил здание с двух сторон, обнял, как любимую женщину, прижавшись лицом к его острому углу, судорожно дыша.

Мало-помалу он перетащил за угол и левую ногу.

До террасы оставалось метров девять.

Еле дыша, он добрался до нее. Дважды ему приходилось останавливаться — резкие порывы ветра грозили сбросить его с карниза.

Наконец он схватился руками за железные перила, украшенные орнаментом.

Реншо бесшумно залез на террасу, через стеклянную раздвижную дверь заглянул в гостиную. Он подобрался к ним сзади, как и хотел.

Четыре пехотинца и вертолет охраняли сундучок. Наверное, остальные с ракетной установкой расположились перед дверью в ванную.

Так. Резко, как полицейские в кино- и телефильмах, ворваться в гостиную, уничтожить тех, что у сундучка, выскочить из квартиры и быстро на такси в аэропорт. Оттуда в Майами, там найти поставщика идей — мамочку Морриса. Реншо подумал, что, возможно, сожжет ей физиономию из огнемета. Это было бы идеально справедливым решением.

Он снял рубашку, оторвал длинный лоскут от рукава, бросил остальное и откусил пластмассовый носик от баллона с жидкостью для зажигалки. Один конец лоскута засунул в баллон, вытащил и засунул туда другой, оставив снаружи сантиметров двенадцать смоченной жидкостью ткани.

Реншо достал зажигалку, глубоко вздохнул, чирикнул колесиком, поджег лоскут, с треском отодвинул стеклянную дверь и бросился внутрь.

Роняя капли жидкого пламени на ковер, Реншо бежал через гостиную. Вертолет сразу же пошел на него, как камикадзе. Реншо сбил его рукой, не обратив внимания на резкую боль, распространившуюся по руке, — вращающиеся лопасти разрубили ее.

Крошечные пехотинцы бросились в сундучок.

Все остальное произошло мгновенно.

Реншо швырнул газовый баллон, превратившийся в огненный шар, мгновенно повернулся и бросился к входной двери.

Он так и не успел понять, что произошло.

Раздался грохот, как будто стальной сейф скинули с большой высоты. Только этот грохот отозвался по всему зданию, и оно задрожало, как камертон.

Дверь его роскошной квартиры сорвало с петель, и она вдребезги разбилась о дальнюю стену.

Держась за руки, мужчина и женщина шли вниз по улице. Они посмотрели наверх и как раз увидели огромную белую вспышку, словно сразу зажглась сотня прожекторов.

— Кто-то сжег пробки, — предположил мужчина. — Наверное...

— Что это? — спросила его спутница.

Какая-то тряпка медленно и лениво падала рядом с ними. Мужчина протянул руку, поймал ее:

— Господи, мужская рубашка, вся в крови и в маленьких дырочках.

— Мне это не нравится, — занервничала женщина. — Поймай такси, Раф. Если что-нибудь случилось, придется разговаривать с полицией, а я не должна быть сейчас с тобой.

— Разумеется.

Он огляделся, увидел такси, свистнул. Тормозные огни машины загорелись — мужчина и его спутница побежали к такси.

Они не видели, как у них за спиной, рядом с обрывками рубашки Джона Реншо, приземлился листочек бумаги, на котором угловатым с обратным наклоном почерком было написано:

ЭЙ, ДЕТИШКИ!

ТОЛЬКО В ЭТОМ ВЬЕТНАМСКОМ СУНДУЧКЕ!

(Выпуск скоро прекращается)

— 1 ракетная установка

— 20 ракет «Твистер» класса «земля-воздух»

— 1 термоядерный заряд, уменьшенный до масштаба набора.

Содержание

НОНА*	6
Перевод А.Медведева	
ОБЕЗЬЯНА*	50
Перевод А.Медведева	
КОМПЬЮТЕР*	96
Перевод А.Медведева	
ПЛОТ*	120
Перевод А.Медведева	
И ПРИШЕЛ БУКА	154
Перевод С.Таска	
ГРУЗОВИК ДЯДИ ОТТО*	170
Перевод А.Медведева	
ОСТАВШИЙСЯ В ЖИВЫХ*	194
Перевод А.Медведева	
ИНОГДА ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ	220
Перевод С.Таска	
БАЛЛАДА О БЛУЖДАЮЩЕЙ ПУЛЕ*	256
Перевод А.Медведева	
ВЕСНА В НЬЮ-ШАРОНЕ	318
Перевод С.Таска	
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НИКОМУ НЕ ПОДАВАЛ РУКИ	330
Перевод С.Таска	
КУКУРУЗНЫЕ ДЕТИ	352
Перевод С.Таска	
ДАВИЛКА*	386
ПОЛЕ БОЯ	408
Перевод Л.Володарского	

Литературно-художественное издание

**Стивен Кинг
КОЛЛЕКЦИЯ ТРУПОВ**

Выпуск 1

Сдано в набор 1.09.92. Подписано в печать 1.12.92 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 27 п.л. Печать офсетная. Тираж 100 000 экз.
№ Заказа 1090.

Издательство "Кэдмэн" 140160 г. Жуковский М.О. а/я 21.
Тел. в Москве 236-40-74

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГП "Техническая книга" Мининформпечати РФ.
198052 г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

***Василиса премудрая и прекрасная в сказках
победила врагов и несчастья.***

ИЧП «Фирма Василиса» и Российское
телевидение показывают лучшие фильмы
нашей родины всех жанров.

Мелодрамы:

«Очень верная жена»,
«Проснуться в Шанхае»,
а для детей
«Собачье счастье!».

Детективы:

«Дом свиданий»,
«Клан»,
«Джокер».

Комедии:

«Агенты КГБ тоже влюбляются»,
«Эффект Дориана».

Трагедии:

«Не любовь»,
«Стерва».

Мы уверены, что наше отечественное кино
выживет и победит, как сказочная Василиса.

И в этом только мы, соотечественники,
можем помочь друг другу.

***"Возьмемся за руки друзья;
возьмемся за руки друзья, ей богу!"***

Булат Окуджава.

Контактные телефоны
ИЧП «Фирма Василиса»
по рекламе и прокату фильмов

924-32-86
253-51-89

АВИАБАНК

AVIABANK

*Акционерный коммерческий банк «АВИАБАНК»
создан в форме открытого акционерного общества
с Уставным Фондом 300 миллионов рублей*

*Акционерами банка могут быть
любые юридические и физические лица,
в том числе иностранные,
на добровольной основе
путем приобретения его акций*

УСЛУГИ

ВЕДЕНИЕ СЧЕТОВ

КРЕДИТЫ

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ДЕПОЗИТЫ

ФАКТОРИНГ

ЛИЗИНГ

ЧАСТНЫЕ ВКЛАДЫ

и др.

101849 Москва, Центр,
Уланский переулок, 16
Тел. 207-58-56, 207-68-24
Факс 207-04-67

Жуковский филиал
«АВИАБАНКА»
140160 г. Жуковский М.О.,
ул. Фрунзе, 17
Тел. 556-31-97, 556-44-19
Факс 556-54-87

Страховая компания «ЭГИДА»

- УВЕРЕННОСТЬ И СПОКОЙСТВИЕ
 - МОЩНАЯ ОПОРА ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ
КОММЕРСАНТОВ И СОЛИДНЫЙ ПАРТНЕР
ДЛЯ ПРЕУСПЕВАЮЩИХ БИЗНЕСМЕНОВ
-

Мы возьмем Ваш риск на себя при страховании имущества, перевозимых грузов, КРЕДИТОВ И ФИНАНСОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, КОММЕРЧЕСКИХ РИСКОВ, имущественных прав, неправомерного использования интеллектуальной и промышленной собственности, жизни и трудоспособности граждан, сухопутных и транспортных средств, предприятий и граждан, ВОЗДУШНЫХ СУДОВ, риска вложения средств в ценные бумаги.

***Осмотрительные деловые люди
делают ставку на «ЭГИДУ»
и никогда не жалеют о своем выборе***

Россия 140160
г. Жуковский Московская обл.,
ул. Жуковского, д. 3

Тел. 556-34-62
Тел./факс 556-42-80

117218 Москва В-218, а/я 81
ул. Кржижановского, 15, корп. 3

Тел./факс 125-00-06

СТИВЕН КИНГ

Всем любителям ужасов,
мистики, фантастики,
увлекательных детективных сюжетов!
Издательство „КЭДМЭН“
представляет новую серию
„Мастера остросюжетной мистики“,
собравшую лучших представителей
этого жанра.

В первой книге —
произведения С. Кинга,
самого популярного писателя XX века.